

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 3, № 2, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитика

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: СКОЛЬКО ИХ БЫЛО И СКОЛЬКО ВЕРНУЛОСЬ?
ПАВЕЛ ПОЛЯН

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В МИРЕ: 1946-2015 ГГ.
ЕКАТЕРИНА ЩЕРБАКОВА

Методы исследований

ПЛОХО ОПРЕДЕЛЕННЫЕ И ТОЧНО НЕ УСТАНОВЛЕННЫЕ ПРИЧИНЫ СМЕРТИ В РОССИИ
ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВ

Историческая демография

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: 1939 – 1945 ГГ.
ВЛАДИМИР ИСУПОВ, НАДЕЖДА КОРОБЕЙНИКОВА, МИХАИЛ СЕМЕНОВ

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ДЕТИ: ТРУДНОСТИ ВЫЖИВАНИЯ В ТЫЛУ
НАТАЛЬЯ БЕЛЬСКАЯ

Дискуссия

СТРАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ
ВЛАДИМИР ЛИТВИНЕНКО

РЕМАРКА НА РЕМАРКУ
СЕРГЕЙ МАКСУДОВ

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ
ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
Т.М. МАКСИМОВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
С.Ю. НИКИТИНА
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)

О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
В.А. ИОНЦЕВ
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАЛЕВА
Б.Н. МИРОНОВ
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор – Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

Журнал зарегистрирован 28 июля 2014 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-58868.

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издаётся с 2014 года.

Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA

M. KLUPT
N. MKRTCHYAN
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
I. ELISEEVA
N. ZUBAREVICH
E. LIBANOVA (Ukraine)
T. MAKSIMOVA
F. MESLÉ (France)
S. NIKITINA
V. STANKUNIENE (Lithuania)
V. SHKOLNIKOV (Germany)

O. GAGAUZ (Moldova)
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
V. IONTSEV
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MALEVA
B. MIRONOV
Z. PAVLIK (Czech Republic)
M. TOLTS (Israel)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

The journal is registered on July 28, 2014 in the federal service for supervision of communications, information technology, and mass media.

Certificate of mass media registration ЭЛ № ФС77-58868.

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

**Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ

Июнь 2016, Т3, №2

Аналитика

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	6-42
--	-------------

Анатолий Вишневский

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: СКОЛЬКО ИХ БЫЛО И СКОЛЬКО ВЕРНУЛОСЬ?	43-68
--	--------------

Павел Полян

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В МИРЕ: 1946-2015 гг.	69-102
---	---------------

Екатерина Щербакова

Теория и методология

ПЛОХО ОПРЕДЕЛЕННЫЕ И ТОЧНО НЕ УСТАНОВЛЕННЫЕ ПРИЧИНЫ СМЕРТИ В РОССИИ	103-142
--	----------------

Евгений Андреев

Историческая демография

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: 1939 – 1945 гг.	143-168
--	----------------

Владимир Исупов, Надежда Коробейникова, Михаил Семенов

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ДЕТИ: ТРУДНОСТИ ВЫЖИВАНИЯ В ТЫЛУ	169-179
--	----------------

Наталья Бельская

Дискуссия

СТРАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ	180-192
--------------------------------	----------------

Владимир Литвиненко

РЕМАРКА НА РЕМАРКУ	193-196
---------------------------------	----------------

Сергей Максудов

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ	197-212
---------------------------------------	----------------

Илья Кашницкий

Rallu J.-L. Projections of older immigrants in France, 2008-2028

Tolts M.S. Demographic transformations among ex-Soviet migrants in Israel

Dion P., É. Caron-Malenfant, C. Grondin, D. Grenier. Long-term contribution of immigration to population renewal in Canada: A simulation

Sasson I. Trends in life expectancy and lifespan variation by educational attainment: United States, 1990-2010

Cámara A.D. A biosocial approach to living conditions: inter-generational changes of stature dimorphism in 20th-century Spain

Sohn K. Sexual stature dimorphism as an indicator of living standards?

Kang S. Inequality and crime revisited: effects of local inequality and economic segregation on crime

Sohn K. Men's revealed preferences regarding women's ages: evidence from prostitution

CONTENTS

June 2016, 3(2)

Analytics

DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	6-42
--	-------------

Anatoly Vishnevsky

SOVIET PRISONERS OF WAR: HOW MANY WERE THERE AND HOW MANY CAME HOME?	43-68
---	--------------

Pavel Polyán

CASUALTIES IN ARMED CONFLICTS IN THE WORLD: 1946-2015	69-102
--	---------------

Ekaterina Scherbakova

Theory and methodology

ILL-DEFINED AND UNSPECIFIED CAUSES OF DEATH IN RUSSIA.....	103-142
---	----------------

Evgeny Andreev

Historical demography

POPULATION OF WESTERN SIBERIA DURING SECOND WORLD WAR (1939-1945)	143-168
--	----------------

Vladimir Isupov, Nadezhda Korobeynikova, Mihail Semonov

EVACUATED CHILDREN: THE DIFFICULTIES OF SURVIVAL ON THE HOME FRONT	169-179
---	----------------

Natalie Belsky

Discussion

STRANGE REVIEW	180-192
-----------------------------	----------------

Vladimir Litvinenko

REMARK ON REMARK	193-196
-------------------------------	----------------

Sergei Maksudov

New in foreign journals

DEMOGRAPHIC DIGEST	197-212
---------------------------------	----------------

Ilya Kashnitsky

Rallu J.-L. Projections of older immigrants in France, 2008-2028

Tolts M.S. Demographic transformations among ex-Soviet migrants in Israel

Dion P., É. Caron-Malenfant, C. Grondin, D. Grenier. Long-term contribution of immigration to population renewal in Canada: A simulation

Sasson I. Trends in life expectancy and lifespan variation by educational attainment: United States, 1990-2010

Cámara A.D. A biosocial approach to living conditions: inter-generational changes of stature dimorphism in 20th-century Spain

Sohn K. Sexual stature dimorphism as an indicator of living standards?

Kang S. Inequality and crime revisited: effects of local inequality and economic segregation on crime

Sohn K. Men's revealed preferences regarding women's ages: evidence from prostitution

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ *

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ^{1, **}

С начала Великой Отечественной войны прошло 75 лет. На протяжении всего этого времени Россия ощущала демографические последствия войны, они не полностью изжиты и сейчас. На основе данных всеобщих переписей населения, начиная с переписи 1939 г., в статье прослеживается судьба воевавших поколений (1890-1926 годов рождения), показано, что до 1959 г. дожило 82% зарегистрированных переписью 1939 г. женщин из этих поколений и всего 53% мужчин. Образовавшийся гендерный дисбаланс стал причиной резкого увеличения доли одиноких женщин как вследствие овдовения, так и вследствие дефицита женихов на брачном рынке; значительно увеличилась доля внебрачных рождений. Война запустила цикл колебаний годовых чисел рождений, которые продолжаются до сих пор. Относительно небольшое число смертей в послевоенные десятилетия, обусловленное тем, что огромное число погибших во время войны не дожили до нормального срока своей смерти, создавало иллюзию благополучного баланса рождений и смертей в 1970-е–1980-е годы. Порожденные войной циклические колебания численности поколений обусловили волнообразную динамику трудоспособного населения и демографической нагрузки, усложнив функционирование рынка труда и реализацию экономических и социальных программ, что также ощущается и в наши дни, например в динамике пенсионных контингентов.

Автор обсуждает причины огромных военных потерь и высказывает мнение, что если бы войне не предшествовали ошибочные решения политического руководства страны, эти потери могли быть намного меньшими.

Ключевые слова: воевавшие поколения, военные потери, последствия войны, цена победы, гендерный дисбаланс.

ЭКСПОЗИЦИЯ: ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1939 ГОДА

22 июня 2016 г. исполнилось 75 лет со дня начала самой страшной за всю историю России войны. Как и другие республики бывшего СССР, Российская Федерация понесла в этой войне огромные, небывалые демографические потери. Оценить прямые людские потери военного времени непросто. Пока шла война, было не до скрупулезного учета потерь (хотя какой-то учет, конечно, велся). Он не слишком интересовал советское руководство и сразу после войны – скорее, напротив, тогда оно стремилось избежать достоверной оценки потерь. Тема эта волновала многих, породила огромную литературу, споры вокруг оценок не утихают до сих пор, и окончательная точка в этих спорах едва ли когда-нибудь будет поставлена.

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия).

* В статье использованы результаты исследований, выполнявшихся в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013-2015 гг.

** E-mail: avishnevsky@hse.ru

Эта статья посвящена не прямой оценке демографических потерь, а демографическим последствиям войны, которые ощущаются и до сих пор. В отличие от обширной литературы о военных потерях, всегда опирающейся на анализ по неизбежности неполных данных, полученных из самых разных, часто противоречащих друг другу источников, наша статья использует только официальные данные государственной статистики, прежде всего результаты всеобщих переписей населения¹, начиная с переписи 1939 г., зафиксировавшей все мобилизационные контингенты будущего «бессмертного полка», и кончая переписью 2010 г., до которой дожили немногие ветераны.

Перепись населения СССР 1939 г. имеет не самую лучшую репутацию. Она была проведена в январе 1939 г. взамен предыдущей переписи 1937 г., объявленной «дефектной», как считают многие исследователи, потому что она не показала ту численность населения, которую хотело видеть тогдашнее руководство страны, и новая перепись любой ценой должна была устранить этот недостаток. Через три месяца после переписи, в марте 1939 г., в Москве проходил XVIII съезд ВКП(б). В отчетном докладе ЦК ВКП(б), сделанном Сталиным на этом съезде, без упоминания о переписи и как бы невзначай была названа численность населения СССР. Сравнивая Россию с Англией, докладчик заметил, что «населения у нас в несколько раз больше, чем в Англии, стало быть, и потребностей больше, чем в Англии: в Советском Союзе 170 миллионов населения, а в Англии не более 46 миллионов» [Сталин 1997: 305]. Часто полагают, что эта, данная как бы вскользь оценка, прозвучала в докладе Сталина все же не случайно, а для того, чтобы указать статистикам, какого результата ожидало от них руководство страны, и именно о таком результате (170126 тыс. человек) через 10 дней, 21 марта, доложили ему и Молотову председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский и начальник ЦУНХУ И.В. Саутин [Волков 2014: 146-147; Андреев, Дарский, Харькова 1993: 31; Тольц 2004]. Существует и другая точка зрения, согласно которой председатель Госплана и начальник ЦУНХУ до съезда не могли знать, какой численности населения ожидал от них Сталин, и у него не было возможности сообщить им об этом иначе, как с трибуны съезда партии, тем не менее уже 5 марта Саутин в докладной записке проинформировал руководство страны о том, что численность населения СССР составляет около 170 млн человек, так что «Сталин огласил цифру, которую ему сообщили статистические органы, а не наоборот» [Башкин, Назаров 2014]².

В любом случае перепись населения 1939 г. дает последнее более или менее точное представление о предвоенном населении СССР, в том числе и о населении России, которое в то время составляло около 65% населения СССР. Нам представляется, что даже если использование результатов этой переписи с учетом их вполне вероятной фальсификации и

¹ Данные всех переписей населения можно найти на сайте Демоскопа Weekly по адресу <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>.

² К этому можно только добавить, чтобы картина стала более объемной, что три предшественника И. Саутина на посту руководителя статистических органов СССР – Валериан Оболенский (Осинский), Иван Краваль и Иван Верменичев – к моменту прихода Саутина на этот пост были один за другим расстреляны, а всего из восьми довоенных руководителей главного статистического ведомства страны было расстреляно пять. Саутин уцелел, но Вознесенский, подписавший вместе с ним докладную записку 21 марта 1939 г., также был казнен, правда, уже позднее, после войны, на протяжении которой он в качестве председателя Госплана СССР руководил всей советской экономикой, совершившей невозможное и обеспечившей к концу войны огромное превосходство над противником в производстве вооружений.

требует определенных оговорок, влияние такой фальсификации на наши последующие расчеты все же не может быть большим. Если население СССР и было искусственно завышено путем приписки нескольких миллионов «мертвых душ» (по разным оценкам, 1-2 млн человек для всего СССР [Цаплин 1989: 180], порядка 3 млн [Волков 2014: 175], 1,7 млн [Андреев, Дарский, Харьковская 1993: 33]), то эти приписки были распределены между разными республиками, население России, по оценкам, было завышено менее, чем на полмиллиона человек [Андреев, Дарский, Харьковская 1998: 41]. Такое завышение не может существенно повлиять на структурные соотношения и значительно изменить численность отдельных половозрастных групп населения России общей численностью около 110 млн человек.

С точки зрения демографии, 75 лет – небольшой срок. Если мерить его длиной поколения – в демографическом смысле это среднее время, которое проходит между рождением ребенка и моментом, когда он сам становится родителем, – то 75 лет – это примерно всего три цикла таких превращений. И все эти 75 лет мы ощущали, может быть, даже и не отдавая себе в этом отчета, незаживающие раны войны.

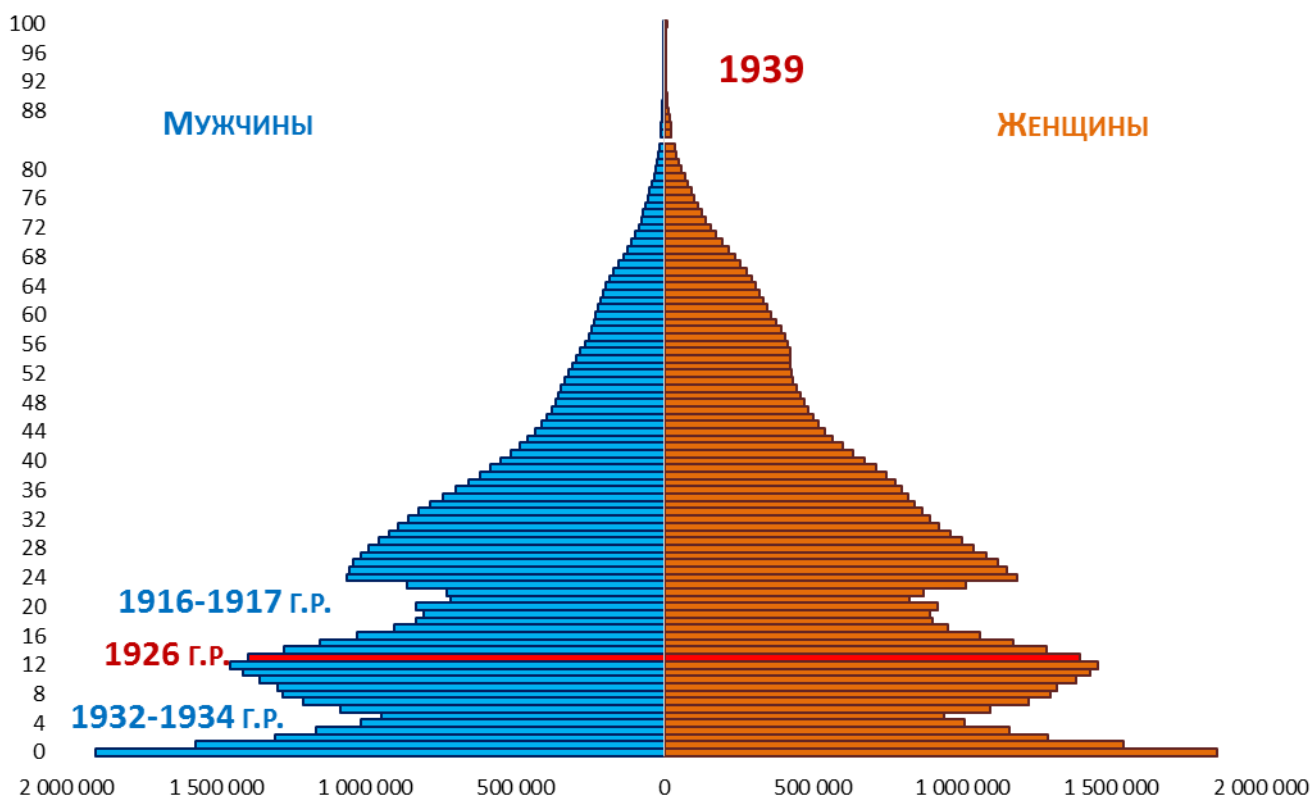

Рисунок 1. Возрастная пирамида населения России по переписи населения 17 января 1939 г., человек

Перепись населения 1939 г. дает последнее более или менее точное представление о предвоенном населении России (как и всего СССР, но в этой статье речь идет только о России). Основной, непосредственно воевавшей в 1941-1945 гг. частью населения были мужские поколения 1890-1926 гг. рождения. Они и понесли наибольшие потери. Конечно, возрастные границы между участвовавшими и не участвовавшими в боевых действиях поколениями несколько размыты, в них принимали участие и женщины, потери несло и

мирное население, так что сводить все только к потерям указанных мужских когорт нельзя. Но все же главный удар приняли на себя они.

На рисунке 1 представлена возрастная пирамида населения России по переписи 1939 г. В нижней ее части мы видим глубокую впадину – страшный след голода 1932-1933 гг., но это не относится к теме нашей статьи. Нас интересует та часть пирамиды, которая охватывает поколения россиян, родившихся в период с 1890 по 1926 г.

Для простоты будем далее называть эти поколения «воевавшими поколениями». В 1939 г. они составляли большинство населения России – 58% всех мужчин и почти 57% всех женщин (таблица 1).

Таблица 1. Численность населения России по переписи 1939 г.

	Мужчины	Женщины	Оба пола
Все поколения, млн человек	51,1	57,3	108,4
в том числе поколения 1890-1926 гг.			
млн человек	29,6	32,6	62,2
в % ко всему населению	58,0	56,9	57,4

В свою очередь, воевавшие поколения были неоднородными с точки зрения их предшествовавшей истории, которая наложила свою печать на численность и структуру населения. В январе 1939 г., когда проходила последняя предвоенная перепись населения, представителям этих поколений было от 12 до 48 лет. Часть из них появились на свет в лихолетье Первой мировой и Гражданской войн (1915-1921 гг.), низкая рождаемость этих лет оставила глубокую выбоину на возрастной пирамиде. За 6 лет перед Первой мировой войной (с 1909 по 1914 г.) в России родилось 27,9 млн детей, за 6 лет послевоенных, когда улеглись уже и бури Гражданской войны (с 1923 по 1928 г.) – 27,4 млн. А за такой же срок в 1916-1921 гг. – всего 20 млн (1915 и 1922 г. были переходными от мира к войне и от войны к миру).

Для значительной части воевавших поколений это была уже не первая война. Если принять, разумеется, с определенной долей условности, что в Гражданской войне могли участвовать мужчины в возрасте 17 лет и старше и что эта война закончилась в 1921 г., то в ней в той или иной степени участвовали поколения, родившиеся до 1905 г. Эти поколения в 1939 г. составляли свыше 27% мужчин и почти 30% женщин воевавших поколений, у них к этому времени уже была существенно нарушена половая пропорция: на 100 женщин приходилось всего 83 мужчины (таблица 2).

Таблица 2. Воевавшие поколения по данным переписи населения 1939 г.

Годы рождения поколений	Численность поколений						Женский перевес, млн	Мужчин на 100 женщин
	млн человек			%				
	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола		
1890 - 1926	29,6	32,6	62,2	100,0	100,0	100,0	2,9	91
в том числе:								
1890 - 1904	8,1	9,7	17,7	27,2	29,7	28,5	1,6	83
1905 - 1922	16,3	17,6	33,9	55,1	54,1	54,5	1,3	93
1923 - 1926	5,3	5,3	10,6	17,8	16,3	17,0	0,0	99

Самая многочисленная составляющая воевавших поколений – родившиеся в 1905-1922 гг. и еще не участвовавшие в войне. Им в начале 1939 г. было от 16 до 33 лет (значит, в 1941 г. – от 18 до 35 лет), они составляют примерно 55% воевавших поколений. В них входят и малочисленные поколения 1916-1921 гг. рождения, им в момент переписи было от 17 до 22 лет, мужчин – всего 4,8 млн (на 1,3 млн меньше, чем мужчин в возрасте 24-29 лет). Через два года, когда начнется война, эти малочисленные поколения достигнут возраста от 19 до 24 лет. У всей группы поколений 1905-1922 гг. рождения в целом на 100 женщин приходится не 83 мужчины, как в предыдущей группе, а 93, половая пропорция намного лучше, но все же и она нарушена, прежде всего за счет поколений, родившихся в 1915-1917 гг. Возможно, это связано с более высокой смертностью новорожденных мальчиков в эти годы.

Наконец, еще одна группа – подростки 12-15 лет, родившиеся в 1923-1926 гг. У них половая пропорция не нарушена, но в 1941 г. им будет уже 14-17 лет, а в 1944 г. – 17-20 лет. Им еще предстоит повоевать, хотя и не в самый тяжелый период войны.

СМЕРТНЫЙ ПУТЬ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА

Как известно, Сталин не разрешил провести после войны перепись или хотя бы упрощенный учет населения СССР, из-за этого очень важная информация о демографических итогах войны была безвозвратно утрачена. Однако последствия демографических потрясений не затухают очень долго, возрастная пирамида хранит память о них многие десятилетия. Первая послевоенная перепись, хотя и прошедшая лишь в 1959 г., через 20 лет после предыдущей переписи 1939 г. и почти через 15 лет после окончания войны, показала очень многое из того, что хотел скрыть Сталин, а все последующие переписи, вплоть до переписи 2010 г., позволяют увидеть, как уходили от нас воевавшие поколения.

На рисунке 2 и в таблице 3 мы видим, как складывалась их демографическая судьба до 1979 г. В 1939 г. (рисунок 1) правая и левая части возрастной пирамиды тоже были не вполне симметричны, но их асимметрия все же не бросалась в глаза при первом взгляде на пирамиду. Прошло 20 лет, контур пирамиды сжался с обеих сторон, но асимметрия стала просто кричащей. И она продолжала нарастать, 20 лет спустя, к 1979 г., она сделалась еще более выраженной: мужская часть воевавших поколений уходила из жизни быстрее, чем женская.

Между переписями 1939 и 1959 гг. численность воевавших поколений сократилась на 19,7 млн человек, при этом потери мужских поколений превышают потери женских на 8,2 млн (таблица 3). Хотя эту разницу нельзя, конечно, автоматически отождествлять с фронтовыми потерями, затронувшими в основном мужчин, она, видимо, достаточно близка к ним, потому что не связанные с боевыми действиями трудности военного времени, а затем и нелегкой послевоенной жизни испытывались в равной степени и мужчинами, и женщинами.

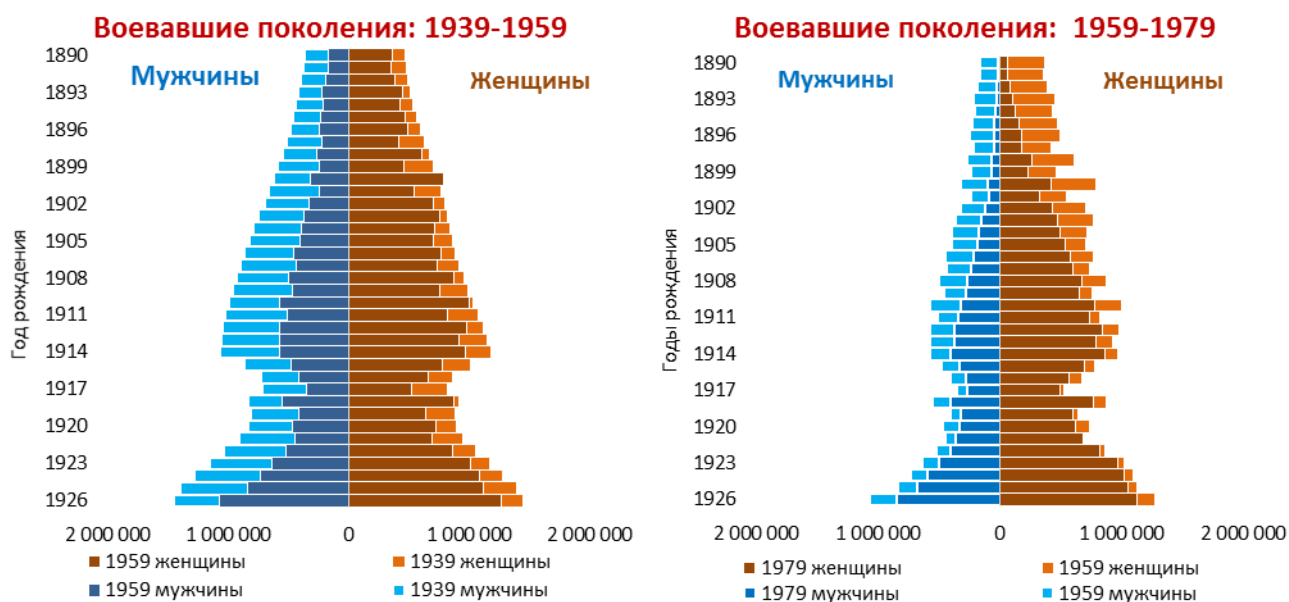

Рисунок 2. Возрастные пирамиды воевавших поколений в 1939-1959 и в 1959-1979 гг. по данным Всесоюзных переписей населения, человек

Таблица 3. Воевавшие поколения в 1939, 1959 и 1979 г.

	Мужчины	Женщины	Оба пола
Общая численность, млн человек			
1939	29,6	32,6	62,2
1959	15,7	26,8	42,5
1979	9,4	20,0	29,4
Убыль, млн человек за период			
1939-1959	13,9	5,8	19,7
1959-1979	6,3	6,8	13,1
1939-1979	20,3	12,6	32,8
Убыль, % к исходному году			
за 1939-1959	47,1	17,8	31,7
за 1959-1979	40,2	25,3	30,8
за 1939-1979	68,4	38,6	52,8
Осталось в живых из общей численности, зафиксированной переписью 1939 года, %			
к 1959	52,9	82,2	68,3
к 1979	31,6	61,4	47,2

В следующие 20 лет (между переписями 1959 и 1979 гг.) потери воевавших поколений от смертности были намного меньшими и не так разнились по полу. В абсолютном выражении убыль у женщин была даже большей, чем у мужчин, но это объясняется намного более высокой их исходной общей численностью в 1959 г. В относительном же выражении мужская часть воевавших поколений сократилась более чем на 40%, тогда как женская – всего на четверть.

К моменту переписи населения 1979 г. исходная численность воевавших поколений, зафиксированная переписью 1939 г., сократилась более чем наполовину – но это лишь для обоих полов, взятых вместе. В то время как число женщин сократилось менее чем на 40%, от мужской части воевавших поколений осталось меньше трети (таблица 3).

Прошло еще немногим более 20 лет, в 2002 г. была проведена первая перепись населения постсоветской России, и она показала, что к этому времени из исходной численности воевавших поколений (62,2 млн человек в 1939 г.) осталась, приблизительно, одна десятая часть; 1,6 млн мужчин и 5 млн женщин (рисунок 3). Примерно в это время стали особенно громко и торжественно отмечать праздник Победы в той войне, на которой они воевали.

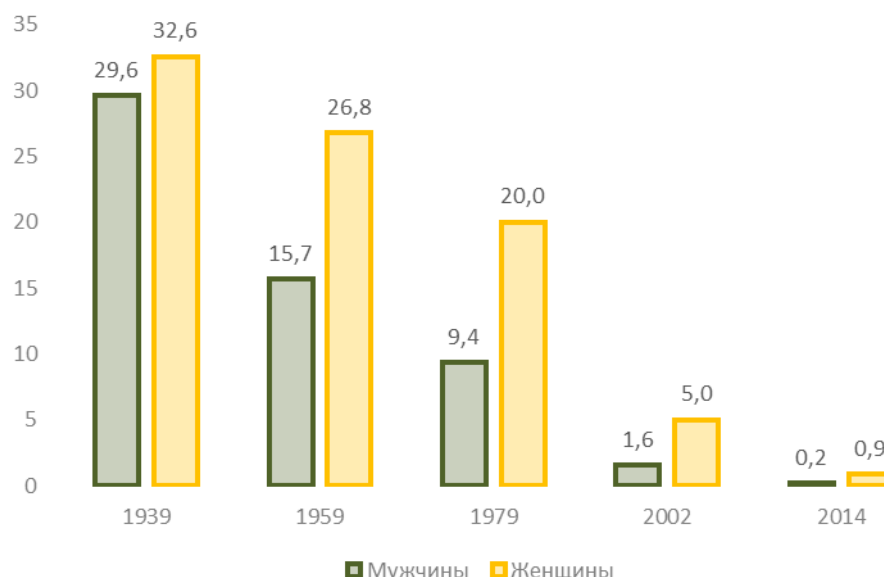

Рисунок 3. Уход воевавших поколений, млн человек

СЛЕДЫ ВОЙНЫ НА ВОЗРАСТНОЙ ПИРАМИДЕ

Гибель огромного числа людей, принадлежавших ко многим поколениям, очень сильно деформирует всю возрастную пирамиду. Но к этому добавляются еще и деформации, вызванные резким снижением рождаемости в военные годы. Обусловленные войной деформации не только сохраняются долгое время, перемещаясь с течением времени к верхней части пирамиды, но порождают новые деформации в ее нижней части, отзвуки войны, ее «эхо» звучат многие десятилетия. Война запустила цикл колебаний численности идущих одна за другой когорт, что придало циклический, волнообразный характер всему демографическому развитию России. Это хорошо видно на графиках, и это очень сильно затрагивает реальную жизнь многих десятков миллионов людей – их частную жизнь и экономическую и социальную жизнь всей страны.

Сопоставляя пирамиды 1939 и 1959 г. (рисунок 4), мы видим на пирамиде 1959 г. (помимо уже известной нам резко возросшей асимметрии мужской и женской частей пирамиды у воевавших поколений, а также переместившихся выше, но сохраняющихся выбоин – следствия падения рождаемости и повышения детской смертности в 1915-1921 и в 1932-1934 гг.) еще и новую огромную выбоину – след чрезвычайно низкой рождаемости 1941-1945 гг.

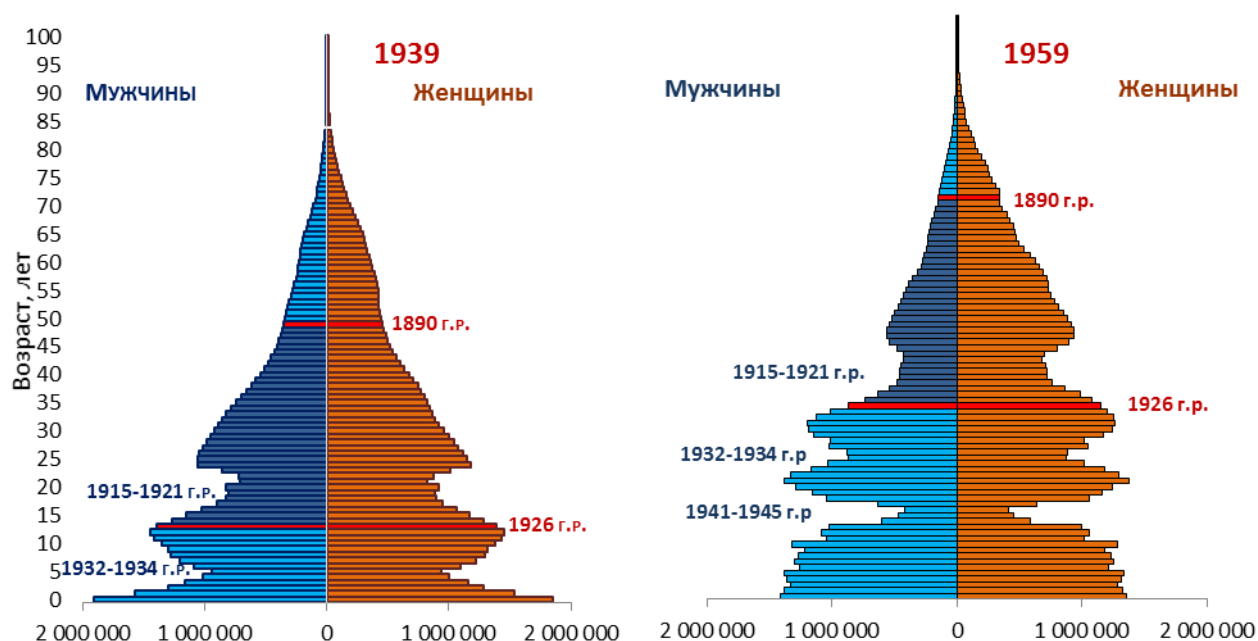

Рисунок 4. Возрастные пирамиды населения России 1939 и 1959 г., человек

Если теперь сдвинуться еще на тридцать лет вперед и сравнить пирамиду 1959 г. с пирамидой 1989 г., построенной на основе последней советской переписи населения (рисунок 5), мы увидим явное улучшение гендерного баланса в нижней части пирамиды, тогда как в верхней ее части, где теперь сосредоточены воевавшие поколения, сохраняется ярко выраженная гендерная асимметрия. Но что привлекает внимание, так это появление в нижней части возрастной пирамиды 1989 г. новой впадины – эха падения рождаемости в военные годы. Четверть века спустя после войны дети военных лет сами становились родителями, но их было мало, поэтому невелико было и число их детей – наиболее глубоким было падение в 1967-1969 гг., отстоящих на 25 лет от 1942-1945 гг.

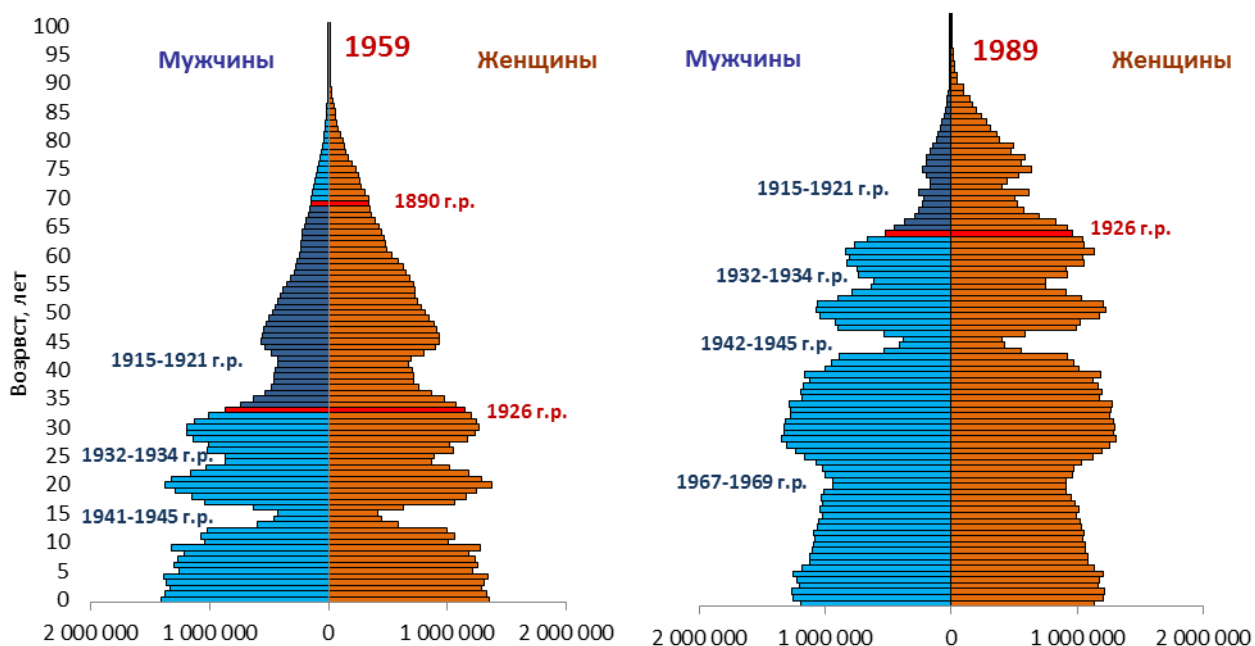

Рисунок 5. Возрастные пирамиды населения России 1959 и 1989 г., человек

И, наконец, сравним возрастную пирамиду 1989 г. с пирамидой 2010 г., построенной по данным последней на данный момент Всероссийской переписи населения (рисунок 6). Красная линия 1926 г. рождения, отделяющая воевавшие поколения от не воевавших, приближается к вершине пирамиды, тем, кто родился в 1926 г., в 2010 г. исполнилось 84 года. Но след войны прочитывается в новой впадине в нижней части пирамиды - очередном отголоске войны. Четверть века спустя после первого послевоенного снижения числа родившихся у детей войны родителями становятся дети их детей, а их тоже, как мы видели, было сравнительно немного, так что нового сокращения числа рождений следовало ожидать. Судя по пирамиде 1989 г., оно уже наметилось в конце 80-х годов. Но, по-видимому, падение числа рождений в 1990-е годы, которое в любом случае было неизбежно, усилилось под воздействием социально-политических, экономических и даже демографических изменений, происходивших в это время, и оказалось более глубоким, чем можно было ожидать.

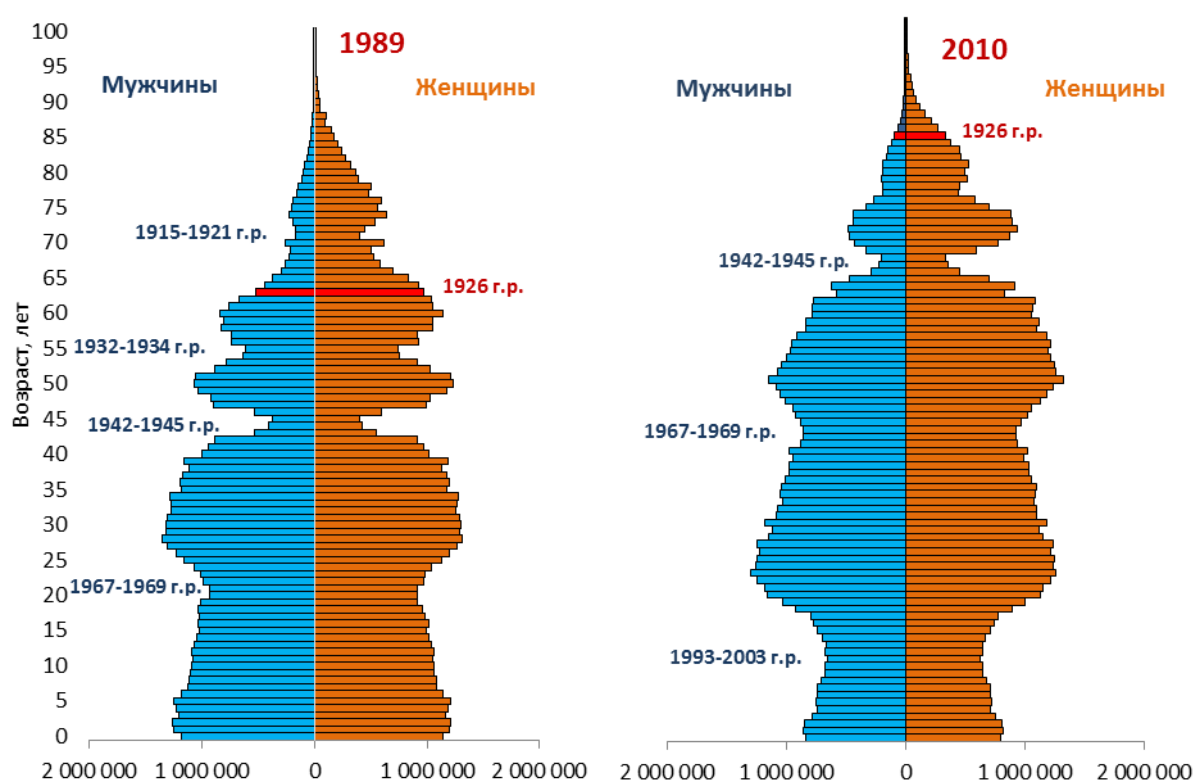

Рисунок 6. Возрастные пирамиды населения России 1989 и 2010 г., человек

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ

На протяжении почти всего XX века Россия жила в условиях неестественной гендерной асимметрии, которая возникла после Первой мировой и Гражданской войн и резко усилилась после Второй мировой войны.

Значительный женский перевес характерен для всех воевавших стран, но в России он особенно велик даже по сравнению с Германией, также понесшей огромные потери и в

Первой, и особенно, конечно, во Второй мировой войне. Не удивительно, что в послевоенных возрастных пирамидах обеих стран есть много общего (рисунок 7).

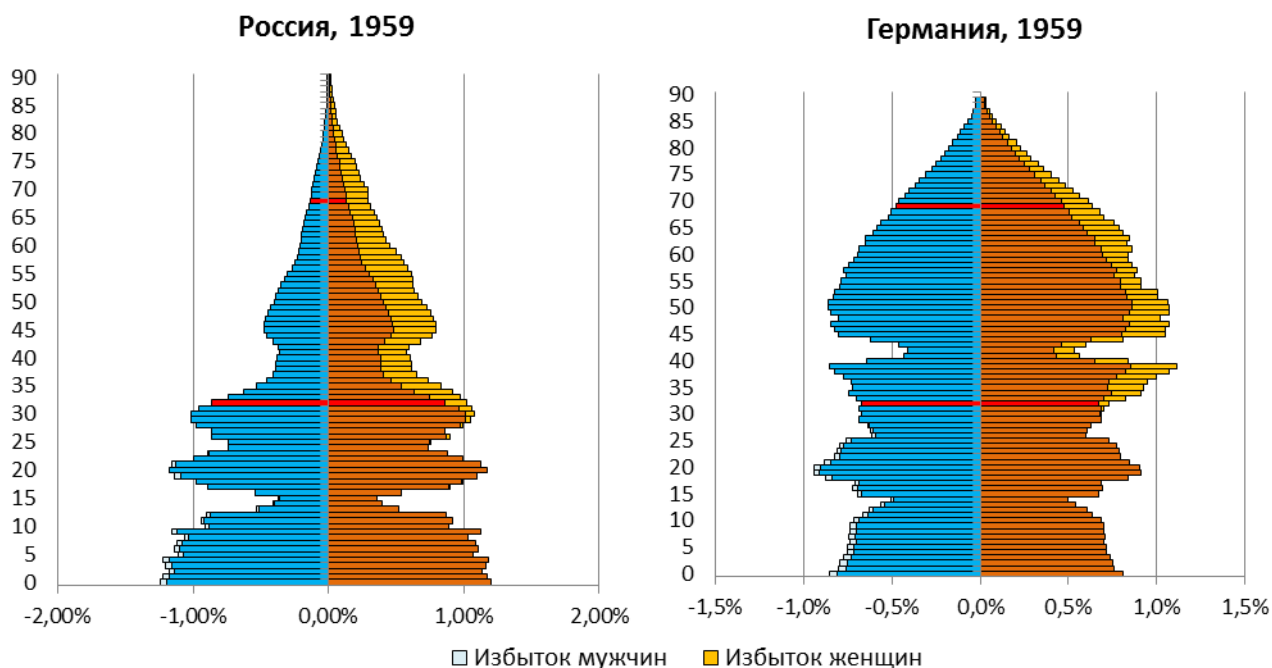

Рисунок 7. Возрастные пирамиды населения России и Германии в 1959 г., %

Источник для Германии: [Statistisches Bundesamt 2016].

Тем не менее при более внимательном рассмотрении оказывается, что женский перевес в воевавших поколениях в России несопоставимо больше, чем в Германии. Он особенно велик в поколениях, воевавших в войнах второго десятилетия XX века (родившихся примерно до 1905 г.), что объяснимо, так как в отличие от Германии Россия несла потери не только в Первой мировой, но и в Гражданской войне. Тем не менее он значителен также и в более молодых поколениях (рисунки 8 и 9), что говорит и о более значительных потерях России во Второй мировой войне.

Военные потери – не единственный источник нарушения равновесия полов в населении, вторая его причина – более высокая смертность мужчин, в России намного превосходящая женскую смертность. Но все же на протяжении по крайней мере пяти десятилетий после начала войны главным источником гендерного дисбаланса были военные потери. По мере того, как воевавшие поколения переходили в старшие возраста, туда же смещалось и неравновесие полов, у не воевавших поколений половая пропорция была намного более благоприятной.

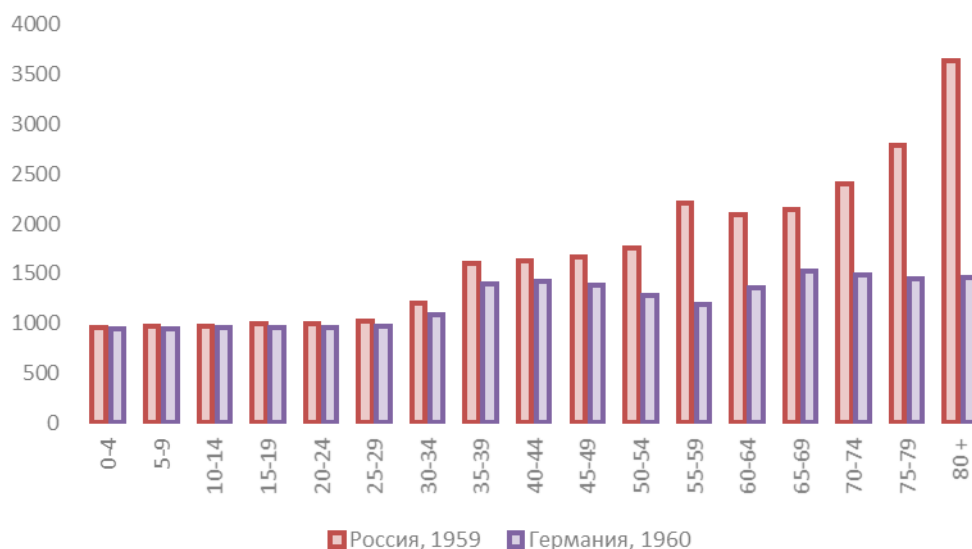

Рисунок 8. Число женщин на 1000 мужчин в России и Германии в 1959 г.

Источник для Германии: [Statistisches Bundesamt 2016].

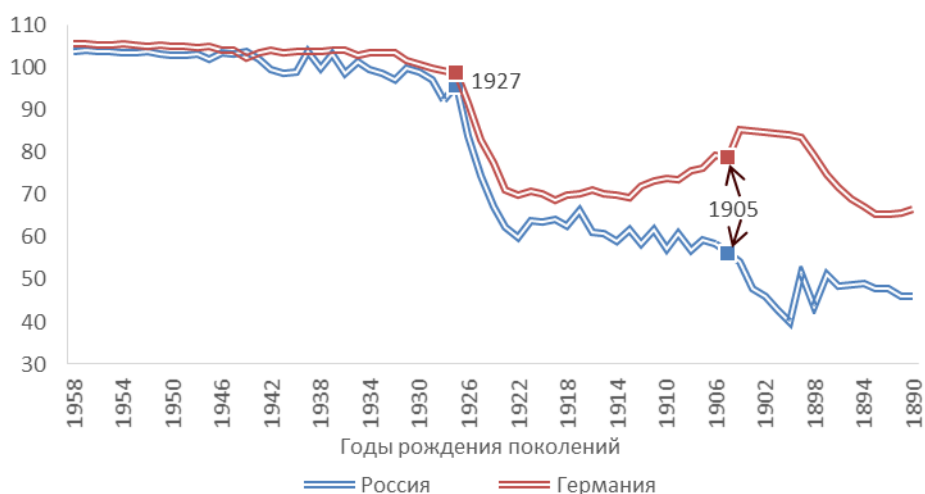

Рисунок 9. Число женщин на 1000 мужчин в воевавших и не воевавших поколениях в России и Германии в 1959 г.

Источник для Германии: [Statistisches Bundesamt 2016].

По данным переписи населения 1959 г. женский перевес заметен уже начиная с возрастной группы 30-34 года, в 1970 г. – начиная с группы 40-44 года, в 1979 г. – с группы 50-54 года и т.д. (рисунок 10).

Еще во время переписи населения 1989 г. основной вклад в общий женский перевес в населении России вносили воевавшие поколения – за счет огромных военных потерь, но также и за счет более высокой мужской смертности в послевоенное время. Так как эти поколения становились все менее многочисленными, снижался и их вклад в женский перевес во всем населении, который благодаря этому уменьшался. Изменение положения зафиксировала только перепись 2002 г.: вклад воевавших поколений значительно сократился, а женский перевес вырос (рисунок 11). Это уже не связано с последствиями

войны, а объясняется значительным превышением мужской смертности над женской. До 1992 г., несмотря на более высокую смертность мужчин, абсолютное число мужских смертей было меньше числа женских - следствие меньшей численности мужского населения. С 1992 г. положение изменилось на противоположное: даже несмотря на меньшую численность мужского населения, ежегодно регистрируется большее число мужских смертей. За 10 лет с 1982 по 1991 г. число умерших женщин превысило число умерших мужчин на 597,9 тыс. За 10 лет с 1992 по 2001 г. – напротив, умерло на 927,1 тыс. больше мужчин, чем женщин, за следующее десятилетие с 2002 по 2011 г. – на 1292,7 тыс. больше. Понятно, что это не могло не отразиться на соотношении полов в населении. Большое значение имеет также процесс демографического старения, в результате которого в населении нарастает доля старших возрастных групп, для которых характерно менее благоприятное соотношение полов.

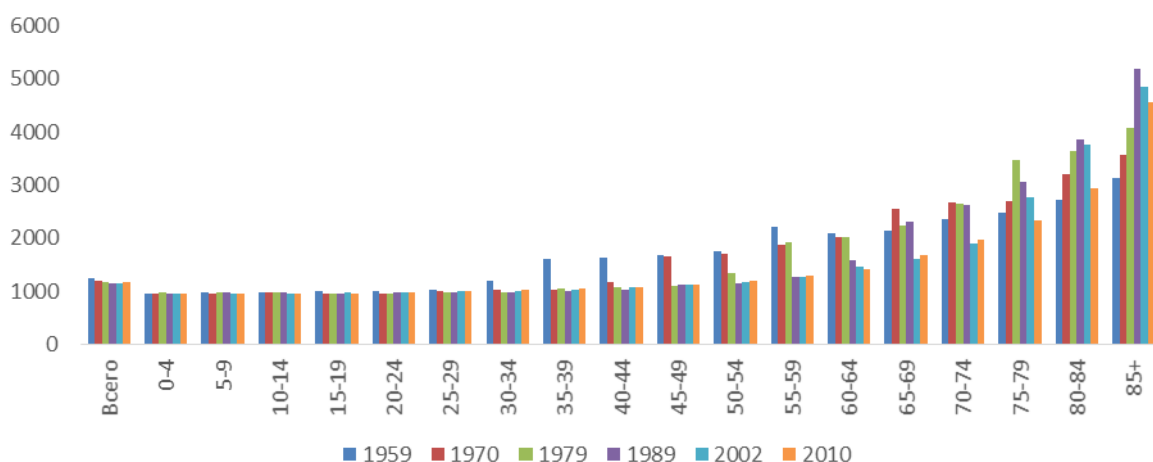

Рисунок 10. Число женщин на 1000 мужчин в России по данным послевоенных переписей населения

Но все это относится уже к самым последним десятилетиям, большая же часть XX века прошла под знаком гендерного дисбаланса, обусловленного военными потерями.

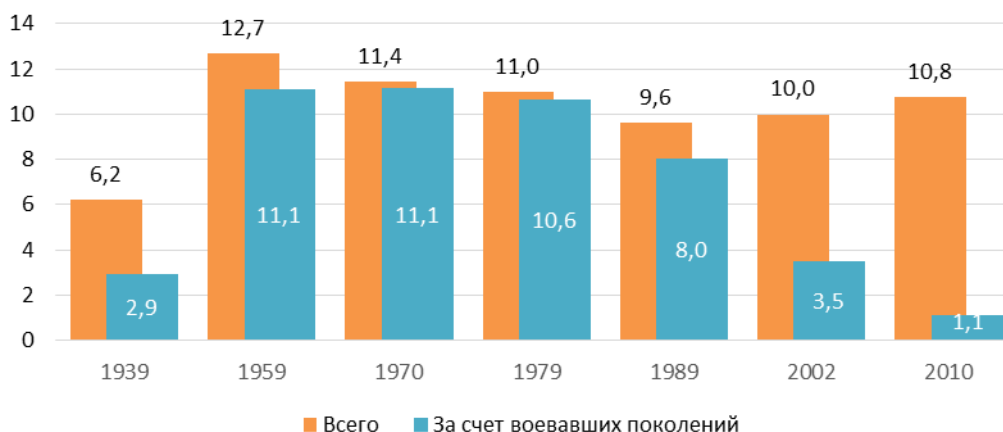

Рисунок 11. Женский перевес в России по данным переписей населения 1939-2010 гг., млн человек

ВОЙНА И СЕМЬЯ

Небывалые потери мужского населения лишили многих женщин потенциальных брачных партнеров, что привело к значительному увеличению доли женщин, никогда не состоявших в браке. О матримониальной судьбе женщин воевавших поколений, начиная с поколений 1900 г. рождения, позволяют судить ретроспективные оценки, выполненные С. Захаровым на основе данных микропереписи 1994 г., учитывавшей не только официально зарегистрированные, но и фактические браки (рисунок 12). Если у поколений женщин, не участвовавших в войне и достигших к 1994 г. возраста 50 лет и старше, т.е. в основном уже вышедших за пределы возраста заключения первых браков, в замужестве на протяжении жизни состояло 95-96% женщин, то у воевавших поколений – 93,5% и менее, причем эта доля резко падает у самых молодых воевавших поколений, у которых до 1941 г. процесс формирования брачных пар еще не набрал силу.

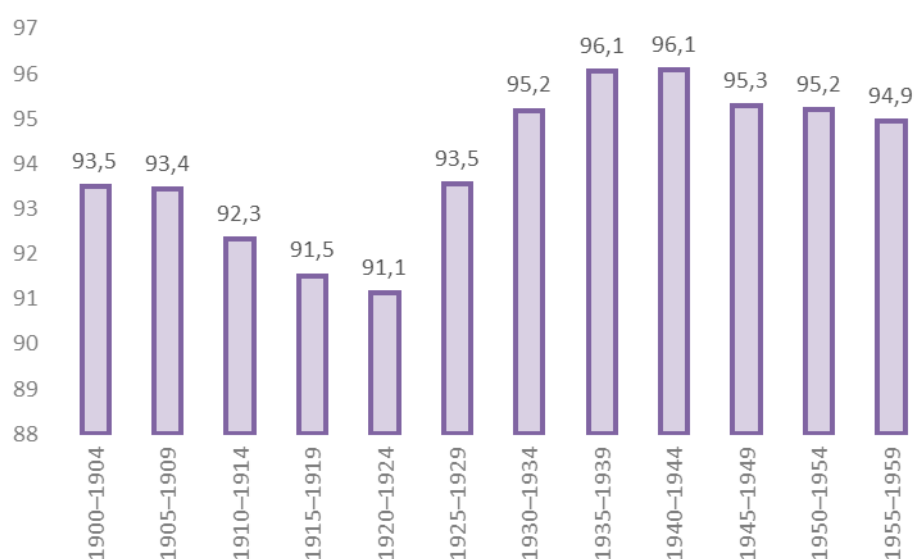

Рисунок 12. Доля женщин, когда-либо вступивших в первый брак, в воевавших и не воевавших поколениях, %

Источник: [Демографическая модернизация России 2006: 113-114].

Но влияние войны на брачное состояние населения отнюдь не ограничивается трудностями для женщин нахождения брачного партнера в условиях дефицита женихов. Это влияние гораздо глубже и многостороннее. Война дестабилизировала брачную и семейную структуры населения, разрушила многие, часто едва начавшиеся браки, усилила конкуренцию на брачном рынке, что имело своим следствием рост числа разводов. Полностью оценить все эти последствия сегодня едва ли возможно.

В стране осталось огромное количество вдов, однако сколько их было неизвестно, и помочь в оценке их числа не может и перепись населения 1959 г. Хотя международные стандарты проведения переписей всегда предусматривали вопросы, позволяющие выделить четыре категории брачного состояния, включая вдовых, и соответствующие вопросы задавались в России уже при проведении первой всеобщей переписи 1897 г. и первой всесоюзной переписи 1926 г., статистика сталинского времени считала такие

вопросы не стоящими внимания, и, начиная с переписи 1937 г. и кончая переписью 1970 г., советские переписи (значит, и перепись 1959 г.) позволяли разграничить только две совокупности: состоящих и не состоящих в браке в момент переписи. Соответственно, никакой информации о числе вдов в них не было, впервые вопрос обо всех брачных состояниях вновь появился только в программе советской переписи 1979 г. [Вишневский, Захаров 2010: 13].

Не было никакой информации и о числе послевоенных сирот, оказавшихся без одного или без обоих родителей, равно как и о числе инвалидов войны, которое было огромным. Вдовы, сироты и инвалиды войны всегда присутствовали в пропагандистской риторике, но никто не знал, сколько их было, и никто не пытался этого узнать. Вероятно, в органах социального обеспечения, выплачивавших пособия вдовам и детям погибших на фронте, инвалидам войны, какая-то статистика все же существовала, однако она никогда не обнародовалась и не присутствовала в общественном дискурсе. В научной литературе можно встретить лишь самые общие упоминания вроде того, что «в поколениях женщин, которым в 1941 г. было 17-25 лет и которые наиболее пострадали во время войны, ...было много вдов и не вышедших замуж» [Поляков, Жиромская, Араловец 2004], но не более того.

В самом деле, перепись 1959 г. указала лишь на чрезвычайно низкую по сравнению с предыдущими переписями долю замужних среди женщин в возрасте от 40 до 59 лет (т.е. тех, кому в 1939 г. было от 20 до 39 лет; рисунок 13) – и это, конечно, результат совместного действия овдовения, прекращения брака разводом и невступления в брак.

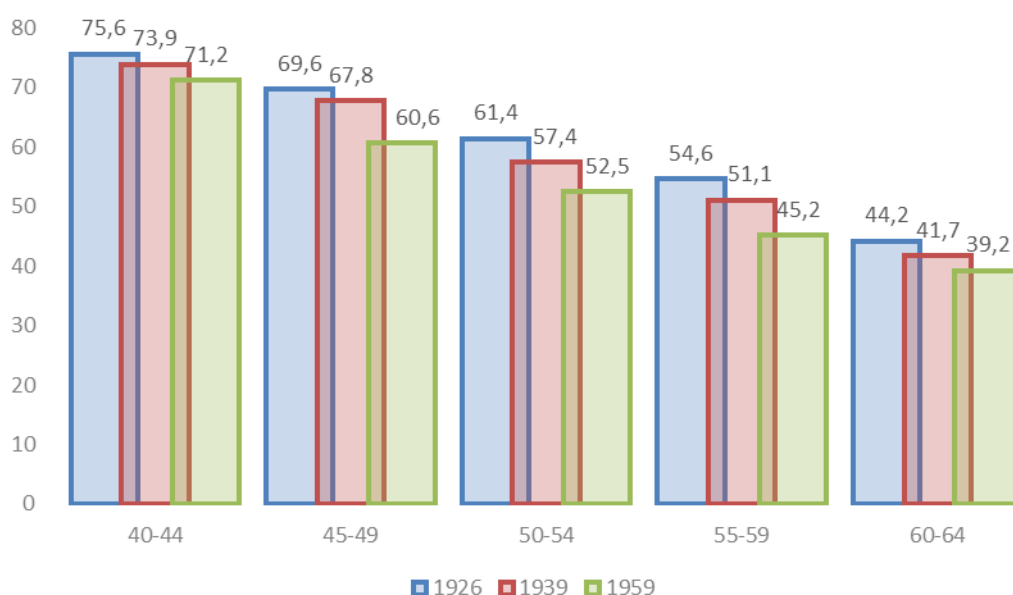

Рисунок 13. Число замужних на 100 женщин соответствующей возрастной группы по переписям 1926, 1939 и 1959 гг.

В весьма значительной степени все эти факторы – следствие послевоенных деформаций брачного рынка и возникающей на нем конкуренции из-за нехватки мужчин. «Вдовство многих женщин, потерявших мужей на войне, в силу половой диспропорции длится всю последующую жизнь... В условиях значительного численного преобладания женщин существенно ослабевает прочность браков, и повышение числа разводов по

инициативе мужчин сокращает длительность брака. При наличии диспропорции полов происходит процесс стихийного перераспределения брачных партнеров, причем не только по возрасту, но и по брачному состоянию. Это перераспределение совершается за счет повышенной брачности женщин со сверстниками, с мужчинами более молодыми, поколения которых война не затронула, а также с разведенными и вдовцами» [Ильина 1977: 55].

Государство пыталось противодействовать неизбежным в сложившейся ситуации процессам единственным доступным ему способом – ужесточением законодательства в области брака и семьи. 8 июля 1944 г., меньше чем за год до конца войны, был принят Указ Президиума Верховного совета СССР, резко изменивший существовавшие до этого относительно либеральные советские правовые нормы в области брака и семьи. Указ назывался очень красиво: «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания Мать-героиня и учреждении ордена Материнская слава и медали Медаль материнства» [Указ 1944].

Ничто в названии указа не говорило о содержащемся в нем разделе V «Об изменениях в законах о браке, семье и опеке». Между тем именно в этом разделе устанавливалось условие, что «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов», и отменялось «существующее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке». Устанавливалось, что при регистрации рождения ребенка от матери, не состоящей в зарегистрированном браке, ребенок записывается по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери. Вводилось правило обязательной записи зарегистрированного брака в паспортах, существенно усложнялась процедура развода. Указ также подкреплял уже имевшуюся норму поручением «органам прокуратуры, в соответствии с действующим уголовным законодательством, привлекать к ответственности виновных в незаконном производстве аборт, в понуждении женщин к производству аборт».

Содержащиеся в указе нововведения мотивировались тем, что «забота о детях и матерях и об укреплении семьи всегда являлась одной из важнейших задач советского государства», но на деле государство недвусмысленно давало понять женщинам, оставшимся без мужчин, что это – *их* проблема. В каком-то смысле указ сыграл роль ширмы, сделавшей недоступными для государственной статистики и укрывшей от общественного мнения все явления, о которых не хотели говорить вслух. Число регистрируемых разводов действительно сократилось, но это не значит, что браки перестали распадаться без регистрации. О числе загнанных в подполье фактических разводов ничего не было известно, но когда в 1965 г. процедура развода была упрощена, число разводов за один год выросло в 1,8 раза (с 360 до 646 тыс.) [ЦСУ СССР 1975: 150]. Затруднение процедуры развода усложнило и заключение повторных браков, но это означает лишь то, что значительная их часть перестала фиксироваться статистикой, так что их число тоже неизвестно.

Никакие указы не могли изменить сложившиеся после войны демографические реалии. Огромное число женщин оказались обреченными на одиночество, а детей – на безотцовщину. Широкое распространение после войны получила внебрачная рождаемость, в СССР резко выросло число одиноких матерей, по имеющимся оценкам, в 1945 г. их было 281,7 тыс., а в 1957 г. — 3312 тыс. [Харчев 1979: 168-169]. Около четверти всех рождений в 1945 г. были внебрачными, и даже 10 лет спустя – почти 17%. Характерно, что эта доля в сельском населении была выше, чем в городском (таблица 4).

Таблица 4. Доля внебрачных рождений в общем числе рождений, %

Год	Все население	В том числе сельское
1945	24,4	...
1955	16,9	
1965	13,0	14,5
1975	10,7	13,7

Источник: [Иванова, Михеева 1998: Табл. 3].

В соответствии с указом 1944 г. в свидетельстве о рождении детей вне зарегистрированного брака вместо сведений об отце в обязательном порядке ставился прочерк. За время действия этого «гуманного» правила (с 1945 по 1968 г.) прочерк в паспорте получили более 15 млн детей [Тольц 2014: 161]. Но общество не должно было ничего знать об этом. В архивах сохранилось письмо начальника ЦСУ СССР в ЦК КПСС.

«В ЦК КПСС

14.01.1970

...В «Литературной газете» 7.01.1970 Урланис в статье «Безотцовщина» приводит данные о детях у матерей, не состоящих в зарегистрированном браке, которые не публикуются в открытой печати.... Буржуазная пропаганда может использовать [это] во враждебных целях, т.к. в буржуазных странах таких детей обычно относят к незаконнорожденным... ЦСУ просит обратить внимание редакции «Литературной газеты» на недопустимость публикации данных, не подлежащих опубликованию в открытой печати...

Старовский»³.

ВОЙНА И РОЖДАЕМОСТЬ

Выше уже говорилось, что война запустила цикл колебаний численности идущих одна за другой когорты, что, в частности, очень сильно сказалось на рождаемости. Во время войны резко снизилось число рождений, а значит и число тех, кому предстояло примерно через два десятилетия стать родителями новых поколений детей, причем это снижение затухающим эхом отзывается еще несколько раз с интервалом приблизительно в 25 лет.

³ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 47. Ед.хр. 35. Докладные записки в ЦК КПСС и СМ СССР по вопросам статистики населения и здравоохранения за 1970 год. Лист 1.

Падение числа рождений в 1942-1945 гг., особенно сильное в 1943-1944 гг., было уже не первым в XX веке, но оно было намного глубже предыдущих. В 1943 г., когда это падение достигло дна, родилось почти втрое меньше детей, чем в годы предыдущих минимумов – 1917 и 1934. Послевоенный же подъем рождаемости позволил общему числу рождений лишь ненадолго вернуться к уровню этих двух минимумов (рисунок 14).

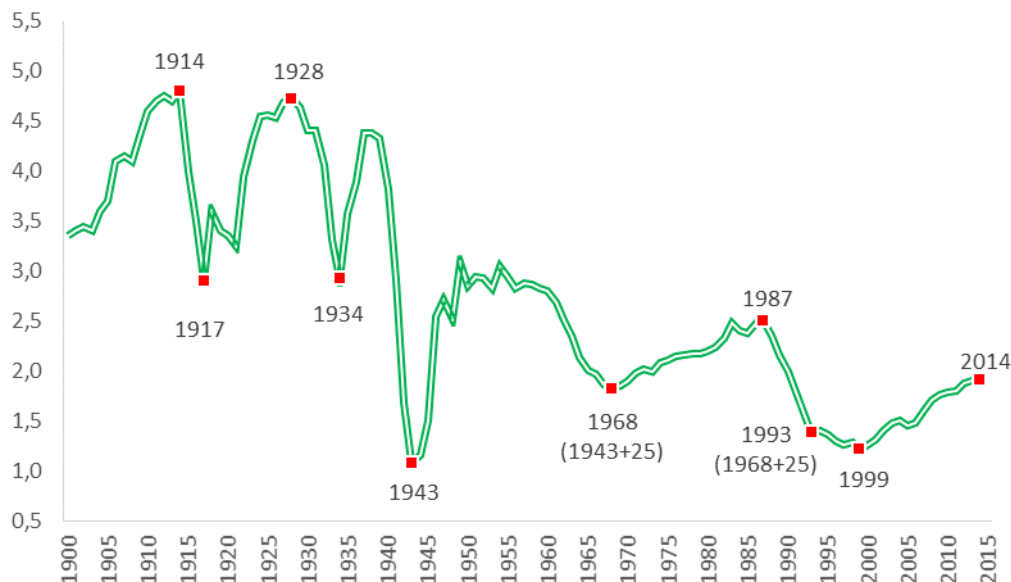

Рисунок 14. Число рождений в России в 1900-2015 годах, млн

Источники: [Демографическая модернизация России 2006:184; Демографический ежегодник России 2015: табл. 2.1].

Колебаниям числа рождений соответствовали порожденные ими колебания числа женщин материнских возрастов. На рисунке 15 видно, что, хотя эти колебания постепенно затухают, они все еще остаются очень большими. Примерно 80% всех детей рожают обычно женщины в возрасте 20-34 года, изменение их числа хотя и не в полной, но в решающей степени определяют динамику материнского потенциала страны. Между 1984 и 1998 гг. число женщин этой возрастной группы сократилось на 3 млн, продержалось на этом уровне 3 года, а затем между 1998 и 2010 гг. снова выросло на 2,2 млн, что в значительной степени обусловило рост числа рождений в «нулевые» годы. Но затем начался новый цикл снижения числа женщин материнских возрастов – третий после войны. Кажется, что война была очень давно, но на самом деле мы находимся всего лишь где-то в середине третьего цикла – вблизи точки перегиба, когда число рождений снова начнет сокращаться.

Рисунок 15. Число женщин в возрасте 20-34 года, млн

Источник: Демографический ежегодник России за разные годы.

Насколько сильно влияют эти колебания на общее число рождений, которое зависит и от других причин?

Учитывая определяющий вклад в рождаемость матерей в возрасте 20-34 года, в первом приближении и с определенной степенью условности уровень рождаемости можно измерять числом рождений только у женщин 20-34 лет на 1000 женщин этой возрастной группы. В демографии применяются намного более изощренные измерители, но для грубых прикидок можно воспользоваться и таким показателем, относящимся к категории «специальных коэффициентов рождаемости». Его изменения на протяжении длительного времени свидетельствуют о снижении рождаемости в России. В 1984 г., когда число женщин в возрасте 20-34 года достигло своего исторического максимума (18,3 млн), в расчете на 1000 женщин этой возрастной группы у женщин всех возрастов рождалось 132 ребенка, у женщин именно этой возрастной группы – 111 детей. Это существенно ниже, чем, например, в 1960 г., когда эти показатели составляли соответственно 162 и 130, хотя намного выше, чем в последующие годы, когда они достигли очень низких значений (79 и 66 на 1000 в 1999 г.). Но какое-то время после 1984 г. эти коэффициенты еще росли, противодействуя негативному влиянию начавшегося снижения материнского потенциала, и число рождений до 1987 г. увеличивалось. Однако затем сокращение числа женщин в наиболее эффективных материнских возрастах соединилось со снижением рождаемости, и под влиянием этих двух факторов число рождений в России стало сокращаться. Позднее, после 1999 г., оба фактора стали действовать в противоположном направлении, способствуя росту числа рождений.

Можно попытаться разделить вклад в эти изменения указанных факторов – собственно изменений рождаемости, обусловленных текущими социальными и экономическими причинами и мерами политики, и изменений числа потенциальных матерей на нисходящей и восходящей ветвях волн запущенных войной колебаний. На рисунке 16 представлены *фактическое* (по данным Росстата) изменение числа рождений после 1984 г. под воздействием обоих факторов и его *гипотетическое* изменение при условии, что колебания числа женщин в возрасте 20-34 года после 1984 г. прекратились, оно оставалось постоянным, а изменения числа рождений на 1000 женщин этой возрастной группы соответствовали фактическим. Как видим, изменение гипотетического числа

рождений все равно имело бы ту же направленность, что и фактического, но падение абсолютного числа рождений было бы меньшим. При сделанном допущении за три десятилетия после 1984 г. (1985-2014 гг.) в России родилось бы 55,5 млн детей, в том числе 45 млн – у женщин в возрасте 20-34 года. На самом же деле родилось 50,7 млн и 41,2 млн, т.е. соответственно на 4,8 и на 3,8 млн меньше. С учетом того, что за весь тридцатилетний период в среднем за год рождалось 1,8 млн детей, 4,8 млн несостоявшихся рождений – довольно значительная величина.

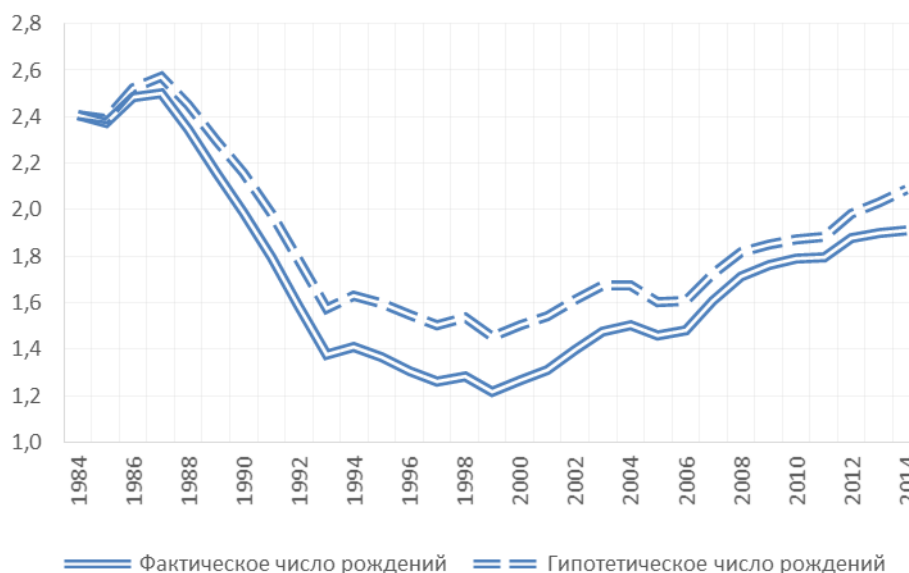

Рисунок 16. Фактическое и гипотетическое число рождений при условии неизменности числа женщин 20-34 лет на уровне 1984 г., млн

На рисунке 16 обращает на себя внимание также и то, что разрыв между двумя кривыми вначале нарастает (до 1999 г.), а затем сокращается. Это объясняется тем, что траектория пунктирной кривой (гипотетического числа рождений) определяется действием только одного фактора – изменений собственно рождаемости, а траектория сплошной кривой (фактического числа рождений) – также еще и влиянием изменения числа женщин. До 1999 г. это изменение содействовало снижению числа рождений, а после этого – противодействовало ему.

ВОЙНА И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ

В 1992 г. естественный прирост населения России впервые со времен войны стал отрицательным. В 1990-е – 2000-е годы отрицательный естественный прирост населения наблюдался во многих странах Европы, особенно Восточной. Но первой европейской страной, где число смертей превысило число рождений (на 20 лет раньше, чем в России), была Германия. В России же тогда естественный прирост населения превышал 6‰, и казалось, что положение здесь было намного лучше. Однако это видимое благополучие плохо сочеталось с тем, что рождаемость в России уже в 1964 г. упала ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения (нетто-коэффициент воспроизводства опустился ниже единицы), и с тех пор и по сегодняшний день, за

исключением трех «горбачевских» лет (1986-1988 гг.), нетто-коэффициент воспроизводства населения России находится ниже этого уровня. В Германии же на протяжении всех 1960-х годов нетто-коэффициент превышал единицу и опустился ниже нее лишь в 1970 г. (рисунок 17).

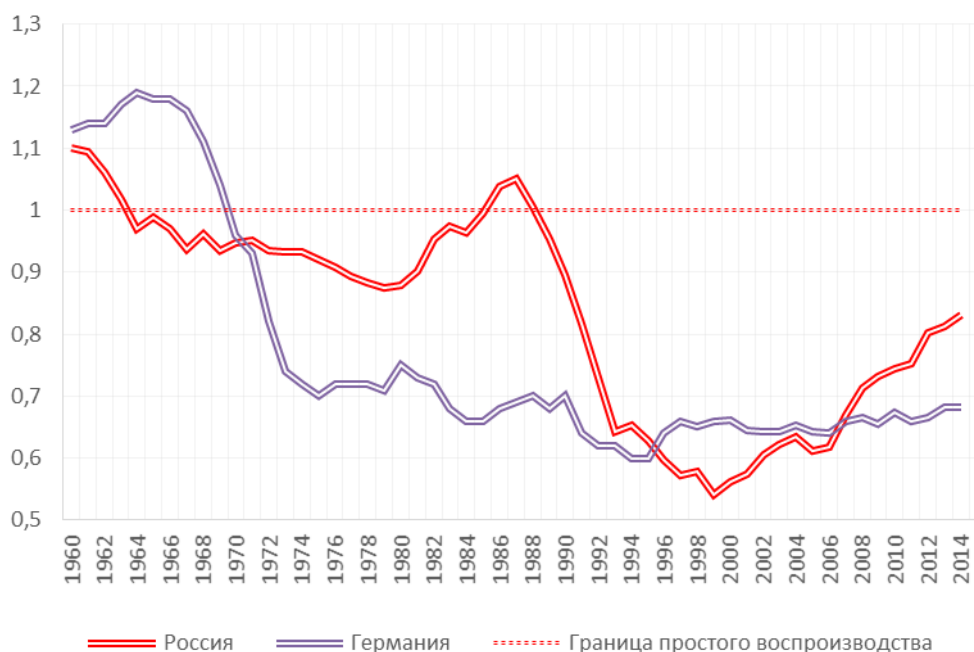

Рисунок 17. Нетто-коэффициент воспроизводства населения России и Германии

Источник: [База данных Демоскопа Weekly]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_rni.php (дата обращения: 22.06.2016).

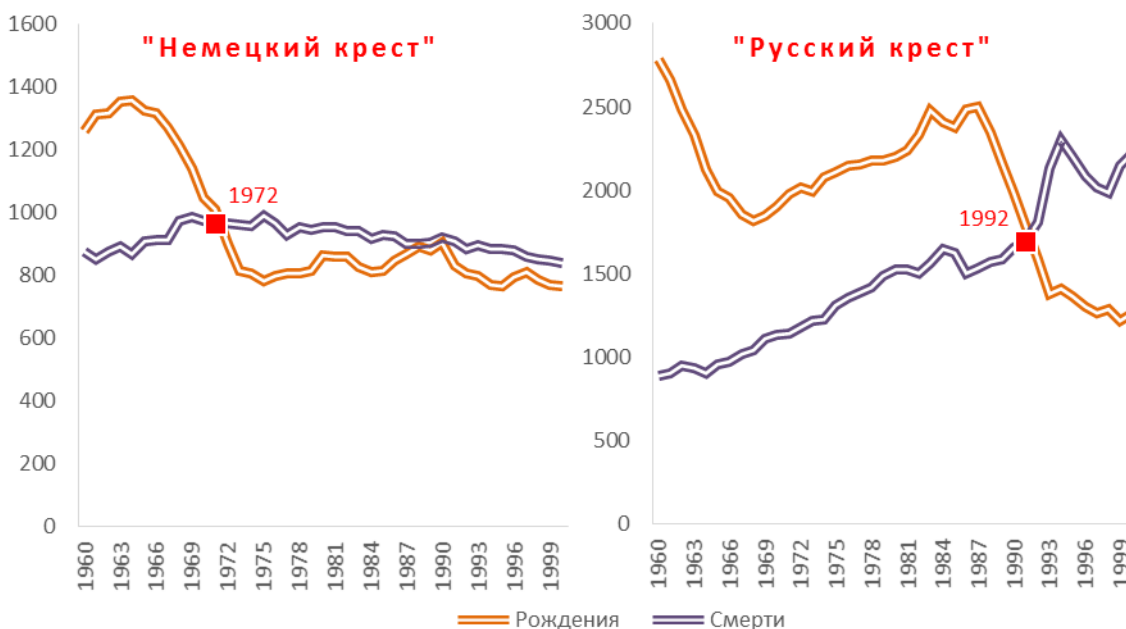

Рисунок 18. Естественный прирост населения России и Германии, тыс. человек

Источник: База данных Демоскопа Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app4003.php> (дата обращения: 22.06.2016).

Длительное сохранение нетто-коэффициента воспроизводства на уровне ниже единицы предопределяло переход к отрицательному естественному приросту населения, но он появился в России только в 1992 г., на 20 лет позже, чем в Германии (рисунок 18).

Объяснение этого парадокса кроется в особенностях послевоенной половозрастной структуры населения России, в том числе и таких, которые, способствуя улучшению текущих показателей, отнюдь не свидетельствовали о действительном благополучии. Естественный прирост – это разница между числом родившихся и числом умерших. В 1972 году, когда в Германии впервые появилась естественная убыль населения, в России родилось 2014,6 тыс. детей, а общее число смертей составило 1181,8 тыс., естественный прирост составил почти 833 тыс. человек. При той же численности населения, которая была в России в 1972 году (131,7 млн человек), и при тех же возрастных показателях рождаемости и смертности, которые в действительности наблюдались в России в этом году, но при половозрастных пропорциях населения Германии, картина была бы совсем другой. Естественный прирост был бы не 832,8 тыс. человек, а всего 18,5 тыс., а в следующем, 1973 году он, как и в Германии, стал бы отрицательным (таблица 5, рисунок 19).

Таблица 5. Естественный прирост населения России в 1972 г. фактический и при половозрастной структуре населения Германии, тыс. человек

	Фактически	При структуре населения Германии
Число рождений	2014,6	1768,2
Число смертей		
Мужчины	579,2	954,4
Женщины	602,6	795,3
Всего	1181,8	1749,7
Естественный прирост	832,8	18,5

Казалось бы, надо радоваться тому, что фактическое число смертей в 1972 г. оказалось намного меньше, чем гипотетическое, соответствующее половозрастной структуре Германии. Однако надо учитывать, что число смертей зависит от числа подверженных риску смерти людей различных возрастов. При российской численности населения 1972 г., но при половозрастной структуре населения Германии, в России было бы на 11,4 млн человек в возрасте 50 лет и старше (в том числе – 6,7 млн мужчин) больше, чем на самом деле, соответственно и смертей было бы больше. Но этих людей уже не было на свете, они не дожили до 1972 г.

1972 г. не был, конечно, исключением. Огромная часть тех, кто должен был в силу возраста умирать в 1970-е – 1980-е годы, умерли раньше, в основном остались на полях войны. Если применить половозрастные пропорции населения Германии к фактическому населению России и рассчитать гипотетический естественный прирост населения России при сохранении российских возрастных показателей рождаемости и смертности за длительный период, то можно увидеть, что естественная убыль населения появилась бы в России всего на год позже, чем в Германии, в 1973 году, а никак не в 1992 (рисунок 19).

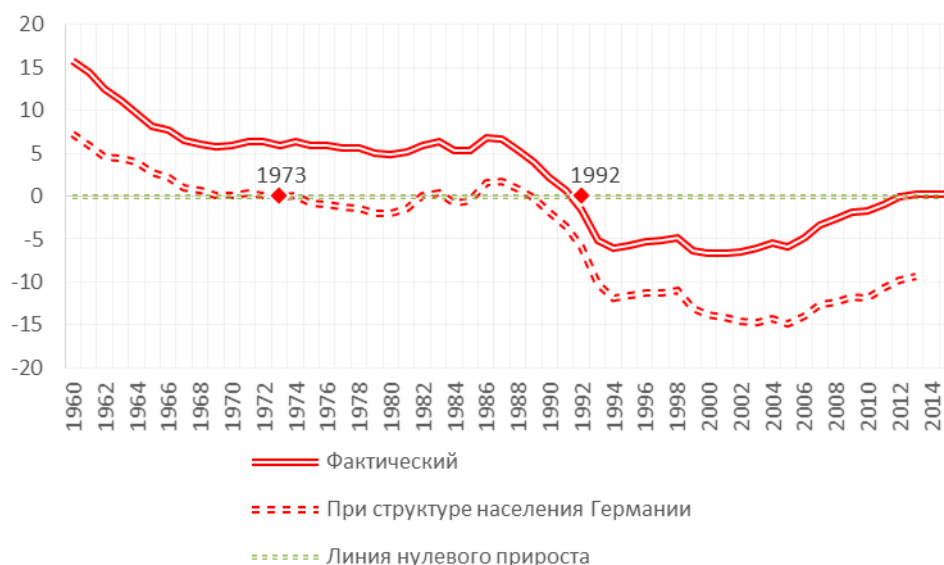

Рисунок 19. Коэффициент естественного прироста населения России фактический и гипотетический при половозрастной структуре населения Германии, ‰

НАСЕЛЕНИЕ В РАБОЧЕМ ВОЗРАСТЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА

Порожденные войной циклические колебания численности поколений имеют огромное экономическое, а возможно, и политическое значение, которое не всегда осознается.

В частности, они приводят к крайне неравномерной динамике численности трудовых ресурсов, формируемой поколениями, вступающими в рабочий возраст и выходящими из него. На рисунке 20 показаны ежегодные соотношения чисел молодых людей, вступающих в рабочий возраст, и пожилых людей, выходящих из него, начиная с 1959 г. (в качестве нижней и верхней границ рабочего возраста приняты 20 и 60 лет). За это время Россия пережила по меньшей мере три периода ухудшения соотношения «вход-выход» для рабочих возрастов, когда малочисленные поколения работников, родившиеся в периоды низкой рождаемости (война и два ее «эха» - вокруг 1968 и 1993 г.), приходили на смену многочисленным поколениям, родившимся на 40 лет ранее. Виден и еще один период ухудшения этого соотношения, правда, не столь значительного, который совпадает не со снижением численности входящих, а с ростом численности выходящих поколений, родившихся в период кратковременного подъема рождаемости в конце 1930-х годов.

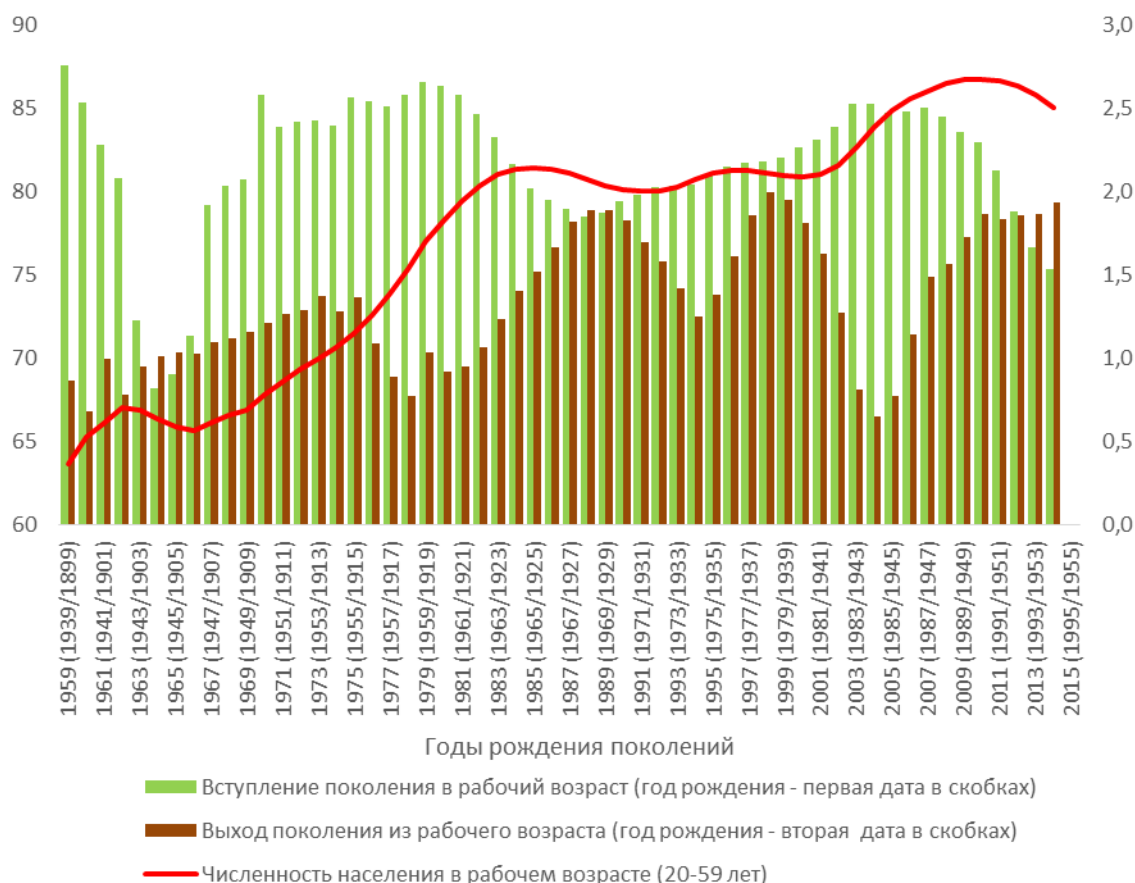

Рисунок 20. Население в рабочем возрасте в 1959-2014 гг. (левая ось), вступление в этот возраст (в 20 лет) и выход из него (в 60 лет) по поколениям (правая ось), млн человек

Источник: Демографический ежегодник России за разные годы.

Результатом циклически меняющегося соотношения входящих и выходящих поколений становится волнообразная динамика численности населения в рабочих возрастах (рисунок 21), она отнюдь не способствует устойчивому росту экономики, которой все время приходится приспосабливаться к меняющейся ситуации на рынке труда.

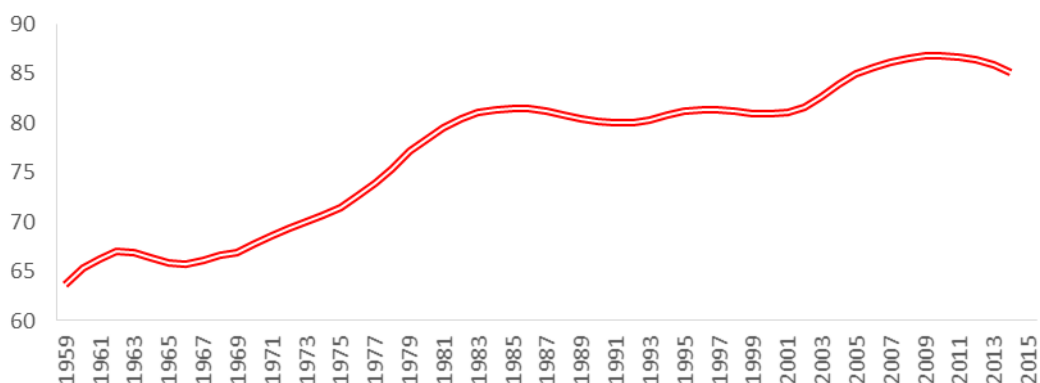

Рисунок 21. Население в рабочем возрасте (20-59 лет), млн человек

Источник: Демографический ежегодник России за разные годы.

Но, вероятно, еще большее экономическое и социальное значение имеют перепады в величине демографической нагрузки на одного работающего, а значит, и бремени социальных расходов на здравоохранение, образование, социальное обеспечение неработающего населения, т.е. в основном населения в дорабочих и послерабочих возрастах.

Если вести отсчет от переписи населения 1959 г., то общей тенденцией изменений совокупной демографической нагрузки было ее уменьшение, обусловленное снижением нагрузки детьми, которое долгое время успешно противостояло росту нагрузки пожилыми. При этом обе части демографической нагрузки, некогда очень сильно различавшиеся, сближались. Если в 1959 г. нагрузка пожилыми (60 лет и старше) составляла 17 на 100 человек в возрасте 20-59 лет, а нагрузка детьми (до 20 лет) – 67 на 100, то к 2014 г. они почти сравнялись: соответственно 33 и 36 на 100 (рисунок 22). Но мы уже знаем, что все подобные изменения на протяжении послевоенного периода имели колебательный характер, а это приводило к существенным перепадам демографической нагрузки за относительно короткое время. Так, совокупная нагрузка детьми и пожилыми была очень высокой во второй половине 1960-х годов (94 человека в дорабочих и послерабочих возрастах на 100 человек в рабочих), а к 1982-1983 гг. сократилась более чем на 20% - до 74 на 100. Затем менее чем за 10 лет она снова выросла на 15% - до 84 на 100 в 1992 г. После этого нагрузка медленно сокращалась на протяжении 1990-х годов и быстро – в 2000-е, достигнув в первом десятилетии XXI века небывало низкого уровня: минимум (65 на 100 или почти на четверть меньше, чем в 1992 г. и более чем на 30% меньше, чем в конце 1960-х) был достигнут в 2008-2011 гг., затем начался новый рост, который неизбежно будет продолжаться.

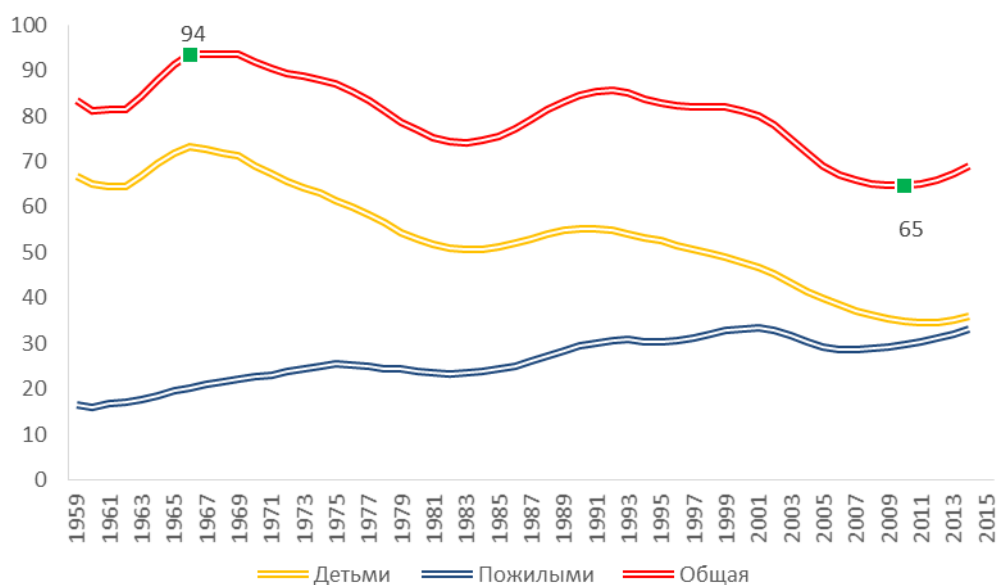

Рисунок 22. Демографическая нагрузка на 100 человек в рабочем возрасте (20-59 лет)

Источник: Демографический ежегодник России за разные годы.

Общественное мнение и даже многие эксперты, не говоря уже о политиках, обычно не придают большого значения подобным изменениям, если эти изменения не получают

очень явного и, как правило, негативного проявления. Благоприятные (а иногда даже и неблагоприятные) демографические изменения вследствие запущенных войной колебаний численности поколений власти всегда склонны истолковывать в свою пользу, находить в них плоды проводимой ими политики, забывая о том, что и в тех, и в других случаях речь идет об отзвуках большой беды.

В 2000-е годы мало кто отдавал себе отчет как в том, что в стране сложилась исключительно благоприятная ситуация с демографической нагрузкой, так и в том, что эта ситуация была подарком из далекого и не очень радостного прошлого и не может сохраняться долго.

Демографическое старение как следствие демографического перехода идет во всех странах, в том числе и в России, но в России оно несколько раз на короткое время приостанавливалось, когда старших возрастов достигали поколения, родившиеся в годы лихолетий первой половины XX века (рисунок 23). В это время демографическая нагрузка пожилыми, а значит, и нагрузка на пенсионную систему, не росла, а сокращалась, тогда как легко предсказуемое возобновление роста нагрузки всегда казалось неожиданным.

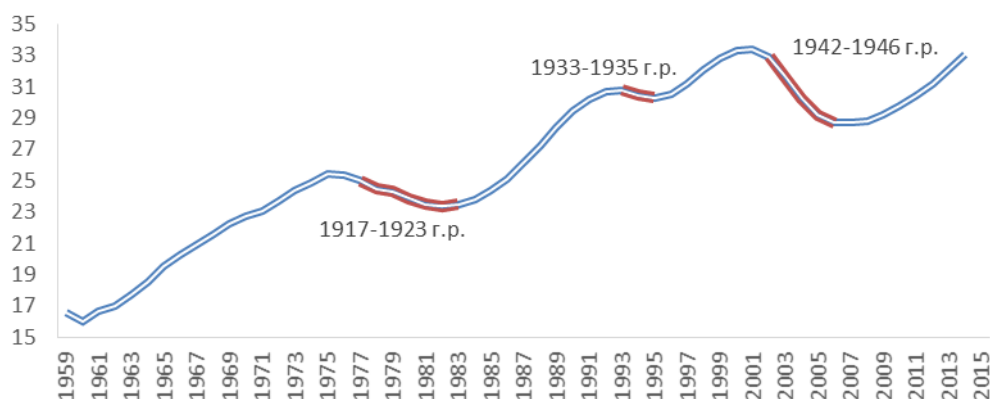

Рисунок 23. Нагрузка пожилыми и годы достижения 60 лет разными поколениями, на 100 лиц в возрасте 20-59 лет

Источник: Демографический ежегодник России за разные годы.

Самое большое сокращение произошло совсем недавно, в минувшем десятилетии, немалая часть экономического благополучия «тучных» 2000-х годов обусловлена небывало низкой демографической нагрузкой в результате приостановившегося старения населения. Приостановилось же оно потому, что в пожилые (пенсионные) возраста в это время входили малочисленные поколения, родившиеся в катастрофические военные годы. Экономика и политика извлекли из этого все возможные выгоды.

Но за малочисленными военными поколениями шли многочисленные послевоенные, и это влекло за собой новый рост демографической нагрузки в целом и нагрузки на пенсионный фонд, в частности (рисунки 24 и 25).

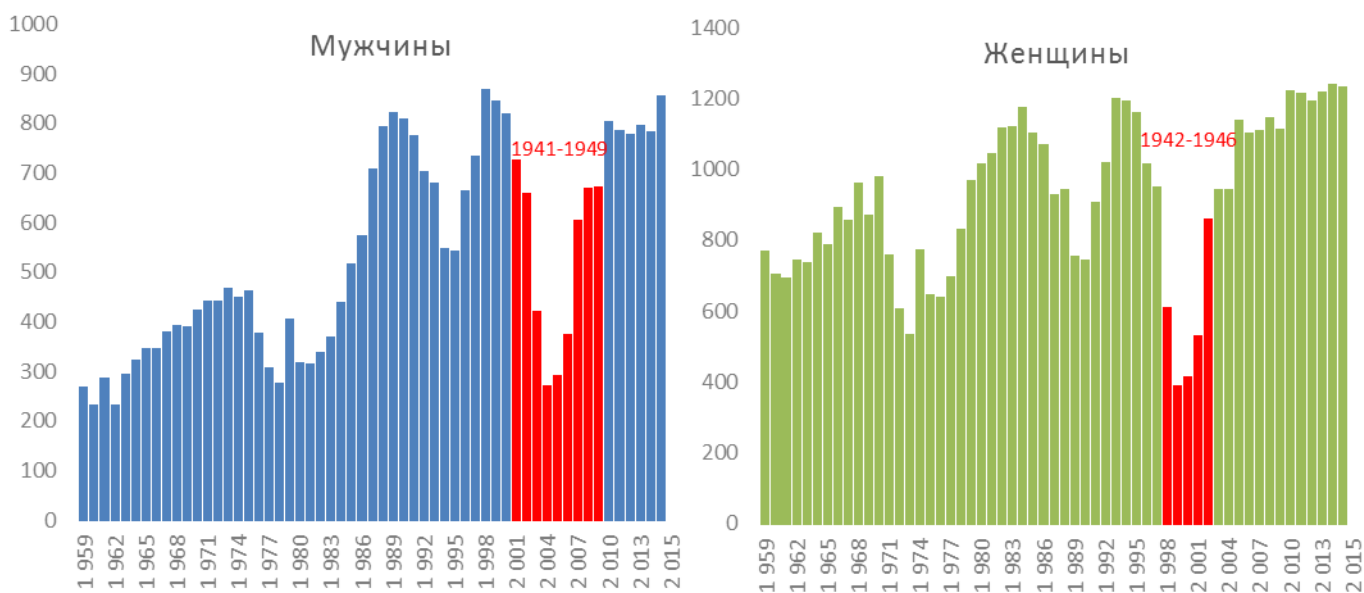

Рисунок 24. Число мужчин и женщин, достигавших пенсионного возраста (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) в 1959-2014 гг., тыс.

Источник: Демографический ежегодник России за разные годы.

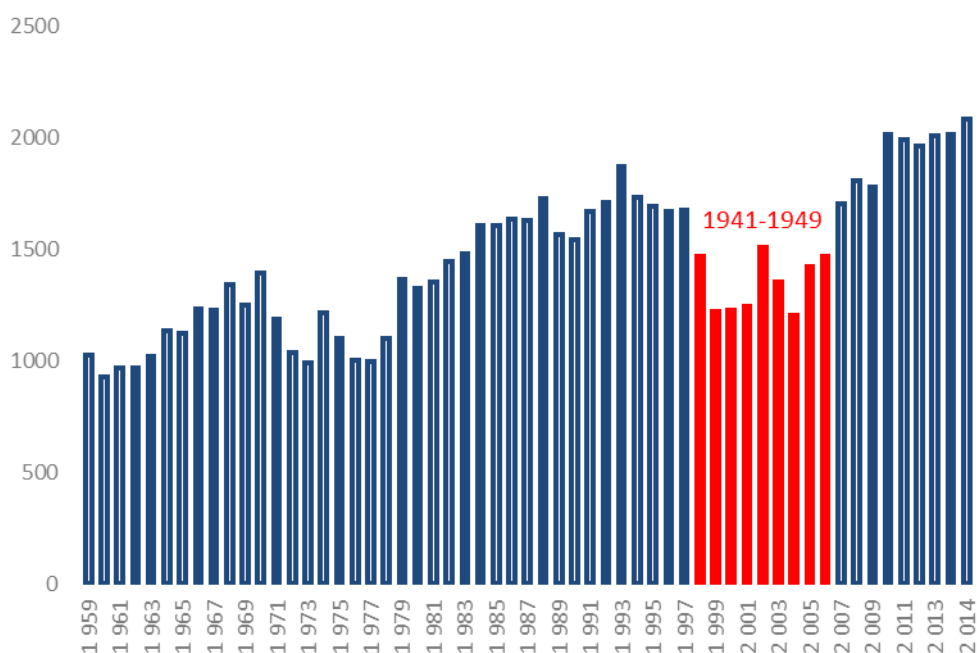

Рисунок 25. Население обоих полов, достигавшее пенсионного возраста (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) в 1959-2014 гг., тыс.

Источник: Демографический ежегодник России за разные годы.

Этот рост кажется особенно большим, потому что он идет после «ямы», образованной военными поколениями. Он был вполне предсказуемым, но для многих оказался неожиданным, и ему стали придумывать разные объяснения вроде того, что дается в «аналитическом докладе», подготовленном по поручению министра здравоохранения. В

нем говорится, что доля людей старшего возраста в стране выросла с 20,5% в 2006 г. до 23,5% и поясняется, что это произошло из-за "демографических изменений, приведших к увеличению продолжительности жизни"⁴.

Могли ли военные потери быть меньшими?

Война есть война, воюющие стороны несут неизбежные людские потери. Но таких потерь, какие понес СССР в 1941-1945 гг., в истории еще не было. Оценки этих потерь сильно разнятся. Л. Рыбаковский приводит сводку 28 различных оценок, которые колеблются от 7 млн человек, названных Сталиным в 1946 г., до 46 млн, исчисленных одним из исследователей [Рыбаковский 2010: 26]. Но все же основная масса оценок концентрируется в интервале 26-27 млн человек, из которых примерно половина (13 млн по оценке Л. Рыбаковского [Рыбаковский 2010: 103]) приходится на Россию. Если исходить из этих цифр, то на долю СССР пришлось от трети до половины всех людских потерь стран, участвовавших во Второй мировой войне [Вишневский 1998: 387], а на долю России – от 16-17% до 25%, и неудивительно, что демографическое эхо этих потерь Россия слышит и по сей день.

Чем объяснить такие высокие потери? Победа в войне была необходима, но разве ее нельзя было добиться не столь дорогой ценой? Были ли эти потери обусловлены невыгодным для СССР соотношением сил? Неожиданностью войны? Ошибками политического руководства страны, неправильно оценившего международную ситуацию накануне войны или не сумевшего сделать выводы из ее оценки?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, нам придется вернуться в 1939 г., с которого мы начали нашу статью. Уже упоминавшийся XVIII съезд ВКП(б), главное событие тогдашней политической жизни СССР, важен для нашей темы не только потому, что Сталин назвал на нем численность населения СССР. Гораздо важнее то, что на нем была дана оценка международной ситуации, связанной с приближавшейся войной.

В частности, в докладе Сталина говорилось об уже начавшейся новой империалистической войне, характерная черта которой состояла в том, что «она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой» [Сталин 1997: 296]. Под государствами-агрессорами понимались Германия, Италия и Япония, и при этом подчеркивалось, что «неагрессивные, демократические государства» «располагают громадными возможностями» и «взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом и в военном отношении» [Сталин 1997: 296-297].

Тема превосходства над фашистскими государствами получила развитие в следующем после Сталина докладе делегации ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна (ИККИ), с

⁴ Дольше жить, чтобы больше работать. Минздрав и Росстат исследуют поводы для увеличения пенсионного возраста. "Коммерсантъ" №145 от 13.08.2015.

которым выступил Д.З. Мануильский. «Для того, чтобы нанести поражение фашистским агрессорам, нужны *действия*, подкрепленные аргументами *материальной силы*, действия государств, против которых, по существу направлена фашистская агрессия (Франция, Англия, США). <...> Для большой серьезной войны фашистская Германия не готова: у нее нет достаточно сырья, продовольствия, ее финансовое положение критическое, ее берега уязвимы для морской блокады, в ее армии нехватка командного состава, ее тыл – опасный для фашизма тыл. Преимущества материальной силы, несомненно, на стороне так называемых демократических государств. Эти государства располагают населением в *три* раза больше, чем блок агрессоров, производят стали в $1\frac{1}{2}$ -2 раза больше, вырабатывают в два раза больше электроэнергии, выпускают в *четырнадцать* раз больше автомобилей, добывают в *пятьдесят пять* раз больше жидкого топлива, в *девять* раз больше текстильного сырья, в *четыре* раза больше продовольствия; они могут покрыть полностью свои сырьевые потребности, в то время как блок агрессоров имеет даже в мирное время дефицит в размере 50-55%; их наличные золотые запасы в *сорок девять* раз превосходят резервы фашистских государств. Их производственные возможности в самолетостроении, моторизации армии, ее военно-технической оснащенности далеко превосходят самые смелые расчеты фашистского блока; морской флот Франции, Англии и США в *два* раза сильнее, чем флот Германии, Италии и Японии» [Съезд ВКП(б) 1939: 57].

Делегаты съезда были настроены очень бодро. Сталин иронизировал по поводу «фашистских заправил» и зал чутко откликался на его юмор, об этом свидетельствуют ремарки в стенограмме съезда, опущенные, правда, при публикации доклада в собрании сочинений Сталина. «Фашистские заправилы раньше, чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, то есть ввести его в заблуждение, обмануть его. Военный блок Германии и Италии против интересов Англии и Франции в Европе? Помилуйте, какой же это блок! “У нас” нет никакого военного блока. “У нас” всего-навсего безобидная “ось Берлин – Рим”, то есть некоторая геометрическая формула насчет оси. (Смех). Военный блок Германии, Италии и Японии против интересов США, Англии и Франции на Дальнем Востоке? Ничего подобного! “У нас” всего-навсего безобидный “треугольник Берлин – Рим – Токио”, то есть маленькое увлечение геометрией. (Общий смех)» [Съезд ВКП(б) 1939: 12]. «Вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, то есть Советскую Украину, к козявке, то есть к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смиренных рубашек для таких сумасшедших (*Взрыв аплодисментов*)» [Съезд ВКП(б) 1939: 13-14].

Следует признать, что если отбросить пропагандистскую риторику, то представленный на Съезде анализ соотношения сил на мировой арене был верным. В общем, это подтвердил и ход войны, правда, с немалыми оговорками.

Когда война закончилась, снова прозвучала мысль об изначальном превосходстве победителей, о «величайших преимуществах коалиции демократических государств, которые обладали значительно превосходящими возможностями и резервами в экономике и технике для победы в мировой войне. Эти преимущества видны также из сравнения численности населения: демократические государства — СССР, США и Англия — имели

численность населения в 372 млн человек, в то время как фашистские государства — Германия, Япония и Италия — имели 186 млн человек» [Вознесенский 1948]. И снова это не просто личная точка зрения пусть и весьма высокопоставленного тогда автора. После выхода его книги она была удостоена Сталинской премии первой степени, и имеются свидетельства, что ее «ещё в рукописи прочитал с карандашом в руках Сталин и сделал свои пометки и даже некоторые вставки» [Съезд КПСС 1962: 184].

Но как совместить такое превосходство с такими потерями?

Всякое сравнение хромот, но все же некоторые параллели напрашиваются. 7 декабря 1941 г. несколько сот японских самолетов («без объявления войны») атаковали американскую военную базу Пёрл-Харбор, после чего США, Великобритания и ряд их союзников объявили войну Японии.

Япония была совсем не простым противником. Ее население в 1941 г. (73 млн человек) было примерно таким же, как население Германии (72 млн), тогда как население США в это время (132 млн человек по переписи 1940 г.) составляло примерно две трети населения СССР (197 млн в июне 1941 г.). Кроме того, Япония владела колониями (включая Корею) с населением свыше 30 млн человек, контролировала значительные территории Китая, в том числе марионеточное государство Манчжоу-го с населением свыше 40 млн человек. Япония давно готовилась к войне и вела войну, она оккупировала значительные территории в Азии и Океании, развитие ее промышленности было подчинено военным задачам, политика страны находилась под контролем военных, большинство населения фанатично поддерживало агрессивные имперские цели руководства страны.

Начавшаяся после Пёрл-Харбора война шла на огромном Тихоокеанском театре, первый ее этап складывался неудачно для США и их союзников, но затем наступил перелом. Поворотной точкой считается морское сражение у атолла Мидуэй в июне 1942 г. Война продолжалась еще более трех лет, но уже при явном превосходстве США. Разница военно-экономических потенциалов Японии и США была огромной, и это предредило исход войны: японцы были изгнаны со всех захваченных ими территорий, военные действия были перенесены на территорию Японии. Война США против Японии нейтрализовала, а затем и ликвидировала чрезвычайно опасную для СССР угрозу, исходившую от одной из вершин «треугольника», ироническое упоминание о котором в докладе Сталина было встречено «общим смехом» делегатов XVIII Съезда ВКП(б).

В ходе этой совсем не простой войны с Японией, длившейся, как и Великая отечественная, с 1941 по 1945 г., американские вооруженные силы потеряли убитыми, умершими в плену и пропавшими без вести около 120 тыс. военнослужащих [Army 1946 : 8; CRS (2001): 3]. Это меньше, чем безвозвратные потери советских войск в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. (127 тыс. погибших), и всего в 10 раз больше, чем было потеряно примерно за 25 дней военных действий против Квантунской армии в Маньчжурии после вступления СССР в войну против Японии 9 августа 1945 г. (свыше 12 тыс. человек) [Гриф секретности 1993: 121, 223]. К этому времени военная мощь Японии была уже ослаблена, Япония дважды подверглась атомной бомбардировке. 15 августа император Хирохито, выступая по радио с обращением к нации, объявил о капитуляции Японии, но

Квантунская армия продолжала сопротивляться до 2 сентября, не имея, конечно, никаких перспектив.

А как сработал зафиксированный на XVIII Съезде ВКП(б) расклад мировых сил в случае СССР?

На протяжении нескольких месяцев после съезда Советский Союз вел переговоры с Англией и Францией и одновременно с Германией. Имеется огромная литература, в которой подробно обсуждаются все вопросы европейской дипломатической игры лета 1939 г., осуждаются или оправдываются тогдашние шаги советского руководства. Но для нас сейчас важен результат: советская дипломатия не достигла взаимопонимания с «неагрессивными демократическими государствами», зато довольно быстро нашла общий язык с авантюристическими «фашистскими заправилками», что привело к подписанию 23 августа советско-германского Пакта о ненападении («Пакт Молотова-Риббентропа»), а затем (28 сентября) и Договора о дружбе и границе.

Как утверждал в своих воспоминаниях генерал Судоплатов, один из руководителей советской разведки, курировавший перед войной как раз ее немецкое направление, «политика Сталина по отношению к Гитлеру основывалась на правильном соображении, что враждебность западного мира и Японии к советскому строю сделает изоляцию СССР от международного сообщества постоянным фактором» [Судоплатов 1997: 146-147]. Смысл этой фразы понять трудно, особенно на фоне того, что говорил на Съезде за несколько месяцев до того о «политике по отношению к Гитлеру» сам Сталин. Гораздо понятнее размышления разведчика о том, что «тайные консультации Гитлера, Риббентропа и Молотова о возможном соглашении стратегического характера между Германией, Японией и Советским Союзом создали у Сталина и Молотова иллюзорное представление, будто с Гитлером можно договориться», и его недоумение по поводу того, что «военное руководство и окружение Сталина питали иллюзию, будто мощь Красной Армии равна мощи сил вермахта, сосредоточенных у наших западных границ. Откуда такой просчет?» «Никто в службе госбезопасности серьезно не изучал реальное соотношение сил на советско-германской границе» [Судоплатов 1997: 175, 180-181].

Но, кажется, и сам Судоплатов не считал, что при той степени доверия, какая установилась между руководством двух стран, подобное изучение было необходимым. Объясняя, почему разведка отказалась от использования ценного агента, имевшего доступ к высшим должностным лицам Рейха, он пишет: «Перед тем как Германия развязала против нас войну, фактически не было таких проблем, где бы можно было его использовать для прощупывания позиции немцев по тому или иному деликатному вопросу: ведь все это время Молотов и наш посол Деканозов поддерживали конфиденциальные отношения с Риббентропом и послом Германии Шуленбургом» [Судоплатов 1997: 172]. А чем же тогда занималась разведка «на немецком направлении»? «Как только Сталин узнал о том, что немецким генштабом проводятся учения по оперативно-стратегическому и материально-техническому снабжению на случай затяжной войны, он немедленно отдал приказ ознакомить немецкого военного атташе в Москве с индустриально-военной мощью Сибири. В апреле 1941 года (!) ему разрешили поездку по новым военным заводам, выпускавшим танки новейших конструкций и самолеты. Через свою резидентуру в Берлине

мы распространяли слухи в министерствах авиации и экономики, что война с Советским Союзом обернется трагедией для гитлеровского руководства» [Судоплатов 1997: 176]. Так мы готовились к войне.

Л. Рыбаковский, едва ли не больше других занимавшийся изучением военных потерь СССР и России, ввел в оборот странную формулу: «Сталин, идя на заключение с фашистской Германией пакта о ненападении, не совершил ошибки, но допустил огромный стратегический просчет» [Рыбаковский 2000: 94; 2010: 19]. Но его общий вывод все же гласит, что «огромные размеры людских потерь во многом обусловлены преступной деятельностью Сталина и его окружения [в книжном варианте – «клики»]; стратегическими просчетами, допущенными накануне войны; упорным нежеланием считаться с реалиями войны, особенно на ее первой стадии» [Рыбаковский 2000: 94; 2010: 18].

Видимо, Сталин и его окружение достаточно ясно осознавали, что *такие* потери не были оправданы, и сделал все, чтобы скрыть их подлинные масштабы. Это проявилось не только в том, что Сталин сообщил всему миру совершенно нереальную величину потерь – 7 млн человек (заведомо зная, что она больше), но и в том, что он запретил любые попытки учета послевоенного населения СССР. Хорошо понимая нежелание Сталина называть истинную величину потерь, тогдашний начальник ЦСУ СССР В. Старовский все же, полагая, что «для практических нужд необходимо иметь данные о современной численности... и... составе населения», предложил провести единовременный учет населения, специально оговорив, что речь идет не о переписи населения и что «в отличие от итогов переписи населения итоги учета не будут подлежать публикации, как это принято в международной практике», но получил указание Сталина «отложить до конца пятилетки» [Демографическая модернизация России 2006: 459]. После этого указания, полученного 29 августа 1947 г., Сталин прожил более 5 лет, но вопрос об учете, а тем более о переписи населения больше не возникал. И даже после смерти Сталина величина военных потерь населения СССР долгое время была окружена завесой секретности, и тот же В. Старовский, как мог, противился ее рассекречиванию. Сохранилась секретная записка «особой важности» в ЦК КПСС от 14 ноября 1956 г. Вот ее полный текст⁵.

«Особой важности».

Тов. Шепилов просит телеграфировать подлежащие публикации цифры о людских потерях советской армии и советского народа за годы второй мировой войны.

В связи с этим докладываю:

а) в интервью И.В. Сталина, опубликованном в печати 14 марта 1946 года, было сказано: «... В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу – около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп.33 Д.2990. Л.75.

людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые».

б) по расчетам ЦСУ убыль населения СССР за годы войны в результате потерь советской армии истребления советских людей оккупантами и превышения смертности над рождаемостью составила более 20 миллионов человек;

в) из опубликованных в сборнике ЦСУ цифр о населении СССР за 1940 год (191,7 млн.) и на апрель 1956 года (200,2 млн.), а также из данных о приросте населения, опубликованных за последние годы, можно сделать вывод, что потери в СССР в войну составили не 7 млн., а значительно больше.

В связи с этим считал бы необходимым дать тов. Шепилову указание или не называть вовсе цифру потерь, ограничившись формулировкой «многие миллионы», или же назвать цифру – свыше 20 млн. человек дав ее, примерно, в следующей редакции:

«Советский Союз за период Великой Отечественной войны потерял в боях с захватчиками, в результате истребления населения оккупантами, а также от снижения рождаемости и увеличения смертности, особенно в оккупированных районах, свыше 20 миллионов человек».

Прошу указаний».

Шепилов в то время по своему статусу был значительно выше Старовского, тем не менее он, по-видимому, получил соответствующее «указание», потому что новая цифра потерь («более двух десятков миллионов жизней советских граждан») была названа Хрущевым лишь спустя 5 лет [Хрущев 1961: 8], а затем подверглась корректировке уже в точном соответствии с рекомендацией Старовского («свыше 20 миллионов человек») [Брежнев 1965: 15]. Как справедливо отмечает Д. Богоявленский, «можно считать, что основа цифр и Хрущева, и Брежнева впервые указана Старовским в этой записке. Кстати, и «горбачевские» «почти 27 млн» формально вполне попадают в определение «свыше 20 миллионов человек» из письма начальника ЦСУ СССР. Видимо, ЦСУ все же вело свой собственный счет потерь, и в этом – немалая заслуга Старовского. Но верно и то, что он считал совершенно нормальными сокрытие от народа и от всего мира истинных масштабов потерь и искал способов продолжать утаивать имевшиеся в его распоряжении цифры в изменившейся политической ситуации. Даже в своем сверхсекретном письме Старовский не называет конкретных цифр, а приводит уклончивые и «округленные» оценки. Кроме того, он ошибался, а может быть и лукавил, включая в предлагаемую им формулировку потери от снижения рождаемости. Такие потери, пусть и гипотетические, конечно, были, но с ними «цена Победы» оказалась бы еще большей» [Богоявленский 2012].

Она и оказалась большей, все послевоенные переписи населения свидетельствуют об этом, как и о том, с каким трудом и как долго залечивались (и все еще продолжают залечиваться) нанесенные войной демографические раны. И остается вопрос: почему они оказались так глубоки? Знаменитые слова из песни Окуджавы: «Нам нужна одна победа, одна на всех — мы за ценой не постоим» – не дают всех ответов на этот вопрос. Советский Союз сражался с сильным, но не с более сильным противником, он воевал на стороне,

намного более мощной в экономическом и военном отношении, что, как мы видели, было ясно тогдашнему политическому руководству и до, и после войны.

Сам факт, что вместо того, чтобы искать ответ на вопрос о причинах небывалых потерь, оно сделало все, чтобы избежать самого вопроса, говорит о многом. Оно встало на путь преуменьшения потерь и их засекречивания в надежде на то, что все забудется и время смоем все следы, в памяти же останется одна победа.

Но нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы (Лука, 8, 17).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова (1993). Население Советского Союза: 1922-1991. М.: Наука.
- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова (1998). Демографическая история России: 1927-1959. М.: Информатика.
- База данных Демоскопа Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40nrr.php> (дата обращения: 22.06.2016).
- Башкин А., Е. Назаров (2014). Была ли перепись 1939 г. сфальсифицирована? URL: <http://statehistory.ru/4567/Byla-li-perepis-1939-g--sfalsifitsirovana/> (дата обращения: 22.06.2016).
- Богоявленский Д. (2012). Как утаивали величину военных потерь // Демоскоп Weekly. №513–514. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/argiv01.php> (дата обращения: 22.06.2016).
- Брежнев Л.И. (1965). Великая победа советского народа. М.: Политиздат.
- Вишневский А. (1998). Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.
- Вишневский А.Г., Захаров С.В. (2010). Что знает и чего не знает российская демографическая статистика // Вопросы статистики. №2: 7-17.
- Вознесенский Н. (1948). Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат.
- Волков А.Г. (2014). Избранные демографические труды. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (1993) // Под. ред. Г.Ф. Кривошеева. М: Воениздат.
- Демографическая модернизация России, 1900-2000 (2006) / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство.
- Демографический ежегодник России 2015 (2015): Статистический сборник. М.: Росстат.
- Иванова Е., А. Михеева (1998). Внебрачное материнство в России // Население и общество №28.
- Ильина И.П. (1977). Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А. Вишневского. М.: Статистика.

- Поляков Ю., В. Жиромская, Н. Араловец (2004). «Демографическое эхо» войны // Война и общество, 1941-1945. Кн. 2. М.: Наука.
- Рыбаковский Л.Л. (2000). Людские потери СССР и России в Великой отечественной войне // Социологические исследования. №8.
- Рыбаковский Л.Л. (2010). Людские потери СССР и России в Великой отечественной войне. М.: Экон-Информ.
- Сталин И.В. (1997). Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // Сталин И.В. Сочинения. Т.14. М.: «Писатель».
- Судоплатов П.А. (1997). Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС.
- Съезд ВКП(б) (1939). XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. ОГИЗ.
- Съезд КПСС (1962). XXII съезд КПСС. 17—31 октября 1961 года. Т. 2. М.: Политиздат.
- Тольц М.С. (2004). Тайны советской демографии // Демоскоп Weekly. №171-172. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php#00> (дата обращения: 22.06.2016).
- Тольц М.С. (2014). От абортного термидора к законодательному либерализму. Политика в области брачно-семейных отношений как зеркало истории СССР // Развитие населения и демографическая политика. Демографические исследования, вып. 23-й. Памяти А.Я. Кваши / Под ред. М.Б. Денисенко и В.В. Елизарова. М.: МГУ.
- Указ (1944). Указ Президиума Верховного совета СССР (1944). «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания Мать-героиня и учреждении ордена Материнская слава и медали Медаль материнства». URL: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/3096
- Харчев А.Г. (1979). Брак и семья в СССР. М.: Мысль.
- Хрущев Н.С. (1961). Письмо премьер-министру Швеции Т. Эрландеру // Международная жизнь. № 12.
- Цаплин В.В. (1989). Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории, №4.
- ЦСУ СССР (1975). Население СССР 1973. Статистический сборник. М.: Статистика: 150.
- Army (1946). Army battle casualties and nonbattle deaths in World War II. Final Report. 7 December 1941 – 31 December 1946. Statistic and Accounting Branch of Adjutant General.
- CRS (2001). CRS Report for Congress. U.S. Prisoners of War and Civilian American Citizens Captured and Interned by Japan in World War II: The Issue of Compensation by Japan. Updated July 27, 2001.
- Statistisches Bundesamt (2016). Wiesbaden. Animierte Bevölkerungspyramide. URL: <https://www.destatis.de/bevoelkerungspyramide/#!y=1967&v=2> (дата обращения: 22.06.2016).

DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR *

ANATOLY VISHNEVSKY^{1, **}

75 years have passed since the beginning of the Great Patriotic War, yet its demographic consequences, felt by Russia throughout all of this time, even now have not been completely overcome. The article traces the fate of the generations who fought (those born between 1890-1926), using general census data starting with the 1939 census. It is shown that 82% of women and only 53% of men registered in the 1939 census survived until 1959. The resulting gender imbalance caused a sharp increase in the proportion of single women as a result of widowhood, and due to a shortage of suitors in the marriage market the share of non-marital births increased significantly. The war set in motion an oscillating cycle of the annual number of births which continues to this day. A relatively small number of deaths in the postwar decades, due to the fact that a huge number of people killed during the war did not live to a normal age of death, created the illusion of a safe balance of births and deaths in the 1970's-1980's. Cyclical fluctuations in the size of generations induced by the war resulted in a wave-like dynamics of the working population and demographic burden, complicating the functioning of the labor market and the implementation of economic and social programs, effects which are felt even in our day, for example, in the dynamics of pension contingents.

The author discusses the reasons for the huge military losses and suggests that if the war had not been preceded by erroneous decisions of the country's political leaders, these losses could have been much smaller.

Keywords: generations involved in the war, military losses, consequences of the war, cost of the victory, gender imbalance.

¹ NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA).

* THE RESULTS OF THE PROJECTS "DEMOGRAPHIC, CARRIED OUT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016-2016, ARE PRESENTED IN THIS WORK.

** CORRESPONDENCE: avishnevsky@hse.ru

DATE RECEIVED: JANUARY 2016.

REFERENCES

- Andreyev Ye.M., L.Ye.Darskiy, T.L. Khar'kova (1993). *Naseleniye Sovetskogo Soyuz: 1922-1991* [The population of the Soviet Union: 1922-1991]. Moscow: Nauka.
- Andreyev Ye.M., L.Ye.Darskiy, T.L. Khar'kova (1998). *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927-1959*. [Demographic history of Russia: 1927-1959]. Moscow: Informatika.
- Army (1946). *Army battle casualties and nonbattle deaths in World War II. Final Report. 7 December 1941 – 31 December 1946*. Statistic and Accounting Branch of Adjutant General.
- Bashkin A., Ye. Nazarov (2014). *Byla li perepis' 1939 goda sfal'sifitsirovana?* [Was the census of 1939 falsified?]. URL: <http://statehistory.ru/4567/Byla-li-perepis-1939-g--sfalsifitsirovana/> (accessed: 22.06.2016).
- Baza dannyykh Demoskopa Weekly [Database of Demoscope Weekly]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40nrr.php> (accessed: 22.06.2016).

- Bogoyavlenskiy D. (2012). Kak utaivali velichinu voyennykh poter' [How the military losses were concealed]. Demoscope Weekly. №513–514. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/arxiv01.php> (accessed: 22.06.2016).
- Brezhnev L.I. (1965). Velikaya pobeda sovetskogo naroda [The great victory of the Soviet people]. Moscow: Politizdat.
- CRS (2001). CRS Report for Congress. U.S. Prisoners of War and Civilian American Citizens Captured and Interned by Japan in World War II: The Issue of Compensation by Japan. Updated July 27, 2001.
- Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000 [Demographic modernization of Russia, 1900-2000] (2006). Pod red. A.G. Vishnevskogo [Ed. by A.G. Vishnevsky]. Moscow: Novoye izdatel'stvo.
- Grif sekretnosti snyat. Poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boyevykh deystviyakh i voyennykh konfliktakh [Secrecy label removed. Casualties of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts] (1993). G.F.Krivosheev, ed. Moscow: Voenizdat.
- Il'ina I.P. (1977). Vliyaniye voyn na brachnost' sovetskikh zhenshchin [The impact of war on the Soviet women's marriages] // Brachnost', rozhdayemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. [Nuptiality, fertility, mortality in Russia and in the USSR]. Pod red. A.G.Vishnevskogo. [Ed. by A.G. Vishnevsky]. Moscow: Statistika.
- Ivanova Ye., Mikheyeva A. (1998). Vnebrachnoye materinstvo v Rossii [Extramartial motherhood in Russia] // Naseleniye i obshchestvo [Population and Society]. №28.
- Kharchev A.G. (1979). Brak i sem'ya v SSSR [Marriage and family in the Soviet Union]. Moscow: Mysl'.
- Khrushchev N.S. (1961). Pis'mo prem'yer-ministru Shvetsii T. Erlanderu [Letter to the Prime Minister of Sweden T. Erlander] // Mezhdunarodnaya zhizn'. №12.
- Polyakov Yu., Zhiromskaya V., Aralovets N. (2004). "Demograficheskoye ekho" voyny ["Demographic echo" of the war] // Voyna i obshchestvo, 1941-1945. Kniga 2 [War and Society, 1941-1945. Vol. 2]. Moscow: Nauka.
- Rybakovskiy L.L. (2000). Lyudskiye poteri SSSR i Rossii v Velikoy otechestvennoy voyne [Casualties of the USSR and Russia in the Great Patriotic War] // Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological studies]. №8.
- Rybakovskiy L.L. (2010). Lyudskiye poteri SSSR i Rossii v Velikoy otechestvennoy voyne [Casualties of the USSR and Russia in the Great Patriotic War]. Moscow: Econ-Inform.
- S"yezd KPSS (1962). XXII s"yezd KPSS. 17-31 oktyabrya 1961 goda [XXII Congress of the CPSU. 17-31 October 1961]. T. 2. Moscow: Politizdat.
- S"yezd VKP(b) (1939). XVIII S"yezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevokov) 10-21 marta 1939 goda. Stenograficheskiy otchet [XVIII Congress of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks) 10-21 March 1939. Verbatim record]. Moscow: OGIZ.
- Stalin I.V. (1997). Otchetnyy doklad na XVIII s"yezde partii o rabote TsK VKP(b) 10 marta 1939 goda [Progress report of the Central Committee of the CPSU (b) at the XVIII Congress of the Party. March 10, 1939] // Stalin I.V. Sochineniya [Works]. T.14. Moscow: «Pisatel'».
- Statistisches Bundesamt (2016), Wiesbaden. Animierte Bevölkerungspyramide. URL: <https://www.destatis.de/bevoelkerungspyramide/#!y=1967&v=2> (accessed: 22.06.2016).
- Sudoplatov P.A. (1997). Spetsoperatsii. Lubyanka i Kreml': 1930-je –1950-je [Special operations. Lubyanka and the Kremlin: the 1930s – the 1950s]. Moscow: OLMA-PRESS.

- Tol'ts M.S. (2004). Tayny sovetskoy demografii [Secrets of Soviet demographics] // Demoskop Weekly № 171-172 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php#00> (accessed: 22.06.2016).
- Tol'ts M.S. (2014). Ot abortnogo termidora k zakonodatel'nomu liberalizmu. Politika v oblasti brachno-semeynykh otnosheniy kak zerkalo istorii SSSR [From abortion Thermidor to the legislative liberalism. The marriage and family relations policy as a mirror of history of the USSR] // Razvitiye naseleniya i demograficheskaya politika [Population development and population policy]. Demograficheskiye issledovaniya. Vyp.23-y. Pamyati A.Ya. Kvashi [Population Studies. Vol.23. In memory of A.Ya. Kvasha]. Pod red. M.B. Denisenko i V.V. Yelizarova [Ed. by M.B. Denisenko and V.V. Elizarov]. Moscow: MGU.
- Tsaplin V.V. (1989). Statistika zhertv stalinizma v 30-ye gody [Statistics of victims of Stalinism in the 30s] // Voprosy istorii, №4.
- TSSU SSSR (1975). [Central Statistical Office of the USSR]. Naseleniye SSSR 1973 [The population of the USSR 1973]. Statisticheskii sbornik [Statistical Yearbook]. Moscow: Statistika.
- Ukaz (1944). Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo soveta SSSR (1944). «Ob uvelichenii gosudarstvennoy pomoshchi beremennym zhenshchinam, mnogodetnym i odinokim materyam, usilenii okhrany materinstva i detstva, ob ustanovlenii pochetnogo zvaniya Mat'geroinya i uchrezhdenii ordena Materinskaya slava i medali Medal' materinstva» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1944). "On increase of state aid to pregnant women, large families and single mothers, strengthening maternal and child health, the establishment of the honorary title of Mother-Heroine, the Order of Maternal Glory and Medal of motherhood"]. URL: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/3096
- Vishnevskiy A. (1898). Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR [The sickle and the ruble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow: OGI.
- Volkov A.G. (2014). Izbrannyye demograficheskiye Trudy [Selected demographic works]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki [HSE Publishing House]
- Voznesenskiy N. (1948). Voyennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny [The war economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow: Gospolitizdat.

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: СКОЛЬКО ИХ БЫЛО И СКОЛЬКО ВЕРНУЛОСЬ?

ПАВЕЛ ПОЛЯН^{1, *}

В статье рассматриваются демографические аспекты проблематики плена военнослужащих Красной Армии во время Великой отечественной войны: количество взятых в плен (немецкий, финский и румынский), смертность в плену, данные о репатриации. В качестве отдельной подкатегории рассматриваются советские военнопленные - евреи по национальности, ставшие де-факто первыми после 22 июня 1941 г. жертвами Холокоста.

Ключевые слова: плен, советские военнопленные, советские военнопленные-евреи, холокост, смертность в плену, репатриация, компенсация.

ДЕБАТЫ О ЧИСЛЕ И СМЕРТНОСТИ

Шестизначные цифры военнослужащих Красной Армии, захваченных немцами в плен 1941-1942 гг. после таких окружений как Киевское, Брянско-Вязьминское, Белостокско-Минское, Смоленско-Рославльское, Крымское, Кубанско-Донское, Харьковское или Уманьское, поистине беспрецедентны.

В речи, произнесенной Гитлером 11 декабря 1941 г., прозвучала составленная по донесениям войсковых частей и невероятная по своему итогу суммарная цифра военнопленных — 3,8 млн человек. В конце 1941 г. эта цифра была пересмотрена на основании коррекции донесений из лагерей для советских военнопленных, что уменьшило их число почти на 0,5 млн – до 3,35 млн человек. Интересно, что результаты отдельных окружений не пересматривались и при суммировании давали именно 3,8 млн человек. Так что, скорее всего, точнее была именно первая цифра, возможно содержащая в себе и умерших (как до, так и после регистрации), и тех военнопленных, которых осенью 1941 г. выводили из состояния плена и отпускали домой (таких в зоне ответственности ОКХ – Oberkommando des Heeres в 1941 г. было не менее 319 тыс. человек).

¹Институт географии Российской Академии наук (Россия).

*E-MAIL: PAVEL.POLIAN@GMAIL.COM

К миллиону и больше, видимо, приближался и счет так называемых «окруженцев», т.е. красноармейцев, попавших во вражеское окружение, но не взятых в плен, а сумевших вырваться из окружения к своим. Уже к середине октября 1941 г. таковых, по данным регистрировавшего и фильтровавшего их НКВД, насчитывалось около 660 тыс. человек, а «котлы» к этому времени еще далеко не закончились¹. К тому же часть «окруженцев» так и не смогла (или не захотела) пробиться к своим. Одни пошли к партизанам, другие осели по деревням: де-юре – на правах родственников (мужей, сыновей) местного гражданского населения, а де-факто – приемаками. Со временем они или попадали в списки на угон в Германию, или присоединялись к партизанам, иногда делали карьеру в оккупационной администрации.

Если вернуться к советским военнопленным, то, согласно данным К. Штрайта, в середине июля 1942 г. их насчитывалось уже 4716903 человек, в январе 1943 г. — 5003697, в феврале 1944 г. — 5637482 и на 1 февраля 1945 г. — 5734528 человек [Streit 1991: 244]². Согласно текущим сводкам ОКХ о количестве военнопленных и военных трофеев, общее число военнопленных и перебежчиков по состоянию на 21 июля 1944 г. насчитывало 5691747 человек³.

Первую попытку систематического анализа различных учетов советских военнопленных произвел Р. Оверманнс (таблица 1). Он наметил и проанализировал три разных статистических ряда: 1) донесения отделов Ic (органы военной контрразведки) войсковых соединений, захвативших советских военнослужащих в плен (эти сообщения имеются практически повсеместно и полно, но не существовало такого центрального органа, который сводил бы и вел эти данные в качестве текущей официальной статистики); 2) данные учетов Отдела «Вражеские сухопутные войска/Восток» Верховного главнокомандования сухопутных войск (ОКН/Abteilung Fremde Heere Ost) (именно их, хотя и не полностью, использовал К. Штрайт); 3) сводную оценку вермахта, основывающуюся на 10-дневных сообщениях вооруженных сил, которые затем сводились в ежемесячную отчетность (основываются, предположительно, на информации от сборных пунктов военнопленных). Внутри вермахта только эта информация и распространялась.

Все три ряда чисел существенно друг от друга отличаются. Первый заканчивается на цифре около 6 млн человек, второй – примерно на 5,75 млн, а третий – примерно на 5,3 млн (она-то и приведена в таблице 1, но с добавлением учета военнопленных в лагерях военных авиации и флота). Естественно было бы предположить, что разница в

¹ См. письмо зам. начальника Управления Особого отдела НКВД комиссара госбезопасности С.Р. Мильштейна Л.П. Берию, косвенно датированное этой датой: «С начала войны по 10-е октября с.г. Особыми отделами НКВД по охране тыла задержано 657.364 военнослужащих, оставших от своих частей и бежавших с фронта <...>. В числе арестованных Особыми отделами: шпионов — 1505, диверсантов — 308, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самострельщиков — 1671, <...> ВСЕГО: 25878. По постановлению Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10321 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек» [Буковский 1996: 77-78].

² На 30.06.1943 насчитывалось 5419605 военнопленных (ВА/МА, RW 4/v.309 b). Начиная со второй половины 1943 г., поступление новых пленников резко сократилось.

³ ВА/МА, RH 2/2773.

значительной степени (но не полностью) возникла из-за коррекции статистики вермахта во второй декаде декабря 1941 г.

Таблица 1. Статистика численности советских военнопленных в немецком плену (по Р. Оверманнсу)

Даты	Сухопутные войска		Военно-воздушные силы		Военно-морской флот		Вооруженные силы (вермахт)	
	абс.	кум.	абс.	кум.	абс.	кум.	абс.	кум.
30.06.1941	112 784	112 784	0	0	0	0	112 784	112 784
31.07.1941	701 046	813 830	0	0	0	0	701 046	813 830
31.08.1941	698 580	1 492 310	0	0	0	0	698 580	1 492 310
30.09.1941	992 110	2 481 513	762	1 748	0	0	992 872	2 483 261
31.10.1941	1 037 778	3 528 046	936	2 684	64	64	1 038 778	3 530 794
30.11.1941	291 934	3 819 980	236	2 920	0	64	292 170	3 822 964
31.12.1941	75 440	3 367 206	48	2 968	2 599	2 663	78 087	3 372 837
31.01.1942	44 082	3 411 288	10	2 978	0	2 663	44 092	3 416 928
28.02.1942	26 734	3 438 022	8	2 985	7	2 670	29 726	3 443 677
31.03.1942	37 700	3 475 722	350	3 335	0	2 670	38 050	3 481 727
30.04.1942	29 786	3 505 508	0	3 335	0	2 670	29 786	3 511 513
31.05.1942	259 215	3 764 723	0	3 335	0	2 670	259 215	3 770 728
30.06.1942	227 408	3 992 131	325	3 660	0	2 670	227 733	3 998 461
31.07.1942	363 357	4 355 488	0	3 660	0	2 670	363 357	4 361 818
31.08.1942	297 825	4 653 313	89	3 749	0	2 670	297 914	4 659 732
30.09.1942	113 727	4 767 040	248	3 997	0	2 670	113 975	4 773 707
31.10.1942	52 048	4 819 088	512	4 509	0	2 670	52 560	4 826 267
30.11.1942	31 907	4 850 995	163	4 672	0	2 670	32 070	4 858 337
31.12.1942	31 282	4 882 277	122	4 794	0	2 670	31 404	4 889 741
31.01.1943	19 091	4 901 368	365	5 159	0	2 670	19 456	4 909 197
28.02.1943	17 208	4 918 576	85	5 244	0	2 670	17 293	4 926 490
31.03.1943	33 822	4 952 398	175	5 419	0	2 670	33 997	4 960 487
30.04.1943	7 080	4 959 478	112	5 531	0	2 670	7 192	4 967 679
31.05.1943	6 820	4 966 298	164	5 695	0	2 670	6 984	4 974 663
30.06.1943	5 692	4 971 990	252	5 947	0	2 670	5 944	4 980 607
31.07.1943	53 577	5 025 567	284	6 231	0	2 670	53 861	5 034 468
31.08.1943	23 454	5 031 539	278	6 509	0	2 670	23 732	5 040 718
30.09.1943	10 857	5 040 878	191	6 700	0	2 670	11 048	5 050 248
31.10.1943	25 384	5 066 262	183	6 883	0	2 670	25 567	5 075 815
30.11.1943	17 627	5 083 889	106	6 989	0	2 670	17 733	5 093 548
31.12.1943	22 837	5 106 726	83	7 072	0	2 670	22 920	5 116 468
31.01.1944	16 001	5 122 727	114	7 186	0	2 670	16 115	5 132 583
29.02.1944	19 329	5 142 056	114	7 300		2 670	19 443	5 152 026
31.03.1944	9 258	5 151 314	140	7 440		2 670	9 398	5 161 424
30.04.1944	11 316	5 162 630	117	7 557		2 670	11 433	5 172 857
31.05.1944	18 644	5 181 274	57	7 614		2 670	18 701	5 191 558
30.06.1944	2 801	5 184 075	70	7 684		2 670	2 871	5 194 429
31.07.1944	1 211	5 185 286	96	7 780		2 670	1 307	5 195 736
31.08.1944	12 509	5 197 795	41	7 821		2 670	12 550	5 208 286
30.09.1944	12 452	5 210 247	106	7 927		2 670	12 558	5 220 844
31.10.1944	9 164	5 221 212	61	7 988		2 670	9 225	5 231 870
30.11.1944	6 085	5 226 392	0	7 988		2 670	6 085	5 237 050
31.12.1944	3 781	5 231 057	201	8 189		2 670	3 982	5 241 916
31.01.1945	8 652	5 237 660	165	8 354		2 670	8 817	5 248 684
28.02.1945	8 222	5 245 882	0	8 354		2 670	8 222	5 256 906
Итого		5 245 882		8 354		2 670		5 256 906

Источники: Впервые – [Overmans, Hilger, Polian 2012: 863-865]. Таблица составлена Р. Оверманнсом. Данные из следующих источников: OKW/ Wfst/Org (Vb), Beurteilung der personellen und materiellen Rüstungslage der Wehrmacht (Monatsmeldung) [Оценка персонального и материального положения Вооруженных сил, ежемесячные сообщения / Генерал-квартирмейстер, 10-дневная отчетность]

(BA/MA. RW 6/v. 543, RW 6/v. 544, RW 6/v. 545, RW 6/v. 546, RW 6/v. 547, RW 6/v. 548, RM 7/810); Oberbefehlshaber der Luftwaffe / Generalquartiermeister, 10-Tagemeldungen der Wehrmachtteile [Главнокомандующий военно-воздушными силами / Генерал-квартирмейстер, 10-дневная отчетность] (BA/MA. RW 19/1387, RW 19/1389); Oberkommando der Kriegsmarine/ Seekriegsleitung, 10-Tagemeldungen der Wehrmachtteile [Высшее командование ВМФ / Командование морскими операциями, 10-дневная отчетность] (BA/MA. RM 7/800, RM 7/801, RM 7/802, RW 19/1387, RW 19/1389, RW 19/1390, RW 19/1392).

Примечания: Абс. – абсолютно; кум. – кумулятивно.

BA/MA– Федеральный архив / Военный архив, Фрайбург.

Расчетные значения даются курсивом; данные, извлеченные из архивов, отображаются прямым шрифтом; итоговые значения не всегда совпадают с суммой составляющих их элементов из-за ошибок в исходных данных; данные для сухопутных войск являются оценочными вплоть по сентябрь 1941 г. включительно; начиная с июля 1944 г. данные для сухопутных войск являются во все большей мере неполными.

Очевидно, что к тому же статистическому источнику, что и у Р. Оверманса, восходят данные А. Даллина [Dallin 1958] по состоянию на 1 мая 1944 г., примечательные и ценные своей детальностью и структурированностью (таблица 2).

Таблица 2. Советские военнопленные на 1 мая 1944 г., тыс.

	В зоне ответственности ОКХ, тыс. человек	В зоне ответственности ОКВ, тыс. человек	Всего	
			Тыс. человек	%
Всего	2 050	3 110	5 160	100,0
Из них:				
А. находятся в лагерях	175	878	1053	20,4
в том числе работают	151	724	875	17,0
Б. освобождено из плена или принято на военную службу	535	283	818	15,9
В. умерло в лагерях	845	1136	1981	38,4
Г. остальные	495	813	1308	25,3
в том числе бежало	Н.д.	67	67	1,3
казнено	Н.д.	473	473	9,1
умерло в транзитных лагерях или не зарегистрировано	495	273	768	14,9

Источник: [Ueberschär, Wette 1984: 364-366] со ссылкой на Nachweisung des Verbleibes der sowjetischen Kriegsgefangenen nach dem Stand vom 1.05.1944 BA/MA, RH 2 / v.262.

Советские военные историки, оспаривая все эти цифры, утверждают, что в них якобы зачтены такие многочисленные контингенты, как комбатанты (ополченцы, партизаны, подпольщики), сотрудники партийных и советских органов, мобилизованные, попавшие в окружение вместе с войсками беженцы, отнесение которых к категории пленных неправомерно. На это приходится возразить: обхождение, например, с арестованными партизанами и подпольщиками было принципиально иным, чем с военнопленными. Их рассматривали как бандитов, как уголовных преступников и после доказательств военно-полевым судом их виновности и утверждения смертного приговора

командиром немедленно расстреливали или вешали. При оправдательном приговоре с подсудимым обращались как с гражданским интернированным лицом⁴.

Актуальная официальная советско-российская оценка отличается от немецкой более чем на 1,5 млн человек — 4059 тыс., а с учетом без вести пропавших — 4559 тыс. человек [Россия и СССР в войнах... 2001: 462]⁵. К сожалению, критикуя немецкую статистику, советские военные историки не раскрывают ни источники, ни методику расчета этих альтернативных результатов, так что говорить о корректном сравнении их цифр с немецкими затруднительно⁶.

По официальным данным, 1368,8 бывших советских военнопленных в конце войны или после ее окончания репатриировалось из плена, 939,7 тыс. человек были вторично призваны в ряды Красной Армии на освобожденной от врага территории, а 673 тыс., по немецким данным, умерло в плену. «Недостающие» 1,1 млн человек, по оценке историков Генштаба, распределяются фактически между умершими в плену и пропавшими без вести⁷.

По данным на 1 мая 1944 г., в зоне ответственности ОКВ (т.е. на территории самого Рейха, Генерал-Губернаторства и Рейхскомиссариатов Украина и Остланд) в общей сложности перебивало 3110 тыс. советских военнопленных, из них 1882 тыс. или 60,5%, умерли там своей смертью или были казнены (таблица 2). Но еще выше была аналогичная доля в зоне ответственности ОКХ, т.е. в сугубо армейском оккупационном режиме: 1340 из 2050 тыс. человек или 65,4%!

Лишь 20,4% военнопленных находилось на эту дату в лагерях, из них около 83% работали. И хотя в зоне ОКХ этот показатель был еще выше (86,3%), на нее к 1 мая 1944 г. приходилось всего лишь 17,3% от общего числа трудившихся военнопленных. Большинство же (724 против 151 тыс. человек) трудились на благо Рейха в зоне ОКВ. Зато по числу отпущенных на свободу и коллаборантов, как, впрочем, и по числу умерших в транзитных лагерях или незарегистрированных военнопленных, перевес — и заметный — за ОКХ: соответственно 535 против 283 тыс. человек и 495 против 273 тыс. человек.

Количество единовременно находившихся в Рейхе военнопленных имело весьма выразительную динамику: по состоянию на 20 октября 1941 г. в Рейхе находилось 350 тыс. советских военнопленных, а на 5 ноября — даже 475 тыс.⁸

⁴ Наставление о поведении частей в занятых областях при нападении населения: ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.148. Д.199.

⁵ Как это ни удивительно, но в новейшем и явно претендующем на итоговость 12-томном издании [Великая отечественная война 2011-2015] масштабы потерь советских военнопленных даже не обсуждаются! В томе 3 «Битвы и сражения, изменившие ход войны» они фигурируют в вынесенных в приложение немецких документах, зато фактически отсутствуют в 900-страничном тексте!

⁶ Не говоря уже об оценке комиссии американского генерала Вуда в 4 млн человек [Решин 1994: 158].

⁷ Подробнее всего в [Гриф секретности снят... 1993: 338]. По вторично демобилизованным имеется ссылка на: ЦАМО. Ф.19-А. Оп. 2924. Д.7. Л. 87-96; Ф.8А, Оп.1261. Д. 2. Л.50, 57.

⁸ Arbeitsstab der Organisation Todt für russischen Kriegsgefangeneneinsatz. Gez. Henne. Berlin, 5.11.1941 (BAP, 46.03, Nr32, Bl. 9,10).

Но их судьба, видимо, не сильно отличалась от судьбы тех, кто был вдали от Германии: и те, и другие интенсивно гибли! Так, в январе 1942 г., по данным К. Штрайта, их насчитывалось даже меньше, чем в октябре, - всего 318 тыс. человек

Следует признать, что в первые 8-9 месяцев войны политика вермахта и СД по отношению к советским военнопленным носила все признаки геноцидальности⁹, а сборные пункты, дулаги и шталаги (как на востоке, так и в Рейхе) являлись самыми настоящими лагерями уничтожения. Изнурительный, голодный режим содержания в них и трудоиспользования военнопленных приводил к не знающей прецедентов смертности, а иногда и к таким отчаянным крайностям, как каннибализм [Черноглазова 1996: 124]¹⁰. Дополнительным испытанием на выживаемость была и сама дорога в Рейх, в особенности в зимнее время в открытых вагонах.

Но спустя год, в январе 1943 г., когда геноцидальность немецкой политики по отношению к военнопленным ослабла, их число составило уже 640948 человек, в январе 1944 г. – 739153 и в январе 1945 г. – 856804 человек. Максимум же был зафиксирован в декабре 1944 г. – 868321 человек [Streit 1991: 244-245]¹¹. К концу 1944 г. это были уже практически все наличные, т.е. оставшиеся в живых, советские военнопленные, поскольку в зоне ОКХ их уже не было, а в Генерал-губернаторстве и Протекторате Чехия и Богемия их оставалось не более 60-70 тыс. человек. Тут, конечно, не следует забывать, что около 1 млн военнопленных было к этому времени переведено из плена в различные немецкие соединения, формировавшиеся как в ОКХ, так и в ОКВ, и к концу войны, несмотря на все потери, сосредотачивавшиеся, в основном, в Рейхе¹².

Итак, если исходить из цифры в 5,7 млн советских военнопленных, то к концу войны в живых из них оставалось самое большее 2,4 млн. Таким образом, остальные 3,3 млн человек (или 57%!)¹³ умерли или погибли в плену, причем около 2 млн — до февраля 1942 г. [Streit 1991: 244-246]. Если бы можно было сопоставлять динамику смертности советских военнопленных и советских евреев, то, несмотря на отсутствие статистики, едва ли будет преувеличением утверждать: до весны 1942 г. военнопленные определенно «опережали» евреев.

Уцелевшие же распределялись так: статус военнопленного до конца войны сохраняли порядка 900 тыс. человек, более 320 тыс. были распущены по домам осенью 1941

⁹ Более уместным тут представляется термин *стратоцид* [Полян 2010]). Этим термином (кажется, впервые) воспользовался Б. Соколов [1998: 26].

¹⁰ В Бобруйском шталаге за каннибализм было расстреляно 28 человек. В Минском от голода и холода в ту зиму умерло не менее 40 тыс. человек.

¹¹ По другим данным, количество советских военнопленных, содержащихся в шталагах ОКВ и аффилированных с ними рабочих командах, было ощутимо выше: в частности, 1680287 по состоянию на 1 января 1945 г. [Россия и СССР... 2001: 460]. Со ссылками, в том числе, на трофейные документы: ЦАМО. Ф.500. Оп.1245. Д.86.

¹² Согласно советским данным, в добровольческих соединениях, составленных из представителей различных народов СССР, включая полицейские и вспомогательные формирования, в середине июля 1944 г. насчитывалось более 800 тыс. человек [Гриф секретности снят... 1993: 385]. Сюда, очевидно, включены и добровольцы из числа гражданских лиц.

¹³ По данным А. Даллина погибло еще больше – 3,7 млн человек или 63%. Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко обнародовал цифру советских военнопленных, замученных и истребленных на оккупированной территории: 3912283 человек – Правда(1969).

г., у генерала Власова и в других коллаборантских (в том числе небоевых) соединениях служили, вероятно, около 1 млн человек, еще около 0,4 млн успешно бежали из лагерей или были освобождены Красной Армией.

С учетом того, что на территории ОКХ весной 1944 г. их практически не было, суммарное число военнопленных, депортированных за довоенные границы СССР, можно оценить приблизительно в 3,25 млн человек. Выявить среди них число тех, кто находился непосредственно в Рейхе, практически невозможно. Но, с учетом данных об умерших и о репатриированных военнопленных, мы можем оценить их величину приблизительно в 2,1-2,2 млн человек.

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ-ЕВРЕИ: ОБРЕЧЕННЫЕ ПОГИБНУТЬ

Гитлер сумел выстроить несколько простых и оказавшихся вполне доступными немецкому народу и хорошо им усвоенными иерархий. Кроме расовой таблицы о рангах, где евреи занимали самую низкую ступень, помимо идеологической шкалы степеней угрозы для Рейха и соответствующей встречной ненависти, где выше всех стояли «жидо-большевистская интеллигенция» и «политические комиссары» как носители коммунистической идеологии, своя иерархия была и у военнопленных: из всех армий многочисленных противников Рейха ниже всех «котировались» советские военнопленные¹⁴.

Так что же тогда говорить о советских военнопленных еврейского происхождения, да еще и политруках! Что может быть ниже, хуже и ненавистнее?!..

Согласно сведениям, опубликованным Ф.Д. Свердловым [2002: 214]¹⁵, в Красной Армии в 1941-1945 гг. находилось 450-470 тыс. евреев, что составляло примерно 1,7% от общей численности вооруженных сил СССР и 16% всего еврейского населения СССР. Интересно, что 27% евреев ушло на фронт добровольно, 80% евреев-красноармейцев служило в боевых частях [Шапиро, Авербух 1997: 448, 466-477].

Исходя из той же доли, число погибших евреев должно было бы составить порядка 205 тыс. человек¹⁶. Данные ЦАМО лишь незначительно отличаются от этой цифры – 198 тыс. погибших в бою, умерших от ран и болезней или пропавших без вести [Шнеер 2003

¹⁴О геноцидальном характере политики Германии по отношению к советским военнопленным как к контингенту в целом см. прежде всего в: [Streit 1991; Полян 1996; 2002; 2006; Gerlach 1999; Шнеер 2003; Polyak 2005]. Эта политика была дифференцированной в этническом плане (так, украинцы, белорусы, грузины, представители северокавказских народностей, не говоря уже о фольксдойче, были привилегированны в целом ряде отношений – см. ниже), но предпринятая К. Беркофом попытка придать этой политике в целом еще и этноцидальный – направленный на русских как этнос – характер [Berkoff 2001] не представляется нам убедительной. Единственным этносом в составе красноармейцев, уничтожавшемся поголовно, были евреи (сведениями о селекции и уничтожении военнослужащих-цыган мы не располагаем).

¹⁵ Без учета еще нескольких сот человек, призванных на военную службу, начиная с сентября 1944 г., в армии Румынии и Болгарии (источник сведений, к сожалению, не указан). В другом месте тот же Ф.Д. Свердлов называет цифру в 450-470 тыс. евреев в Красной Армии; ее же повторяет и А. Арад [Шнеер 2003 Т.2: 28].

¹⁶ Ф.Д. Свердлов приводит иную цифру погибших в боях – 150 тыс. человек. В 200 тыс. человек он оценивает боевые потери евреев-военнослужащих в целом [Свердлов 2002: 214].

Т.2: 29].¹⁷ Звания Героя Советского Союза был удостоен 131 еврей, из них 45 посмертно [Марьяновский, Соболев 1997: 14-15]¹⁸.

С первых же часов войны Третий Рейх не оставлял евреев без своего смертоносного «внимания». Первые убийства советских военнопленных-политкомиссаров (и среди них евреев) датируются, буквально начиная с 22 июня 1941 г.!

А это означает следующее. Во-первых, первыми по времени палачами военнослужащих-евреев в геноцидальной германо-советской войне стали военнослужащие вермахта. Во-вторых, их первыми еврейскими жертвами де-факто в этой войне стали советские военнопленные-евреи, а первыми жертвами де-юре – евреи-политработники.

Число советских евреев в немецком плену, по оценке Ш. Краковского, составляло около 85 тыс. человек [Krakowski 1992: 229]. Практически ту же цифру – 80-85 тыс. – вслед за ним называет И. Арад [Arad 1993: 125]. При этом исследователи отталкивались от 1,8%-ной доли евреев в населении СССР, что, если и искажает данный расчет, то в сторону завышения.

Самым высокопоставленным среди них, возможно, являлся генерал-майор интендантской службы Григорий Моисеевич Зусманович, раненый и взятый немцами в плен 24 мая 1942 г. под Харьковом [Свердлов 2002: 342-344]¹⁹.

Всего же, по имеющимся оценкам, гитлеровцы уничтожили от 70 тыс. (И. Арад²⁰) до 80 тыс. [Шнеер 2003: 91] советских евреев-военнопленных. Вторая оценка, соответствующая 94%-ной смертности евреев в немецком плену, представляется нам более реалистичной. Во-первых, в ее пользу свидетельствует число евреев-военнопленных среди репатриированных в СССР (около 5 тыс. человек).

Если же придерживаться оценки А. Шнеера и вспомнить, что во время войны погибло порядка 200 тыс. евреев-красноармейцев, то доля погибших в плену среди них составила 40%.

В литературе встречаются и некоторые частичные оценки смертности среди военнопленных-евреев. Так, по состоянию на 21 декабря 1941 г., согласно отчету шефа гестапо Мюллера, было выявлено около 22 тыс. неблагонадежных советских военнопленных, из них 16 тыс. уничтожено: «квота» евреев среди уничтоженных предположительно была не ниже 90%, так что порядка 14-15 тыс. еврейских военнопленных было ликвидировано только за это время и, судя по полномочиям Г. Мюллера, только в зоне ответственности ОКВ [Hilberg 1999: 357]. К середине 1942 г.

¹⁷ Это соответствует около 40% общих безвозвратных потерь (против 25% по Красной Армии в целом) [Шнеер 2003 Т.2].

¹⁸ По этому показателю евреи занимают третье место вслед за русскими и украинцами при том, что по численности населения они были накануне войны лишь седьмыми. См. также [Шнеер 2003 Т.2: 41-42].

¹⁹ Г.М. Зусманович (1899-1944) был заместителем командующего 6-й армией по тылу (командарм – генерал-лейтенант И.Н. Музыченко). Как и многие другие, Зусманович скрывал свою национальность, выдавая себя за украинца и говоря с немцами только по-украински. Был в лагерях в Холме, Нюрнберге, с 1943 г. – в Вайсенбурге, где осенью 1944 г. умер.

²⁰ Устное сообщение в ноябре 2004 г. в Иерусалиме.

число неблагонадежных советских военнопленных, выявленных на той же территории и переданных СС, достигло, по оценке Р. Отто, не менее 40 тыс. человек [Otto 2002: 133]. Квота евреев среди них не могла не понизиться (среди выявленных было немало саботажников, беглецов и т.д.), да и среди отправленных в концлагеря погибали, разумеется, не все, – тем не менее, суммарная оценка числа евреев среди них по меньшей мере в 25 тыс. человек представлялась бы вполне реалистичной. В таком случае на зону ответственности ОКХ приходится около 55 тыс. убитых советских евреев-военнопленных.

Их селекции и расстрелы начались, как мы уже отмечали, буквально на следующий день после нападения на СССР. Свидетельства при этом оставили как немецкие палачи, но и нееврейские очевидцы, а также сами чудом уцелевшие жертвы.

Обработка данных об умерших советских офицерах-военнопленных из трофейной картотеки в ЦАМО показала, что более трети из них – военные врачи, ветеринары или фельдшеры, немногим меньше – техников-интендантов и инженеров, строевых же офицеров – около 20%. Разброс по возрасту (на 1941 г.) – от 21 года до 50 лет. Около 2/3 – уроженцы Украины, остальные родом из России и Прибалтики. Почти 80% попали в плен на Украине в 1941 г., из них в одном только сентябре – 60%²¹ [Марьяновский, Соболев 1997: 33]! 10 человек попали в плен в 1942 г., а самым «поздним» по времени пленения оказался капитан Б.Г. Зарин, захваченный 25 сентября 1944 г. и выведенный из состояния плена 11 ноября того же года (для отправки в концлагерь, надо полагать).

Около 2/3 из них простились с жизнью в дулагах или шталагах на оккупированной территории, остальные – в шталагах и концлагерях в Германии. Несколько лагерей встречаются особенно часто – это шталаги 346 (Кременчуг) и 334 (Белая Церковь), концлагерь Заксенхаузен и шталаг ПИВ Фюрстенберг. Лишь в 10% случаев военнопленные умерли своей смертью, например, от бомбежки или в больнице. Во всех остальных случаях они были переданы дальше для ликвидации либо СД (если дело происходило в оперативной зоне на оккупированной территории СССР), либо гестапо и СС (в зоне ответственности ОКВ) или же застрелены при попытке к бегству. Карточки 10 военнопленных однозначно запечатлели следы селекции или доноса: названная ими самими и принятая немцами к сведению национальность – украинец, русский, белорус или азербайджанец – исправлена на них красным карандашом на «еврей». На удивление много карточек (более половины), где в графе национальность «еврей» стоит с самого начала. Однако самой продолжительной (более 3 лет) жизнью в плену отмечен лейтенант и автомеханик Иосиф Базаненко, назвавшийся русским: взятый в плен 22 сентября 1941 г. под Оршицей и угнанный в шталаг XIII D в Нюрнберге, он был убит при авианалете 19 октября 1944 г.

Тем не менее части евреев удалось скрыть свою подлинную национальность и свое подлинное имя, а если им и дальше везло, то и уцелеть даже на территории врага. Ведь только по официальным данным Управления по делам репатриации при Совете Министров СССР среди репатриированных после войны граждан СССР насчитывалось 11428 евреев,

²¹ Возможно, это связано с массовой отправкой в это время на фронт необученных евреев-добровольцев. Для сравнения: из 23 бывших советских военнопленных-евреев, зарегистрированных при Московской Ассоциации узников фашистских концлагерей, 14 попали в плен в 1941 г., по 2 – в 1942 и 1943 г. и 4 – в 1944-1945 гг.

из них 6666 гражданских лиц и 4762 военнопленных, в том числе даже среди контингента «власовцы» – более сотни человек [Полян 1996: 298, 312]! Учитывая и тех, кто и при репатриации, на всякий случай, не выдал своего еврейства, общее число евреев среди репатриированных могло составить приблизительно 15 тыс. человек, причем пропорция могла измениться только в пользу оstarбайтеров, поскольку военнопленных фильтровали неизмеримо тщательнее, чем гражданских лиц.

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВНЕ КОМПЕТЕНЦИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Из союзных Германии стран только Финляндия и Румыния держали на своей территории и даже эксплуатировали труд советских военнопленных.

Так, согласно официальным финским данным, в 1941-1944 гг. финны взяли в плен 64188 советских солдат и офицеров. Из них погибло в плену 19016 (или 29,6%), бежало из плена 712 (1,1%), передано немцам 2048 (3,2%), репатриировано в СССР 42412 (66,1%) [Дугас, Черон 1994: 59]²².

В книге «Жертвы двух диктатур» (как в первом, так и во втором изданиях) я писал о том, что не располагал сведениями о советских военнопленных в румынском плену, аналогичными тем, которые имеются по советским военнопленным в финском плену. Отталкиваясь от числа репатриированных военнопленных и при допущении в условиях Румынии того же уровня смертности, что и в Финляндии, общее число военнопленных в Румынии составляло бы не менее 40 тыс. человек [Полян 2002:130].

Знакомство с румынскими архивными и литературными военно-историческими источниками позволяет основательно скорректировать эту оценку.

Румыния объявила войну СССР 22 июня 1941 г., а масштабные наступательные действия начала 2 июля, т.е. ровно в тот самый день, когда, по версии В. Суворова, СССР планировал ударить по Румынии. В боях на советско-германском фронте принимали участие 11-я немецкая и 3-я и 4-я румынские армии, стратегически и оперативно подчиненные вермахту - командованию немецких армий группы «Юг».

Тем не менее отсчет первым советским военнопленным в румынском плену ведется еще с 26 июня 1941 г., но это исключительно дезертиры и перебежчики, подавляющее большинство которых составляли этнические молдаване. Что же касается военнопленных, захваченных, что называется, с бою, то их по сравнению с немецкими показателями было не так уж и много. За два месяца боев за Одессу 4-я румынская армия взяла в плен около 16 тыс. человек, а 3-я армия к лету 1942 г. – не менее 87 тыс. красноармейцев. По оценке М. Эксворти, общее число пленных, захваченных румынами, не превышало 120 тыс. человек [Axworthy 1995: 71, 217].

Согласно энциклопедическому словарю «Румынская армия во Второй мировой войне (1941-1945)», выпущенному в Бухаресте в 1999 г. [Dutu, Dobre, Loghin 1999: 329-

²² Со ссылкой на [Roschmann 1982]. По советским данным, число репатриированных военнопленных практически совпадает: 42778 человек (см. [Полян 2002: Табл. 5.6.1]).

341]²³, за период между 22 июня 1941 и 23 августа 1944 г.²⁴, т.е. за время боевых действий между советской и румынской армиями, румыны взяли в плен 91060 советских военнослужащих²⁵.

Военнопленные поступали из зоны действия румынской армии, в частности, 21 тыс. прибыла из Транснистрии и 19 тыс. – из Крыма. Около 2 тыс. военнопленных было на судне, потопленном советской подлодкой в районе Бургаса, и лишь 170 из них спаслись.

Из 91060 советских военнопленных 13682 было отпущено из плена (румыны, - а скорее всего румыны и молдаване - из Северной Буковины и Бессарабии; немцы-фольксдойче передавались немецкой стороне и скорее всего не регистрировались), 82057 было доставлено в Румынию, 3331 бежали и 5223 (или 5,7%) умерли в лагерях. Если эта статистика не сфальсифицирована, то это на порядок меньшая величина по сравнению со смертностью советских военнопленных в финском и, особенно, в немецком плену. Из 5223 умерших – всего лишь 55 офицеров и 6 младших офицеров. Остальные – солдаты, причем больше всего умерло в Будешти (938 человек), Вулкане (841), Васлуе (799) и Фельдоре (738). Главная причина смертности - туберкулез (1100 человек). Убито или расстреляно всего 30 человек плюс одно самоубийство. К 23 августа 1944 г. в румынских лагерях находилось 59 856 человек [Axworthy 1995].

Для советских военнопленных было создано 12 лагерей, из них два лагеря находились вне Румынии - в Тирасполе и Одессе. В самой Румынии находилось, по утверждению румынских историков, 10 лагерей, однако сам перечень лагерей, хотя бы раз упоминаемых в их тексте, несколько превосходит это число²⁶.

Небольшая коллекция, посвященная советским военнопленным в Румынии, имеется в РГВА. Это фонд 1512 «Румынские концлагеря для советских военнопленных», состоящий из одной описи и 40 единиц хранения. Материалы, датированные временем с 1941 по 1944 г., охватывают следующие 12 румынских «шталагов», список которых несколько отличается от сети, описанной румынскими историками:

1. лагерь военнопленных №1. Слободзия-Ялоница (дд.1-3);
2. лагерь военнопленных №2. Фельдиора-Брашов (дд.4-5);
3. лагерь военнопленных №3 Галац (лагерь «Индепенденца», или «Независимость») (дд.6-9);
4. лагерь военнопленных №4. Васлуй (дд.10-11);
5. лагерь военнопленных №5. Тирасполь (Бессарабия) (дд.12-14);
6. лагерь военнопленных №6. Дорнешты (дд.15-16);
7. лагерь военнопленных №7. Бельун (Бессарабия) (дд.17-18);
8. лагерь военнопленных №8. Болград (Бессарабия) (дд.19-20);
9. лагерь военнопленных №9. Вулкан (дд.21-22);

²³ Сведения без указания источника в данном подразделе восходят к этой публикации.

²⁴ Дата антифашистского восстания в Румынии, приведшего к свержению режима Антонеску и объявлению войны Германии.

²⁵ Для сравнения: англо-американских пленников было 1100 человек.

²⁶ А именно: Слободзия, Владень, Брашов, Абаджеш, Корбень, Карагунешт, Дева + Индепенденца, Ковулуй + Майя, Васлуй, Дорнешти, Радоуть, Будешти, Фельдиора, Боград и Ригнет.

10. лагерь военнопленных №10. Александрия (дд.23-24);
11. лагерь военнопленных №11. Тирасполь (Бессарабия) (дд.25-26);
12. лагерь военнопленных №12. Тимишоара (дд.27-28).

Большинство документов этих дел – личные листки советских военнопленных, но один раз (в д.12) встречаются и списки военнопленных, использовавшихся на различных работах.

Отвечало за военнопленных Управление вооруженных сил внутренней обороны под командованием генерала Харитона Драгомиреску. Сами лагеря охранялись румынской жандармерией, численный состав которой по состоянию на 1 августа 1942 г. был 5210 человек (216 офицеров, 197 унтер-офицеров и 3797 солдат).

Условия жизни в лагерях в соответствии с международным правом существенно разнились для офицеров и солдат: первые жили в каменных домах, вторые – в деревянных бараках, а осенью 1941 г. – частично в землянках, под открытым небом (печи для бараков поступили только в 1942 г.). Лагеря для советских военнопленных обслуживало более 150 врачей: 6 румынских, 66 еврейских и 85 советских.

В партизанских отрядах в Польше, Чехословакии, Югославии, Италии и Франции сражалось, по неполным данным, более 40 тыс. советских граждан, подавляющее большинство среди которых – советские военнопленные [Семиряга 1970: 7]²⁷. Таким образом, за границей СССР, но вне компетенции или досягаемости органов Рейха, находилось не менее 190-195 тыс. советских военнопленных.

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ – РЕПАТРИАНТЫ

Общее число советских граждан, пересекших в 1941-1944 гг. (и не по своей, а по немецкой воле) довоенную государственную границу СССР, составляло, по нашей оценке, около 8,7 млн человек [Полян 2002: 135]. Распределение этого огромного контингента по указанным категориям представляется следующим (таблица 3).

Таблица 3. Лица, до войны проживавшие на территории СССР и перемещенные во время войны за границу*

№	Категория	Млн человек	В % к итогу
I	Гражданские интернированные	0,005	0,0
II	Военнопленные	3,24	37,2
III	Остовцы (остарбайтеры-”восточники”)	3,2	36,8
IV	”Западники”	0,85	9,8
V	Фольксдойче	0,35	4,0
VI	Финны-ингерманландцы	0,06	0,7
VII	«Беженцы»	1,0	11,5
VIII	«Эвакуированные»		
	Всего	8,7	100,0

*Примечание: * – На территорию Германии, ее союзников или оккупированных ими стран.*

²⁷ В Италии, например, сражалось 5600, во Франции около 3000, в Бельгии 800 человек [Советские люди...1991: 5].

Как ни скудны исходные данные, но все же затронем вопрос и о распределении советских граждан по времени их депортации в Германию (таблица 4).

Таблица 4. Распределение бывших советских военнопленных по состоянию на 1 марта 1946 г. по годам их пленения, %

Год пленения	%
1941	47,9
1942	33,1
1943	12,2
1944	5,3
1945	1,5
Итого	100,0

Источник: Рассчитано по ГАРФ. Ф.Р-9526. Оп.1. Д.1. Л.227 (данные неполные).

Почти половина доживших до конца войны и затем репатриировавшихся советских военнопленных относится к 1941 г. пленения, еще треть – к 1942 г.

Интересно сравнить данные по репатриации военнопленных с данными А. Даллина о хронологической структуре собственно пленения. Оказалось, что из числа плененных в гиблом и роковом 1941 г. репатриации дождалось только 22,4%, в 1942 г. – 31,4%, в 1943 г. – 33,9%, в 1944 г. – 56,3% и в 1945 г. – 67,6%. Для всей же совокупности советских военнопленных этот показатель составил 27,3%. Остальное, стало быть, либо погибли (и таких решительное большинство), либо остались на Западе.

Рассчитывая для таблицы 5 предложенный нами «индекс дожития» военнопленных, мы использовали смесь упомянутых немецких и советских данных²⁸.

Таблица 5. Распределение советских военнопленных и репатриантов из военнопленных по годам пленения

Год пленения	Тыс. человек		В % к итогу		Индекс дожития (Б)/(А)
	попавшие в плен (А)	репатриированные (Б)	попавшие в плен	репатриированные	
1941	3355	673	58,3	49,2	0,20
1942	1653	449	28,7	32,8	0,27
1943	565	160	9,8	11,6	0,28
1944	147	70	2,6	5,1	0,48
1945	34	18	0,6	1,3	0,53
Всего	5754	1370	100,0	100,0	0,24

Источник: Рассчитано по [Dallin 1958: 440]; ГАРФ. Ф.9526. Оп.1. Д.1. Л. 227.

Более 3/5 военнопленных были захвачены врагом в 1941 г., из них репатриации дождался только каждый пятый. Но пленных за 1941 г. было так много, что и в репатриационном потоке их почти половина. Низкой доживаемостью (0,27-0,28) характеризуются и 1942, и 1943 г., и лишь из плененных в 1944-1945 гг. (а это в общей сложности лишь около 180 тыс. человек) репатриации дождался почти каждый второй военнопленный.

²⁸ К очевидным дефектам этого показателя, помимо неоднородности использованной статистики, относится также вынужденный «зачет» не репатриировавшихся в умершие.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РЕПАТРИАЦИЯ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

С учетом «внутренних перемещенных лиц»²⁹ органы репатриации возвратили в СССР в течение 1944 г. 1050398, а в течение 1945 г. – 4514201 советских граждан³⁰. По существу, их массовая репатриация фактически закончилась уже в сентябре-октябре 1945 г.

С каждым следующим годом поток репатриантов все более и более мельчал. Если в 1946 г. их число составило солидную цифру в 195273 человек, то в 1947 г. – всего 30346 человек или вшестеро меньше. В 1948 и 1949 г. – почти двукратные сокращения: соответственно 14272 и 6542 человек; в 1950 г. – 4527 и в 1951 г. – 2297 репатриантов³¹. Итого за 1946-1951 гг. 253239 человек, большая часть из которых, впрочем, возвращена из оккупационных зон СССР и из восточноевропейских стран.

Необходимо указать на принудительный характер советской репатриации. Она была принудительной вовсе не потому, что люди не хотели возвращаться на родину, а их палками заставляли. Большинство как раз хотело домой, невзирая на все связанные с этим риски. Принудительной она была потому, что никого в СССР даже не интересовало, хочет кто-то домой или не хочет: все советские граждане, согласно Ялтинским соглашениям, были обязаны это сделать и именно потому, что они советские граждане.

Таблица 6. Накопленные числа бывших советских военнопленных, репатриированных в СССР в 1944-1945 гг., чел.

Дата	Освобожденные и зарегистрированные, всего	В том числе репатриированные
31.10.1944	87 814	30 906
10.11.1944	151 832	50 935
10.12.1944	245 036	82 864
30.12.1944	506 167	343 349
01.05.1945	683 394	475 684
20.06.1945	1 574 920	840 994
01.08.1945	2 037 395	1 599 613
01.09.1945	1 985 224	1 804 316
01.11.1945	2 106 416	1 811 816
01.12.1945	2 016 460	1 815 022

Источники: За 1944 г. - РГАНИ. Ф. 89. Оп.40. Д.4. Л.1-14; за 1945 г. - ЦАМО. Ф.40. Оп.11549. Д.265. Л.11, 25, 110, 188, 219, 237, 253, 260, 311, 317, 325.

Примечание: Впервые опубликовано [Overmans, Hilger, Polian 2012: 866].

Вычленить советских военнопленных в общем потоке репатриантов непросто, в таблице 6 представлены соответствующие сводные результаты. Для миллионов советских граждан, попавших под германский каблук, было глубоко не безразлично, где их застигло долгожданное освобождение: в пределах ли СССР или за границей, а если за границей и на территории бывшего Рейха, то в какой его части: восточной, подконтрольной «своим», или

²⁹ Освобожденных внутри границ СССР.

³⁰ Сводка №74 о репатриации советских и иностранных граждан, по состоянию на 1.1.1949: АВП.Ф.082. Оп.36. П.185. Д.23. Л.1-4.

³¹ ГАРФ. Ф.Р-9526. Оп.1. Д.7. Л.3.

же западной, т.е. «союзнической». Имеющиеся в нашем распоряжении данные мы свели в таблицу 7.

Таблица 7. Структура потока репатриантов в СССР по состоянию на 1 марта 1946 г.

	Из оперативных зон Красной Армии	В том числе		Из зон союзников	Всего
		на своей территории	за границей		
Человек					
Всего	3000277	1 153 475	1 846 802	2 352 636	5 352 913
Гражданские лица	2134542	873 004	1 261 538	1 392 647	3 527 189
Военнопленные	865735	280 471	585 264	960 039	1 825 774
В % по столбцу					
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Гражданские лица	71,1	75,7	68,3	59,2	65,9
Военнопленные	28,9	24,3	31,7	40,8	34,1
В % по строке					
Всего	56,0	21,5	34,5	44,0	100,0
Гражданские лица	60,5	24,8	35,8	39,5	100,0
Военнопленные	47,4	15,4	32,1	52,6	100,0

Источник: ГАРФ. Ф.9526. Оп.1. Д.1. Л.227.

С учетом невозвращенцев, приблизительно 3/5 советских людей, занесенных войной в бывший Рейх, оказалась в его западных частях, оккупированных Англией и США. Тем не менее (из-за тех же “невозвращенцев”) 56% возвращенных в СССР граждан были освобождены Красной Армией.

Попытка экспертного суммирующего демографического баланса принудительных депортаций граждан СССР в Германию и их репатриации осуществлена в таблице 8.

Фильтрация же репатриантов показала, что в распоряжение НКВД, т.е. в спецконтингент, поступили 6-7% репатриированных (а это порядка 300 тыс. человек!), из них большинство военнопленные. Среди них были и те, кого судили и осудили в экстазе сверхподозрительности (в предательстве априори подозревали каждого; а к советским военнопленным-евреям смершевцы могли себе позволить обратиться с вопросом: «И как это ты, Абрам, жив остался?..»). Но среди осужденных было немало и тех, кто действительно нарушил присягу и, став предателем, совершил военные преступления (немало таких предателей было и среди айнзатцкомманд и айнзатцгрупп СД, специализированных на ликвидации коммунистов, евреев, цыган, душевнобольных и некоторых других категорий лиц).

Таблица 8. Лица, проживавшие до войны на территории СССР и оказавшиеся во время войны на территории Германии и союзных ей стран, по отношению к репатриации в СССР*

	Категория	Млн человек	%
	Всего	8,7	100,0
	в том числе:		
А	умерли или убиты	2,1	24,1
Б	репатриированы немцами (“возвратники”)	0,15	1,7
В	саморепатриировались	0,4	4,6
Г	репатриированы государством	5,35	61,5
Д	уклонились от репатриации (“невозвращенцы”)	0,7	8,1

В то время понятий «коллаборанты» или «коллорабационисты» как таковых еще не существовало. Их аналогом было понятие «власовцы», трактуемое крайне широко и отнюдь не сводящееся к военнослужащим РОА, успевших присягнуть и Сталину, и Гитлеру. Как правило, они получали по шесть лет, и с ними как с априори предателями не церемонились и не цацкались (для отбытия наказания их, как правило, отправляли на Колыму). Отдельные коллаборанты из числа бывших советских военнопленных, такие как сам генерал Власов, атаман Доманов или же члены соединений СС или СД, были казнены.

Остальных же бывших военнопленных после фильтрации или демобилизовывали и отпускали домой (рядовыми в призывном возрасте), или, наоборот, вновь призывали в армию (и некоторые из них успели даже немного повоевать – с Германией или с Японией; разновидностью этого стала работа в советских репатриационных и демонтажных миссиях в советских оккупационных зонах и Польше). Весьма распространенной вариацией судьбы военнопленного-репатрианта была мобилизация в трудовые батальоны Наркомата обороны – формально добровольная, а по сути (и по режиму содержания) столь же насильственная и репрессивная.

Но все-таки надо четко сказать: расхожее представление о репатриации советских граждан, в том числе и бывших военнопленных, как о почти поголовной репрессии и передаче их в ГУЛАГ не соответствует действительности. Это один из мифов холодной войны, вспыхнувшей между вчерашними союзниками вскоре после их общей и безоговорочной победы над общим врагом [Полян 2002: 526-543].

Таким же мифом-«страшилкой» являлись и рассказы о поголовных – под звуки ревуших двигателей, мужских хоров или других глушителей – расстрелах без суда и следствия членов коллаборантских соединений, передававшихся англичанами и американцами в союзнические советские руки в буквальном соответствии с Ялтинскими соглашениями (и иногда и без такого соответствия). Другое дело, что бывшие военнопленные действительно и довольно массово пополняли собой контингент ГУЛАГа, но происходило это уже вне всякой связи с репатриацией.

Очень многих из них СМЕРШ и ведомство Филиппа Голикова (Управление по делам репатриации при Совмине СССР) после войны передавали вместе с картотеками на контроль и дальнейшую пастьбу в руки МВД или МГБ. Эти органы держали бывших военнопленных на коротком поводке и на своеобразном крючке, следя за ними, вызывая для бесед, вербуя в ряды своих осведомителей.

В зависимости от их реакции, от кагэбэшных разнарядок и от конъюнктуры «рынка» лагерного труда, у тех репатриантов, кто уже худо-бедно интегрировался в новую послевоенную жизнь страны, шансы загреметь в ГУЛАГ могли резко возрасти. Еще выше они были у тех бывших военнопленных, кто уже отсидел небольшие сроки. Так что конец 1940-х и начало 1950-х годов – это время пусть и индивидуальных, но ощутимо массовых посадок, а отмена смертной казни дала необычайный прирост средней продолжительности присуждаемых сроков.

Передо мной не опубликованные еще воспоминания москвича Анатолия Баканичева, 1920 г. рождения, одного из таких «героев»³². Летом 1939 г. он поступил на биофак МГУ, и его тут же призвали в Красную Армию. Горьковские, Гороховецкие лагеря, переброски по направлению Прибалтики и Молдавии и, наконец, марш-бросок в Лиду, завершившийся буквально 21 июня 1941 г. В последующие дни – окружение, попытки из него вырваться и 6 июля – попадание в плен, вереница лагерей, из которых последним (и рабочим) был лагерь Штайерберг под Ганновером. В тех местах он и встретил свое освобождение из плена американцами.

Потом советская репатриационная миссия, Берлин, Ной-Руппин, фильтрация, на которой в качестве станции назначения он назвал Можайск (Москва была для него закрыта). Немного схитрив, он саморепатриировался – и до Москвы. Прописался он с большим скрипом, поступил сначала в Губкинский нефтяной, а потом в Тимирязевский сельскохозяйственный вузы, но от лестных предложений сотрудничать с органами упорно отказывался.

В итоге 19 февраля 1948 г. он был арестован и получил 15 лет каторжных работ (были недолгое время и такие в эти годы) «за избиение военнопленного С. во время нахождения в плену»! (Суров закон, не правда ли?) Отбывать начал в Норильске, в одном из горлагов. Предпринял попытку побега, правда, неудачную.

И освободился только в 1956 г., по хрущевской амнистии.

ПЕРЕМЕНЫ ТЯЖЕЛОГО, или ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ

Реальный же итог принудительной репатриации – это на всю оставшуюся жизнь большая черная клякса в анкете и отчетливая дискредитация в повседневной жизни и на карьерных траекториях (единичные исключения были, но погоды не делали). Добавим сюда и повышенный риск быть арестованным!

В этом и только в этом смысле – в плане их социальный второсортности – справедливо говорить о бывших военнопленных как о жертвах не только немецкой, но и советской диктатуры. Но в таком случае лукавят и подличают те, кто утверждают: судьба советских репатриантов на родине – такая же, как и остальных граждан Союза.

Сладко не было тогда никому, но даже в бесправном обществе есть свои «перемены тяжелого», как говорил Виталий Семин, и свои ступени бесправия.

Репатрианты и бывшие военнопленные – это граждане второго сорта. Они это пережили и это знают, для них это не миф, а жизненный фон, жизненные опыт и правда.

Первая тому иллюстрация – продолжающаяся апология практики и теории репатриации по-советски! Свое отражение она нашла в работах В. Земскова, А. Шевякова и Ю. Арзамаскина [Земсков 1993; Шевяков 1994; Арзамаскин 1999], несших, наряду с

³² Архив общества «Мемориал». Ф.2. Оп.1. Д. 4.

эмпирической, и идеологическую нагрузку. Так, В. Земсков в статье 1993 года с особым рвением взялся за трудную работу по «демифологизации» репатриации советских граждан.

Но и большинство западных суждений и оценок столь же мало опираются на специальные исследования и столь же политизированы, как и советские. Так, общим местом, например, был тезис о чуть ли не поголовном нежелании возвращаться в СССР украинцев или жителей Прибалтики, или об их же поголовной отправке в лагеря.

Ни бывшие советские военнопленные, ни бывшие окруженцы явно не в фаворе и даже не в визире у Советского (Российского) комитета ветеранов войны или у Российского организационного комитета «Победа»³³. Впрочем, и сами ветераны Великой отечественной войны внутри общеветеранского движения все заметнее вытесняются и задвигаются на задворки ветеранами боевых действий последующих десятилетий, - горькая, но закономерная (по крайней мере, демографически) действительность. Но никакого демографического оправдания не было и нет той горькой несправедливости, которую сами бывшие фронтовики – ветераны войны учиняли и учиняют по отношению к своим ровесникам и сотоварищам по оружию, имевшим на ратном пути несчастье оказаться во вражеском плену или окружении. В ветеранской среде бывших военнопленных всегда только игнорировали и дискриминировали.

Когда накануне 50-летия Победы первый президент РФ Б.Н. Ельцин 24 января 1995 г. издал Указ №63 «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»³⁴, он едва ли не впервые после Нюрнбергского трибунала признал бывших советских военнопленных не только участниками войны, но еще и **жертвами нацизма**.

Но даже этот на десятилетия опоздавший указ вызвал далеко не однозначные отклики. Весьма показательна, хотя и поразительна, реакция со стороны тех, кого миновал плен: *«В широкой ветеранской общественности»*, - сообщал корреспонденту «Российских вестей» зам. председателя Российского совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов В. Смирнов, - *«[указ] в целом воспринят положительно»*, но при этом *«есть и будут неоднозначные оценки среди бывших фронтовиков уравнивания в правах и льготах тех, кто, например, прошагал дорогами войны от Москвы до Берлина, и находившихся, пусть и не по своей вине, в немецком плену»* [Советские военнопленные... 1995].

Тут до боли узнаваемы и «лексика», и «принципиальность». По-прежнему свысока и презрительно взирают прошагавшие от Москвы до Берлина на тех, кому на пути от Бреста до Москвы пришлось под конвоем завернуть в шталаг. К этому, процеженному сквозь зубы

³³ Они даже ни разу не упомянуты ни в одном (!) из документов последнего, оказавшихся доступными пишущему эти строки.

³⁴ Согласно пункту 5 Указа, его действие не распространяется на бывших советских военнопленных и гражданских лиц, служивших в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции и иных лиц, не подлежащих реабилитации согласно Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

«пусть и не по своей вине» и свелось все, что означенная «общественность» усвоила из того, что она о себе не знала или не хотела знать.

С другой стороны, президент Объединения бывших военнопленных Г.А. Хольный по горячим следам тогда напоминал: «...*Поторопитесь! Указ должен начать работать, пока еще живы люди, которых он касается, пока еще возможно хоть немного исправить причиненное зло*» [Советские военнопленные... 1995]. Ему вторил со своим мрачным прогнозом другой военнопленный, Н.И. Черкизов: «*Боюсь, что наши чиновники будут тянуть, а нам ждать уже нельзя, большинству из наших товарищей за 70 лет*»³⁵.

Эти отклики имеют в виду и материальную сторону вопроса, коль скоро указ вменял в обязанность Правительству РФ «*рассмотреть вопрос о распространении на бывших советских военнопленных условий и порядка выплаты компенсаций лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, установленных постановлением Правительства РФ от 2 августа 1994 года, с отнесением этих расходов за счет средств Фонда взаимопонимания и примирения либо изыскания других источников финансирования*».

Правительство России решения этого вопроса даже и не искало. Предусмотренных указом Ельцина государственных или «*других источников финансирования*» в экономической реальности России не было и нет.

Не вспомнил о них (ни разу!) и Российский организационный комитет «Победа», хотя президентского указа ни сам Ельцин, ни его преемник не отменяли.

А его надо бы просто-напросто выполнить, заранее заложив под это средства в федеральном бюджете хотя бы на юбилейный год.

Но мрачный оракул предсказал все верно: «*Правительство России пока так и не нашло решения вопроса, за счет чьих средств (Фонда или иных источников финансирования) будут отнесены расходы на выплату компенсации бывшим советским военнопленным*»³⁶.

Число же потенциальных претендентов уменьшалось стремительно – и даже не на радость казне, а при полном ее, несмотря на «тучные годы», равнодушии.

ОФИЦИАЛЬНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ БЫВШИМ СОВЕТСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ ГЕРМАНСКОЙ СТОРОНОЙ (2015-2016 гг.)

На протяжении многих лет обсуждался вопрос о компенсационных выплатах бывшим советским военнопленным за принудительный труд германской стороной. Германия постоянно отказывалась от таких выплат. Основной юридический аргумент перенацеливал возможные притязания бывших военнопленных в адрес собственного государства, которому Германия в свое время выплачивала репарации (бывшим военнопленным, как известно, не досталось ни копейки из репарационного пирога). Имеется множество

³⁵ Из письма Н.И. Черкизова в газету «Российские вести» [Советские военнопленные... 1995].

³⁶ Цит. из письма Т.П. Казатуровой Г.А. Хольному от 29 февраля 1996 г.

оснований – и правовых, и этических – оспаривать такую позицию Германии, но это – отдельный вопрос, не относящийся к теме настоящей статьи. Мы упоминаем здесь об этом только потому, что совсем недавно Германия неожиданно изменила свою позицию и выразила готовность выплачивать компенсацию!

Бюджетный комитет Бундестага предложил (и сам Бундестаг на слушаниях 18 мая 2015 г. единодушно одобрил) заложить в бюджет Германии компенсацию бывшим советским военнопленным на сумму в 10 млн евро, исходящую из единовременной выплаты в 2500 евро на претендента из ориентировочного числа 4000 потенциальных претендентов.

30 сентября Министерство финансов ФРГ издало «Инструкцию о правомочии бывших советских военнопленных на выплату им компенсаций». Правомочны на это бывшие военнослужащие Красной Армии, взятые вермахтом в плен между 22 июня 1941 г. и 8 мая 1945 г. Правомочие не подразумевает правовой обязательности и правосудности. Размер компенсаций составляет 2500 евро [Bekanntmachung der 2015]. Интервал времени подачи соответствующих заявлений – не ранее 20 мая 2015 г. и не позднее 30 сентября 2017 г.

Право на компенсацию носит сугубо личный характер и не передается по наследству, однако в случае, если претендент умер, но успел лично подать заявление, его прямые наследники правомочны на ее получение, при условии, что они заявят о себе в течение полугода со дня смерти претендента. Иные формы наследования не предусмотрены. Если претендент уже получил компенсацию ранее (как узник концлагерей, например) – это не препятствие. Препятствием могут послужить только замешанность в военных преступлениях (де-факто – коллаборационизм) или сообщение о себе заведомо недостоверных данных (так, возможен и отзыв компенсации через суд).

Нет ни единого указания на то, что обсуждаемая компенсация – на самом деле никакая не компенсация, а гуманитарный жест или гуманитарное урегулирование. Тем самым решение Бундестага от 20 мая 2015 г., принятое после исторической экспертизы, – это юридический прецедент, одновременно означающий: вся предыдущая политика Германии в вопросах о компенсации (точнее, не-компенсации!) бывшим советским военнопленным не только позорна, но и незаконна. Впрочем, и само это решение, принятое так поздно – спустя 70 лет после завершения войны – и имеющее своей целевой группой беспомощных 90-летних и более стариков, – тоже весьма запоздалое и довольно циничное.

Тем не менее оно выполняется.

Миссия Министерства Финансов ФРГ – организация, координация и надзор за деятельностью рабочего исполнительного органа – оператора компенсаций советским военнопленным, каковым назначено Федеральное управление центральных служб и открытых имущественных вопросов (Bundesamt für zentrale Dienste und offene Vermögensfragen или BADV), выполнявшее аналогичные функции при выплате пенсий бывшим узникам гетто. В ведомстве создана соответствующая рабочая группа (руководитель – г-жа Хампель), создана телефонная горячая линия для заявителей (+49.30.1870301550). Ассистировали BADV германские дипломатические

представительства, которые разместили на своих сайтах скупую информацию о выплатах (в Казахстане, впрочем, посольства потратились и на объявления в газетах на правах рекламы). Трудно себе представить, чтобы 90-летние старики начинали свой день с просмотра посольских сайтов! Так что эффект от такой формальной рекламы был исчезающе мал. Реальными операторами этой новости стали общественные организации Германии, России, Украины и Белоруссии, уведомившие о компенсации бывших военнопленных рассылками по своим базам данных.

Улов, однако, был не слишком велик. По данным пресс-секретаря BADV Ж. Бессе, по состоянию на 12 сентября 2016 г., вместо ожидавшихся 4000 в BADV поступило лишь около 1500 заявлений, из них положительно рассмотрено около 900. Около 400 заявлений не подкреплены никакими документами и ждут досылки; стало быть, отрицательные ответы получили около 200 заявителей (очень любопытно было бы узнать, по каким критериям). Больше половины заявлений поступило из России (800), далее следуют Украина (328), Армения (121), Белоруссия (111), Грузия (64), Казахстан (33) и Азербайджан (14). Выплаты осуществляются, как правило, на банковские счета самих бывших советских военнопленных, а в случае отсутствия таких счетов – на счета их детей. Тем не менее самые первые выплаты были осуществлены еще в начале 2016 г. [Ostermann 2016].

Никакого общественного резонанса на постсоветском пространстве выплата Германией компенсации бывшим советским военнопленным не вызвала.

Список использованных сокращений:

АВП – Архив внешней политики РФ.

ВАР – Bundesarchiv Potsdam.

ГАРФ – Государственный архив РФ.

ОКВ – Oberkommando der Wehrmacht

ОКХ(ОКН) – Oberkommando des Heeres

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.

РГВА – Российский государственный военный архив.

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны РФ.

ВА/МА – Bundesarchiv / Militärarchiv, Freiburg.

ЛИТЕРАТУРА

Арзамаскин Ю.Н. (1999). Репатриация советских и иностранных граждан в 1944-1953 гг.: военно-политический аспект. М.: Военный ун-т: 248.

Буковский В.К. (1996). Московский процесс. М.: Русская мысль.

Великая отечественная война 1941-1945 годов. В 12 тт. (2011-2015). М.: Кучково поле.

- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исслед. (1993) / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат: 416 с.
- Дугас И.А., Ф.Я. Черон (1994). Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным // Исследования новейшей русской истории. Т.11. Париж: YMCA-Press. 433 с.
- Земсков В.Н. (1993). Репатриация советских граждан в 1945-1946 годах. Опираясь на документы // Россия XXI. № 5: 74-81.
- Советские люди в Европейском сопротивлении. Воспоминания и документы (1991) / Н.П. Комолова (ред.). Часть I: В партизанском движении; Часть II: Противостояние фашизму в нацистской неволе. М.: Институт всеобщей истории АН СССР: 464
- Марьяновский М.Ф., И.С. Соболев (1997). Павшие... (Вместо предисловия) // Книга памяти воинов-евреев в боях с нацизмом. 1941–1945. Т. IV. М.: 9–41.
- Полян П.М. (1996). Жертвы двух диктатур. Военнопленные и оstarбайтеры в Третьем Рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор: 443 с.
- Полян П.М. (2002). Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и не родине. М.: Росспэн: 898 с.
- Полян П.М. (2006). Советские военнопленные–евреи – первые жертвы Холокоста в СССР // Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных–евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы. М.: Новое издательство: 9–70.
- Полян П.М. (2010). Стратоцидные и стратоцидальные аспекты политики Третьего рейха по отношению к советским военнопленным // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции. М.: Фонд «Историческая память»: 146–157.
- Решин Л. Е. (1994). Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. №8: 158-179.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование (2001) / Под общей ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-пресс: 606 с.
- Свердлов Ф.Д. (сост.) (1996). Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. М.
- Свердлов Ф.Д. (2002). Энциклопедия еврейского героизма. М.: Дограф: 504 с.
- Семиряга М.И. (1970). Советские люди в Европейском Сопротивлении. М.: Наука: 352 с.
- Соколов Б.В. (1998). Правда о Великой Отечественной войне: сборник статей. СПб.: Алетейя.
- Советские военнопленные: справедливость обретена, но кто же об этом знает? (1995) // Российские вести. 3 февраля.
- Черноглазова Р.А. (1996). Фашистские лагеря для советских военнопленных на территории Белоруссии // Трагедия плена. Красногорск: 122–125.
- Шапиро Г.С., С.Л. Авербух (1997). Очерки еврейского героизма. В 3-х тт. Киев, Тель-Авив.
- Шевяков А.А. (1994). Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. Сб. науч. трудов. М.: 195-222.

- Шнеер А. (2003). Плен. В 2-х тт. Иерусалим.
- Arad Y. (1993). Soviet Jews in the War against Nazi Germany // Yad Vashem Studies. Vol.XXIII. Jerusalem: 125.
- Axworthy M. (1995). Third Axis Fourth Ally Romanian Armed Forces in the European War, 1941-1945. London: Arms & Armour: 416.
- Berkoff K. (2001). The „Russian“ Prisoners of War as Victims of Genicidal Massacre // Holocaust and Genocide Studies. Spring. Vol.15. №.1: 1-32.
- Bekanntmachung der Richtlinie über die Anerkennungsleistung an ehemalige sowjetische Kriegsgefangene (ASK-Anerkennungsrichtlinie) (2015). V.30.9.2015 (Dok. Nr. BANZ AN.10.2015 B1).
- Dallin A.J. (1958). Deutsche Herrschaft in Russland 1941-1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf: Droste Verlag: 727.
- Dutu A., F. Dobre, L. Loghin (1999). Armata Română în al doilea război mondial (1941-1945). Dicționar encyclopedic. București: Editura enciclopedică.
- Gerlach Ch. (1999). Kalkulierte MordeDie deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Edition: 1232.
- Hilberg R. (1999). Der Vernichtungskrieg der europäischen Juden. Bd. 1–3. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuchverlag: 1351.
- Krakowski Sh. (1992). The fate of the Jewish POWs of the Soviet and Polish Armies // The Shoah and The War / A. Cohen, Y. Cochavi, Y. Gelber, eds. Studies on the Shoah, Vol. 3. Tel-Aviv: Institute for Research of the Shoah: 217–230. Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht (1982). München.
- Ostermann D. (2016). Wenn die Reue zu spät kommt. Vor knapp einem Jahr wurde ehemaligen sowjetischen Kriegsgefangenen eine Entschädigung zugesprochen, doch bislang haben nur acht Betroffene das Geld erhalten // Badische Zeitung. 18 Januar.
- Otto R. (2002). Sowjetische Kriegsgefangene. Neue Quellen und Erkenntnisse// Quinkert B. (Hrsg). Wir sind die Herren dieses Landes“. Ursachen, Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion. Hamburg: VSA-Verlag: 124–135.
- Overmans R., A. Hilger, P. Polian in Zusammenarbeit mit R. Otto und C. Kretschmer (2012). Rotarmisten in deutscher Hand. Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitation sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkrieges: Paderborn – München – Wien – Zürich: Verlag Ferdinand Schöning.
- Polyan P. (2005). First Victims of the Holocaust: Soviet–Jewish Prisoners of War in German Captivity // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Fall Vol.6. 4: 763–787.
- Roschmann H. (1982). Gutachten zur Behandlung und zu den Verlusten sowjetischer Kriegsgefangener in deutscher Hand von 1941-1945 und zur Bewertung der sogenannten «Documents NOKW 2125» (Nachweisung des Verbliebs der sowjetischen Kriegsgefangenen nach dem Stande vom 1.5.1944). Ingolstadt: Zeitgeschichtliche Forschungsstelle Ingolstadt: 54.
- Streit Ch. (1991). Keine Kameraden: die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. Bonn: Verlag J.H.W.Dietz Nachf.: 448.
- Ueberschär G.R., Wette W. (Hg.) (1984). Der deutsche Überfall auf die Soviet Union. „Unternehmen Barbarossa“ 1941. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag: 419.

SOVIET PRISONERS OF WAR: HOW MANY WERE THERE AND HOW MANY CAME HOME?

PAVEL POLYAN (POLIAN)^{1, *}

The paper discusses demographic aspects of the captivity of Red Army servicemen during World War II, such as the number of prisoners of war in Germany, Finland and Romania, the mortality rate in captivity and data on repatriation. Soviet prisoners of war of Jewish ethnicity, who de facto became the first victims of the Holocaust after June 22, 1941, are considered as a separate subcategory.

Keywords: Captivity, Soviet Prisoners of War, Soviet Prisoners of War of Jewish Origin, Holocaust, Mortality in Captivity, Repatriation, Compensation.

¹INSTITUTE OF GEOGRAPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (RUSSIA).

* CORRESPONDENCE: PAVEL.POLIAN@GMAIL.COM

DATE RECEIVED: MARCH 2016.

REFERENCES

- Arad Y. (1993). Soviet Jews in the War against Nazi Germany // Yad Vashem Studies. Vol.XXIII. Jerusalem: 125.
- Arzamaskin Yu.N. (1999). Repatriatsiya sovetskikh i inostrannykh grazhdan v 1944-1953 gg.: voenno-politicheskiy aspekt [Repatriation of Soviet and foreign citizens in 1944-1953: The military-political aspect]. Moscow.
- Axworthy M. (1995). Third Axis Fourth Ally Romanian Armed Forces in the European War, 1941-1945. London: Arms & Armour: 416.
- Bekanntmachung der Richtlinie über die Anerkennungsleistung an ehemalige sowjetische Kriegsgefangene (ASK-Anerkennungsrichtlinie) (2015). V.30.9.2015 (Dok. Nr. BANZ AN.10.2015 B1).
- Berkoff K. (2001). The „Russian“ Prisoners of War as Victims of Genocidal Massacre // Holocaust and Genocide Studies. Spring. Vol.15. №.1: 1-32.
- Bukovsky V.K. (1996). Moskovskiy protses [The Moscow trial]. Moscow: Russkaya mysl'.
- Chernoglazova R. A. (1996). Fashistskie lagerya dlya sovetskikh voennoplennykh na territorii Belorussii [Nazi camps for Soviet prisoners of war in the territory of Belarus] // Tragediya plena [The tragedy of captivity]. Krasnogorsk: 122–125.
- Dallin A.J. (1958). Deutsche Herrschaft in Russland 1941-1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf: Droste Verlag: 727.
- Dugas I.A., F.Ya. Cherone (1994). Vycherknutye iz pamyati. Sovetskie voennoplennyye mezhdue Gitlerom i Stalinym [To erase from memory. Soviet prisoners of war between Hitler and Stalin]. T.11 [Vol.11]. Paris: YMCA-Press. 433 p.
- Dutu A., F. Dobre, L. Loghin (1999). Armata Română în al doilea război mondial (1941-1945). Dicționar encyclopedic. București: Editura enciclopedică.
- Gerlach Ch. (1999). Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Edition: 1232.

- Grif sekretnosti snyat. Poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boyevykh deystviyakh i voyennykh konfliktakh [Secrecy label removed. Casualties of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts] (1993). G.F.Krivosheev, ed. Moscow: Voenizdat: 416 p.
- Hilberg R. (1999). Der Vernichtungskrieg der europäischen Juden. Bd. 1–3. Frankfurt am Main: Fischer Tashenbuchverlag: 1351.
- Krakowski Sh. (1992). The fate of the Jewish POWs of the Soviet and Polish Armies // The Shoah and The War / A. Cohen, Y. Cochavi, Y. Gelber, eds. Studies on the Shoah, Vol. 3. Tel-Aviv: Institute for Research of the Shoah: 217–230. Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht (1982). München.
- Maryanovsky M.F., I.S. Sobol (1997). Pavshie... (Vместo predisloviya) [Fallen ... (Instead of the foreword)] // Kniga pamyati voynov-evreev v boyakh s natsizmom. 1941–1945 [Memory Book of Jewish soldiers in the battle against Nazism. 1941–1945]. T. IV [Vol. IV]. Moscow: 9–41.
- Ostermann D. (2016). Wenn die Reue zu spät kommt. Vor knapp einem Jahr wurde ehemaligen sowjetischen Kriegsgefangenen eine Entschädigung zugesprochen, doch bislang haben nur acht Betroffene das Geld erhalten // Badische Zeitung. 18 Januar.
- Otto R. (2002). Sowjetische Kriegsgefangene. Neue Quellen und Erkenntnisse// Quinkert B. (Hrsg). Wir sind die Herren dieses Landes“. Ursachen, Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion. Hamburg: VSA-Verlag: 124–135.
- Overmans R., A. Hilger, P. Polian in Zusammenarbeit mit R. Otto und C. Kretschmer (2012) . Rotarmisten in deutscher Hand. Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkrieges: Paderborn – München – Wien – Zürich: Verlag Ferdinand Schöning.
- Polyan P. (2005). First Victims of the Holocaust: Soviet–Jewish Prisoners of War in German Captivity // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Fall Vol.6. 4: 763–787.
- Polyan P.M. (2010). Stratotsidnye i stratotsidal'nye aspekty politiki Tret'ego reykh po otnosheniyu k sovetskim voennoplennym [Stratocidal and stratotsidal-like aspects of the policy of the Third Reich towards the Soviet prisoners of war] // Voyna na unichtozhenie. Natsistskaya politika genotsida na territorii Vostochnoy Evropy. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [The war of annihilation. The Nazi policy of genocide in Eastern Europe. Proceedings of the international scientific conference]. Moscow: Fond «Istoricheskaya pamyat'»: 146–157.
- Polyan P.M. (1996). Zhertvy dvukh diktatur. Voennoplennyye i ostarbaytery v Tret'em Reykhe i ikh repatriatsiya [Victims of Two Dictatorships. Prisoners of war and Ostarbaiter in the Third Reich and their repatriation]. Moscow: Vash vybor.
- Polyan P.M. (2002). Zhertvy dvukh diktatur. Zhizn', trud, unizhenie i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbayterov na chuzhbine i na rodine [Victims of two dictatorships. Life, work, humiliation and death of Soviet prisoners of war and ostarbeiters in a foreign land and at homeland]. Moscow: Rosspen: 898 p.
- Polyan P.M. (2006). Sovetskie voennoplennyye–evrei – pervye zhertvy Kholokosta v SSSR [Soviet Jewish prisoners - the first victims of the Holocaust in the USSR] // Obrechennyye pogibnut'. Sud'ba sovetskikh voennoplennykh–evreev vo Vtoroy mirovoy voyne. Vospominaniya i dokumenty [Destined to die. The fate of soviet Jewish prisoners in World War II. The memories and documents]. Moscow: Novoe izdatel'stvo: 9–70.

- Reshin L. E. (1994). Kollaboratsionisty i zhertvy rezhima [Collaborators and victims of the regime] // Znamya [Banner]. №8: 158-179.
- Roschmann H. (1982). Gutachten zur Behandlung und zu den Verlusten sowjetischer Kriegsgefangener in deutscher Hand von 1941-1945 und zur Bewertung der sogenannten «Documents NOKW 2125» (Nachweisung des Verbliebs der sowjetischen Kriegsgefangenen nach dem Stande vom 1.5.1944). Ingolstadt: Zeitgeschichtliche Forschungsstelle Ingolstadt: 54.
- Rossiia i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie [Russia and the USSR in the wars of the XX century. Casualties of the armed forces. Statistical research] (2001) / Pod obshchey red. G.F. Krivosheeva [G. F. Krivosheev, ed.]. Moscow: Olma-press: 606 p.
- Schneier A. (2003). Plen. V 2-kh tt. [Captivity. In 2 vols]. Jerusalem.
- Semiryaga M.I. (1970). Sovetskie lyudi v Evropeyskom Soprotivlenii [The Soviet people in the European Resistance]. Moscow: Nauka: 352 p.
- Shapiro G.S., S.L. (1997). Ocherki evreyskogo geroizma. V 3-kh tt. T.3 [Sketches of Jewish heroism. In 3 vols. V.3]. Kiev, Tel Aviv.
- Sheviakov A.A. (1994). Repatriatsiya sovetskogo mirnogo naseleniya i voennoplennykh, okazavshikhsya v okkupatsionnykh zonakh gosudarstv antigitlerovskoy koalitsii// Naselenie Rossii v 1920-1950-e gody: chislennost', poteri, migratsii. Sb. nauch. trudov [Repatriation of Soviet civilians and prisoners of war, caught up in the occupation zones of the anti-Hitler coalition states]. Moscow: 195-222.
- Sokolov B.V. (1998). Pravda o Velikoy Otechestvennoy voyne: sbornik statey [The truth about the Great Patriotic War. A collection of articles]. St. Petersburg: Aleteyya.
- Sovetskie lyudi v Evropeyskom soprotivlenii. Vospominaniya i dokumenty [The Soviet people in the European resistance. The memories and documents] (1991) / N.P. Komolova (red.) [N. P. Komolova, ed.]. Chast' I: V partizanskom dvizhenii; Chast' II: Protivostoyanie fashizmu v natsistkoy nevole [Part I: The partisan movement; Part II: The opposition to fascism in Nazi captivity]. Moscow: Institut vseobshchey istorii AN SSSR: 464.
- Sovetskie voennoplennyye: spravedlivost' obretena, no kto zhe ob etom znaet? [Soviet prisoners of war: justice is acquired, but who knows about this?] (1995) // Rossiyskie vesti. 3 February.
- Streit Ch. (1991). Keine Kameraden: die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. Bonn: Verlag J.H.W.Dietz Nachf.: 448.
- Sverdlov F.D. (2002). Entsiklopediya evreyskogo geroizma [Encyclopedia of Jewish heroism]. Moscow: Dograf: 504 p.
- Sverdlov F.D. (compiler) (1996). Dokumenty obvinyayut. Kholokost: svidetel'stva Krasnoy Armii [The documents accuse. Holocaust: the testimony of the Red Army]. Moscow.
- Ueberschär G.R., Wette W. (Hg.) (1984). Der deutsche Überfall auf die Soviet Union. "Unternehmen Barbarossa" 1941. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag: 419.
- Velikaya otechestvennaya vojna 1941-1945 godov. V 12 tt. [The Great Patriotic War of 1941-1945. In 12 volumes] (2011-2015). Moscow.
- Zemskov V.N. (1993). Repatriatsiya sovetskikh grazhdan v 1945-1946 godakh. Opirayas' na dokumenty [The repatriation of Soviet citizens in 1945-1946. Based on the documents] // Rossiya XXI. № 5: 74-81.

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В МИРЕ: 1946-2015 гг. *

ЕКАТЕРИНА ЩЕРБАКОВА^{1, **}

Оценка полных – прямых и косвенных – потерь в результате крупных конфликтов, в значительной степени нарушающих естественное воспроизводство население и порождающих масштабные волны миграции, остается настоящей задачей для демографов. Важным источником сведений о числе погибших в результате боевых действий и одностороннего насилия являются ежегодно пополняемые базы данных о вооруженных конфликтах. В статье рассматриваются источники данных и оценки смертности в результате организованного коллективного насилия. Проанализированы тенденции изменения числа вооруженных конфликтов разных типов и численности погибших в них за 1946-2015 гг. в целом по миру и крупным регионам, влияние потерь в вооруженных конфликтах на численность населения и его возрастно-половой состав.

За период 1946-2015 гг. тяжесть и кровопролитность вооруженных конфликтов снижались, начиная с 2011 г. наметилась тенденция к росту количества конфликтов и числа погибших в них. Растет количество внутренних вооруженных конфликтов, которые впоследствии нередко перерастают в международные с участием многих государств. Но пока сравнение последней четверти века (эпохи после «холодной войны») и предшествующей четверти века свидетельствует о сокращении числа крупных вооруженных конфликтов с участием государства и одностороннего насилия в форме массовых убийств на этнической и политической почве.

Ключевые слова: *причины смерти, организованное коллективное насилие, вооруженные конфликты, погибшие в боевых действиях, прямые и косвенные демографические потери, возрастно-половой состав населения.*

ВВЕДЕНИЕ

Вооруженные конфликты и другие формы коллективного насилия сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Не исчезли они и сегодня, ежегодно уносят немало жизней, калечат физически и психически оставшихся в живых, подрывают основы благополучия затронутых ими обществ.

Организованное коллективное насилие - одна из причин смерти, по которым ведется наблюдение смертности в системе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Вклад этой причины в общую смертность населения мира относительно невелик, составляя десятые доли процента, но для отдельных стран, население которых подверглось коллективному насилию, он бывает существенным. Влияние демографических потерь может сохраняться на протяжении нескольких десятилетий, что прослеживается по изменению возрастно-полового состава населения.

¹ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»; ИНСТИТУТ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАН (РОССИЯ).

* ИССЛЕДОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИУ ВШЭ В 2016 Г.

** E-mail: escherbakova@hse.ru

В сентябре 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла план действий по достижению устойчивого развития на период до 2030 г. В нем в качестве отдельной задачи (цель 16.1), выделено снижение смертности от умышленных убийств и всех форм коллективного насилия [UN 2015b]. Для отслеживания реализации этой задачи, как и многих других, крайне важны полнота и достоверность используемой информации. Между тем, по оценке ВОЗ, примерно 53% случаев смерти в мире не регистрируются и соответственно не учитываются [WHO 2016a: 13], еще хуже обстоит дело с учетом умерших по причинам смерти.

Вооруженные конфликты сами по себе неизбежно приводят к нарушению системы регистрации смертных случаев, как и других систем статистического наблюдения, если они существовали до конфликта. Оценки числа убитых во время вооруженных конфликтов основываются, как правило, на подсчете тел погибших, о котором сообщают официальные источники, негосударственные организации и группы, а также на данных выборочных обследований, в ходе которых о погибших узнают ретроспективно путем опроса родственников и членов домохозяйств. Использование таких методов чревато серьезными проблемами измерения и ограничениями, обусловленными снижением во время конфликтов уровня общей безопасности. В результате имеющиеся оценки людских потерь в вооруженных конфликтах заметно различаются. Проблема полноты и достоверности нередко практически в равной мере относится и к оценкам численности населения, особенно в разбивке по полу и возрасту, а без них судить об интенсивности смертности трудно.

Число вооруженных конфликтов и людские потери, понесенные в них, служат важными характеристиками глобальной безопасности. Они, в частности, учитываются при расчете Глобального индекса мира (*Global Peace Index*), который ежегодно определяется экспертами международного независимого Института экономики и мира (*Institute for Economics and Peace*) начиная с 2007 г. В июне 2016 г. был представлен десятый доклад [IEP 2016] с детальным анализом изменений значений Глобального индекса мира за прошедшее десятилетие по регионам и странам мира.

Сбор информации о вооруженных конфликтах и других формах коллективного насилия (их числе, локализации и продолжительности, сторонах конфликта, количестве погибших) ведется различными исследовательскими центрами, создающими собственные или совместные базы данных. К числу наиболее авторитетных можно отнести базы данных вооруженных конфликтов Международного института стратегических исследований в Лондоне (*International Institute for Strategic Studies, IISS*), проекта «Корреляты войны» Мичиганского университета в США (*Correlates of War, COW*), Программы данных о конфликтах Упсальского университета в Швеции (*Uppsala Conflict Data Program, UCDP*) и Научно-исследовательского института мира в Осло в Норвегии (*Peace Research Institute Oslo, PRIO*) при поддержке независимого исследовательского центра *Human Security Report Project (HSRP)* университета Саймона Фрейзера (*Simon Fraser University*) в Ванкувере в Канаде.

Критерии, которые используются для включения события в базу данных, и его учитываемые характеристики (локализация, продолжительность, участники и т.п.)

несколько различны, что порождает проблему совместимости данных. Кроме того, пополнение баз данных ведется с разной периодичностью. Так, последняя из имеющихся версий баз данных «Корреляты войны» была представлена в 2010 г. и содержит сведения о вооруженных конфликтах 1816-2007 гг. [COW 2016], в то время как базы данных Упсальской Программы данных о конфликтах пополняются ежегодно и в версиях 2015 г. содержат сведения по 2014 г. включительно, хотя и за более короткий период времени после окончания Второй мировой войны [UCDP 2015a-d]. К сожалению, ни в одной из существующих баз данных о вооруженных конфликтах не учитываются сведения о погибших в разбивке по полу и возрасту [IEP 2016: 82]. Тем не менее накапливаемые сведения имеют неоспоримую ценность не только для политологов и конфликтологов, но и для демографов, предоставляя основу для оценки людских потерь в современных вооруженных конфликтах и смертности в результате коллективного насилия. Оценка полных (прямых и косвенных) потерь в результате крупных конфликтов, в значительной степени нарушающих естественное воспроизводство населения и порождающих масштабные волны миграции, всегда остается востребованной задачей для демографов.

Учитывая более актуальный и детальный характер баз данных UCDP и то, что эти данные используются во многих работах, в том числе и ВОЗ, обратимся к содержащимся в них оценкам людских потерь в вооруженных конфликтах, произошедших после Второй мировой войны. Рассмотрим также оценки числа умерших и показателей смертности в результате коллективного насилия для периода 2000-2015 гг., недавно опубликованные ВОЗ в связи с началом мониторинга реализации Целей устойчивого развития до 2030 г. [WHO 2015; WHO 2016a-b]. В заключение попытаемся проследить, как отразились вооруженные конфликты на возрастном-половом составе населения некоторых стран, понесших наиболее значительные потери в вооруженных конфликтах.

1. О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ БАЗЫ ДАННЫХ О ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

1.1. Какие конфликты учитываются

Упсальская Программа данных о конфликтах (UCDP) поддерживает серию баз данных об организованном коллективном насилии и умиротворении конфликтов (о заключении соглашений о мире и окончании конфликтов)¹. Для нас интерес представляют те базы данных, которые содержат сведения о людских потерях во время учитываемых случаев организованного коллективного насилия - вооруженных конфликтов или одностороннего насилия.

Вооруженные конфликты отличает наличие, по крайней мере, двух противостоящих сторон, оспаривающих свои права на территорию, власть или то и другое вместе с помощью оружия. При этом под оружием понимается не только промышленно произведенное вооружение, но и различные подручные или кустарно произведенные средства, включая

¹ В настоящее время их 14. Подробнее см. <http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/> или на новом сайте Программы UCDP <http://www.ucdp.uu.se/downloads/>

палки, камни, огонь, воду и т.п. Особое значение – и по масштабу, и по степени влияния на международную жизнь – имеют конфликты, хотя бы одной из сторон которого выступают государство и его вооруженные силы.

Одностороннее насилие направлено против гражданского мирного населения, не могущего дать адекватного отпора нападающей стороне - вооруженным силам государства или организованной группе, которую можно четко идентифицировать, и ясна ее причастность к данному событию.

Важным критерием для учета таких событий в базах данных UCDP служит факт гибели не менее 25 человек в ходе боевых действий или одностороннего насилия за календарный год. В случае вооруженных конфликтов эта цифра относится к каждой паре противостоящих враждующих сторон и характеризует боевые потери в результате сражений и столкновений, партизанской войны, набегов и засад, бомбардировок военных объектов, городов и сел. Она включает погибших (в том числе умерших от полученных ран) не только среди сражающихся, но и среди мирных граждан, попавших под перекрестный огонь и беспорядочные бомбежки. Случаи одностороннего насилия учитываются, если достоверно известно о факте убийства не менее 25 гражданских лиц, за исключением казненных в государственных учреждениях во внесудебном порядке.

При этом термин «терроризм» не используется². Для включения в базы данных UCDP необходима идентификация исполнителя – государства (правительства страны) или организации, если же это отдельный индивид или исполнитель неизвестен (как часто бывает, например, в криминальных войнах наркокартелей в Мексике), событие не учитывается вне зависимости от числа жертв. Если исполнитель акта насилия известен, включение события в ту или иную базу данных UCDP зависит от цели насилия: являлись ли объектом другие государства, представители других организованных групп или гражданское население. Если вооруженное насилие, осуществленное организацией, направлено против государства, его представителей или учреждений, это событие фиксируется как вооруженное столкновение с участием государства, если против другой вооруженной группировки или ее представителей, – как вооруженное столкновение без участия государства, если же цель так не определена и направлена на мирное население, – как одностороннее насилие. Например, разрушение двумя самолетами Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. учтено как акт одностороннего насилия (целью не были государственные или военные объекты), а разрушение третьим самолетом Пентагона (военного объекта США) – как вооруженный конфликт с участием государства (между правительством США и Аль-Каидой).

Единицей учета (наблюдения) в базах данных UCDP является конфликт-год. Поэтому длящийся в течение нескольких лет вооруженный конфликт с одной и той же парой противостоящих сторон включается в базу данных за каждый год, в течение которого боевые потери составили не менее 25 человек (активный конфликт). Если же потери были меньше, конфликт в данном году не учитывается. Относительно непродолжительные конфликты, в ходе которых боевые потери составили 25 человек и более, например, за

² <http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/faq/> (дата обращения: 24.05.2016).

декабрь-январь, также не учитываются, если ни в том, ни в другом году (ни в декабре, ни в январе) потери не достигали 25 человек.

Поиск и отбор сведений о случаях организованного коллективного насилия осуществляется ежегодно с ноября по май в несколько этапов³.

Сбор информации начинается с автоматизированного поиска упоминаний об организованном коллективном насилии (по ключевым словам) среди сообщений крупнейших телеграфных агентств, периодических изданий и других источников мировых и региональных новостей (около 10 тыс. источников, содержащихся в онлайн-базе данных *Factiva database*). Отобранная информация (как правило, от 50 до 80 тыс. новостных сообщений) вручную сортируется и кодируется в соответствии с критериями UCDP для отдельных типов коллективного насилия с учетом пристрастности источников и других аспектов, влияющих на достоверность информации. На следующем этапе анализируется информация в недавно опубликованных книгах, специализированных журналах, докладах и публикациях неправительственных организаций, других базах данных, связанных с организованным насилием. Полученная информация также вручную кодируется, как и на первом этапе, с учетом оценок числа погибших и совместимости с уже имеющимися данными. Если что-то остается неясным в отношении действующих сторон, числа погибших или других аспектов конфликта, проводятся консультации с региональными экспертами. На завершающем этапе отобранная информация тщательно рассматривается ведущими специалистами UCDP, которые принимают решение о включении ее в соответствующие базы данных. Что касается данных о погибших, помимо основной, наиболее достоверной и надежной (так называемой «лучшей») оценки, формируются также наиболее высокие и наиболее низкие оценки по поступившей информации при соблюдении общего принципа умеренности. В целом основные оценки UCDP, которые мы и будем использовать в дальнейшем, можно считать наименьшими из достоверных.

Оценки числа погибших в результате организованного коллективного насилия содержатся в трех базах данных: о боевых потерях в вооруженных конфликтах с участием государства [Lacina, Gleditsch 2005; Pettersson, Wallensteen 2015; UCDP 2015b], о конфликтах без участия государства [Sundberg, Eck, Kreutz 2012; UCDP 2015c] и об одностороннем насилии [Eck, Hultman 2007; Sundberg 2009; UCDP 2015d]. В настоящее время доступны версии 2015 г., в которых представлены данные за 1989-2014 гг. Некоторые сведения за 2015 г. также уже представлены на сайте [UCDP 2016], но не включены в соответствующие базы данных. Сведения о вооруженных конфликтах с участием государства имеются и в отдельной базе данных [Gleditsch et al. 2002; Pettersson, Wallensteen 2015; UCDP 2015a], включающей данные за 1946-2014 гг. на основе развиваемой ранее базы данных Научно-исследовательского института мира (PRIO) при поддержке независимого исследовательского центра Human Security Report Project (HSRP).

³ Там же.

1.2. Погибшие в результате коллективного насилия по оценкам UCDP

Результатом многих вооруженных конфликтов становятся не только боевые потери, но и многочисленные смерти за пределами непосредственных военных действий. Помимо вооруженных конфликтов с участием государств, имеют место вооруженные конфликты между негосударственными враждующими группировками, которые нередко становятся международными, а также одностороннее насилие против мирного населения, чаще всего на этнической или политической почве.

В целом за период 1989-2015 гг. боевые потери в ходе вооруженных конфликтов, в которых хотя бы одной из противоборствующих сторон было государство, составили 54% (1102474 человека) от общего числа погибших в результате организованного коллективного насилия (2023283 человека). Еще 38% составили жертвы одностороннего насилия (774442 человека), около 7% (146367 человек) - погибшие в ходе вооруженных конфликтов между вооруженными группировками без участия государства (рисунок 1). Только 3 раза (в 1994, 1996 и 2002 г.) боевые потери в ходе вооруженных конфликтов с участием государства составляли менее половины от общих потерь в результате организованного коллективного насилия. В остальные годы их доля составляла, как правило, не менее двух третей, а нередко превышала 80%.

Рисунок 1. Число погибших в результате коллективного насилия, 1989-2015 гг., тыс.

Источники: [UCDP 2015b-d; 2016].

Если исключить из рассмотрения геноцид в Руанде⁴, доля боевых потерь в ходе вооруженных конфликтов с участием государства в общем числе погибших в результате организованного коллективного насилия в целом за 1989-2015 гг. поднимется до 75%, а в вооруженных конфликтах без участия государства – до 10% (рисунок 2). Доля потерь в результате одностороннего насилия снизится до 15%, хотя в отдельные годы она останется высокой (55% в 1996 г., 38% в 1995 г., 34% в 2002 г.). Число погибших в ходе одностороннего насилия в рассматриваемый период составляло от 3,3 тыс. человек в 2010 г. до 39,0 тыс. человек в 1996 г. (из них более 30 тыс. человек – в Демократической Республике Конго⁵). В 2014 г. жертвами одностороннего организованного насилия стали 11,8 тыс. человек мирного населения, в том числе жертвами ИГИЛ в Ираке и Сирии – 4,2 тыс. человек, жертвами Боко харам⁶ в Камеруне, Чаде и Нигерии – 3,8 тыс. человек. В 2015 г. число погибших в результате одностороннего насилия несколько снизилось, составив 9,7 тыс. человек.

Рисунок 2. Число погибших в результате коллективного насилия без учета геноцида в Руанде, 1989-2015 гг., тыс.

Источники: [UCDP 2015b-d; 2016].

⁴ Массовые убийства местными хуту руандийских тутси и сочувствующих им или состоящих с ними в браке представителей других национальностей происходили с 7 апреля по 15 июля 1994 г. По оценкам UCDP, они привели к гибели порядка 500 тыс. человек (по низшей оценке – 171059 человек, по высшей – около 800 тыс. человек). По некоторым другим оценкам, число погибших превысило миллион человек, причем тутси среди них составляли до 90%.

⁵ Конфликт между представителями хуту и тутси продолжился на территории Демократической Республики Конго (ДРК, бывшего Заира), принявшей более миллиона беженцев из соседней Руанды, — страна оказалась втянутой в Руандийскую гражданскую войну, а масштабное восстание тутси на территории ДРК переросло в первую (1996-1997 гг.), а позже — и вторую (1998-2002 гг.) конголезскую гражданскую войну.

⁶ Общество приверженцев распространения учения Пророка и джихада (Jama'atu Ahlis Sunna Lidda'awati wal-Jihad).

Число погибших в ходе вооруженных конфликтов без участия государства заметно увеличилось в последние годы. Наибольшим за последнюю четверть века оно было в 2014 г. - 12,8 тыс. человек, в том числе 5,7 тыс. человек, погибших в вооруженных конфликтах между многочисленными группировками исламистов в Сирии, 1,6 тыс. человек – в вооруженных конфликтах наркокартелей в Мексике.

В 2015 г. число потерь в результате вооруженных конфликтов без участия государства оказалось меньше (11,3 тыс. человек), но оставалось более высоким, чем за любой год периода 1989-2013 гг., в течение которого самое высокое значение отмечалось в 1993 г. (10,8 тыс. человек).

В целом число погибших в результате организованного коллективного насилия в 2015 г. уменьшилось, по оценке UCDP, на 6% по сравнению с 2014 г., но значения показателя за эти годы (118435 и 126059 человек соответственно) самые высокие за весь период наблюдения (1989-2015 гг.).

Что касается одностороннего организованного коллективного насилия, известно о шести эпизодах масштабного геноцида, унесившего в течение года более 256 тыс. человеческих жизней, в период после Второй мировой войны. Один из них относится к периоду 1989-2014 гг. (в Руанде в 1994 г.), остальные пять - к периоду наблюдения 1955-1988 гг. [IEP 2016: 36; Melander 2016: 8]. В ходе антикоммунистических и антикитайских репрессий 1965-1966 гг. в Индонезии было убито около 500 тыс. человек. В ходе гражданской войны в Нигерии за независимость Биафры только в 1968 г. геноциду подверглось более 200 тыс. человек, а общие потери за годы войны (1967-1970 гг.) составили, по разным оценкам, от 700 тыс. до 3 млн человек. Геноцид бенгальцев, осуществленный вооруженными силами Пакистана в период войны за независимость Бангладеш, унес в 1971 г. жизни около миллиона человек. За три с половиной года правления красных кхмеров в Камбодже (1975-1979 гг.) было уничтожено 25% городского и 15% сельского населения страны (примерно 1,7 млн человек). Только за 1975-1976 гг. жертвами политических репрессий и этнических чисток стали 1,5 млн человек. Геноцидом африканских народов сопровождалась вторая гражданская война в Судане (арабов-исламистов против африканских народов Юга страны, 1983-2005 гг.) – около миллиона мирных жителей было убито в 1988 г. [Marshall 2016].

1.3. Боевые потери в вооруженных конфликтах с участием государства

За период, прошедший после окончания Второй мировой войны (1946-2014 гг.), в базе данных UCDP учтено 259 вооруженных конфликтов с участием государства в 159 странах между 567 парами враждующих сторон [Pettersson, Wallensteen 2015: 537].

Годовое число активных вооруженных конфликтов с участием государства довольно устойчиво возрастало до начала 1990-х годов, увеличившись с не более чем 20 в 1946-1960-х годах до 51 в 1991 г. (рисунок 3). Затем оно пошло на убыль, снизившись до 31 в 2010 г., но начиная с 2011 г. вновь стало увеличиваться, особенно быстро в последние 2 года, поднявшись до 40 в 2014 г. и 50 в 2015 г. и вернувшись, таким образом, к уровню начала 1990-х годов.

В 2014 г. 7 из 34 вооруженных конфликтов с участием государства, учтенных в предшествующем 2013 г., стали неактивными, но возникли 4 новых конфликта⁷, 3 прежних конфликта возобновились с новыми участниками, еще 6 – с прежними участниками. Число пар противостоящих сторон увеличилось с 48 до 53, но их среднее число, характеризующее фрагментацию вооруженных конфликтов, снизилось с 1,41 до 1,33, тогда как в среднем за период 1946-2014 гг. оно составило 2,19. В 2014 г. вооруженные конфликты были активны в 27 странах.

В первые десятилетия после завершения Второй мировой войны вооруженные столкновения, при которых в течение года в боевых действиях погибало 1000 человек и более, нередко составляли до 40% и более от общего числа вооруженных конфликтов с участием государства. Наибольшее число таких конфликтов, относимых к категории войн, зафиксировано в 1988 г. в конце эпохи «холодной войны» (16).

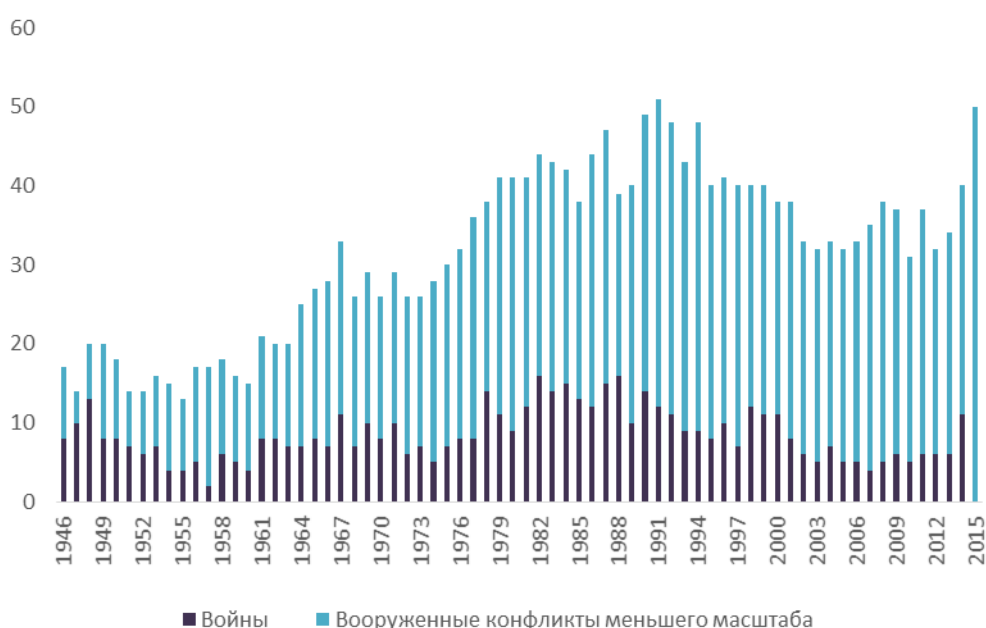

Рисунок 3. Число вооруженных конфликтов разного масштаба с участием государства, 1946-2015* гг.

Источники: [UCDP 2015a; 2016].

Примечание: * – 2015 г. – общее число вооруженных конфликтов без выделения конфликтов разной интенсивности.

После окончания «холодной войны» доля войн в общем числе вооруженных конфликтов редко достигала 30%. В 2005-2011 гг. она составляла не более 16% от общего числа активных вооруженных конфликтов, а к 2014 г. поднялась до 28% или до уровня, наблюдавшегося в начале и конце 1990-х годов. Число войн в 2014 г. возросло до 11, тогда как в 2005-2013 гг. оно не превышало 6.

⁷ Все четыре на Украине: между правительством Украины, с одной стороны, и Майданом, ДНР, ЛНР и Объединенными вооруженными силами Новороссии соответственно, с другой стороны.

Вооруженные конфликты, в ходе которых боевые потери за 2014 г. составили 1000 человек и более, зафиксированы в 10 странах: Афганистане, Израиле, Ираке, Йемене (Северном), Нигерии, Пакистане, Сирии, Сомали, Украине (в Донецке и Новороссии)⁸, Южном Судане.

Поскольку оценки числа погибших в вооруженных конфликтах представлены в базах данных UCDP только начиная с 1989 г., дополним их сведениями из базы данных Научно-исследовательского института мира (PRIO), учитывая, что база данных UCDP о вооруженных конфликтах [UCDP 2015a] была расширена ретроспективно (назад до 1946 г.) путем адаптации аналогичной базы данных PRIO. Сведения о погибших в ходе вооруженных конфликтов 1946-2007 гг. опубликованы исследовательским центром Human Security Report Project (HSRP) [HSRP 2014a; HSRP 2014b], поддерживающим работу по формированию соответствующих баз данных PRIO и UCDP.

Насколько можно судить по данным за 1989-2007 гг., имеющимся в обеих базах данных, в целом наблюдаемые тенденции схожи, но оценки UCDP, как правило, ниже (рисунок 4). Причины расхождений кроются в различных подходах к формированию баз данных.

База данных PRIO изначально формировалась для того, чтобы выявить, имеются ли какие-либо долговременные тенденции изменения тяжести вооруженных конфликтов, развязанных после Второй мировой войны. С этой целью использовались в основном суммарные оценки боевых потерь во время вооруженных конфликтов, база данных обновлялась не ежегодно, а периодически.

В отличие от этого подхода базы данных UCDP основываются на годовых оценках боевых потерь по отдельным эпизодам каждого конфликта. Учет случаев организованного насилия ведется по трем категориям (вооруженные конфликты с участием и без участия государства, одностороннее насилие) и только тогда, когда известна совершившая его сторона. Ежегодное обновление баз данных UCDP позволяет учитывать сведения, поступающие из новых источников относительно уже учтенных событий, и регулярно пополнять и уточнять базы данных.

Несмотря на отмеченные расхождения, можно утверждать, что долговременной тенденцией в период 1946-2015 гг. было снижение, хотя и с заметными колебаниями, боевых потерь в результате вооруженных конфликтов с участием государства.

Общее число боевых потерь в вооруженных конфликтах, произошедших после Второй мировой войны, превысило 10,6 млн человек. Наибольшее число погибших в ходе боевых действий учтено в 1950 г. – около 600 тысяч человек. Значительное увеличение числа погибших в ходе военных действий отмечалось в 1947-1951, 1960-1961, 1965-1974, 1978-1988 гг., что было связано с масштабными вооруженными конфликтами (таблица 1). Отметим, что надежность приведенных оценок боевых потерь в этих войнах во многом зависит от точности учета потерь «западных» стран-участниц. Если исключить эти

⁸ Боевые потери в этих двух конфликтах превысили соответственно 2000 и 1500 погибших за год. В двух других учтенных конфликтах погибло менее тысячи человек (в Луганске - 712, на Майдане - 87).

крупнейшие конфликты, тенденция изменения боевых потерь станет гораздо менее определенной (колебания от 30 до 140 тыс. погибших в год) [Lacina, Gleditsch 2005: 155].

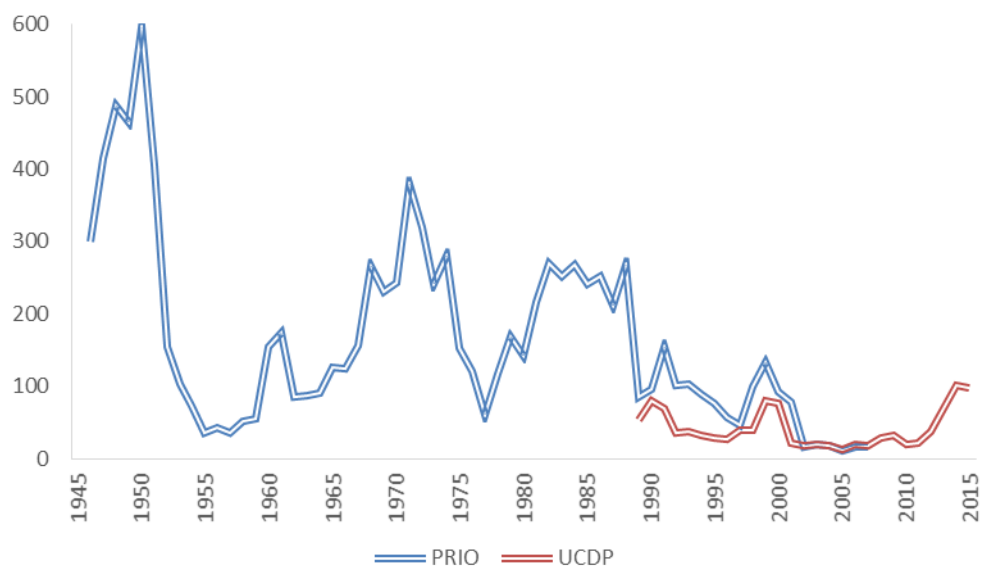

Рисунок 4. Число погибших в вооруженных конфликтах с участием государства, 1946-2015 гг., тыс.

Источники: [HSRP 2014b; UCDP 2015b; 2016].

Таблица 1. Вооруженные конфликты с наибольшим числом погибших в боевых действиях

Конфликт	Годы	Число погибших
Война во Вьетнаме	1955-1975	2 097 705
Война в Корее	1950-1953	1 254 811
Гражданская война в Китае	1946-1949	1 200 000
Ирано-Иракская война	1980-1988	644 500
Гражданская война в Афганистане	1978-2014*	629 733

Источники: [Lacina, Gleditsch 2005: 154; UCDP 2015b].

Примечание: * – Война продолжается до сих пор, число боевых потерь возрастает.

Число погибших в ходе ряда других вооруженных конфликтов было не менее значительным, но в большей степени относилось не к боевым потерям, а к смертям в результате одностороннего насилия, роста преступности и неорганизованного насилия, а главное, к смертям от ненасильственных причин, прежде всего голода и болезней. Доля боевых потерь в общем числе погибших в результате некоторых вооруженных конфликтов в Африке не достигала 30%, а чаще и 20% (таблица 2).

По некоторым оценкам, общие потери в ходе конголезской войны 1998-2002 гг. составили до 5,4 млн человек, что делает этот конфликт одним из самых кровопролитных после Второй мировой войны. Однако большая часть смерть была обусловлена эпидемиями и голодом, тогда как боевые потери составили, как и по оценке, представленной в таблице

2, около 6% (350 тыс. человек)⁹. Вооруженные конфликты в Демократической Республике Конго не утихают до сих пор, но их интенсивность заметно снизилась.

Таблица 2. Число погибших в результате некоторых вооруженных конфликтов в Африке

Страна	Годы	Общее число погибших в ходе конфликта, тыс.	Боевые потери, человек	Доля боевых потерь в общем числе погибших, %
Судан	1963-1973	250 - 750	20000	3 - 8
Нигерия	1967-1970	500 - 2000	75000	4 - 15
Ангола	1975-2002	1500	160475	11
Эфиопия*	1976-1991	1000 - 2000	16000	<2
Мозамбик	1976-1992	500 - 1000	145400	15-29
Сомали	1981-1996	250 - 350	66750	19-27
Судан	1983-2002	2000	55500	3
Либерия	1989-1996	150 - 200	23500	12-16
Демократическая Республика Конго	1998-2001	2500	145000	6

Источник: [Lacina, Gleditsch 2005: 159].

*Примечание: * – Без Эритрейского восстания.*

Число погибших в ходе гражданской войны в Сирии за 2011-2014 гг., по разным оценкам, составило от 200 до 320 тыс. человек [IEP 2016: 82], число боевых потерь по оценке UCDP – 119 тыс. человек [UCDP 2015b].

В целом за период после окончания «холодной войны» боевые потери в ходе вооруженных конфликтов с участием государства стали, по оценкам UCDP, заметно ниже, чем в предшествующий период «холодной войны». Наименьшее значение отмечалось в 2005 г. (12,2 тыс. человек), наибольшие – в 2014 (101,4 тыс.), 1990 и 1999 г. (около 80 тыс. погибших). Тенденция роста числа боевых потерь, наблюдавшаяся в 2011-2014 гг., в 2015 г. не сохранялась – в результате военных действий погибло на 3,9% меньше, чем в предшествующем 2014 г. (97496 против 101406 человек). За последние 25 лет (1991-2015 гг.) значение показателя превышало 50 тыс. человек в год 6 раз, за предшествующие 25 лет (1966-1990 гг.) – 24 раза.

По основной, наиболее достоверной и используемой оценке, численность боевых потерь в результате вооруженных конфликтов с участием государств за 1989-2014 гг. превысила миллион человек (1049906). По высшей оценке UCDP, она составила 1404 тыс. человек, а по низшей – 925 тыс. человек.

Снижение числа вооруженных конфликтов с участием государства и числа погибших в ходе военных действий, ставшее доминирующей тенденцией, несмотря на порой значительные отклонения и всплески, сопровождалось снижением тяжести и кровопролитности конфликтов. Среднее число погибших в боевых действиях в расчете на один вооруженный конфликт снизилось с более чем 33 тыс. человек в 1949 г. до нескольких сотен в 2002-2011 гг. (рисунок 5). В 2012-2014 гг. отмечалось повышение значения

⁹https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Вторая_конголезская_война&oldid=79165448,
<http://rusplt.ru/fact/samyiy-krovoprolitnyiy-konflikt-posle-vtoroy-mirovoy--vtoraya-kongolezskaya-voyna-13302.html>

показателя - до 2535 погибших в вооруженных конфликтах по оценкам за 2014 г. В 2015 г. оно снизилось до 1950.

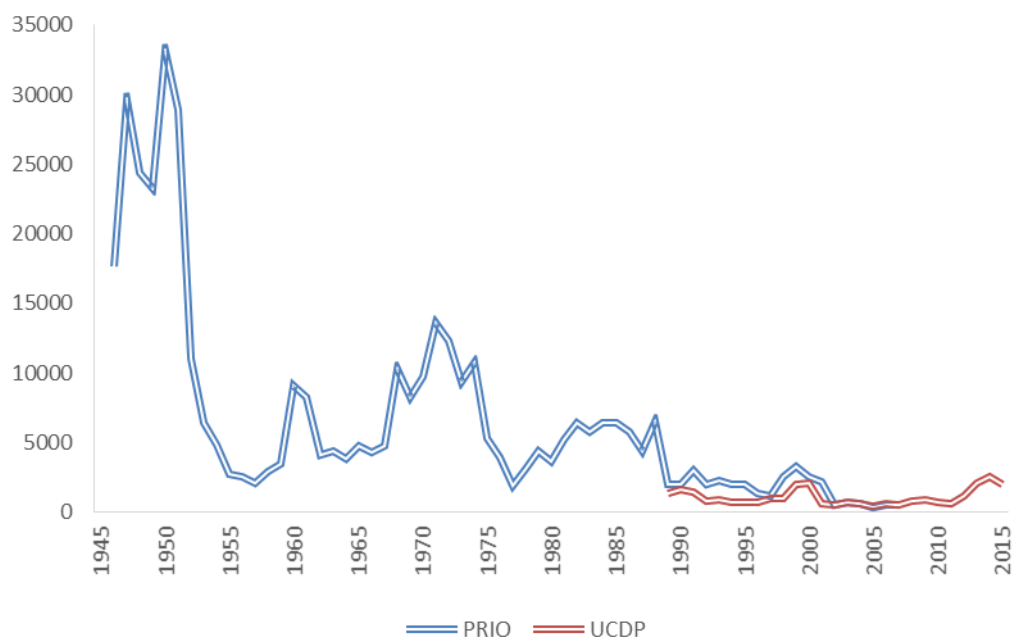

Рисунок 5. Среднее число погибших в боевых действиях на один вооруженный конфликт с участием государства, 1946-2015 гг.

Источники: [HSRP 2014b; UCDP 2015a-b; 2016].

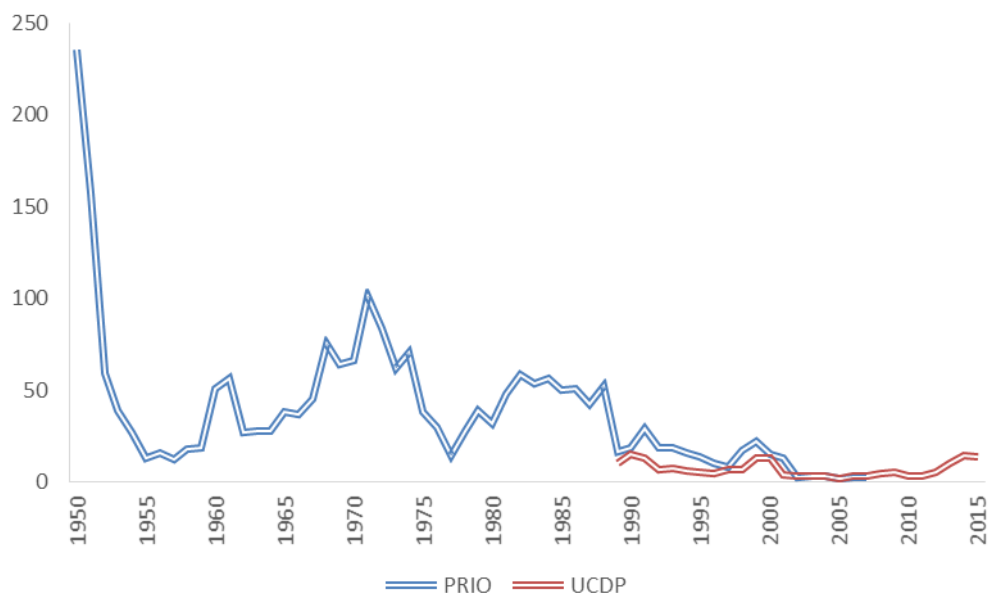

Рисунок 6. Число погибших в вооруженных конфликтах на миллион человек населения мира, 1946-2015 гг.

Источники: [HSRP 2014b; UCDP 2015b; 2016; UN 2015a].

По числу погибших в ходе боевых действий в расчете на миллион человек населения мира кровопролитность вооруженных конфликтов также снижалась на фоне сохраняющегося быстрого роста мирового населения. В периоды масштабных военных кампаний наблюдались все те же выраженные отклонения от тренда, но в целом значение показателя снизилось с 236 погибших на миллион человек в 1950 г. до 2-3 в 2002-2007 и 2010-2011 гг. (рисунок 6). К 2014 г. оно повысилось до 14 погибших в боевых действиях на миллион человек, проживающих в мире, в 2015 г. — несколько снизилось, составив 13 погибших на миллион человек.

Помимо долговременной тенденции сокращения числа вооруженных конфликтов и их тяжести, наблюдалась тенденция более быстрого сокращения числа межгосударственных конфликтов и роста доли внутренних конфликтов, которые, правда, нередко перерастают в международные.

Вооруженные конфликты, в которых одной из противоборствующих сторон является государство в лице действующего правительства с подчиняющимися ему вооруженными силами, разделяются по территориальному принципу на четыре типа:

- вооруженный конфликт между государством и вооруженным формированием за пределами собственной территории государства (так называемый «экс-государственный» конфликт, в основном это колониальные войны);
- международный вооруженный конфликт между двумя и более государствами;
- внутренний вооруженный конфликт между правительством и негосударственным объединением (организацией) на территории государства, нередко спорной (за отделение или автономию, за смену центральной власти и т.п.);
- внутренний вооруженный конфликт, переросший в международный вооруженный конфликт, когда правительство или противоборствующая ему сторона получает от одного или нескольких иностранных государств военную поддержку, в том числе войсками.

Вооруженные конфликты за пределами собственной территории государства в последний раз были учтены в 1974 г.: между правительством Португалии, с одной стороны, и Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА) и Фронтом освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), с другой стороны.

Число международных вооруженных конфликтов между двумя и более государствами было наибольшим в 1967 и 1969 г. (по 5), в последние годы оно составляло по одному в год или конфликты этого типа вовсе не фиксировались в базе данных UCDP (рисунок 7). В 2014 г. это был вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном из-за территории Кашмира, в 2012 г. — между Суданом и Южным Суданом из-за территориальных границ, в 2011 г. — между Камбоджей (Кампучией) и Таиландом также из-за территориальных границ.

С прекращением колониальных войн преобладающими стали внутригосударственные вооруженные конфликты, которые в 1975-2010 гг., за незначительным исключением, составляли в каждом году до 80% и более от общего числа вооруженных конфликтов, учтенных в базе данных UCDP. В последние годы их доля снизилась за счет интернационализации внутренних конфликтов, которая в 1947-1956 гг. не наблюдалась, а в 1957-1979 гг. была сравнительно редкой. В 2014 г. внутренние конфликты, переросшие в международные, составили треть от общего числа конфликтов (13 из 40). К их числу относятся вооруженные конфликты в Афганистане, Азербайджане (Нагорный Карабах), Ираке, Йемене, Мали, Нигерии, Сомали, США (с Аль-Каидой), Южном Судане, Уганде и 3 конфликта на Украине (Донецк, Луганск, Новороссия). США как внешняя противоборствующая сторона были вовлечены в 4 конфликта, Бельгия, Великобритания, Иордания, Россия и Франция - в 3. Начиная с 2001 г. США чаще всего выступают дополнительной внешней противоборствующей стороной в интернационализированных внутренних конфликтах.

Участие войск внешних противоборствующих сторон, по мнению многих экспертов, таит в себе серьезную угрозу для прекращения конфликта. Привлечение дополнительных ресурсов и увеличение числа противоборствующих сторон, которым труднее прийти к соглашению, могут привести к увеличению продолжительности и тяжести вооруженного конфликта [Pettersson, Wallensteen 2015: 537].

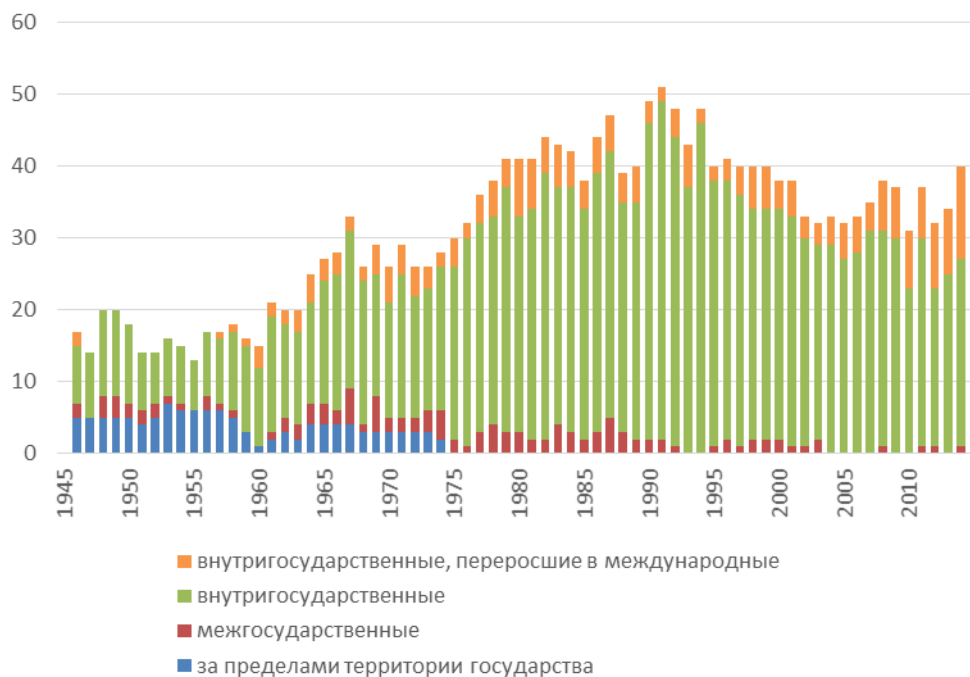

Рисунок 7. Число вооруженных конфликтов с участием государства по типам, 1946-2014 гг.

Источник: [UCDP 2015a].

Число погибших в вооруженных конфликтах с участием государства, которые ведутся за пределами территории государства, практически сведено к нулю с середины 1970-х годов, когда прекратились колониальные войны, однако в 1953-1959 гг. оно

составляло значительную часть боевых потерь – более 90% в 1954 г., по 70% в 1955 и 1957 г. (рисунок 8).

Число погибших в межгосударственных конфликтах, крайне высокое в 1946-1949 гг., снизилось в несколько раз и лишь в отдельные годы превышало 100 тыс. человек (1961, 1971, 1976, 1984, 1988 и 1991 г.).

Число боевых потерь в результате внутренних вооруженных конфликтов нередко превышало потери в экс- и межгосударственных конфликтах, но в период после окончания «холодной войны» оно также снижалось. Наряду с этим возрастали потери в результате внутренних конфликтов, переросших в международные.

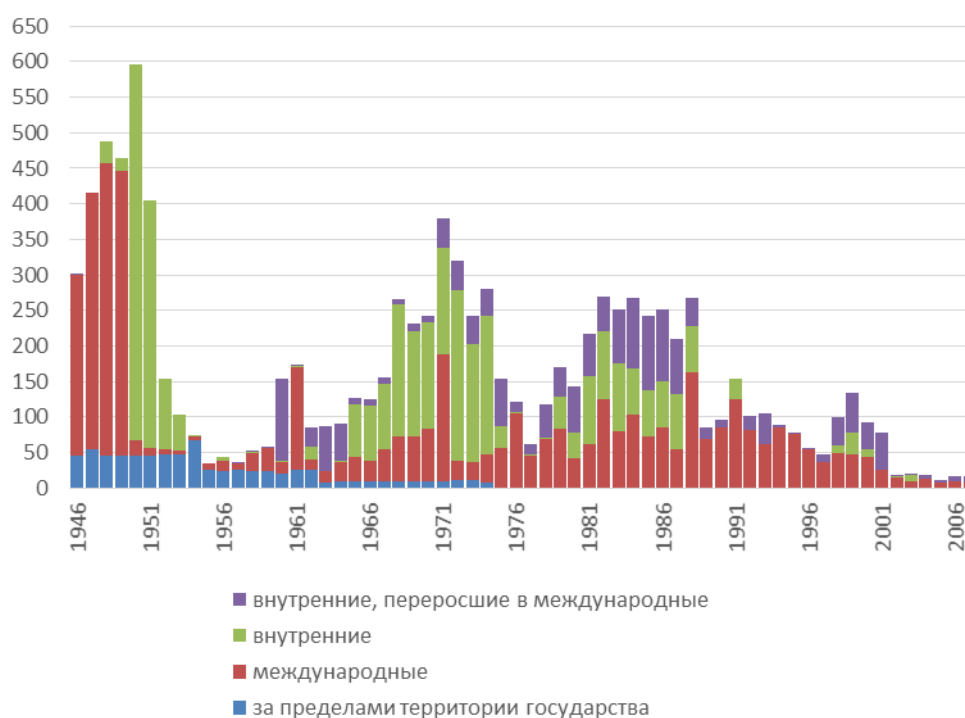

Рисунок 8. Число погибших в вооруженных конфликтах разного типа с участием государства, 1946-2007 гг., по данным PRIO, тыс.

Источник: [HSRP 2014b].

По основной оценке UCDP, почти 66% боевых потерь в результате вооруженных конфликтов с участием государства за период 1989-2014 гг. составили потери во внутригосударственных конфликтах (688,6 тыс. человек), около 22% (229,4 тыс.) – во внутригосударственных конфликтах, переросших в международные, еще 12% (131,9 тыс.) – в межгосударственных конфликтах (рисунок 9). Значительные боевые потери в межгосударственных конфликтах отмечались в 1999 и 2000 г. (48,1 и 50,0 тыс. человек соответственно), во внутригосударственных конфликтах – в 1990 г. (75,1 тыс.), 2013 г. (57,0 тыс.) и 2014 г. (62,6 тыс.), в интернационализированных внутригосударственных конфликтах – в 2014 г. (38,7 тыс.).

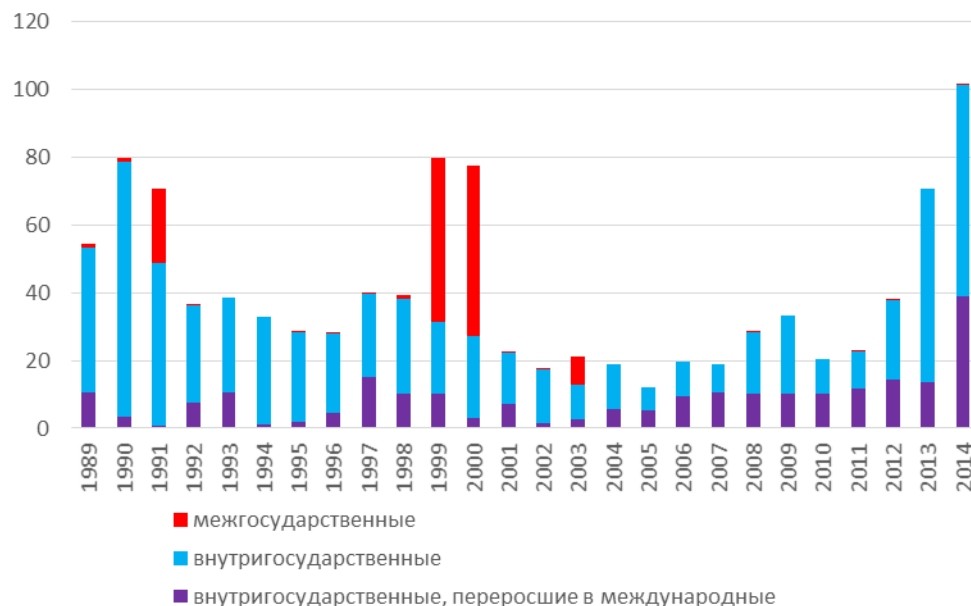

Рисунок 9. Число погибших в вооруженных конфликтах разного типа с участием государства по типам, 1989-2014 гг., по данным UCDP, тыс.

Источник: [UCDP 2015b].

В первые годы после окончания Второй мировой войны значительное число вооруженных конфликтов с участием государства отмечалось в Европе, но большая часть – в Азии (рисунок 10). С середины 1950-х годов все больше конфликтов происходило в Африке, тогда как в Европе они не регистрировались в некоторые годы или их число было незначительным. Сравнительно небольшое число вооруженных конфликтов в Америке увеличилось в 1980-е годы, на Ближнем Востоке – в 1966-1967 и 1979-1988 гг.

В период после окончания «холодной войны» значительное число вооруженных конфликтов с участием государства разворачивалось в Азии и Африке. На эти два региона приходилось от 56% вооруженных столкновений, учтенных в 1993 г., до 87% – в 2000 г. В 2014 г. их доля снизилась до 65% за счет увеличения доли вооруженных конфликтов с участием государства в Европе и на Ближнем Востоке (по 15%).

Число вооруженных конфликтов с участием государств в Америке сравнительно невелико, хотя в отдельные периоды в Европе оно было еще ниже (2-3%).

Доля вооруженных конфликтов с участием государства на Ближнем Востоке была сравнительно невысокой в 1998-2002 гг. (6-8%), но в дальнейшем она практически удвоилась.

Заметно изменилось распределение боевых потерь в вооруженных конфликтах по регионам мира. В конце 1940-х и начале 1950-х годов больше всего людей погибало в вооруженных конфликтах в Восточной, Юго-Восточной Азии и Океании и почти в 5 раз меньше в Европе (рисунок 11). В начале 1960-х годов большая часть боевых потерь приходилась на страны Африки, расположенные южнее Сахары, а в 1980-е годы – на страны

Ближнего Востока и Северной Африки, Средней и Южной Азии. Страны Америки несли меньшее бремя вооруженных конфликтов с участием государства.

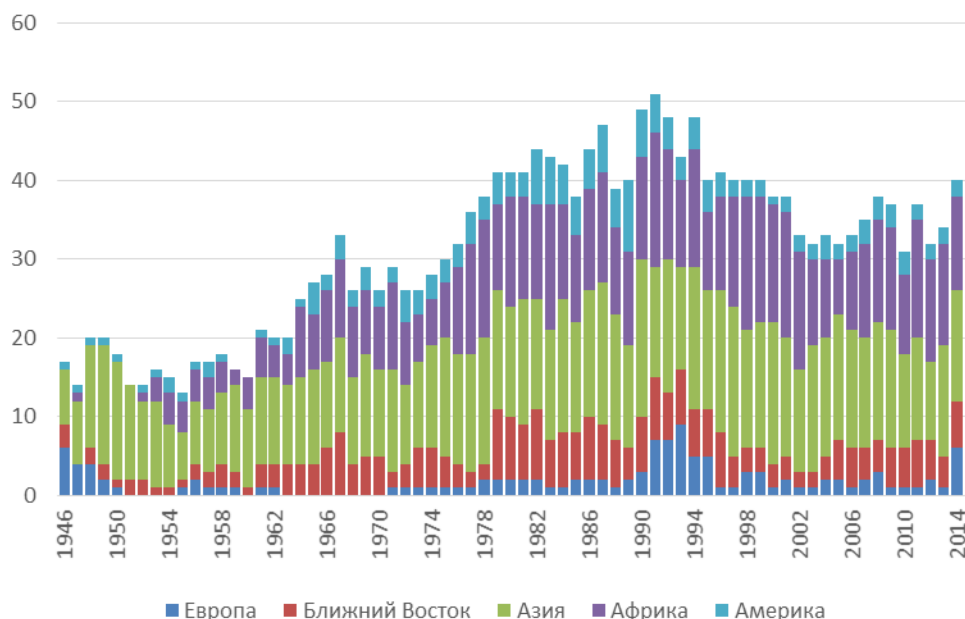

Рисунок 10. Число вооруженных конфликтов по регионам мира, 1946-2014 гг.

Источник: [UCDP 2015a].

По основной оценке UCDP, 40% боевых потерь в результате вооруженных конфликтов с участием государства за 1989-2014 гг. учтены в Африке (419,1 тыс. человек), 29% (305,3 тыс.) - в Азии, 22% (229,9 тыс.) - на Ближнем Востоке (рисунок 12)¹⁰. Менее значительными были боевые потери в конфликтах, развернувшихся в Европе (58,9 тыс.) и Америке (36,7 тыс. человек). Однако в отдельные годы (1992-1993, 1999 и 2014 г.) потери в конфликтах на территории Европы были существенными и вносили заметный вклад в общие потери от вооруженных конфликтов с участием государства (до 28% в 1993 г.).

С 2011 г. существенно возросла доля боевых потерь в вооруженных конфликтах с участием государства на Ближнем Востоке: в 2012 г. она поднялась до 50%, в 2013 г. - до 73%, а в 2014 г. составила 69%, уменьшившись на фоне роста потерь в вооруженных конфликтах на территории Европы. Доля боевых потерь в Африке в 2013-2014 гг. снизилась до 10%, в Азии – до 16%.

¹⁰ По классификации UCDP, Египет относится к региону «Ближний Восток», Алжир, Тунис, Ливия, Марокко – к Африке, Австралия, Новая Зеландия, Папуа - Новая Гвинея, Фиджи и Соломоновы острова – к Азии [UCDP 2015a: UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook, Version 4-2015: 13-19].

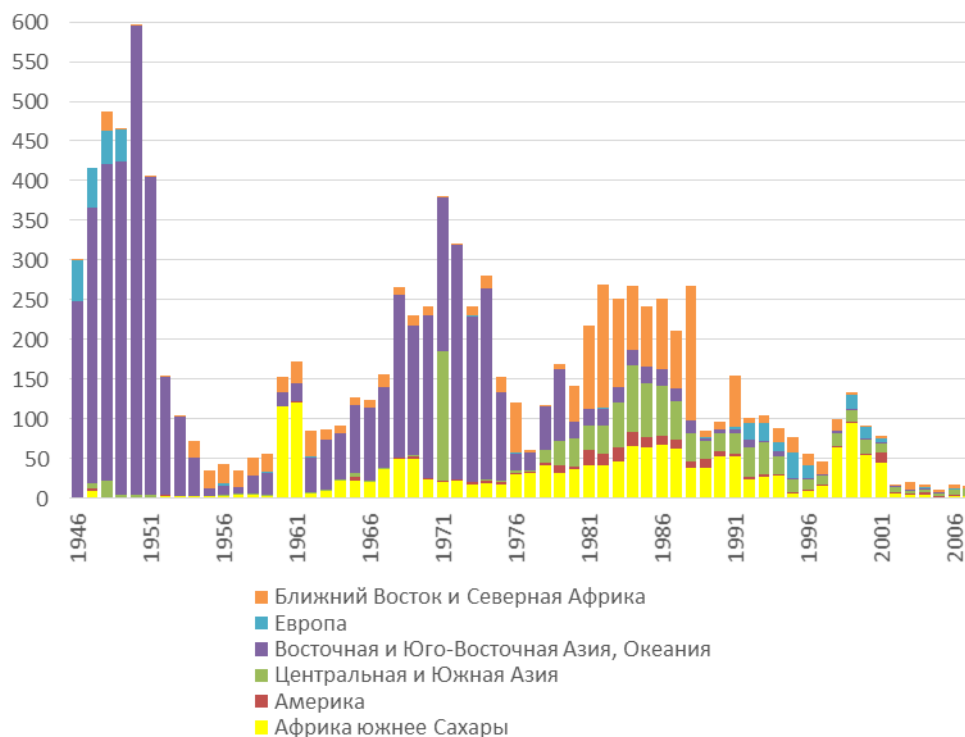

Рисунок 11. Число погибших в вооруженных конфликтах с участием государства по регионам мира, 1946-2007 гг., по данным PRIO, тыс.

Источник: [HSRP 2014b].

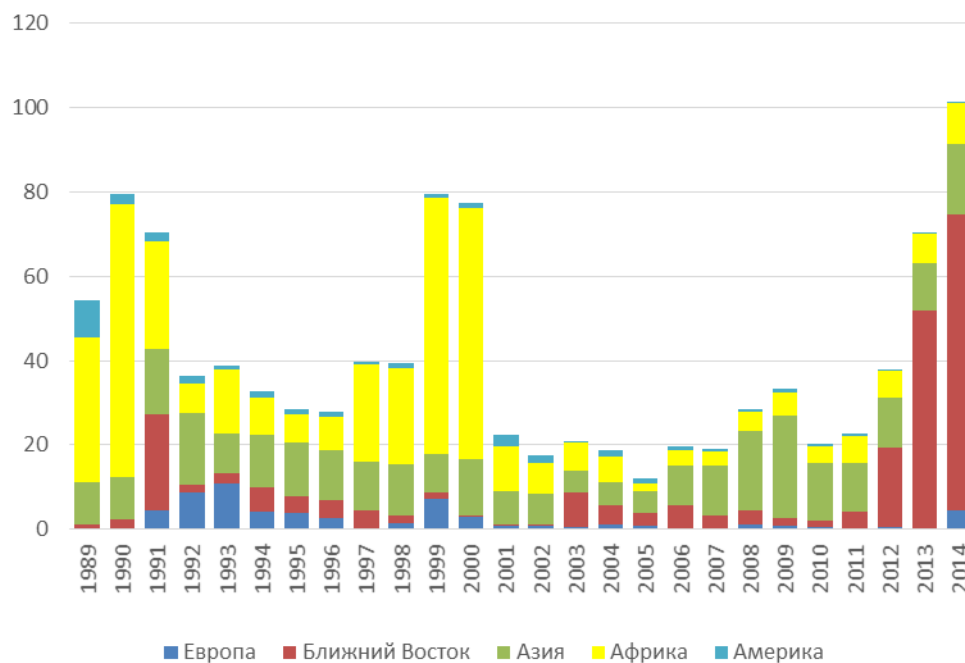

Рисунок 12. Число погибших в вооруженных конфликтах с участием государства по регионам мира, 1989-2014 гг., по данным UCDP, тыс.

Источник: [UCDP 2015b].

Среди стран мира с наибольшим числом погибших в ходе вооруженных конфликтов с участием государства в 2012-2014 гг. заметно выделялась Сирия, где правительству противостоят многочисленные повстанческие организации, оспаривающие право на государственную власть, начиная с 2011 г. Боевые потери в ходе этого конфликта составили в 2011 г. 842 человека по основной оценке UCDP (6-е место после Афганистана - 7184, Пакистана - 2599, Сомали – 1938, Ливии – 1602, Йемена – 1140 человек). В 2012 г. они возросли до 15056, в 2013 г. – до 49171, а в 2014 г. – до 53948 человек [UCDP 2015b], выведя Сирию на первое место по числу погибших в ходе боевых действий за эти годы.

Число погибших в боевых действиях возросло и в других крупных вооруженных конфликтах с участием государства, отличавшихся высокой кровопролитностью. В Афганистане в противостоянии правительства страны и сил Талибана боевые потери в 2012 г. составили 7442 человека, в 2013 г. – 8013, в 2014 г. – 12311, а в противостоянии правительства Ирака и запрещенной в РФ организации ИГИЛ – соответственно 565, 1870 и 12598 человек.

Число погибших в ряде других менее крупных конфликтов также увеличилось в 2014 г. по сравнению с 2013 г.

2. СМЕРТНОСТЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ КОЛЛЕКТИВНОГО НАСИЛИЯ ПО ОЦЕНКАМ ВОЗ

По оценке Всемирной организации здравоохранения, в 2015 г. в результате организованного коллективного насилия погибло 152 тыс. человек (с вероятностью 90% – от 89,5 до 234,6 тыс.)¹¹, что составляет около 0,3% от общего числа умерших в целом по миру. В этой оценке не учитываются косвенные демографические потери войн и вооруженных конфликтов меньшего масштаба, связанные с избыточной смертностью в результате повышения заболеваемости, недостаточного питания, разрушения социальной инфраструктуры и упадка системы здравоохранения.

По оценкам ВОЗ, опирающимся, в том числе, и на данные UCDP, в период с 1990 по 2011 г. наблюдалось снижение числа и тяжести вооруженных конфликтов. Если исключить данные о геноциде Руанде в 1994 г., среднегодовое снижение прямых людских потерь из-за вооруженных конфликтов за 1990-2000 гг. составит 2% (рисунок 13). С 2011 г. число погибших в вооруженных конфликтах стало, напротив, расти и в 2015 г. было примерно таким же или даже выше, чем в 1990 г.

Детальные оценки числа умерших от отдельных причин смерти по полу и возрасту представлены в базе данных ВОЗ для 2000 и 2012 г. В 2000 г. число умерших от всех причин составило 52,8 млн человек, а в 2012 г. увеличилось почти до 55,9 млн. Число погибших в результате коллективного насилия, напротив, снизилось с 122 тыс. человек в 2000 г. до 119 тыс. в 2012 г. Их доля в общем числе умерших соответственно также снизилась, но,

¹¹ Напомним, что основная оценка UCDP потерь в результате организованного коллективного насилия (вооруженных конфликтов с участием и без участия государства и одностороннего насилия) несколько ниже – 118,4 тыс. человек, низшая и высшая оценки пока не представлены [UCDP 2016].

учитывая незначительную величину, фактически осталась на том же самом уровне, что и в 2000 г. – 0,2%. Среди умерших от внешних причин доля погибших от коллективного насилия снизилась с 2,4 до 2,3%. Более значительные изменения в структуре смертности от внешних причин были связаны с увеличением доли умерших в результате дорожно-транспортных происшествий и случайных падений при одновременном сокращении доли умерших в результате самоубийств, случайных утоплений, воздействия огня, дыма, горючих веществ и других непреднамеренных повреждений. Доля умерших в результате межличностного насилия (прежде всего убийств) незначительно увеличилась. Отметим, что она вчетверо превышает долю погибших в результате коллективного насилия.

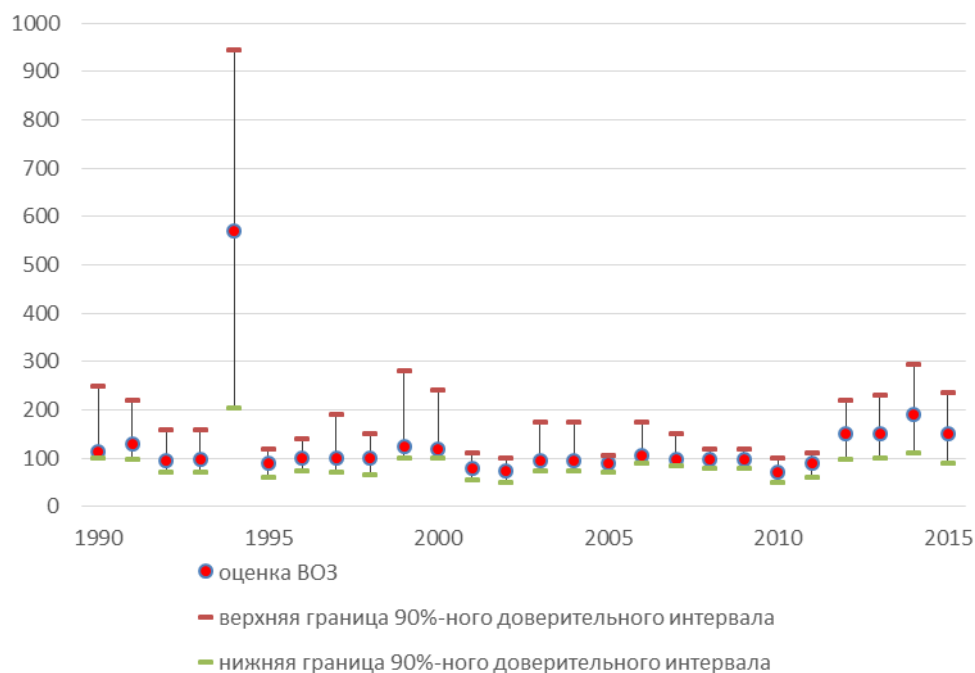

Рисунок 13. Число погибших в вооруженных конфликтах по оценкам ВОЗ, мир в целом, 1990-2015 гг., тыс.

Источник: [WHO 2016a: 100].

Среди умерших в результате коллективного насилия преобладают мужчины молодых и средних возрастов. По оценкам за 2012 г. мужчины среди умерших в результате коллективного насилия составляли 85,7%, в том числе 40,8% - мужчины в возрасте от 15 до 29 лет включительно (рисунок 14). Среди женщин, погибших в результате коллективного насилия, также больше всего представительниц возрастной группы от 15 до 29 лет.

В 2012 г. возрастные коэффициенты смертности в результате коллективного насилия по оценке ВОЗ оказались ниже, чем в 2000 г., во всех возрастно-половых группах, кроме женщин 5-14 лет, у которых значение показателя не изменилось (0,7 умерших на 100 тыс.). Наиболее значительное сокращение отмечалось в мужчин в возрасте 15-29 и 50-59 лет.

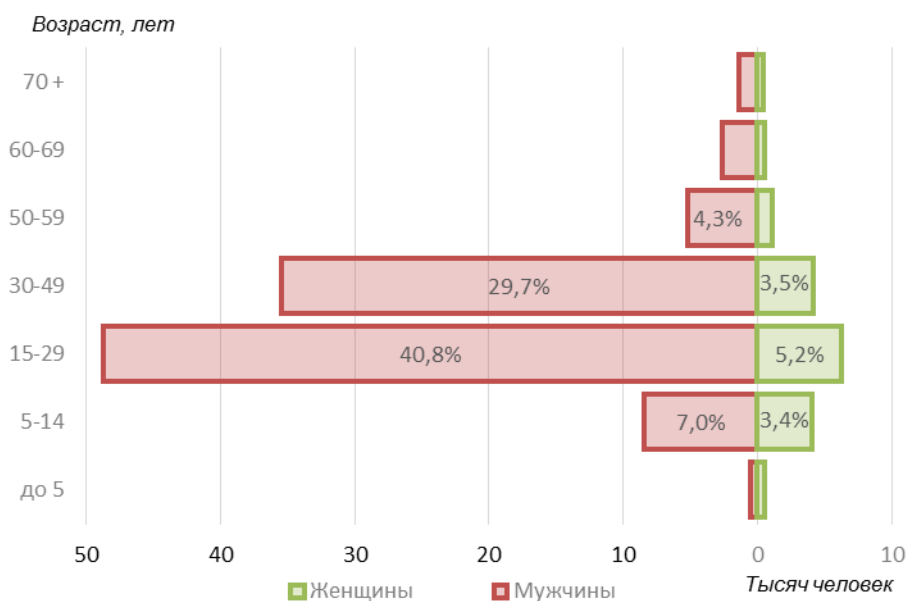

Рисунок 14. Распределение умерших в результате коллективного насилия по полу и возрасту, мир в целом, 2012 г., тыс. и %

Источник: Рассчитано по [WHO 2014].

В целом же, как и распределение умерших по полу и возрасту, возрастные коэффициенты смертности свидетельствуют о наиболее интенсивной смертности в результате коллективного насилия у мужчин в возрасте 15-29 лет (рисунок 15).

Смертность мужчин в результате коллективного насилия составила в 2012 г. 2,9 умерших на 100 тыс. человек против 3,3 в 2000 г., а смертность женщин – 0,5 против 0,7.

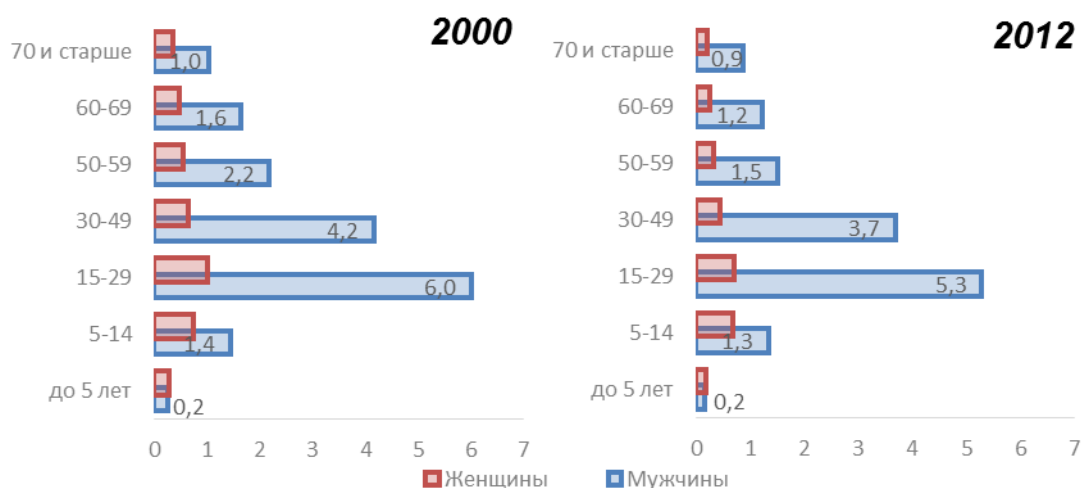

Рисунок 15. Возрастные коэффициенты смертности в результате коллективного насилия по полу, мир в целом, 2000 и 2012 г., на 100 тыс. человек соответствующего пола и возраста

Источник: Рассчитано по [WHO 2014].

Интенсивность смертности в результате коллективного насилия существенно различается по регионам¹². В 2000 г. она была самой высокой в Африканском регионе ВОЗ – 11 умерших на 100 тыс. человек, а в 2012 г. - в Восточно-Средиземноморском регионе - 16,8 (таблица 3). В среднем за 2011-2015 гг. значение показателя в этом регионе оказалось еще выше – 19,5 умерших на 100 тыс. человек. В Африканском регионе оно было выше, чем в остальных регионах, но несколько ниже, чем в целом по миру – 2 умерших на 100 тыс. человек.

Таблица 3. Прямые потери в результате коллективного насилия по регионам ВОЗ, 2000, 2012 и 2011-2015 гг., умерших на 100 тыс.

	2000	2012	2011-2015
Мир в целом	2,0	1,7	2,0
в том числе по регионам ВОЗ:			
Африканский регион	11,0	0,6	1,4
Американский регион	0,5	0,2	0,2
Регион Юго-Восточной Азии	0,8	0,1	0,1
Европейский регион	1,1	0,4	0,5
Восточно-Средиземноморский регион	3,6	16,8	19,5
Западно-Тихоокеанский регион	0,4	0,2	0,1

Источники: [WHO 2014; 2016a: Annex B].

Сравнение более детальных характеристик (возрастных коэффициентов смертности мужчин в результате коллективного насилия) также свидетельствует о значительном увеличении смертности в Восточно-Средиземноморском регионе в 2012 г. (в 4-6 раз) при заметном снижении во всех остальных регионах ВОЗ (рисунок 16). Особенно существенно (почти в 20 раз) снизилась смертность мужчин в результате коллективного насилия в Африканском регионе, который в 2000 г. выделялся самыми высокими значениями показателя, хотя и более низкими, чем в 2012 г. в Восточно-Средиземноморском регионе.

Проследить перемещение очагов наиболее интенсивных вооруженных конфликтов можно по изменению общего коэффициента смертности в результате организованного коллективного насилия в странах, понесших наибольшие людские потери (рисунок 17).

¹² Страны-члены ВОЗ группируются в 6 регионов для аналитических целей в зависимости от уровней смертности и заболеваемости.

К Американскому региону ВОЗ отнесены все страны Северной и Южной Америки и Карибского бассейна. В Европейский регион ВОЗ, помимо всех европейских стран, входят Турция, страны Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия) и Средней Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмени, Узбекистан).

В Восточно-Средиземноморский регион ВОЗ входят Афганистан, Бахрейн, Джибути, Египет, Ирак, Иран, Иордания, Йемен, Кувейт, Ливан, Ливия, Марокко, Оман, Пакистан, Катар, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Сирия, Тунис, ОАЭ.

В Африканский регион ВОЗ - все остальные африканские страны, кроме вошедших в Восточно-Средиземноморский регион.

К Западно-Тихоокеанскому региону ВОЗ отнесены Австралия, Бруней, Вануату, Вьетнам, Камбоджа, Кирибати, Китай, Лаос, Малайзия, Маршалловы о-ва, Микронезия, Монголия, Науру, Ниуэ, Новая Зеландия, о-ва Кука, Палау, Папуа-Новая Гвинея, Самоа, Сингапур, Соломоновы о-ва, Таиланд, Тонга, Тувалу, Фиджи, Филиппины, Южная Корея, Япония.

В регион Юго-Восточной Азии входят Бангладеш, Бутан, Мьянма, Шри-Ланка, Индия, Индонезия, КНДР, Мальдивские о-ва, Непал, Тимор-Лесте.

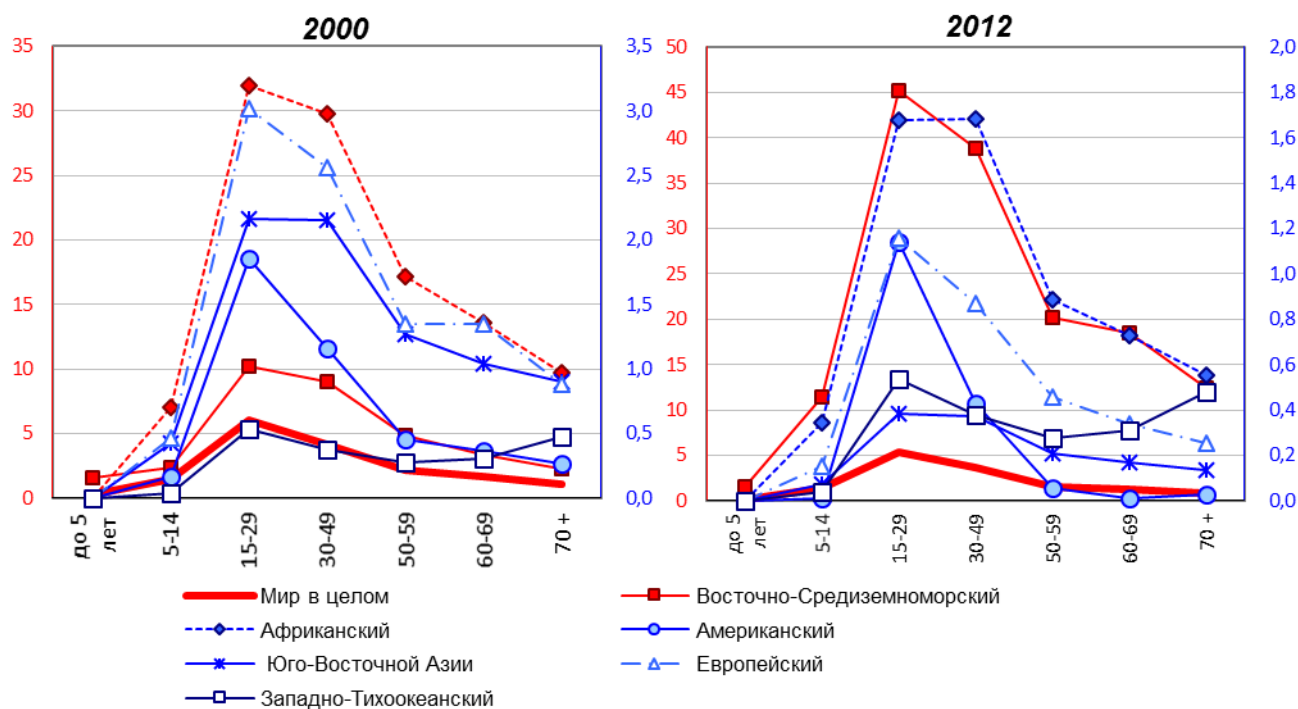

Рисунок 16. Возрастные коэффициенты смертности мужчин в результате коллективного насилия по регионам ВОЗ, 2000 и 2012 г., на 100 тыс. человек соответствующего возраста

Источник: [WHO 2014].

Примечание: Красным цветом представлены значения по левой оси, синим – по правой.

В 2001-2005 гг. наивысшее значение показателя (94 умерших на 100 тыс. человек постоянного населения) отмечалось в Ираке, в Либерии его значение было почти вдвое ниже (53), еще ниже в Бурунди (24), Судане (20), Непале (16) и Афганистане (12).

В 2006-2010 гг. интенсивность смертности в результате коллективного насилия в Ираке еще больше возросла (до 111 умерших на 100 тыс. человек). Высокая смертность в результате коллективного насилия, хотя и в 2-3 раза более низкая, отмечалась в этот период также в Шри-Ланке (45), Сомали (37) и Афганистане (32).

В 2011-2015 гг. на первое место по тяжести вооруженных конфликтов вышла Сирия, где в среднем за год в результате коллективного насилия погибало 309 человек на каждые 100 тыс. постоянного населения. В Ираке смертность в результате коллективного насилия несколько снизилась (84), в Афганистане, напротив, продолжала расти (41), в Сомали осталась практически на том же уровне, что и в 2006-2010 гг. (36). Резко возросла смертность в результате коллективного насилия в Центрально-Африканской Республике (ЦАР) (26 умерших на 100 тыс. человек), Южном Судане (21), Ливии (20) и Йемене (14 на 100 тыс.). В группу стран, понесших наибольшие людские потери в результате вооруженных конфликтов, в 2011-2015 гг. вошла Украина (6,2 погибших на 100 тыс. человек), в том время как Либерия, Шри-Ланка, Бурунди, Непал и некоторые другие

страны, выделявшиеся высокой смертностью в результате коллективного насилия в предыдущие годы, покинули ее.

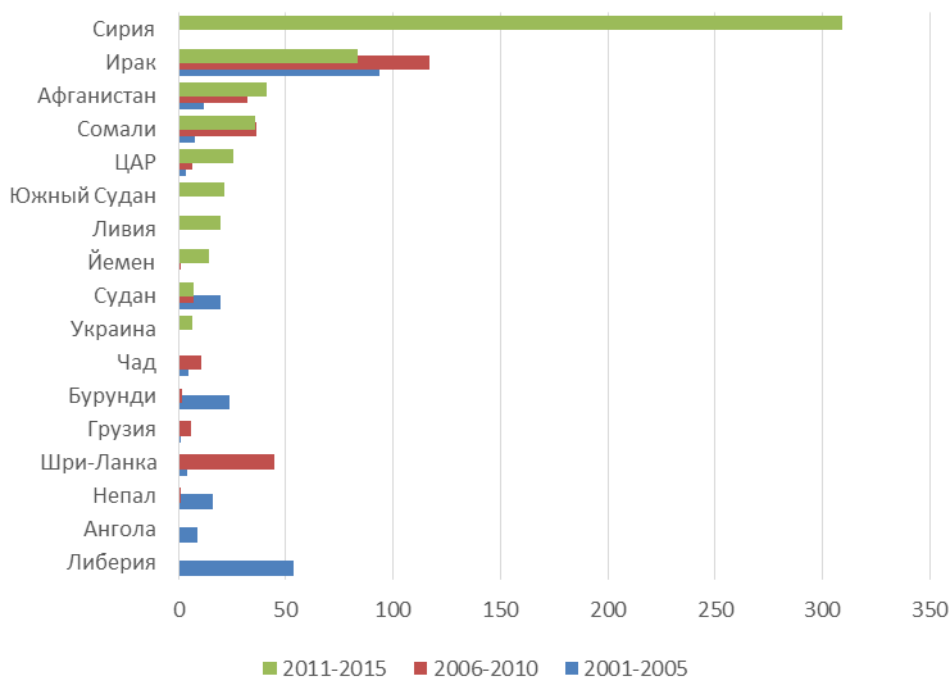

Рисунок 17. Прямые потери в результате наиболее крупных вооруженных конфликтов, 2000-2015 гг., число умерших на 100 тыс. человек в год по пятилетиям

Источник: [WHO 2016b].

Если оставить в стороне Сирию и Ирак с крайне высокими значениями смертности в результате организованного коллективного насилия, список из тридцати стран с наиболее интенсивными прямыми людскими потерями из-за вооруженных конфликтов в 2011-2015 гг. будет включать страны всех континентов, кроме Северной Америки, Австралии и Антарктиды. В этой группе стран смертность в результате коллективного насилия составила в среднем за год от 41 умершего в расчете на 100 тыс. человек постоянного населения в Афганистане до 0,3 в Азербайджане, Израиле, Мавритании, Македонии, Норвегии, Тунисе [WHO 2016a: Annex B].

3. ВЛИЯНИЕ ПОТЕРЬ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НА ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОЙ СОСТАВ

Общие людские потери (прямые и косвенные), понесенные во время вооруженных конфликтов, можно оценить, сопоставляя численность населения до начала и после окончания конфликта. Однако это не всегда возможно, поскольку сплошные переписи населения в странах, переживающих вооруженные конфликты, проводятся далеко не всегда, а учет движения населения, если он и ведется, остается явно неполным. Например, перепись населения в Сомали проводилась в последний раз в 1975 г., в Афганистане – в 1979 г., в Демократической Республике Конго и Эритрее – в 1984 г. Переписи раунда 2010

г. не были проведены в 21 стране, в их число, помимо перечисленных стран, входят также Ирак, Йемен, Пакистан, Сирия, Украина [UN 2014]. Использование данных выборочных обследований, сведений о беженцах, учитываемых Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), и модельных таблиц смертности позволяет специалистам Отдела народонаселения ООН оценить с той или иной степенью вероятности общую численность населения и его половозрастной состав. Эти оценки широко используются в системе ООН, но их качество неизбежно зависит от полноты и достоверности исходной информации.

В странах с высокой численностью населения, где сохраняется высокая рождаемость, даже значительные потери в результате вооруженных конфликтов могут не отразиться заметно на динамике численности населения и его возрастном составе, реконструированным по таким оценкам. Например, высокие людские потери в результате второй конголезской войны, о которых говорилось выше, не привели к существенному изменению тенденции быстрого роста населения и деформации его возрастно-половой структуры по оценкам ООН пересмотра 2015 г. [UN 2015a], хотя в 1996-2001 гг. некоторое снижение темпов роста все же отмечалось¹³.

В странах, где людские потери в результате вооруженных конфликтов велики не только абсолютно, но относительно, по сравнению с общей численностью населения, и имеются более детальные и полные исходные данные, нарушения тенденции роста и деформации возрастно-полового состава населения очень существенны. Это можно проследить на примере Руанды и Камбоджи, которые пережили эпизоды массового геноцида.

Руанда. Оценки ООН численности населения Руанды пересмотра 2015 г. основывались на данных переписей 1978, 1990, 2002 и 2012 г., проведенных в стране, с поправкой на недоучет. Для оценки рождаемости и смертности использовались данные многочисленных специализированных выборочных обследований. Кроме того, учитывалась сверхвысокая смертность в период гражданской войны 1993-1994 гг. и фактор высокой распространенности СПИДа. Для оценки миграции привлекались данные УВКБ ООН о беженцах [UN 2015a: POP/DB/WPP/Rev.2015/F0-2].

По оценкам ООН, общая численность населения Руанды сократилась за 1990-1995 гг. на 1347 тыс. человек или на 16%. Численность населения в возрасте до 1 года (основание пирамиды) в 1995 г. было почти втрое меньше, чем в 1990 г. (рисунок 18). Численность населения в возрасте 5-9 лет сократилась более чем на треть по сравнению с численностью населения 0-4 года в 1990 г., особенно значительно среди тех, кому в 1990 г. было менее 1 года (в возрасте 5 лет – на 43%). Младенческая смертность превысила 250 умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми, детская смертность – 400 умерших в возрасте до 5 лет на 1000 родившихся живыми.

¹³ Расчет ведется по пятилетним временным интервалам, оценки для однолетних интервалов получают в дальнейшем путем интерполяции полученных оценок. Оценки численности приводятся по состоянию на середину года (1 июля).

Число людей, которым в 1995 г. было от 10 до 37 лет, сократилось на 25-30% по однолетним группам по сравнению с 1990 г. (в возрасте от 5 до 32 лет в 1990 г.), а число людей в возрасте 40 лет и старше – на треть и более. Потери мужского населения были несколько больше, в результате чего соотношение полов ухудшилось, особенно в возрастах от 35 до 55 лет.

На возрастно-половой пирамиде 2005 г. резко суженное основание пирамиды 1995 г. переместилось на возраста 10-14 лет, но с большей численностью, что, по всей видимости, связано с массовой возвратной миграцией. Если за 1990-1995 гг. население Руанды сократилось из-за миграционного оттока на 1348 тыс. человек (-4,1% в среднем за год), то за 1995-2000 гг., напротив, увеличилось за счет миграции на 1210 тыс. человек (+3,5% в среднем за год). Число родившихся в 1995-2010 гг. устойчиво возрастало, в результате чего основание пирамиды расширялось.

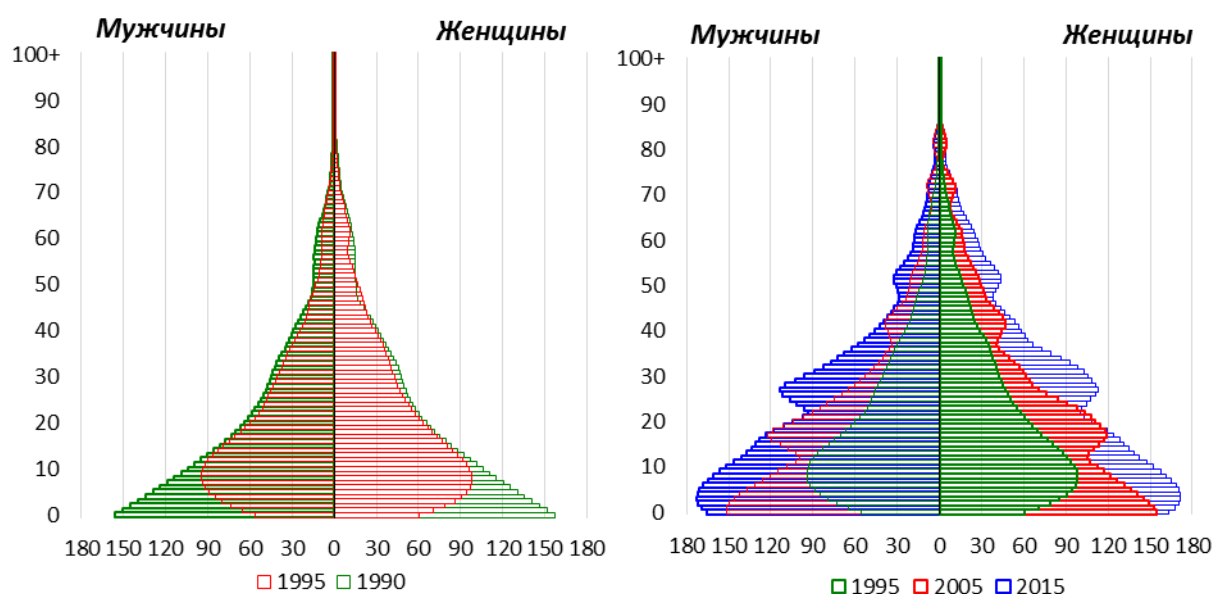

Рисунок 18. Возрастно-половая пирамида населения Руанды, 1990, 1995, 2005 и 2015 г., тыс. человек

Источник: [UN 2015a: POP/DB/WPP/Rev.2015/INT/F03].

В 2010-2015 гг. число родившихся несколько сократилось из-за снижения интенсивности рождаемости (коэффициент суммарной рождаемости опустился ниже 4 детей на женщину) и сокращения численности поколений женщин, вступающих в наиболее активную фазу репродуктивного периода своей жизни (родившиеся в период гражданской войны и геноцида). На возрастно-половой пирамиде 2015 г. вновь видно суженное основание и две «демографические волны» более многочисленных поколений, родившихся до и после гражданской войны с интервалом примерно в 25 лет.

Камбоджа. Еще более деформированной предстает возрастно-половая пирамида населения Камбоджи (рисунок 19).

Оценки ООН численности населения Камбоджи пересмотра 2015 г. основывались на данных переписей 1962, 1998 и 2008 гг. с поправкой на недоучет, привлекались также итоги

регистрации избирателей 1992 г. и межпереписного обследования 2004 г. Для определения характеристик рождаемости и детской смертности использовались данные ряда специализированных выборочных обследований. Характеристики миграции основывались на данных УВКБ ООН о потоках беженцев между Камбоджей и соседними странами и учете разницы между общим и естественным приростом населения за 1998-2008 гг. Оценка демографических последствий репрессий, проводившихся «красными кхмерами», основывалась на реконструкции численности и состава населения для периода между переписями 1962 и 1998 г. [UN 2015a: POP/DB/WPP/Rev.2015/F0-2].

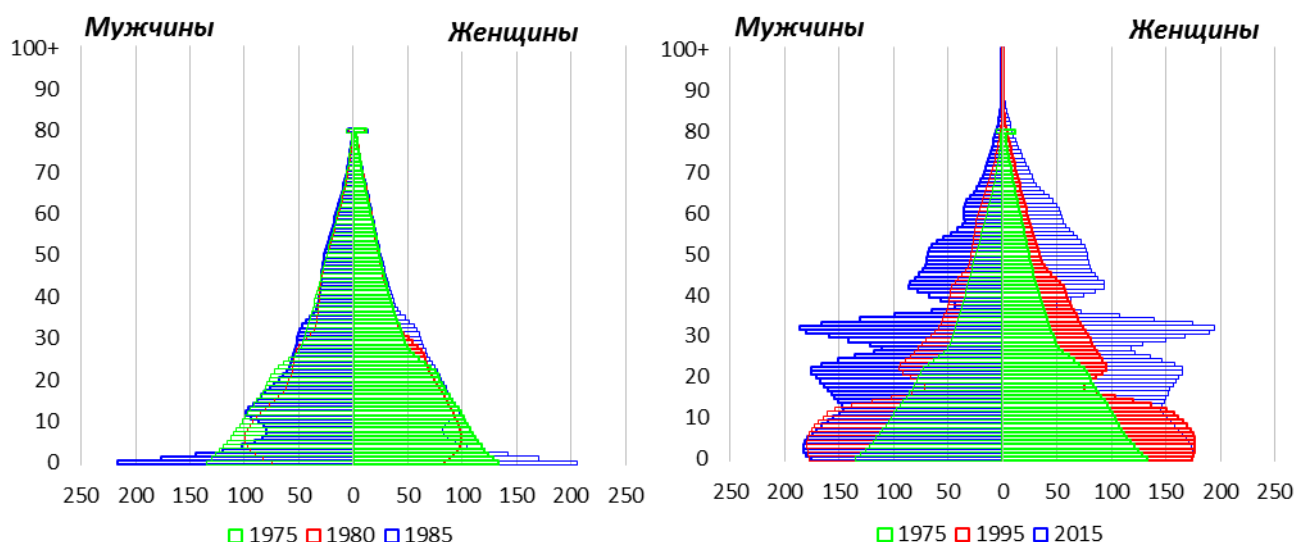

Рисунок 19. Возрастно-половая пирамида населения Камбоджи, 1975, 1980, 1985, 1995 и 2015 г., тыс. человек

Источник: [UN 2015a: POP/DB/WPP/Rev.2015/INT/F03].

Примечание: Для 1975, 1980 и 1985 г. значение для возраста 80 относится ко всем возрастам 80 лет и старше.

По полученным оценкам, численность населения Камбоджи сокращалась в 1975-1980 гг., уменьшившись за этот период в целом на 843 тыс. человек или на 11%.

Возрастно-половая пирамида 1975 г. имеет широкое основание, что характерно для населения с высокой рождаемостью (коэффициент суммарной рождаемости был близок к уровню 6 детей на женщину). Она быстро сужается к вершине, в возрастах от 23 до 28 лет имеется выраженный уступ, свидетельствующий о более высокой скорости вымирания. В стране с конца 1960-х годов шла гражданская война, возросла и без того высокая смертность: ожидаемая продолжительность жизни при рождении снизилась с 42,5 года в 1967-1968 гг. до 23,6 года в 1975 г. для обоих полов и с 40,6 до 20,9 года для мужчин. Самого низкого уровня ожидаемая продолжительность жизни достигла, по оценкам ООН, в 1977 г. – 18,9 года для обоих полов, 16,3 года для мужчин и 22,4 года для женщин. Детская смертность превысила уровень 400 умерших в возрасте до 5 лет на 1000 родивших живыми.

Возрастно-половая пирамида населения Камбоджи 1980 г., как и в Руанде после геноцида 1994 г., имеет сильно суженное основание. Численность мужских поколений,

которым в 1975 г. было от 0 до 8 лет, сократилась на 20-25%, от 9 до 30 лет – на 27-34%. Потери среди их ровесниц были несколько меньше.

В возрастно-половой пирамиде 1985 г. сужение пирамиды 1980 г. переместилось соответственно на 5 лет вверх, а основание пирамиды увеличилось почти втрое (в 2,9 раза слева – у мужчин, в 2,5 раза справа – у женщин). В 1980-1983 гг. суммарная рождаемость повысилась до 6,3 против 5,6 в 1977-1978 гг. В дальнейшем рождаемость быстро снижалась, опустившись к 2015 г. до 2,6. В результате число родившихся в 2010-2015 гг. было несколько меньше, чем в 1990-1995 гг., и чуть больше, чем в 1980-1985 гг., что видно по трем нижним выступам возрастно-половой пирамиды 2015 г. Резкое сужение основания пирамиды, отмечавшееся в середине 1970-х годов, сместилось к возрастам около 40 лет. Более отчетливыми стали половые диспропорции в возрастах 55 лет и старше (из-за более высокой скорости вымирания мужских поколений).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные ежегодно пополняемые базы данных о вооруженных конфликтах являются важным источником сведений о числе погибших в результате организованного коллективного насилия. В них не учитываются сравнительно мелкие или неактивные вооруженные конфликты (если число погибших за год менее 25 человек), но все достаточно крупные и активные в данном году вооруженные конфликты учитываются с детальными характеристиками. Как правило, приводятся три оценки числа погибших – основная («лучшая»), низшая и высшая. Что касается баз данных Упсальской Программы данных о конфликтах (UCDP), основными принципами их формирования являются надежность, достоверность и умеренность используемой информации. Поэтому даже основные оценки числа погибших из этих баз данных можно считать минимальными.

Анализ данных о числе погибших в вооруженных конфликтах показывает, что в целом за период 1946-2015 гг. их тяжесть и кровопролитность снижались, хотя и со значительными колебаниями. В последние годы, начиная с 2011 г., наметилась тенденция к росту числа вооруженных конфликтов, а главное, числа погибших в них. Растет число внутренних вооруженных конфликтов, которые впоследствии нередко перерастают в международные конфликты с участием многих государств. Но пока сравнение последней четверти века (эпохи после «холодной войны») и предшествующей четверти века свидетельствует о сокращении числа крупных вооруженных конфликтов с участием государства и одностороннего насилия в форме массовых убийств на этнической и политической почве.

Базы данных о вооруженных конфликтах содержат оценки погибших в ходе боевых действий. Это лишь часть, иногда очень небольшая, людских потерь в результате коллективного насилия [Marshall, Cole 2014: 18-19]. Оценить прямые и косвенные потери можно с помощью демографических методов, но для их применения не всегда имеется необходимая и достаточно достоверная информация.

Оценки смертности в результате коллективного насилия, которые ВОЗ рассчитывает с учетом сведений из баз данных о вооруженных конфликтах, позволяют определить

наиболее уязвимые страны и группы населения (по полу и возрасту). На основе оценок численности населения, регулярно обновляемых Отделом населения ООН с учетом поступающей информации, можно проследить, как изменяются динамика численности и возрастно-половой состава населения стран, понесших значительные людские потери в результате вооруженных конфликтов. Значительные деформации в возрастно-половом составе населения необходимо учитывать при проведении социально-экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

- COW (2016). The correlates of war project. COW war data, 1816 - 2007 (v4.0). URL: <http://correlatesofwar.org/data-sets/COW-war> (дата обращения: 12.06.2016).
- Eck K., L. Hultman (2007). Violence against civilians in war: insights from new fatality data // Journal of peace research (March). Vol. 44: 233-246.
- Gleditsch N.P., P. Wallensteen, M. Eriksson, M. Sollenberg, H. Strand (2002). Armed conflict 1946-2001: A new dataset // Journal of peace research (September). Vol. 39. №5: 615-637.
- HSRP (2014a). Human security report project (HSRP). Simon Fraser university. Vancouver, Canada. Human security report 2013. The decline in global violence: evidence, explanation, and contestation. Vancouver: Human Security Press. URL: http://www.hsrgroup.org/docs/Publications/HSR2013/HSRP_Report_2013_140226_Web.pdf (дата обращения: 10.06.2016).
- HSRP (2014b). The human security report project (HSRP). Security stats . URL: <http://www.hsrgroup.org/our-work/security-stats/overview-security-stats.aspx> (дата обращения: 10.06.2016).
- IEP (2016). The Institute for economics and peace (IEP). Global peace index 2016. Ten years of measuring peace. URL: www.economicsandpeace.org (дата обращения: 09.06.2016).
- Lacina B., N.P. Gleditsch (2005). Monitoring trends in global combat: a new dataset of battle deaths // European journal of population. 21: 145-166.
- Marshall M.G. (2016). Major episodes of political violence 1946-2015. URL: <http://www.systemicpeace.org/warlist/warlist.htm> (дата обращения: 24.06.2016).
- Marshall M.G., B.R. Cole (2014). Global Report 2014. Conflict, governance, and state fragility. Center for systemic peace. Vienna, VA USA. URL: www.systemicpeace.org. Publication date: July 23, 2014 (дата обращения: 24.06.2016).
- Melander E. (2016). Organized violence in the world 2015. An assessment by the Uppsala conflict data program. UCDP Paper. №9: 9. URL: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/61/61335_1brochure2.pdf (дата обращения: 10.06.2016).
- Pettersson T., P. Wallensteen (2015). Armed conflicts, 1946–2014 // Journal of peace research. 52(4): 536–550. URL: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/61/61533_1journal-of-peace-research-2015-pettersson-536-50.pdf (дата обращения: 10.06.2016).
- Sundberg R. (2009). Revisiting one-sided violence – a global and regional analysis // States in armed conflict / L. Harbom, R. Sundberg, eds. Uppsala: Universitetsstryckeriet.
- Sundberg R., K. Eck, J. Kreutz (2012). Introducing the UCDP non-state conflict dataset // Journal of peace research. 49(2): 351-362.

- UCDP (2015a). Uppsala conflict data program (UCDP), Department of peace and conflict research. Uppsala university. Centre for the study of civil wars, International peace research institute, Oslo (PRIO). UCDP/PRIO Armed conflict dataset. Version 4-2015. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_prio_armed_conflict_dataset/ (дата обращения: 10.06.2016).
- UCDP (2015b). UCDP battle-related deaths dataset. Version 5.0-2015. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_battle-related_deaths_dataset/ (дата обращения: 10.06.2016).
- UCDP (2015c). UCDP non-state conflict dataset. Version 2.5-2015. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_non-state_conflict_dataset/ (дата обращения: 10.06.2016).
- UCDP (2015d). UCDP one-sided violence dataset. Version 1.4 – 2015. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_one-sided_violence_dataset/ (дата обращения: 10.06.2016).
- UCDP (2016). Данные за 2015 г. URL: <http://www.ucdp.uu.se/#/year/2015> (дата обращения: 11.07.2016).
- UN (2014). United Nations, Department of economic and social affairs, Statistics division. 2010 World population and housing census programme // Progression of the 2010 census round. URL: <http://unstats.un.org/unsd/demographic/sources/census/censusdates.htm> (дата обращения: 18.08.2015).
- UN (2015a). United Nations, Department of economic and social affairs, Population division. World population prospects: The 2015 revision, DVD edition. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/> (дата обращения: 18.08.2015).
- UN (2015b). United Nations. A/RES/70/1 - Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development. URL: sustainabledevelopment.un.org (дата обращения: 10.06.2016).
- WHO (2014). World Health Organization. Global health estimates (GHE). Summary tables. Deaths by age, sex and cause. URL: http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/en/ (дата обращения: 10.06.2016).
- WHO (2015). World Health Organization. Health in 2015: from MDGs, millennium development goals to SDGs, sustainable development goals. URL: http://who.int/gho/publications/mdgs-sdgs/MDGs-SDGs2015_chapter8.pdf?ua=1 (дата обращения: 10.06.2016).
- WHO (2016a). World Health Organization. World health statistics 2016: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. URL: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2016/en/ (дата обращения: 10.06.2016).
- WHO (2016b). World Health Organization. Estimated direct deaths from major conflicts (per 100 000 population). URL: http://apps.who.int/gho/indicatorregistry/App_Main/view_indicator.aspx?iid=3367
http://apps.who.int/gho/athena/data/GHO/SDGCONFLICT,VIOLENCE_HOMICIDERATE?filter=COUNTRY.*;REGION.*&format=xml&profile=excel (дата обращения: 02.06.2016).

CASUALTIES IN ARMED CONFLICTS IN THE WORLD: 1946-2015*

EKATERINA SCHERBAKOVA^{1, **}

Direct and indirect losses resulting from major conflicts significantly upset the natural reproduction of a given population and give rise to large-scale waves of migration. Estimating these losses remains a persistent task for demographers. An important source of information regarding the number of casualties of combat and one-sided violence is annually updated databases on armed conflicts. The article discusses data sources and evaluations of mortality due to organized collective violence. The trends in the number of armed conflicts of various types and of the death toll resulting from them for the period 1946-2015 are analyzed for the whole world and for the major regions, as well as the impact of losses in armed conflict on the population and its age and sex composition.

From 1946 to 2015, the severity and bloodiness of armed conflicts declined, but since 2011 there has been a tendency towards an increase in the number of conflicts, as well as in the number of people killed in them. The number of internal armed conflicts, which then often develop into international ones with the participation of many countries, is increasing. So far, however, a comparison of the last quarter-century (the era after the Cold War), and the previous quarter-century indicates a reduction in the number of major armed conflicts involving the state and one-sided violence in the form of mass murder on ethnic and political grounds.

Key words: *causes of death, organized collective violence, armed conflicts, battle-related deaths, direct and indirect demographic losses, population by age and sex.*

¹ NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS; INSTITUTE FOR ECONOMIC FORECASTING, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (RUSSIA).

* THE STUDY WAS IMPLEMENTED WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016.

** CORRESPONDENCE: escherbakova@hse.ru

DATE RECEIVED APRIL 2016.

REFERENCES

- COW (2016). The correlates of war project. COW war data, 1816 - 2007 (v4.0). URL: <http://correlatesofwar.org/data-sets/COW-war> (accessed: 12.06.2016).
- Eck K., L. Hultman (2007). Violence against civilians in war: insights from new fatality data // Journal of peace research (March). Vol. 44: 233-246.
- Gleditsch N.P., P. Wallensteen, M. Eriksson, M. Sollenberg, H. Strand (2002). Armed conflict 1946-2001: A new dataset // Journal of peace research (September). Vol. 39. №5: 615-637.
- HSRP (2014a). Human security report project (HSRP). Simon Fraser university. Vancouver, Canada. Human security report 2013. The decline in global violence: evidence, explanation, and contestation. Vancouver: Human Security Press. URL: http://www.hsrgroup.org/docs/Publications/HSR2013/HSRP_Report_2013_140226_Web.pdf (accessed: 10.06.2016).
- HSRP (2014b). The human security report project (HSRP). Security stats . URL: <http://www.hsrgroup.org/our-work/security-stats/overview-security-stats.aspx> (accessed: 10.06.2016).

- IEP (2016). The Institute for economics and peace (IEP). Global peace index 2016. Ten years of measuring peace. URL: www.economicsandpeace.org (accessed: 09.06.2016).
- Lacina B., N.P. Gleditsch (2005). Monitoring trends in global combat: a new dataset of battle deaths // *European journal of population*. 21: 145-166.
- Marshall M.G. (2016). Major episodes of political violence 1946-2015. URL: <http://www.systemicpeace.org/warlist/warlist.htm> (accessed: 24.06.2016).
- Marshall M.G., B.R. Cole (2014). Global Report 2014. Conflict, governance, and state fragility. Center for systemic peace. Vienna, VA USA. URL: www.systemicpeace.org. Publication date: July 23, 2014 (accessed: 24.06.2016).
- Melander E. (2016). Organized violence in the world 2015. An assessment by the Uppsala conflict data program. UCDP Paper. №9: 9. URL: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/61/61335_1brochure2.pdf (accessed: 10.06.2016).
- Pettersson T., P. Wallensteen (2015). Armed conflicts, 1946–2014 // *Journal of peace research*. 52(4): 536–550. URL: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/61/61533_1journal-of-peace-research-2015-pettersson-536-50.pdf (accessed: 10.06.2016).
- Sundberg R. (2009). Revisiting one-sided violence – a global and regional analysis // *States in armed conflict* / L. Harbom, R. Sundberg, eds. Uppsala: Universitetsstryckeriet.
- Sundberg R., K. Eck, J. Kreutz (2012). Introducing the UCDP non-state conflict dataset // *Journal of peace research*. 49(2): 351-362.
- UCDP (2015a). Uppsala conflict data program (UCDP), Department of peace and conflict research. Uppsala university. Centre for the study of civil wars, International peace research institute, Oslo (PRIO). UCDP/PRIO Armed conflict dataset. Version 4-2015. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_prio_armed_conflict_dataset/ (дата обращения: 10.06.2016).
- UCDP (2015b). UCDP battle-related deaths dataset. Version 5.0-2015. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_battle-related_deaths_dataset/ (accessed: 10.06.2016).
- UCDP (2015c). UCDP non-state conflict dataset. Version 2.5-2015. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_non-state_conflict_dataset/ (accessed: 10.06.2016).
- UCDP (2015d). UCDP one-sided violence dataset. Version 1.4 – 2015. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_one-sided_violence_dataset/ (accessed: 10.06.2016).
- UCDP (2016). 2015 dataset. 2015 г. URL: <http://www.ucdp.uu.se/#/year/2015> (accessed: 11.07.2016).
- UN (2014). United Nations, Department of economic and social affairs, Statistics division. 2010 World population and housing census programme // Progression of the 2010 census round. URL: <http://unstats.un.org/unsd/demographic/sources/census/censusdates.htm> (accessed: 18.08.2015).
- UN (2015a). United Nations, Department of economic and social affairs, Population division. World population prospects: The 2015 revision, DVD edition. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/> (accessed: 18.08.2015).

UN (2015b). United Nations. A/RES/70/1 - Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development. URL: sustainabledevelopment.un.org (accessed: 10.06.2016).

ПЛОХО ОПРЕДЕЛЕННЫЕ И ТОЧНО НЕ УСТАНОВЛЕННЫЕ ПРИЧИНЫ СМЕРТИ В РОССИИ

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВ¹, *

Более половины умерших в России в 2011-2014 гг. были подвергнуты патологоанатомической или судебно-медицинской аутопсии, из них в 3,8% случаев причина смерти не была определена. Произведено более 147 тыс. безрезультативных вскрытий, оставивших причину смерти неустановленной. Большое число случаев не позволяет объяснить данный итог состоянием тел умерших в момент вскрытия. Еще 161 тыс. смертей (4,1% вскрытий) были классифицированы как повреждение с неустановленным намерением. В статье предпринята попытка найти рациональное объяснение высокой доли неопределенных заключений о причине смерти, полученных в результате аутопсии.

Анализ на макроуровне (субъекты Федерации) с привлечением факторного анализа и методов кластеризации сочетается в статье с анализом на микроуровне (анонимные индивидуальные записи) с использованием мультиномиальной логистической регрессии. Статья целиком основана на данных российской государственной статистики.

Обнаружены существенные межрегиональные различия в практике определения причины смерти на основе аутопсии. Практика диагностики внешних причин также сильно различается по регионам. При этом в регионах, где выше доля неустановленных причин, выше и доля повреждений с неустановленными намерениями. Эти различия не связаны с особенностями смертности населения региона.

Проделанный анализ позволил предположить, что частота случаев, когда по итогам вскрытия причина смерти остается неустановленной, связана с отсутствием стимулов к уточнению причины смерти после выдачи предварительного свидетельства о смерти.

Кроме того, существующая система взаимоотношений между бюро судебно-медицинской экспертизы и правоохранительными органами не предусматривает ознакомление судмедэксперта с окончательными выводами дознавателя о внешней причине смерти.

Число судебно-медицинских вскрытий умерших от болезней с 2011 по 2014 г. выросло на 20%, но возникают сомнения, что полученная по итогам вскрытий информация эффективно используется системой здравоохранения.

Ключевые слова: причина смерти, смерть по неустановленным причинам, повреждения с неопределенными намерениями, патолого-анатомическое вскрытие, судебно-медицинское вскрытие, медицинское свидетельство о смерти.

1. ВВЕДЕНИЕ

В 2011-2014 гг. в России не удалось установить причину смерти 168,1 тыс. умерших, и в 87,5% случаев этого не смогли сделать патологоанатомы и судмедэксперты. В 147,0 тыс. медицинских свидетельств о смерти патологоанатомы и судмедэксперты в качестве причины смерти указали один из пунктов Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), который в краткой российской номенклатуре характеризуется как «Смерть по неустановленным причинам». К нему относятся три трехзначные рубрики МКБ-10:

¹ Российская экономическая школа (Россия).

* E-mail: evand2009@yandex.ru.

- внезапная смерть по неизвестной причине, кроме внезапной смерти грудного ребенка и внезапной сердечной смерти без других комментариев (трехзначный код МКБ-10 R96). Данный пункт классификации включает мгновенную смерть (R96.0) и смерть, наступившую в течение 24 часов после появления первых симптомов заболевания (R96.1), причем известных симптомов недостаточно для установки диагноза, ненасильственная смерть без признаков болезни;
- смерть без свидетеля (R98); тело погибшего найдено мертвым, и причины не могли быть обнаружены;
- все остальные плохо определенные и точно не установленные причины смерти (R99), фактически этот код означает, что известно лишь, что человек умер [ВОЗ 1995: 234].

Мы не стали приводить названия причин смерти, но привели описания соответствующих рубрик классификации. Причины в МКБ-10 первоначально были названы на английском языке, потом названия были переведены на русский язык и, как нам кажется, смысл названий не всегда был передан точно, а заложенные в названиях неприятные оттенки часто были сглажены.

Группа причин, которая в российской номенклатуре названа «Смерть по неустановленным причинам», есть часть несколько большей группы, названной «ill-defined and unknown causes», куда кроме трех перечисленных входит причина «внезапная смерть грудного ребенка» (R95). Название группы переведено как «неточно обозначенные и неизвестные причины смерти». Слова «неточно обозначенные» как бы отсылают к качеству формулировок, ошибкам описания. На наш взгляд, слово «обозначенные» искажает смысл названия. Скорее, неточно или попросту плохо определенные причины. Формула «смерть по *неустановленным* причинам» представляется лучшим вариантом.

Другой пример: для названия группы причин «event of undetermined intent» выбран самый мягкий вариант перевода слова undetermined - неопределенный, хотя основное значение undetermined - точно не установленный. В результате получили «повреждения с неопределенными намерениями». Слово «неопределенные» как бы намекает на объективный характер того, что намерения не определены. Нередко человек и сам не может сказать, зачем он совершает те или иные действия. Но здесь-то речь идет о том, что, в зависимости от страны, следователь и судмедэксперт или коронер не смогли установить, что произошло случайное событие или преднамеренное и чей умысел реализовался – потерпевшего или другого человека. Поэтому, на наш взгляд, гораздо правильнее было бы говорить о повреждениях с *неустановленными* намерениями.

Вернемся к итогам 2011-2014 гг. Подробное описание трех рубрик убеждает, что блок диагнозов «смерть по неустановленным причинам» не рассчитан на патологоанатома или судмедэксперта, разве что состояние трупа не позволило судмедэксперту установить причину смерти. Мы не знаем, сколько было таких случаев. За 4 года патологоанатомы и судмедэксперты выдали 137,4 тыс. свидетельств о смерти с кодом R99, иначе говоря, «смерть без других указаний». Из них точная дата смерти была неизвестна в 10,3 тыс. случаев, в том числе в 2,9 тыс. случаев не удалось установить и личность умершего, в 2,2 тыс. эксперты не дали приблизительную оценку возраста. Представляется, что число случаев, когда состояние

трупа делает невозможным определение причины смерти, не больше, чем число случаев с неизвестной датой смерти. Всего в России за 4 года было выдано 155,1 тыс. свидетельств с кодом R99. 17,1 тыс. свидетельств выдали врачи, только установившие смерть, и около 500 свидетельств - врачи, лечившие умершего.

В то же время вывод «повреждение с неустановленными намерениями» может считаться законным результатом патологоанатомической экспертизы, поскольку о намерениях во многих случаях может судить только дознаватель или следователь. Именно он в России определяет при смерти от внешних причин род смерти (несчастный случай, убийство или самоубийство), который, как справедливо пишет С.А. Васин [2015: 89], есть «одна из осей классификации внешних причин», неразрывно связан с причиной смерти. Но в российской статистике причин смерти род смерти присутствует как самостоятельная характеристика. Согласно официальным рекомендациям по заполнению Медицинского свидетельства о смерти¹, в нем указывается тот род смерти, который был установлен правоохранными органами. Именно в этом значении мы и будем употреблять в этой статье слова «род смерти». В России не редкость, когда такой независимо установленный род смерти противоречит причине смерти. В медицинском свидетельстве о смерти может быть указано, что «смерть произошла: от заболевания; несчастного случая, не связанного с производством; несчастного случая, связанного с производством; убийства; самоубийства; в ходе военных действий; в ходе террористических действий; род смерти не установлен»².

Судмедэксперты в 2011-2014 гг. отнесли смерть к повреждениям с неустановленными намерениями в 160,7 тыс. случаев. В том числе в 82,3 тыс. случаев род смерти не был установлен, но 78,4 тыс. случаев были классифицированы как «повреждение с неустановленными намерениями» при установленном роде смерти. В 77,0 тыс. случаев этот род смерти был определен как смерть от несчастного случая, не связанного с производством.

Почему же судмедэксперт указывает в свидетельстве причину смерти, которая подразумевает, что род смерти не установлен, на свой страх и риск, вопреки рекомендациям министерства и мнению правоохранных органов? Не менее интересен вопрос, действительно ли дознаватель или следователь в 82,3 тыс. случаев не определил род смерти или же он просто не информировал судмедэксперта о своем решении.

Вскрытия в России проводят патологоанатомы лечебных учреждений и судмедэксперты. Но вскрытие в случае смерти от повреждений вообще может проводить только судмедэксперт³, также только судмедэксперт может проводить вскрытие неустановленных умерших. Именно поэтому мы полагаем, что по итогам вскрытия диагноз «повреждение с неустановленными намерениями» ставит исключительно судмедэксперт, и

¹ Рекомендации по порядку выдачи и заполнения учетной формы №106/у-08 «Медицинское свидетельство о смерти», утвержденной Приказом Минздравсоцразвития России от 26.12.2008 №782н. Письмо Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 19 января 2009 г. №14-6/10/2-178 «О порядке выдачи и заполнения медицинских свидетельств о рождении и смерти».

² Приказ Минздравсоцразвития России «Об утверждении и порядке ведения медицинской документации, удостоверяющей случаи рождения и смерти» от 26.12.2008 № 782н.

³ Приказ Минздравмедпрома РФ от 29.04.1994 №82 «О порядке проведения патолого-анатомических вскрытий»; Приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 июня 2013 г. №354н «О порядке проведения патолого-анатомических вскрытий».

только он может проводить вскрытие, если род смерти неизвестен (т.е. подозрение на насильственную смерть присутствует).

Согласно тем же приказам тело умершего направляется на вскрытие в патолого-анатомические бюро лечебных учреждений вместе со всей относящейся к нему медицинской документацией (медицинская карта стационарного больного, медицинская карта амбулаторного больного и т.д.). Патологоанатом, по существу, должен подтвердить или опровергнуть прижизненный диагноз, поэтому вывод «причина смерти неизвестна», скорее всего, невозможен. С учетом этого мы будем далее для краткости именовать авторов неопределенных диагнозов судмедэкспертами.

Повреждения с неустановленными намерениями связывает с неустановленными причинами смерти не только неопределенность диагноза. Анализ, проведенный А.Е. Ивановой и соавторами [2013], позволил им предположить, что диагноз «смерть по неустановленным причинам» по итогам судебно-медицинской экспертизы часто возникает в случае смерти от насильственной причины, когда процессуальное лицо (следователь) не определило род смерти. Наши расчеты по данным за 2011-2014 гг., с одной стороны, подтверждают предположение А. Е. Ивановой и соавторов: из 147,0 тыс. умерших, для которых вскрытие не помогло установить причину смерти, в 98,7% случаев род смерти также не был установлен. Среди оставшихся 1,3% мы обнаружили тех, кто согласно информации о роде смерти умер от заболевания (1648 случаев), и еще у 240 умерших, чья смерть произошла от несчастных случаев, убийств и самоубийств.

Но, с другой стороны, ситуация оказалась существенно сложнее, поскольку общее число умерших в 2011-2014 гг. с неустановленным родом смерти существенно больше - 334,4 тыс., к категории «смерть по неустановленным причинам» отнесено менее половины, а почти в трети случаев был поставлен конкретный диагноз (таблица 1).

Таблица 1. Распределение умерших в 2011-2014 гг. с неизвестным родом смерти по группам причин смерти, установленных в ходе вскрытия

	Тыс.	%
Всего умерших с неизвестным родом смерти	334,4	100
в том числе с диагнозом		
Смерть по неустановленным причинам	145,1	43,4
Повреждения с неустановленными намерениями	82,3	24,6
Болезни системы кровообращения	41,3	12,4
Внешние причины, кроме повреждений с неустановленными намерениями	40,7	12,2
Другие болезни	24,9	7,5

Примечание: Эта и все последующие таблицы и рисунки основаны на расчетах автора по данным российской государственной статистики.

В то же время, как мы отмечали выше, из 160,7 тыс. смертей, классифицированных как смерть от повреждений с неустановленными намерениями, лишь в 51,2% случаев род смерти не определен. В 48,2% случаях род смерти - несчастный случай, в 0,3% - убийство или самоубийство и еще в 0,3% - заболевание. Получается, что А. Е. Иванова и соавторы несколько преувеличили влияние информации о роде смерти на выбор причины смерти.

Удивительно, но имея дело с неустановленным родом смерти, судмедэксперт в 67,8% случаев выдает свидетельство о смерти с отметкой «окончательное», а значит и не предполагает уточнять причину смерти, в 30,9% - с отметкой «предварительное» (в 1,3% случаев тип свидетельства неизвестен). Однако позднее «средний» судмедэксперт заменяет лишь 8,3% выданных предварительных свидетельств о смерти, а также вместо 3,4% окончательных свидетельств выдает свидетельство с отметкой «взамен окончательного».

В данной статье мы попытались понять, как реально соотносятся категории «род смерти» и «причина смерти», как причина смерти зависит от того, что было выдано повторное свидетельство, и каким образом судмедэксперт по итогам аутопсии ставит диагноз «причина смерти не установлена».

2. ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

В основе нашего анализа лежат стандартные данные статистики смертности по причинам смертности по регионам России, представленные в [РосБРИС 2015]. Помимо этого мы провели дополнительную обработку микроданных об умерших за 2011-2014 гг. Таким образом, были получены распределения по возрасту и полу умерших, чья причина смерти (1) установлена на основе вскрытия, в том числе (2) род смерти неустановлен, в (3) результате вскрытия причина смерти не была установлена, (4) смерть отнесена к повреждениям с неустановленными намерениями. Аналогичные показатели рассчитаны для умерших, чья причина смерти установлена на основе медицинского свидетельства о смерти с отметками «окончательное», «предварительное», «взамен предварительного» или «взамен окончательного»⁴.

Рассматриваются субъекты Федерации, не входящие в другой субъект Федерации, т.е. мы анализируем данные по Ненецкому, Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам лишь в составе Архангельской и Тюменской областей соответственно. Поскольку мы работаем с данными за 2011-2014 гг., то и данные по Крымскому Федеральному округу не вошли в анализ.

Мы исключили из анализа Республику Ингушетию, Республику Дагестан и Чеченскую Республику, где доля свидетельств о смерти, основанных на аутопсии, в 2011-2014 гг. не превосходит 10%.

Для сравнения указанных данных по регионам страны мы рассчитали стандартизованные коэффициенты смертности (КС) умерших, принадлежащих к категориям, выделяемым из общего числа с помощью одного из признаков (1) - (4) или сочетаний этих признаков, например, признаки (2) и (3): умершие, с неустановленным родом смерти, чья причина смерти после вскрытия осталась неустановленной.

Отношения КС, выделенных вышеназванными условиями (2) - (4) или их сочетанием, к КС, рассчитанному с учетом всех умерших, чья причина смерти установлена на основе

⁴ Приказ Минздравсоцразвития России «Об утверждении и порядке ведения медицинской документации, удостоверяющей случаи рождения и смерти» от 26.12.2008 № 782н.

вскрытия, для краткости мы будем называть стандартизованной долей соответствующей категории в общем числе проведенных вскрытий.

Сравнивая регионы, мы стремимся учитывать частоту вскрытий при неустановленной причине смерти и при неустановленном источнике повреждений (повреждения с неустановленными намерениями). При этом можно ориентироваться на частоту смертей с соответствующими свойствами в населении, измеренную СКС, и на долю соответствующей категории в числе вскрытий, измеренную стандартизованной долей. Каждый из подходов по своему группирует и ранжирует регионы России. К тому же выяснилось, что результаты анализа зависят от пола умершего. Всего мы стремились сравнить регионы с учетом 8 рядов показателей: 2 (неустановленная причина или неустановленные намерения) $\times$ 2 (доля или СКС) $\times$ 2 (пол). При этом мы оказались перед выбором. Можно было прибегнуть к одному из методов кластерного анализа либо сократить объем данных, используя факторный анализ. Мы избрали факторный анализ как более контролируемый метод [Ким, Мюллер 1989].

Для группировки регионов по уровню информативности результатов вскрытий мы стремились построить такой вектор, который примерно равно коррелировал бы со всеми 8 переменными, взяв за основу первые несколько главных компонент, полученных при факторном анализе. Собственно, речь идет о так называемом вращении главных компонент. Но классические методы вращения факторов «варимакс» и «квартимакс» ставят цель связать каждый фактор с минимальным числом переменных, мы преследуем обратную цель: найти один фактор, максимально связанный со всеми переменными. Первые две главные компоненты описывали 86% вариации. На плоскости двух первых компонент мы нашли вектор в 77-мерном пространстве, чья корреляция со всеми 8 входными переменными не менее $2/3$ и значима при уровне значимости 0,01. Каждому региону соответствует координата вектора, представляющая собой линейную функцию от восьми перечисленных выше характеристик смертности в регионе. Соответствующее региону значение функции мы можем рассматривать как некоторый условный показатель, характеризующий информативность вскрытий в регионе. Мы так его и называли – показатель «неинформативности вскрытий» в регионе или НИВ.

На заключительном этапе, работая с микроданными, мы применили мультиномиальную логистическую регрессию [Menard 2002], которая уже успешно использовалась для близких целей [Andreev et al. 2015]. На этом этапе наша цель – выявить характеристики умершего, которые существенно повышают или понижают вероятность того, что причина смерти в результате вскрытия вообще не будет определена или будет классифицирована как смерть от повреждения с неустановленными намерениями.

Объект анализа – анонимные записи о смерти умерших, чья причина смерти установлена на основе вскрытия в 2011-2014 гг. Общее число записей равно 3,9 млн. Медицинское свидетельство о смерти⁵ содержит целый ряд важных характеристик умершего и обстоятельств смерти. Начиная с 2011 г. Росстат вносит большинство из них в базу

⁵ Приказ Минздравсоцразвития России «Об утверждении и порядке ведения медицинской документации, удостоверяющей случаи рождения и смерти» от 26.12.2008 № 782н.

микроданных. В таблице П-1 Приложения перечислены признаки индивидуума, которые мы отобрали для данного исследования. Поскольку рассматриваемая нами проблема в основном касается взрослого населения, мы не рассматривали характеристики новорожденного и его матери.

В качестве зависимой переменной в соответствии с задачами нашего исследования мы используем переменную, которую условно назвали «итог аутопсии», принимающую 3 значения: 1) причина смерти неизвестна; 2) смерть от повреждений с неустановленными намерениями; 3) конкретная причина смерти установлена (под конкретной причиной подразумевается любая причина смерти в соответствии с МКБ-10, кроме «смерть по неустановленным причинам» или «повреждения с неустановленными намерениями»).

Частота смертей с неустановленной причиной смерти существенно различается в зависимости от пола умерших, поэтому целесообразно проводить расчеты для мужчин и женщин независимо.

При использовании мультиномиальной логистической регрессии существует опасность искажения результата, если численность одной из групп, носителей конкретного значения результирующего признака, существенно больше, чем других. При этом может оказаться, что оптимальное решение – отнести все наблюдения к самой многочисленной группе. Чтобы этого не произошло, мы использовали систему весов, уравнивающую группы по численности. Веса обратно пропорциональны численности групп.

3. ОПИСАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Простой анализ региональных данных свидетельствует об огромной территориальной дифференциации диагнозов, установленных на основе вскрытия умершего, с точки зрения их информативности. Например, 50% случаев, когда причина смерти не была установлена, концентрируются в 8 регионах, на которые в 2011-2014 гг. приходится 22% вскрытий. Похожим выглядит распределение по регионам случаев с неустановленным родом смерти. Равномернее всего распределяются повреждения с неустановленными намерениями: 50% случаев, когда в результате вскрытия установлен такой диагноз, концентрируются в 13 регионах с 40% вскрытий.

Стандартизованная доля вскрытий при неизвестном роде смерти колеблется от 1% (Санкт-Петербург) и для мужчин, и для женщин до 80% для мужчин и 78% для женщин в Ставропольском крае.

Наименьшая стандартизованная доля смертей при неустановленных причинах – в Хабаровском крае (0,015% у мужчин и 0,012% у женщин), а максимальная – в Нижегородской области (13% у мужчин и 11% у женщин).

Рекордно высокая доля умерших с диагнозом на основе аутопсии «повреждение с неустановленными намерениями» – у мужчин в Мурманской области (13%), а у женщин в Ульяновской (10%), минимальная – в Пензенской области у мужчин и в Московской области у женщин: такой диагноз установлен в 1% всех проведенных за 4 года вскрытий.

Очевидно, что ориентируясь на 8 переменных, которые мы описали выше, группировка регионов выглядит сложной и противоречивой, поэтому мы и прибегаем к сконструированному с помощью факторного анализа показателю, который условно назвали «неинформативность вскрытий» в регионе или НИВ. Таблица 2 показывает, что НИВ сильно коррелирует с СКС и стандартизованными долями, рассчитанными для умерших, чью причину смерти не смогли установить в ходе вскрытия, или она была отнесена к повреждениям с неустановленными намерениями. Корреляция значима при уровне 0,01 (двухсторонняя оценка). И, что на наш взгляд важно, коэффициенты корреляции довольно близки, т.е. предпочтения не отдается ни одному из 8 признаков.

Для иллюстрации связи мы подсчитали также коэффициенты ранговой корреляции Спирмена. Они также значимы при уровне 0,01. Хотя коэффициенты ранговой корреляции не имеют отношения к происхождению показателя НИВ, они подтверждают возможность использования НИВ для группировки территорий: высокий коэффициент как бы обещает, что, упорядочив регионы по одному признаку, мы почти упорядочим их и по другому признаку.

Таблица 2. Корреляция стандартизованного коэффициента смертности и стандартизованной доли умерших с неустановленной причиной смерти и от повреждений с неустановленными намерениями с НИВ в 2011-2014 гг.

	Корреляция Пирсона		Ранговый коэффициент Спирмена	
	СКС	стандартизованная доля	СКС	стандартизованная доля
Мужчины				
Неустановленная причина	0,76	0,74	0,67	0,68
Неустановленные намерения	0,69	0,71	0,66	0,65
Женщины				
Неустановленная причина	0,76	0,72	0,79	0,76
Неустановленные намерения	0,75	0,68	0,79	0,72

Примечание: Все показатели значимы при уровне значимости 0,01 (двусторонний критерий).

Для удобства дальнейшего анализа мы разбили регионы России на 6 кластеров по уровню показателя НИВ. Число кластеров выбрано почти произвольно. Мы стремились к тому, чтобы число кластеров было не очень велико, чтобы они содержали одинаковое число регионов, а межгрупповая, если так можно сказать, - «межкластерная», дисперсия была сравнима с общей дисперсией. Число 6 удовлетворило всем этим условиям. При разбиении на 6 групп межгрупповая дисперсия равна 0,9 общей дисперсии.

Результаты группировки представлены ниже в таблице 3. Каждый кластер, кроме кластера III, содержит 13 территорий, а кластер III – 12. Напомним, что с учетом ранее сделанных оговорок (см. раздел «Данные и методы»), общее число регионов равно 77.

Графы 4-8 таблицы 3 содержат показатели, рассчитанные с учетом умерших, причина смерти которых либо не была установлена в ходе аутопсии, либо была классифицирована как повреждение с неустановленными намерениями.

Кластеры более чем вдвое различаются по численности населения. Самый большой кластер V (21,8% среднего населения России в 2011-2014 гг.), самый маленький - кластер II (9,4%). Но с точки зрения нашего анализа это не столь существенно: все кластеры достаточно велики, чтобы не думать о случайных колебаниях показателей.

Почти все участвовавшие в кластеризации показатели возрастают с ростом номера кластера, но IV кластер выпадает из этого правила: показатели, характеризующие смертность с неустановленной причиной, в нем ниже, а при неустановленных намерениях – выше, чем в обоих соседних.

Таблица 3. Группировка регионов по уровню НИВ, средние СКС (на 100000) и стандартизованные доли в общем числе вскрытий (в %), рассчитанные для умерших с неустановленной причиной смерти и от повреждений с неустановленными намерениями в 2011-2014 гг.

Кластер	Входящие регионы	Доля в населении, %	Неустановленная причина		Неустановленные намерения	
			мужчины	женщины	мужчины	женщины
I	Амурская область, Брянская область, г. Санкт-Петербург, Еврейская автономная область, Кабардино-Балкарская Республика, Краснодарский край, Новгородская область, Пензенская область, Пермский край, Республика Адыгея, Республика Саха (Якутия), Тверская область, Удмуртская Республика	21,3	14,3 (1,6%)	5,3 (1,4%)	19,1 (2,1%)	4,3 (1,1%)
II	Архангельская область, Белгородская область, Курганская область, Ленинградская область, Липецкая область, Московская область, Оренбургская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Калмыкия-Хальмг Тангч, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия	9,4	18,0 (2,2%)	7,7 (2,4%)	29,2 (3,6%)	6,4 (2,0%)
III	Владимирская область, Воронежская область, Забайкальский край, Калининградская область, Калужская область, Кемеровская область, Кировская область, Приморский край, Псковская область, Саратовская область, Смоленская область, Ставропольский край	17,4	20,2 (2,9%)	7,1 (2,8%)	42,9 (6,2%)	9,7 (3,8%)
IV	Алтайский край, Волгоградская область, Ивановская область, Иркутская область, Камчатский край, Орловская область, Республика Северная Осетия, Республика Татарстан, Тамбовская область, Тюменская область, Хабаровский край, Челябинская область, Чувашская Республика	12,9	27,1 (3,3%)	8,2 (2,7%)	52,7 (6,5%)	11,9 (3,9%)
V	Астраханская область, Вологодская область, г. Москва, Карачаево-Черкесская Республика, Костромская область, Курская область, Новосибирская область, Омская область, Республика Башкортостан, Республика Тыва, Свердловская область, Тульская область, Ярославская область	21,8	38,2 (5,3%)	15,0 (4,6%)	50,1 (6,9%)	11,8 (3,6%)
VI	Красноярский край, Магаданская область, Мурманская область, Нижегородская область, Республика Карелия, Республика Хакасия, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Сахалинская область, Томская область, Ульяновская область, Чукотский автономный округ	17,2	113,2 (15,5%)	18,7 (6,7%)	78,4 (10,8%)	17,3 (6,2%)

Цель построенной группировки - попытаться ответить на вопрос о причинах, по которым результаты патологоанатомического исследования или судебно-медицинской экспертизы столь часто не дают четкого ответа на вопрос о причине смерти. Как первый шаг в этом направлении мы попытаемся понять, что, кроме частоты неопределенных смертей на 100 тыс. населения и их доли в общем числе проведенных вскрытий, различает 6 образованных кластеров.

Мы проверили гипотезу о том, что принадлежность региона к тому или иному кластеру связана с его географическим положением (рисунок 1). Представляется, что отнесение региона к тому или иному кластеру практически не зависит от его положения на карте. В целом карта настолько пестрая, что говорить о географической природе полученной группировки было бы странно.

Кластеры, безусловно, различаются и по уровню смертности и по доле диагнозов, установленных на основе вскрытий. Но колебания этих характеристик не зависят от номера кластера (таблица 4). Доля диагнозов на основе вскрытий выше всего в I кластере, но на втором месте стоит V. СКС и у женщин и у мужчин ниже всего в V кластере, а выше всего - во II и VI кластерах, разница между которыми невелика.

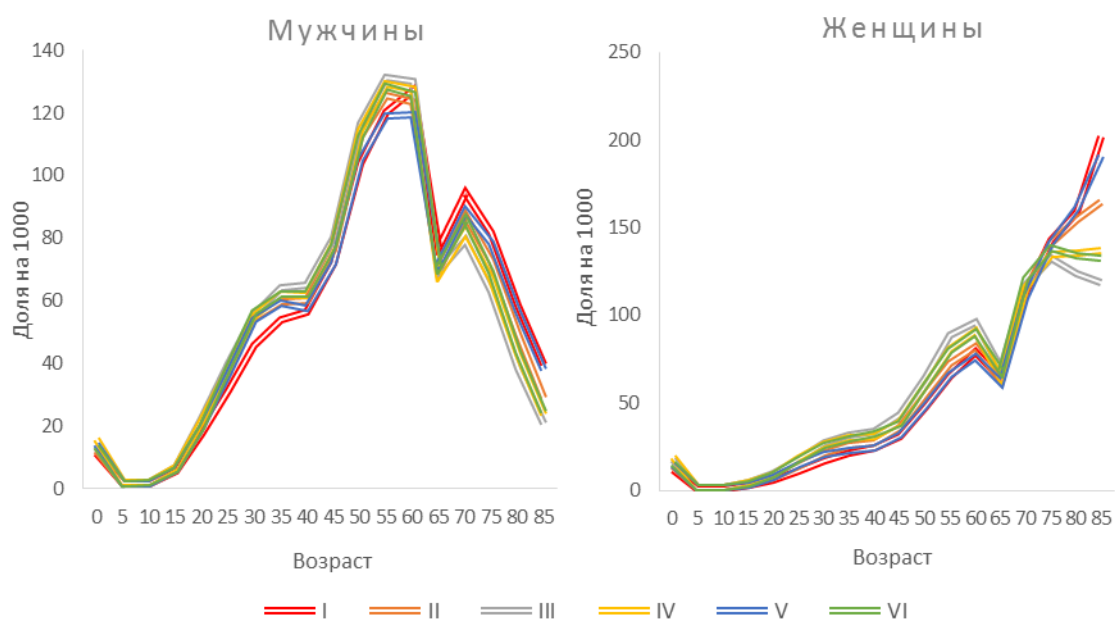

Рисунок 1. Географическое расположение кластеров

Кластеры практически не различаются и по возрастному составу умерших, чей диагноз установлен на основе вскрытия (рисунок 2), по крайней мере, у мужчин. Более высокие доли вскрытий женщин, умерших в возрастах 80 и, особенно, 85 и более лет, скорее, связаны с особенностями возрастного-полового состава населения Санкт-Петербурга, Москвы и Московской области, а также с тем, что в Санкт-Петербурге весьма высока доля вскрытий умерших в пожилом возрасте.

Таблица 4. СКС по 6 кластерам для всех умерших и для диагнозов на основе вскрытия и стандартизованная доля вскрытий

Кластер	Мужчины			Женщины		
	СКС, всего, на 100000	на основе вскрытия, на 100000	доля вскрытий, %	СКС, всего, на 100000	на основе вскрытия, на 100000	доля вскрытий, %
I	1543	982	64	764	413	54
II	1649	973	59	797	377	47
III	1692	900	53	819	330	40
IV	1639	942	57	782	357	46
V	1386	844	61	704	350	50
VI	1671	955	57	809	358	44

Рисунок 2. Возрастной состав умерших по кластерам в 2011-2014 гг., причина смерти установлена на основе вскрытия, на 1000

Кластеры, конечно, различаются подробной структурой причин смерти, но если взять агрегированные группы причин, то различия кажутся весьма умеренными. Мы разбили совокупность на 4 группы (умершие от болезней, умершие в результате самоубийства, умершие в результате убийства, умершие в результате неумышленного несчастного случая) и рассмотрели доли умерших с причинами смерти, которые относятся к перечисленным. Назовем их конкретными причинами смерти. При этом мы приняли конкретные причины смерти за 100%, а случаи смерти от повреждения при неустановленных намерениях и с неустановленной причиной смерти, не включая в сумму, выразили в тех же единицах (рисунок 3). В этом случае смерти с неустановленными намерениями или причинам (на рисунке 3 они отделены штрихпунктирной линией) не мешают оценивать структуру конкретных причин смерти в регионах. Рисунок 3 показывает, что доли четырех конкретных причин мало меняются от кластера к кластеру, но частота смертей с неустановленными намерениями или причинами быстро растет с ростом номера кластера.

Построенные кластеры различаются также частотой и долей смертей, для которых род смерти не был определен.

Коэффициенты корреляции Пирсона, Кенделла и Спирмена между показателем НИВ и СКС смертей с неизвестным родом смерти и НИВ и стандартизованной долей этих смертей по 77 регионам содержатся в таблице 5. Все коэффициенты ранговой корреляции значимы при уровне значимости 0,01, а коэффициенты Пирсона между долей смертей с неустановленным родом смерти и НИВ фактически не значимы. Это означает, что стандартизованное число и доля смертей при неустановленном роде смерти растет со снижением информативности вскрытий, но линейная связь отсутствует.

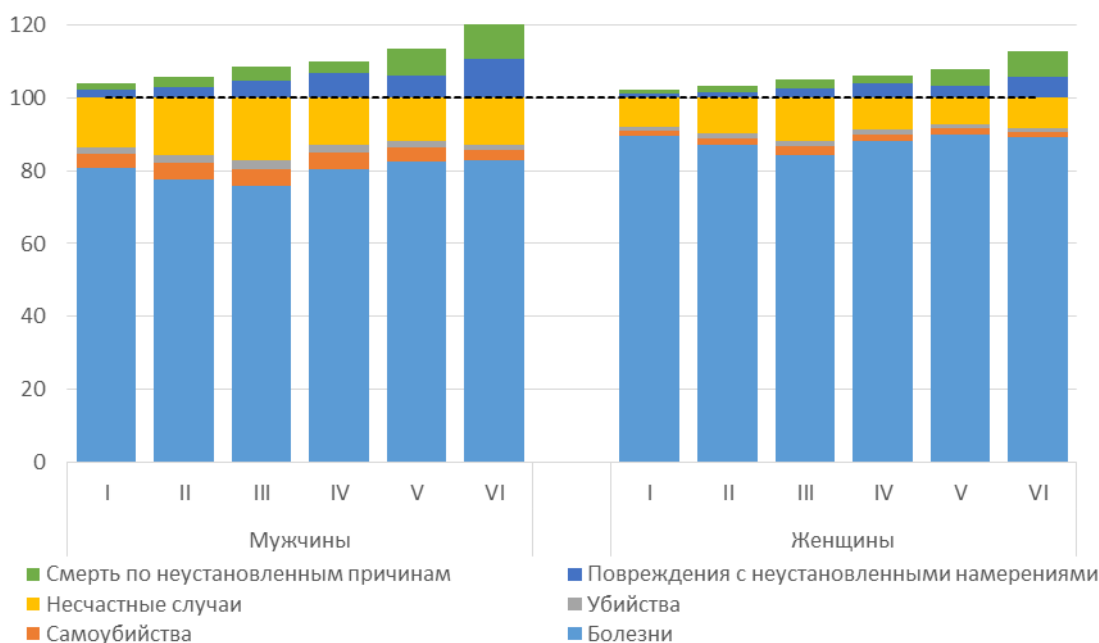

Рисунок 3. Стандартизованная доля умерших по причинам смерти в 2011-2014 гг. по кластерам, %. За 100% приняты вскрытия с конкретными причинами смерти

Таблица 5. Корреляция стандартизованного коэффициента смертности и стандартизованной доли умерших с неустановленным родом смерти с показателем информативности вскрытий в 2011-2014 гг.

	Корреляция Пирсона		Ранговый коэффициент Кенделла		Ранговый коэффициент Спирмена	
	СКС	стандартизованная доля	СКС	стандартизованная доля	СКС	стандартизованная доля
Мужчины	0,39	0,25 ^(*)	0,40	0,39	0,56	0,53
Женщины	0,34	0,18 ⁽⁰⁾	0,41	0,38	0,54	0,51

Примечание: Все показатели значимы при уровне значимости 0,01 (двусторонний критерий), кроме выделенных курсивом; ^(*) - значим при уровне значимости 0,1; ⁽⁰⁾ - не значим при уровне значимости 0,1.

Таблица 6 представляет частоту диагнозов, поставленных на основе вскрытий при неустановленном роде смерти в шести кластерах. Хотя некоторое увеличение доли вскрытий при неизвестном роде смерти в общем числе вскрытий с ростом номера кластера наблюдается, говорить о монотонном росте не приходится. Напротив, кластер III как бы полностью выпадает из ряда. Проблема в основном в данных по Забайкальскому и Ставропольскому краям, где стандартизованная доля вскрытий при неизвестном роде смерти

составляет 61 и 80% для мужчин и 63 и 78% для женщин в Забайкальском и Ставропольском краях соответственно. Следующая в списке - Иркутская область, где доля вскрытий при неизвестном роде смерти составляет 28% для мужчин и 26% для женщин. Таким образом, два края представляют собой совершенно обособленную группу. В Ставропольском крае к тому же стандартизованная доля вскрытий не высока: 30% для мужчин и 26% для женщин или в 2 раза ниже среднероссийского уровня.

Если Забайкальский и Ставропольский края исключить из кластера (строка III^{сз}), то монотонность доли с неустановленным родом смерти почти восстановится. Но СКС и доля «обычных», вполне определенных диагнозов, поставленных для умерших с неизвестным родом смерти, меняются некоторым совершенно нерегулярным образом (таблица 6). В VI кластере такие диагнозы поставлены половине умерших мужчин и более половины умерших женщин с неизвестным родом смерти.

Таблица 6. СКС и стандартизованная доля смертей с неустановленным родом смерти в шести кластерах в зависимости от итогов аутопсии

Кластер	СКС при неизвестном роде смерти, на 100000	Доля неизвестного рода смерти в общем числе вскрытий, %	СКС при неизвестном роде смерти по причинам смерти, на 100000			Доля причины среди умерших с неизвестным родом смерти, %		
			смерть по неустановленным причинам	повреждения с неустановленными намерениями	конкретная причина смерти	смерть по неустановленным причинам	повреждения с неустановленными намерениями	конкретная причина смерти
Мужчины								
I	38,5	3,9	15,9	8,6	14,1	41,2	22,2	36,6
II	43,9	4,5	28,3	13,1	2,5	64,5	29,8	5,7
III	139,2	15,5	31,3	25,5	82,4	22,5	18,3	59,2
III ^{сз}	68,5	7,1	34,5	22,2	11,9	50,3	32,4	17,3
IV	87,9	9,3	26,7	22,0	39,3	30,3	25,0	44,7
V	81,6	9,7	53,0	23,0	5,6	64,9	28,2	6,9
VI	155,5	16,3	75,9	50,1	29,5	48,8	32,2	18,9
Женщины								
I	10,1	2,4	3,8	1,8	4,4	38,1	17,8	44,1
II	10,4	2,8	6,9	2,8	0,7	66,4	26,7	6,9
III	41,3	12,5	7,5	5,9	27,9	18,2	14,2	67,6
III ^{сз}	16,7	4,7	8,3	5,2	3,3	49,3	31,2	19,4
IV	27,3	7,7	6,6	5,0	15,7	24,3	18,2	57,5
V	22,4	6,4	14,6	5,3	2,4	65,4	23,9	10,7
VI	41,4	11,5	22,3	10,9	8,2	53,8	26,4	19,8

Примечание: III^{сз} – III кластер без Забайкальского и Ставропольского краев.

Расчет коэффициентов корреляции для мужчин или женщин между НИВ, с одной стороны, и СКС или долей умерших при неизвестном роде смерти, но с конкретной причиной смерти, с другой, не выявил ни одного коэффициента корреляции Пирсона, Кенделла или Спирмена, значимого хотя бы при уровне 0,1. Можно допустить, что доля диагнозов с конкретной причиной смерти при неустановленном роде смерти от показателя НИВ не зависит.

Мы задались вопросом: если род смерти не установлен, а конкретная причина смерти установлена, то какова эта причина смерти. Рисунок 4 представляет распределение умерших, чей род смерти не установлен, но конкретная причина смерти определена, по установленным причинам. Мы также можем сравнить это распределение с аналогичным распределением во всей совокупности умерших.

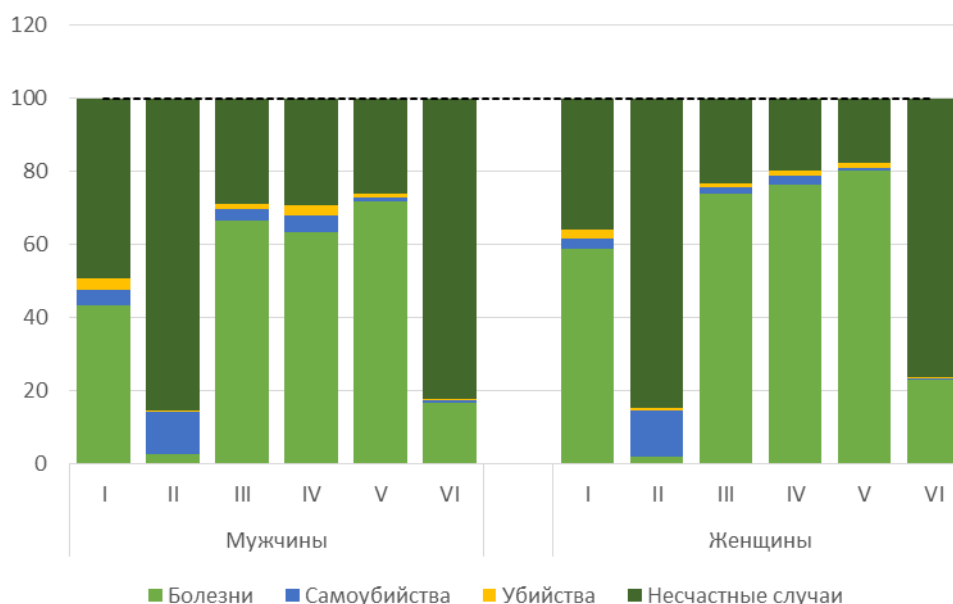

Рисунок 4. Распределение умерших по 4 группам причин в шести кластерах при условии, что род смерти не установлен, а конкретная причины смерти определена, стандартизованная доля в %

Распределение по конкретным причинам при неустановленном роде смерти резко отличается от распределения всех умерших. Доля умерших от болезней повсеместно меньше, чем во всей совокупности, а от несчастных случаев - больше. Во II кластере вообще реально представлены только несчастные случаи и самоубийства. В I и IV кластерах доля и самоубийств, и убийств среди тех, чей род смерти не был установлен, больше, а в III, V и VI - меньше, чем во всей совокупности.

Итак, ни доля конкретных причин при не установленном роде смерти, ни их структура не демонстрируют какой-либо видимой связи с НИВ, но при этом весьма сильно различаются и по регионам, и по построенным кластерам.

В демографии и статистике достаточно часто предполагают, что объекты с неизвестным значением признака распределены по значениям данного признака так же, как объекты с известным значениям. Так, умершие неизвестного возраста распределяются по всем возрастам пропорционально возрастному распределению умерших с известным возрастом, Франс Милле (Meslé) и соавторы [1996] аналогичным образом распределяют по причинам смерти умерших от неизвестных причин. Совокупность смертей с неустановленным родом смерти состоит из трех частей: умершие с неустановленной причиной, умершие в результате повреждений с неустановленными намерениями и умершие от известной конкретной причины

смерти. Распределение последней группы по агрегированным причинам смерти представлено на рисунке 4. В рамках этой логики естественно, что умершие при неизвестном роде смерти, чья причина смерти не была установлена в результате вскрытия, распределяются по конкретным причинам смерти так же, как умершие при неизвестном роде смерти, чья причина смерти была установлена. Данные, представленные на рисунке 4 по кластерам, для России в целом дают следующий результат. Среди мужчин, чья причина смерти не была установлена, стандартизованная доля тех, кто умер от внешних причин - 53,7%, от болезней - и 46,3%. Среди умерших от внешних причин 46,3% умерли от несчастных случаев, 2,8% - от самоубийств и 1,1% - от убийств. Для женщин причина смерти 52,7% - болезни, а 47,3% - внешние причины, в том числе 44,1% - от несчастных случаев, 2,1% - от самоубийств и 1,0% - от убийств. Оценка доли болезней и внешних причин в целом представляется нам вполне надежной, а небольшие доли самоубийств и убийств требуют более осторожного отношения. Следует учесть, что для умерших в результате повреждений с неустановленными намерениями пропорциональное распределение оказалось неоптимальным вариантом распределения смертей по конкретным причинам смерти [Andreev et al. 2015: 11-13]. Авторы применили более сложную модель.

Стандартизованная доля умерших в результате повреждений с неустановленными намерениями и для мужчин, и для женщин при **известном** роде смерти в общем числе умерших в этой группе, по нашим расчетам, составляет 49%. Почти во всех случаях в свидетельствах о смерти указан род смерти «смерть от несчастного случая, не связанного с производством».

Стандартизованная доля умерших от повреждений с неустановленными намерениями среди всех внешних причин быстро растет с номером кластера (таблица 7), а вот доля случаев, где род смерти известен, среди повреждений с неустановленными намерениями явных тенденций не проявляет. Максимальная доля и у мужчин, и у женщин приходится на IV кластер: в 63% случаев повреждений с неустановленными намерениями конкретный род смерти указан в свидетельстве о смерти. Но сам по себе IV кластер в смысле этого показателя чрезвычайно неоднороден. В Чувашии и Камчатском крае эта доля невелика, в Хабаровском крае и Ивановской области – вообще равна 0, в Татарстане, Орловской, Тюменской и Челябинской областях стандартизованная доля – более 80%. С другой стороны, регионы с очень высокой стандартизованной долей случаев среди повреждений с неустановленными намерениями, где род смерти известен, встречаются во всех кластерах: в I кластере – Амурская область (доля у мужчин – 99%) и Санкт-Петербург (доля у мужчин и женщин – 93%), в кластере II – Липецкая область (доля у мужчин – 98%), в кластере III – Приморский край (доля у женщин – 90%), кластер V – Республика Тыва, кластер VI – Томская область. И в Тыве и в Томской области доли и у мужчин, и у женщин – более 90%.

Данные по 77 регионам показывают, что СКС при повреждениях с неустановленными намерениями и известном роде смерти значимо коррелирует с НИВ. Коэффициент Пирсона и для мужчин, и для женщин равен 0,43 и значим при уровне значимости 0,01. Коэффициенты Спирмена для мужчин и женщин немного больше и значимы при том же уровне. Иначе говоря, чем ниже информативность вскрытий, тем выше и частота диагнозов с неустановленными намерениями при установленном роде смерти. Одновременно растет и частота всех диагнозов «с неустановленными намерениями», а доля повреждений с известным родом смерти,

классифицированных как повреждения с неустановленными намерениями, колеблется от кластера к кластеру.

Таблица 7. СКС и стандартизованная доля смертей от повреждений с неустановленными намерениями при неизвестном или известном роде смерти

Кластер	СКС от внешних причин, на 100000	В том числе от повреждений с неустановленными намерениями, на 100000	Из них род смерти			Доля повреждений с неустановленными намерениями среди умерших от внешних причин, %	
			неизвестен, на 100000	известен		всего	в том числе род смерти известен
				СКС на 100000	доля повреждений с неустановленными намерениям, %		
Мужчины							
I	203,5	21,0	8,6	12,4	59	10	6
II	231,1	25,7	13,1	12,6	49	11	5
III	239,7	37,8	25,5	12,2	32	16	5
IV	225,9	58,8	22,0	36,8	63	26	16
V	174,6	45,4	23,0	22,4	49	26	13
VI	221,1	83,9	50,1	33,7	40	38	15
Женщины							
I	47,7	4,8	1,8	3,0	63	10	6
II	53,0	5,6	2,8	2,8	50	10	5
III	57,6	8,5	5,9	2,7	31	15	5
IV	53,4	13,5	5,0	8,6	63	25	16
V	42,8	10,6	5,3	5,2	49	25	12
VI	52,1	18,3	10,9	7,4	40	35	14

Частота неопределенных диагнозов может быть связана с организацией выдачи и обработки повторных медицинских свидетельств о смерти в регионе. Выдавая свидетельство о смерти, медицинский работник должен подчеркнуть на бланке тип свидетельства: «окончательное», «предварительное», «взамен предварительного» или «взамен окончательного». Типы свидетельств заново утверждены в 2008 г.⁶ Медицинское свидетельство с отметкой «предварительное» выдается в тех случаях, когда для установления причины смерти необходимо произвести дополнительные исследования. Если было выдано «окончательное» свидетельство, но в дальнейшем выявилась ошибка в причине смерти, то выдается свидетельство «взамен окончательного». Свидетельства с отметками «взамен предварительного» и «взамен окончательного» могут выдаваться в течение 45 дней после смерти. В России сложилось огромное многообразие подходов к выдаче свидетельств разного типа. В среднем по стране патологоанатомы и судмедэксперты указывали тип выдаваемого в 2011-2014 гг. свидетельства в 99% случаев. Однако в Краснодарском крае указан тип в 94% свидетельств, в Хабаровском крае – в 91%, а в Алтайском крае – только в 84,5% свидетельств. В Тверской и Оренбургской областях практически все выданные свидетельства имели отметку «окончательное». Свидетельства взамен окончательного в Оренбургской области не

⁶ Приказ Минздравсоцразвития России «Об утверждении и порядке ведения медицинской документации, удостоверяющей случаи рождения и смерти» от 26.12.2008 № 782н.

выдавались, а в Тверской области мы обнаружили 2 таких свидетельства. Напротив, в Саратовской и Магаданской областях окончательные свидетельства были выданы только в 58 и 53% случаев. Зато эти области лидируют по доле предварительных свидетельств. В Санкт-Петербурге были заменены 86% первоначально выданных предварительных свидетельств, но выдано их было лишь 2% от общего числа. В Тульской области были выдано 6% предварительных свидетельств и 71% из них заменили. Во многих областях по имеющимся данным почти ни одно предварительное свидетельство не было заменено.

Таблица 8 позволяет сравнить частоту использования каждого типа свидетельств в разных кластерах. Доля предварительных свидетельств и свидетельств, выданных взамен, в основном растет с ростом номера кластера. Но обращает на себя внимание, что доля реально замененных предварительных свидетельств четко снижается с ростом номера кластера и соответственно показателя НИВ.

Таблица 8. Стандартизованная доля свидетельств четырех типов, выданных по итогам вскрытия в шести кластерах, %

Кластер	Окончательное	Предварительное	Выданные взамен	В том числе:		Доля замененных предварительных свидетельств
				взамен окончательного	взамен предварительного	
Мужчины						
I	93,0	5,4	1,7	0,7	1,0	16,0
II	87,2	9,1	3,7	2,5	1,1	11,1
III	84,1	12,9	2,9	2,2	0,8	5,6
IV	86,9	9,6	3,5	2,9	0,6	6,0
V	83,2	11,6	5,2	4,6	0,6	5,2
VI	75,9	14,3	9,8	9,3	0,4	2,9
Женщины						
I	94,1	4,6	1,3	0,5	0,7	13,9
II	89,8	7,1	3,1	2,2	0,9	11,0
III	87,4	10,1	2,5	1,8	0,7	6,6
IV	88,5	8,6	3,0	2,3	0,6	6,7
V	87,0	9,1	3,9	3,3	0,6	5,7
VI	78,7	12,1	9,2	8,8	0,4	3,7

Корреляционный анализ по 77 регионам не выявил наличия значимой корреляции между показателем НИВ и стандартизованной долей повторных свидетельств ни у мужчин, ни у женщин. Не обнаружена также корреляция со стандартизованной долей умерших при неустановленном роде смерти. Но корреляция между долей предварительных свидетельств и НИВ существует. Коэффициент корреляции Пирсона равен 0,26 для мужчин и 0,23 для женщин. Оба значимы при уровне 0,05. Коэффициенты Кенделла или Спирмена значимы только для мужчин и равны 0,18 и 0,24 соответственно. Корреляция со стандартизованной долей умерших при неустановленном роде смерти не обнаружена.

Кажется странным, что мы не обнаружили значимой корреляции по регионам между показателем НИВ и стандартизованной долей замененных предварительных свидетельств.

Можно предположить, что регионы весьма сильно различаются по этой доле и эти различия воспринимаются как случайные колебания и мешают увидеть закономерность, которая выявляется при переходе к кластерам. Но может быть и наоборот, закономерности нет, а группировка создала иллюзию ее существования. К сожалению, простые методы математической статистики часто не дают однозначных ответов.

Доля повторных свидетельств в общем числе свидетельств - объективная характеристика процесса регистрации смертей, как и доля замененных предварительных свидетельств. Выбор отметки «предварительное», а не «окончательное» свидетельство говорит о намерении эксперта в будущем уточнить диагноз. Намерение – вещь субъективная и не означает обязательство. В одних регионах оно реализуется в 70 и более процентах случаев, а в других - почти никогда. Результат корреляционного анализа выглядит парадоксально: две объективные характеристики процесса регистрации (доли замененных окончательных или предварительных свидетельств) не связаны с долей неопределенных диагнозов, а субъективная доля предварительных свидетельств - связана.

Довольно популярной нам представляется конспирологическая точка зрения, которая связывает частоту неопределенных диагнозов с нежеланием ухудшать статистические показатели.

Если допустить, что вероятность того, что умерший от некоторой внешней причины будет классифицирован как умерший от повреждений при неустановленных намерениях, не зависит от этой причины, то смерти при повреждениях с неустановленными намерениями надо пропорционально распределить по определенным внешним причинам. На самом деле реальная ситуация много сложнее и распределение отлично от пропорционального [Andreev et al. 2015], но мы выберем простейший вариант, о котором статистик сказал бы, что это нулевая гипотеза.

Можно пойти дальше и допустить, что все умершие, чья причина смерти не была установлена в результате вскрытия, также умерли от внешних причин, хотя вышеприведенные оценки предсказывают, что к смертям от внешних причин относится лишь половина умерших. Наконец, допустим, что для любой внешней причины вероятности попадания в эту категорию одинаковые. Тогда можно оценить, в какой мере ухудшатся статистические показатели, если наши допущения верны и неопределенные смерти распределены между конкретными внешними причинами пропорционально (таблица 9).

В I и II кластерах, на наш взгляд, увеличение показателей в относительном выражении не столь велико, чтобы стимулировать изменение диагнозов, в III, скорее всего, тоже. Однако, начиная с IV кластера, существует угроза увеличения показателей смертности от каких-то конкретных внешних причин на 50, 70% и даже 120%, что говорит в пользу конспирологического объяснения. Против этого объяснения говорит тот факт, что СКС от конкретных внешних причин, исходный или дополненный тем или иным способом, вовсе не растет с номером кластера, а меняется некоторым малосвязанным с нашей кластеризацией образом.

Подводя итоги этого раздела, можно утверждать лишь, что частота и доля полученных при вскрытиях неопределенных диагнозов существенно различается по регионам страны, тесно коррелирует с частотой и долей умерших с неустановленным, согласно медицинским свидетельствам о смерти, родом смерти. Однако никаких объективных различий между построенными кластерами, кроме тех, что участвовали в их построении, а также частоты смертей одновременно с неустановленным родом и неустановленной причиной смерти, нам обнаружить не удалось.

Таблица 9. Возможное увеличение СКС от конкретных внешних причин при распределении повреждений с неустановленными намерениями и смертей с неустановленной причиной, на 100000

Кластер	Конкретные внешние причины смерти	Повреждения с неустановленными намерениями	Смерти с неустановленной причиной	Конкретные причины с максимальной коррекцией	Рост СКС от конкретных внешних причин при присоединении, %	
					повреждений с неустановленными намерениями	умерших с неустановленными причинами
Мужчины						
I	182,5	21,0	15,9	219,4	11	9
II	205,4	25,7	28,3	259,4	12	14
III	201,9	37,8	31,3	271,0	19	15
IV	167,0	58,8	26,7	252,5	35	16
V	129,2	45,4	53,0	227,6	35	41
VI	137,3	83,9	75,9	297,0	61	55
Женщины						
I	42,9	4,8	3,8	51,5	11	9
II	47,5	5,6	6,9	59,9	12	15
III	49,1	8,5	7,5	65,2	17	15
IV	39,9	13,5	6,6	60,1	34	17
V	32,2	10,6	14,6	57,4	33	45
VI	33,8	18,3	22,3	74,4	54	66

В совокупности регионов обнаружилась не очень сильная корреляционная связь между долей смертей, зарегистрированных на основе предварительных свидетельств, и частотой и долей полученных при вскрытиях неопределенных диагнозов. Однако эта зависимость становится очень четкой после перехода на уровень кластеров: доля замененных предварительных свидетельств четко снижается с номером кластера.

Таким образом, анализ на уровне регионов России выявил некоторые закономерности, но мы почти не продвинулись в решении поставленной задачи. И мы попытались двинуться вперед с помощью анализа микроданных.

4. АНАЛИЗ МИКРОДААННЫХ

4.1. Основные результаты

Независимая переменная «итог аутопсии» мультиномиальной логистической регрессии описана в таблице 10 и в разделе «Данные и методы».

Отбор и уточнение независимых переменных мы начали с рассмотрения двумерных группировок, описывающую эмпирическую связь между переменной «итог аутопсии» и другими характеристиками умершего, а также путем расчета мультиномиальных логистических регрессий с одной или двумя независимыми переменными, что позволяет оценить влияние переменной на итог аутопсии. При этом нас интересовало наличие связи между анализируемой и зависимой переменными. Мы также следили за тем, чтобы модель сохраняла устойчивость. Излишне детальные независимые переменные могут приводить к вырождению так называемой Гессияновой матрицы, после чего итерационный поиск оптимальных решений прерывается. Также излишняя детализация приводит к статистически незначимым коэффициентам, которые не несут объективной информации, и значит, не могут быть использованы.

Опираясь на опыт работ [Andreev et al. 2008; Andreev et al. 2015] мы сконструировали дополнительную переменную, выделяющую умерших с неизвестной датой рождения. Отсутствие даты означает, что умерший не идентифицирован или идентифицирован не полностью. В компьютерной записи о смерти случаи, когда умерший не идентифицирован, отмечаются в переменной «Место постоянного жительства умершего» (таблица П-1 Приложения, п. 7). Неизвестная дата рождения позволяет уточнить этот список за счет случаев, в которых идентификация не подтверждена документально. За 4 года нашлось 1,2 тыс. умерших, чья причина смерти установлена на основе вскрытия и личность умершего считается установленной, но дата рождения неизвестна.

Мы последовательно проанализировали влияние признаков, перечисленных в таблице П-1 Приложения, на зависимую переменную, но упускаем детали этой рутинной процедуры. Отметим лишь некоторые факты.

Известно, что частота случаев смерти от ряда причин зависит от времени года [Андреев, Гамбурцев 2012; 2013] или от дня недели [Andreev et al. 2015]. Оказалось, что ни тот ни другой фактор на переменную «итог аутопсии» не влияет.

Влияние признака «место постоянного жительства умершего» можно описать переменной, принимающей 3 значения. Заметно и разнонаправленно отличаются от других в своем влиянии на результирующий показатель категории «данный субъект Федерации» и «личность умершего не установлена». Другие варианты места жительства, перечисленные в таблице П-1 Приложения, практически не различаются.

Признак «место смерти» содержит категорию «в машине скорой помощи». В силу малого числа случаев оценить ее влияние на результирующую переменную невозможно. Мы присоединили ее к категории «в стационаре».

Частота случаев, когда род смерти не установлен, различается для свидетельств разного типа. Также частота различается в зависимости от интервала между смертью и ее регистрацией в органах ЗАГС. К сожалению, дату регистрации и интервал можно оценить очень грубо. Проанализировав распределение интервалов регистрации, мы разбили их на 2 группы: смерть зарегистрирована в месяц смерти или в следующем месяце, смерть зарегистрирована 2 и более месяцев спустя после месяца смерти.

Таким образом, в процессе предварительного отбора мы выделили 10 независимых переменных (таблица 10), которые используем в модели.

Таблица 10. Переменные мультиномиальной логистической регрессии и их возможные значения

	Переменные		Значения переменных
<u>Зависимые переменные</u>			
1	1. Итог аутопсии	1	Причина смерти неизвестна
2		2	Смерть от повреждений с неустановленными намерениями
3		3	Конкретная причина смерти установлена (любая причина, кроме названных в первом и втором значениях переменной)
<u>Независимые переменные</u>			
1	1. Личность умершего и место постоянного жительства	1	Личность не установлена или дата рождения неизвестна
2		2	За пределами данного региона или неизвестно
3		3	В данном регионе
4	2. Место смерти	1	Неизвестно
5		2	На месте происшествия
6		3	В стационаре или в машине скорой помощи
7		4	Дома
8		5	В другом установленном месте
9	3. Смерть в состоянии опьянения	1	Нет
10		2	Да
11	4. Тип свидетельства о смерти	1	Предварительное
12		2	Взамен окончательного
13		3	Взамен предварительного
14		4	Не указано
15		5	Окончательное
16	5. Своевременность регистрации	1	Зарегистрирован во втором и более месяце
17		2	Зарегистрирован в месяц смерти или в следующем
18	6. Брачный статус	1	Брачный статус неизвестен
19		2	В браке не состоит
20		3	В браке состоит
21	7. Образование	1	Образование неизвестно
22		2	Высшее
23		3	Среднее
24		4	Ниже среднего
25	8. Возрастная группа	1	Возраст неизвестен
26		2	0-24 лет
27		3	25-39 лет
28		4	40-59 лет
29		5	60 и более лет
30	9. Категория поселений	1	Сельская местность
31		2	Городские поселения
32	10. Род смерти	1	Не определен
33		2	Род смерти известен

Подробные результаты регрессии содержатся в таблице П-2 Приложения. Данная таблица содержит наиболее удобный, с нашей точки зрения, показатель - отношение шансов (ОШ). Он показывает, во сколько раз данное значение независимой переменной изменяет (т.е.

повышает или понижает) вероятность того, что рассматриваемый случай принадлежит к одной из групп, соответствующей трем значениям зависимой переменной: «причина смерти не установлена», «смерть от повреждений с неустановленными намерениями» или «конкретная причина смерти установлена». В скобках приводится 95%-ный двухсторонний доверительный интервал этой вероятности.

Таблица 11. Относительное влияние признака (отношение шансов) на вероятность быть отнесенным к группе умерших с неустановленной причиной смерти или от повреждений с неустановленными намерениями

	Мужчины		Женщины	
	неустановленная причина	неустановленные намерения	неустановленная причина	неустановленные намерения
Личность умершего и место постоянного жительства				
Личность не установлена или дата рождения неизвестна	3,48	1,78	2,61	1,21
За пределами данного региона или неизвестно	1,61	1,23	1,64	1,08
В данном регионе	Референтная категория			
Смерть в состоянии опьянения				
Нет	12,13	1,76	8,76	1,54
Да	Референтная категория			
Место смерти				
Неизвестно	0,39	0,75	0,37	0,83
На месте происшествия	0,46	1,06	0,48	1,80
В стационаре или в машине скорой помощи	0,32	0,81	0,20	0,67
Дома	1,70	0,72	1,64	0,69
В другом установленном месте	Референтная категория			
Тип свидетельства о смерти				
Предварительное	6,48	1,37	7,91	2,19
Взамен окончательного	1,07	2,14	0,71	3,15
Взамен предварительного	0,83	1,22	0,63	2,18
Не указано	1,61	0,81	1,70	0,87
Окончательное	Референтная категория			
Своевременность регистрации				
Зарегистрирован во втором и более месяце	5,37	1,06	4,89	1,06 ²
Зарегистрирован в месяц смерти или в следующем	Референтная категория			
Брачный статус				
Брачный статус неизвестен	1,02 ¹	0,80	0,98 ²	0,75
В браке не состоит	1,12	1,29	1,23	1,39
В браке состоит	Референтная категория			
Образование				
Образование неизвестно	0,54	0,90	0,47	0,94
Высшее	0,58	0,95	0,48	0,93
Среднее	0,55	1,04	0,47	1,05
Ниже среднего	Референтная категория			
Возрастная группа				
Возраст неизвестен	0,83	2,42	1,22	3,66
0-24 лет	1,73	2,83	1,13	2,79
25-39 лет	0,67	3,28	0,63	3,50
40-59 лет	0,61	1,98	0,54	2,05
60 и более лет	Референтная категория			
Категория поселений				
Сельская местность	1,08	0,81	1,48	0,90
Городские поселения	Референтная категория			
Род смерти				
Род неизвестен	0,98	0,93	1,00 ²	0,86
Род смерти известен	Референтная категория			

Примечания: ¹ - Значим при уровне 0,01; ² - незначим.

В нашем расчете в качестве референтной категории выбирается последняя категория. Зависимая переменная построена так, что ОШ показывают, насколько то или иное значение независимой переменной меняет вероятность попасть в группы с неизвестной причиной смерти или неустановленными намерениями, а не в группу с установленной конкретной причиной по сравнению с референтной категорией. Ей соответствует последнее значение в списке возможных значений независимой переменной. При этом, поскольку мы используем веса, уравнивающие численность групп, полученные ОШ следует понимать как вероятности при прочих равных условиях.

В таблице 11 мы представили результаты регрессии в компактной форме, без доверительных интервалов. Все рассчитанные ОШ, кроме четырех, выделенных курсивом в таблице П-2 Приложения и в таблице 11, значимы при уровне значимости 0,001. Информация о значимости четырех показателей приведена в примечании под таблицами.

Отметим, что полученные результаты выглядят весьма неожиданно, и перед публикацией мы неоднократно проверили все вычисления.

4.2. Причина смерти не установлена

Вероятность для умершего в состоянии опьянения попасть в группу с неустановленной причиной смерти для мужчин в 12 и для женщин в 9 раз ниже, чем тех, у кого алкоголь не был обнаружен. Шансы данного варианта выше у умерших дома, чем у умерших в ином известном месте, а у умерших в стационаре или в машине скорой помощи, на месте происшествия или в неизвестном месте у мужчин в 2-3 раза, а у женщин в 2-5 раз ниже. Образовательная группа «ниже среднего» имеет самый высокий шанс данного диагноза по сравнению с любой другой группой, включая «образование неизвестно». Брачный статус значимо не влияет на итог аутопсии.

Перечисленные результаты, на наш взгляд, относятся к неожиданным. Возможно, все дело в том, что данные значения независимых переменных не привлекают внимания. Смерть дома, без признаков опьянения, при низком уровне образования – рядовое явление, и предварительный вывод «причина смерти не установлена» не уточняется.

С точки зрения наших ожиданий, следующие ОШ представляются нейтральными. У сельских жителей, особенно женщин, риск немного выше. Влияние возраста у мужчин и женщин несколько различается: у мужчины неизвестного возраста пониженная, а у женщины - повышенная вероятность попасть в группу с неустановленной причиной смерти. В остальном все совпадает: максимальная вероятность в группе до 25 лет, затем 60 лет и старше, а в группах 25-39 и 40-59 лет в 1,5-2 раза ниже, чем в 60 лет и старше.

Вполне ожидаемым стало то, что вероятность данного итога аутопсии существенно выше у умерших, постоянно проживавших за пределами региона смерти, по сравнению с жившими в данном регионе. Особенно высока она у тех, чья личность не установлена.

То обстоятельство, что эксперт выдал предварительное свидетельство о смерти и в дальнейшем не заменил его свидетельством взамен предварительного существенно (для мужчин в 6,5 раз, а для женщин почти в 8 раз) повышает вероятность того, что причина смерти не установлена. Свидетельство без отметки о типе повышает вероятность в 1,6-1,7 раз. Если

регистрация смерти по каким-то причинам затянулась, то вероятность того, что причина смерти не установлена, возрастает в 5 раз.

Самый неожиданный результат – наличие или отсутствие информации о роде смерти практически не влияет на принадлежность к группе «причина смерти не установлена» и вообще на вероятность того или иного итога аутопсии. Это оказалось настолько неожиданным, что мы повторили все расчеты отдельно для групп с установленным и не установленным родом смерти. Результаты представлены в таблице П-3 Приложения, которая имеет структуру, сходную с таблицей 9. Расчет призван отклонить или подтвердить допущение, что влияние рода смерти отсутствует потому, что он существенно влияет на результат не непосредственно, а через все остальных показатели, полученные в результате регрессии. Это означает, что его нельзя включать в список переменных, но надо строить комбинированные переменные⁷, включающие род смерти. Например: «место постоянного жительства» и «род смерти» или «возрастная группа» и «род смерти».

Мы не будем приводить здесь подробный анализ таблицы П-3 Приложения. Результаты моделирования для одной результирующей категории – это 22 числа, которые содержатся в таблице П-3. Чтобы ответить на вопрос, насколько сильно отличаются результаты модели, где род смерти – равноправная независимая переменная от полученных с использованием зависимых от рода смерти переменных, достаточно сравнить одноименные пары 22-мерных векторов. Строго говоря, надо сравнить каждый из векторов, полученных при фиксированном роде смерти (таких векторов 2: род смерти установлен, род смерти не установлен) с вектором, полученным при условии, что род смерти – обычная переменная для значений зависимой переменной «неустановленная причина» и «неустановленные намерения» и для мужчин, и для женщин. Простейший способ сравнить – измерить расстояние. В качестве меры расстояния можно взять коэффициент корреляции Пирсона. Объектом сравнения могут быть как векторы отношений шансов, так и векторы исходных коэффициентов мультиномиальной логистической регрессии B . Сравнив ряды отношений шансов, мы обнаружили, что коэффициенты корреляции в случае ОШ положительны и не менее 0,60, в случае коэффициентов регрессии B также положительны и больше 0,68. На наш взгляд, полученные результаты не подтвердили необходимость проведения расчетов со специальным выделением рода смерти.

Попутно отметим, что в рамках одной группы векторы для мужчин и женщин очень близки в смысле коэффициентов корреляции: коэффициент корреляции между рядами для мужчин и женщин для группы «повреждений с неустановленными намерениями» равен 0,90, а «причина смерти не установлена» - даже 0,96.

4.3. Смерть от повреждений с неустановленными намерениями

Из таблицы 11 легко видеть, что векторы ОШ для группы «повреждений с неустановленными намерениями» существенно отличаются от векторов для группы «причина смерти не

⁷ В английской литературе используется понятие «*cross-production*», что переводят как «*векторное произведение*», но в данном случае такой перевод не совсем подходит. Значения комбинированной переменной представляют собой произвольно образованные пары значений первой и второй переменных.

установлена».

Представляется, что отношения шансов, относящиеся к этому значению зависимой переменной, несколько ближе к 1, среди них меньше резко выделяющихся показателей. Из 23 анализируемых признаков 13 в случае мужчин и 14 в случае женщин действуют на вероятность принадлежности к группе «повреждения с неустановленными намерениями» в том же направлении, что на вероятность принадлежности к группе «причина смерти не установлена».

Обратим внимание на основные отличия. Смерть на месте происшествия повышает, а дома понижает вероятность войти в группу «повреждения с неустановленными намерениями», что кажется естественным. По возрастным группам наименьшее ОШ соответствует группе 60 лет и старше, в остальных группах ОШ лежит в интервале от 2 до 3, что также не вызывает удивления. Затянувшаяся регистрация не влияет на вероятность принадлежности к данной группе.

Среди ОШ, соответствующих свидетельствам разного типа, наибольшее ОШ соответствует свидетельствам, выданным «взамен окончательного», которые в случае мужчин удваивают, а в случае женщин утраивают вероятность диагноза «повреждения с неустановленными намерениями». Для группы «причина смерти не установлена» максимум ОШ был в 2,5-3 раза больше, но приходился на предварительные свидетельства. Можно допустить, что диагноз «причина смерти не установлена» первоначально рассматривается как временный и потому соответствует предварительным свидетельствам, напротив диагноз повреждения с неустановленными намерениями чаще возникает, когда другой, ранее казавшийся окончательным, диагноз не подтверждается.

Мы попытались найти объяснение тому факту, что судмедэксперт ставит диагноз «повреждение с неустановленными намерениями», в то время как дознаватель или следователь указали конкретный род смерти. При этом в подавляющем большинстве случаев указанный род смерти - «несчастный случай, не связанный с производством». Для этого мы специально сравнили ОШ, рассчитанные при известном и неизвестном роде смерти (таблица П-3 Приложения), но обнаружили лишь одно заметное отличие. Тот факт, что было выдано свидетельство о смерти взамен предварительного, при неизвестном роде смерти заметно повышает вероятность данного диагноза (ОШ равен 2,3 для мужчин и 4,0 для женщин). То же обстоятельство немного снижает эту вероятность при известном роде в случае мужчин (ОШ равен 0,85), а для женщин повышает много меньше, чем при неизвестном роде (ОШ равен 1,4). Иначе говоря, судмедэксперт, выдавая свидетельство о смерти взамен предварительного, при известном роде смерти реже указывает повреждение с неустановленными намерениями в качестве внешней причины смерти.

5. ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

5.1. Общие итоги и возможные объяснения

Анализ региональных данных показал, что регионы России весьма существенно различаются частотой и долей неопределенных диагнозов, полученных по итогам аутопсии. Как правило,

в регионах, где выше частота неустановленных причин смерти, выше и доля умерших в результате повреждений с невыясненными намерениями. Там же выше доля умерших, чей род смерти не установлен. Нам не удалось связать эти особенности регионов с какими-то объективными характеристиками смертности. Обнаруженная связь между долей замененных предварительных свидетельств на уровне регионов не выглядит убедительной, но после перехода к группам регионов со сходным уровнем неопределенных диагнозов эта связь приобретает характер четкой закономерности: чем меньше доля повторных свидетельств о смерти, тем больше неопределенных диагнозов.

Представляется весьма неожиданным, что доля случаев с неизвестным родом смерти, но с установленной конкретной причиной смерти почти произвольно колеблется по регионам. Мы не обнаружили значимой корреляции между долями трех частей совокупности прошедших аутопсию умерших с неизвестным родом смерти: конкретная причина смерти установлена, причина была классифицирована как повреждение с неустановленными намерениями, причина осталась неизвестной, с одной стороны, и распространенностью неопределенных диагнозов, с другой стороны.

В половине свидетельств о смерти, где внешняя причина формулируется как повреждение с неустановленными намерениями, присутствует конкретный род смерти, как правило, смерть от несчастного случая, не связанного с производством. Это перекликается с обнаруженным при анализе на микроуровне фактом, что отсутствие (или наличие) в свидетельстве о смерти информации о роде смерти не может служить предиктором неопределенного итога вскрытия.

Итоги анализа на микроуровне в значительной части делятся на вполне ожидаемые и совершенно неожиданные. Мы попытались сконструировать правдоподобное объяснение, почему смерть в состоянии опьянения понижает вероятность неопределенного диагноза, так же как и смерть на месте происшествия, в стационаре или в машине скорой помощи и даже в неизвестном месте. Напротив, смерть без признаков алкоголя и дома – повышает. Возникает предположение, что дело в том, в какой мере каждый случай требует внимания эксперта. К умершему (предположительно) в состоянии опьянения придется вернуться после поступления результатов анализа на содержание этанола в крови. Необычное место смерти также потребует больше внимания, чем обычное. В эту гипотезу укладывается и влияние места постоянного жительства. Вероятность, что кто-то заинтересуется конкретной причиной смерти местного жителя, на наш взгляд, больше, чем приехавшего из другого региона или другой страны или, тем более, того, чья личность не установлена.

Складывается примерно следующая картина: в сложных случаях судмедэксперт выдает свидетельство о смерти с отметкой «предварительное» с (вероятно) твердым намерением в дальнейшем уточнить причину смерти. В одних регионах он это успешно делает в большом числе случаев. В других он находит возможность уточнить причину смерти при наличии каких-то внешних стимулов. Такая модель во многом объясняет и региональную дифференциацию, и результаты анализа на микроуровне.

Состояние трупа на момент аутопсии может быть препятствием для определения причины смерти. Но есть основания думать, что это обстоятельство может объяснить лишь

малую часть всех смертей с неустановленной причиной. Об этом свидетельствуют огромные межрегиональные различия. Например, частота такого явления, как обнаружение трупа с гнилостными изменениями, не может принципиально различаться в соседних областях густонаселенной части Европейской России. Но и гнилостные изменения не мешают достаточно точно установить причину смерти, что продемонстрировало выборочное исследование, проведенное в Ханты-Мансийском автономном округе [Иванова и др. 2013].

Состояние трупа затрудняет установление даты смерти. В 2011-2014 гг. дата смерти отсутствует у 8% умерших с неустановленной причиной смерти. Место смерти умерших с неустановленной причиной смерти также противоречит такого рода объяснению: 9% умерших от неизвестной причины умерли в стационаре или в машине скорой помощи, 48% - дома, и 36% - в другом известном месте. Дата смерти известна почти у всех умерших в стационаре или машине скорой помощи, у 94% умерших дома и 88% умерших в другом известном месте.

Нельзя исключить, что желание не ухудшать статистические показатели сдерживает естественное стремление судмедэкспертов избегать неопределенных диагнозов, но у нас нет никаких фактов, подтверждающих это допущение.

Обратившись за консультацией к судмедэкспертам⁸, мы поняли, что судмедэксперт постарается ответить на вопрос: может ли данное повреждение быть получено в результате события, описанного в постановлении о вскрытии, - но не будет предлагать (по крайней мере, официально) своих соображений об источнике повреждений. Именно так построены все примеры в известном руководстве [Витер, Вавилов, Ледянкина 2008]. Утопление может быть следствием случайности, самоубийства или убийства [Погорелова и др. 2008], и выбор делается на основе независимо установленного рода смерти. Если род смерти не установлен или, по мнению судмедэксперта, не соответствует полученным повреждениям, то судмедэксперт, скорее всего, укажет в качестве внешней причины повреждение с неустановленными намерениями.

Аргументы, представленные Ивановой и соавторами, и анализ динамики смертности от неустановленных причин и повреждений с неустановленными намерениями [Иванова и др. 2013; Васин 2015] убеждают, что, по крайней мере, часть смертей от неустановленных причин относится к последствиям воздействия внешних причин. Мы допустили, что прошедшие вскрытие умершие с неизвестным родом смерти, чья причина смерти не была установлена, распределяются по конкретным причинам смерти так же, как умершие, чья причина смерти была установлена, хотя следователь или дознаватель не определили род смерти. Это допущение означает, что половина умерших, причина смерти которых не была установлена в ходе аутопсии, умерли от болезней, а половина – от внешних причин. К сожалению, доступной информации недостаточно, чтобы проверить эту оценку. Когда речь идет о повреждениях с неустановленными намерениями, доступной информации гораздо больше. Кроме того, что известно об умершем от неустановленной причины, известен также характер повреждения и некоторые обстоятельства травмы. Но и в этом случае удастся решить задачу восстановления

⁸ Автор не имеет соответствующих профессиональных знаний, и все его высказывания, касающиеся назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы, не более чем правдоподобные рассуждения.

распределения по реальным внешним причинам смерти на популяционном, а не на индивидуальном уровне [Andreev et al. 2015].

5.2. Межрегиональные различия или роль личности эксперта

Проделанный анализ продемонстрировал, что в субъектах Российской Федерации сосуществует большое число различных подходов к оформлению результатов вскрытий. Это проявляется и в выборе типа первоначально выдаваемого свидетельства, и в частоте, с которой предварительный диагноз уточняется. Но это – формальная сторона вопроса. Гораздо важнее частота случаев, когда по итогам аутопсии в свидетельстве о смерти записывается, что причина смерти не установлена или классифицируется как повреждения с неустановленными намерениями.

Мы установили, во-первых, что частота этих событий во много раз различается по территориям, даже если не брать крайние точки. Во-вторых, что частота смертей с неустановленной причиной и несчастных случаев с неустановленными намерениями тесно и положительно коррелирует между собой в пространстве при расчете на данных за 2011-2014 гг. по регионам России. В то же время в период между 1999 и 2005 г. обнаруживается обратная связь во времени между частотой этих диагнозов [Иванова и др. 2013; Васин 2015]. В-третьих, в региональных данных существует связь частоты обоих неопределенных диагнозов с частотой смертей с неустановленным родом смерти, но она гораздо слабее. Отсутствие информации о роде смерти не мешает судмедэксперту ставить диагноз, содержащий вполне определенную, конкретную причину смерти. Например, мы обнаружили, что Забайкальском и Ставропольском краях более половины вскрытий проходит при неизвестном роде смерти. Но эти регионы не занимают первые места по доле неопределенных диагнозов.

Пример Забайкальского и Ставропольского краев ставит еще одну проблему. Частота, с которой правоохранные органы направляют тела на вскрытие, не обозначив род смерти, тоже колеблется весьма широко: от нескольких до 80%.

Но, с другой стороны, в 17 регионах, включая г. Санкт-Петербург, более чем в 90% свидетельств, где внешняя причина смерти классифицирована как повреждения с неустановленными намерениями, указан род смерти «от несчастного случая, не связанного с производством».

Мы видели, что частота неопределенных диагнозов колеблется по регионам страны сильнее, чем собственно показатели смертности. Это как-то плохо вяжется с тем фактом, что судебно-медицинские бюро во всех регионах руководствуются одними и теми же приказами, рекомендациями, правилами и инструкциями. Впрочем, следователи и дознаватели выносят постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы, руководствуясь едиными законодательными нормами. В чем же тогда источник разнообразия?

Известно, что мнение врача о конкретной причине смерти зависит от ряда факторов, в том числе оконченного учебного заведения, научной школы и т.д. ВОЗ и национальные организации здравоохранения периодически публикуют методологические материалы, призванные, грубо говоря, снизить роль диагностика при определении причины смерти. Но касаются они, как правило, ситуаций, возникающих при диагностике болезней.

Нам кажется, что межрегиональное многообразие практик диагностики причин смерти по итогам аутопсии говорит о том, что методическое руководство работой региональных бюро судебно-медицинской экспертизы недостаточно.

5.3. Отсутствие обратной связи как фактор неопределенности

Судебно-медицинская экспертиза в России проводится на основании определения суда, постановления судьи, дознавателя или следователя⁹. Согласно этому же приказу, судмедэксперт «в день окончания секционного исследования трупа заполняет и подписывает медицинское свидетельство о смерти, в котором кодирует причины смерти в соответствии с Международной статистической классификацией болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра». А согласно рекомендациям по заполнения свидетельства¹⁰, он указывает тот род смерти, «который был установлен правоохранительными органами и приводится в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы».

Нам казалось, что следователь, дознаватель или суд назначает судебно-медицинскую экспертизу трупа не только для выяснения повреждений организма, приведших к смерти, но и для того, чтобы установить или уточнить внешние обстоятельства смерти. Именно поэтому в постановлении о проведении экспертизы дознаватель или следователь часто не может указать род смерти и пишет, что род смерти неизвестен. В то же время возможно, что, получив результаты экспертизы, процессуальное лицо смогло определить, что произошло: убийство, самоубийство, несчастный случай или иное событие. Мы не обнаружили в доступных документах никаких оснований, по которым дознаватель, следователь или суд должны были бы информировать судмедэксперта о своих уточненных выводах относительно причин смерти. Впрочем, если бы подобная рекомендация и существовала, то реализовать ее «в день окончания секционного исследования трупа» было бы затруднительно. В таком случае не будет ничего удивительного, если судмедэксперт запишет в свидетельстве о смерти «Неуточненные повреждения с неопределенными намерениями» и укажет код Y34.

Безусловно, если результаты вскрытия вместе с полученной в постановлении о назначении экспертизы информацией позволяют судмедэксперту сделать вывод о внешней причине смерти, то, согласно закону об экспертной деятельности¹¹, он может указать ту причину смерти, которую считает верной. Мы видели, что такое случается весьма часто.

В то же время мы не можем представить ситуацию, при которой по окончанию секционного исследования трупа эксперт мог бы записать в свидетельстве о смерти только код R99 или «смерть без других указаний», кроме тех относительно редких, по нашей оценке, случаев, когда состояние трупа исключает исследование.

⁹ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 №346н «Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».

¹⁰ Рекомендации по порядку выдачи и заполнения учетной формы №106/у-08 «Медицинское свидетельство о смерти», утвержденной Приказом Минздравсоцразвития России от 26.12.2008 №782н. Письмо Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 19 января 2009 г. №14-6/10/2-178 «О порядке выдачи и заполнения медицинских свидетельств о рождении и смерти».

¹¹ ФЗ (2001). Федеральный Закон от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Судмедэксперт не имеет никакой информации о внешней причине, кроме информации, полученной от органов дознания или следствия. В то же время он должен **за своей подписью** выдать медицинское свидетельство о смерти, в котором указана внешняя причина. Представляется, что здесь есть явное противоречие. Недаром в тексте классификации подчеркивается, что «Данный класс, который в предыдущих пересмотрах МКБ являлся дополнительным, позволяет классифицировать происшествия, условия и обстоятельства в качестве причины травмы, отравления и другого неблагоприятного воздействия. В тех случаях, когда используется код из данного класса, подразумевается, что он должен применяться как дополнение к коду из другого класса, указывавшему на характер состояния. Чаще всего характер состояния будет классифицироваться кодом из класса XIX «Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин» (S00-T98)» [ВОЗ 1995: 373].

В 1988 г., руководствуясь похожими соображениями, Госкомстат и Минздрав СССР были вынуждены исключить из национальной номенклатуры причин смерти деление несчастных случаев на несчастные случаи на производстве и производственные случаи. Главной причиной было именно то, что судмедэксперт не располагает всей информацией, необходимой для такого разделения.

Весьма возможно, что Россия - не единственная страна, где проблема обратной связи снижает качество статистики смертности от внешних причин в части определения внешней причины заболеваемости и смертности. Однако в странах, говорящих на английском языке, судебно-медицинскую экспертизу умерших осуществляет служба коронеров. Она сочетает права и обязанности дознавателя и судмедэксперта. Коронеры сами выносят решение о роде и причине смерти. В других европейских странах ситуация не столь очевидна, но согласно European Network of Forensic Science Institutions (ENFSI)¹² большинство национальных центров судебно-медицинской экспертизы входят в систему министерств юстиции или их аналогов, т.е. работают в прямом контакте с полицией.

5.4. О пользе судебно-медицинской аутопсии

Статистика смертности не различает свидетельства о смерти, выданные патологоанатомами лечебных учреждений и выданные судмедэкспертами. Но отчет медицинской организации (Форма № 30 отраслевой статистической отчетности) содержит раздел о деятельности патологоанатомического бюро (отделения), откуда можно узнать число несудебных вскрытий в каждом регионе и в России в целом¹³. При наличии подозрения на насильственный характер смерти вскрытие осуществляет бюро судебно-медицинской экспертизы, поэтому можно считать, что патологоанатомические бюро вскрывали только умерших от естественных причин. Согласно отчетности здравоохранения в 2011-2014 гг. патологоанатомические бюро провели 1,36 млн вскрытий. Возможно, эта величина немного завышена, так как в нескольких субъектах Федерации число патологоанатомических вскрытий оказалось больше, чем общее

¹² <http://www.enfsi.eu/about-enfsi/members>

¹³ Существует также Форма № 42 (годовая) отраслевой статистической отчетности «Отчет врача - судебно-медицинского эксперта, бюро судебно-медицинской экспертизы», но нам удалось с ней познакомиться лишь за некоторые годы и по некоторым регионам.

число вскрытий по данным статистики смертности. Судмедэксперты провели 2,56 млн вскрытий. Если принять за 100% все вскрытия, то патологоанатомические вскрытия составляют 35%. Мы полагаем, что их диагнозы – конкретные болезни. Работу судмедэкспертов можно описать так: конкретные внешние причины составляют 15%, повреждения с неустановленными намерениями - 4%, смерть по неустановленным причинам - 4%, конкретные болезни - 42%. Судмедэксперты провели 1,66 млн вскрытий умерших от болезней.

Всего от конкретных болезней за 2011-2014 гг. умерло 6,65 млн человек. Если допустить, что судмедэксперты действительно проводят вскрытия только в случае неожиданной смерти, то окажется что почти четвертая часть всех умерших в России за эти годы умерли неожиданно. Но скорее всего эта не так. Трудно поверить, что доля неожиданных смертей от болезней сильно различается в соседних областях. Между тем доля умерших от болезней, чей диагноз поставлен в результате судебно-медицинского вскрытия, в соседних областях различается существенно (рисунок 5). Более правдоподобным кажется, что частота судебно-медицинских вскрытий зависит от мощности бюро судебно-медицинской экспертизы.

Рисунок 5. Доля диагнозов на основе судебно-медицинских вскрытий в общем числе умерших от болезней в 2011-2014 гг., %

Число судебно-медицинских вскрытий умерших от болезней с 2011 по 2014 г., по нашим расчетам, выросло на 20%. И не вполне ясно, чем обоснован этот рост.

Правила направления тел умерших на патологоанатомическое вскрытие¹⁴ предусматривают отправку в патологоанатомическое бюро всей медицинской документации на умершего, включая посмертный эпикриз. Цель вскрытия – проверка правильности диагнозов и проведенного лечения. Результаты вскрытия направляются в лечебное учреждение, оказывавшее медицинскую помощь умершему.

Правила судебно-медицинского вскрытия¹⁵ допускают выяснение у родственников или соседей «имевшиеся заболевания при жизни», «со слов родственников выясняют клинические симптомы, предшествовавшие наступлению смерти», «с разрешения органа или лица, назначившего экспертизу, выясняют у родственников умершего данные медицинского характера (перенесенные им заболевания, травмы, вредные привычки, общее состояние здоровья в последнее время и другие катamnестические сведения)».

В случае внезапной смерти от болезни результаты судебно-медицинской аутопсии поступают дознавателю или следователю, которого реально интересует, что имела место смерть от естественных причин, а медицинское свидетельство о смерти передается родственникам умершего и используется в статистической разработке. Безусловно, данные статистики помогают совершенствовать работу системы здравоохранения. Но лечебное учреждение, где умерший состоял на учете, тем более стационар, где он, возможно, лечился за пару месяцев до смерти, весьма вероятно, не получают информацию о патолого-анатомической причине смерти, а порой, и самом факте смерти. Если уж в стране год от года растет доля диагнозов, полученных на основе вскрытий, то может быть стоит подумать о более бережливом использовании получаемой при вскрытии информации?

6. Выводы

Проделанный анализ позволил нам предположить, что неоправданно высокая частота случаев, когда патологоанатом или судмедэксперт в качестве причины смерти указывает смерть по неустановленной причине, прежде всего связана с отсутствием стимулов к уточнению причины смерти после выдачи первого, чаще всего предварительного, свидетельства о смерти.

Мы полагаем, что во многих случаях конкретная внешняя причина и род смерти могут быть определены только на основе сочетания внешних обстоятельств смерти и результатов вскрытия. Существующая система взаимоотношений между бюро судебно-медицинской экспертизы и правоохранительными органами означает, что, описывая в свидетельстве о смерти внешнюю причину смерти, судмедэксперт может опираться только на первоначальные, сделанные без учета экспертизы, выводы следователя или дознавателя.

¹⁴ Приказ Минздравмедпрома РФ от 29.04.1994 №82 «О порядке проведения патолого-анатомических вскрытий»; Приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 июня 2013 г. №354н «О порядке проведения патолого-анатомических вскрытий».

¹⁵ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 №346н «Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».

Число судебно-медицинских вскрытий в случае болезни в последние годы растет. Нам не вполне ясны причины этого роста, и, что более важно, возникают сомнения, что полученная по итогам вскрытий информация эффективно используется. Кроме того, выявленные межрегиональные различия вызывают опасения, что результаты, полученные из разных регионов страны, не вполне сопоставимы.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М., А.Г. Гамбурцев (2012). Динамика демографических данных в России (1956–2005) // *Пространство и время*. 4: 100-107.
- Андреев Е.М., А.Г. Гамбурцев (2013). Динамика демографических показателей в России, Франции, Германии и Финляндии во второй половине XX века // *Атлас временных вариаций природных, антропогенных и социальных процессов*. Т.5. М.: «Янус-К»: 553-577.
- Васин С.А. (2015). Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // *Демографическое обозрение*. 2(1): 89-124.
- Витер В.И., А.Ю. Вавилов, И.А. Ледянкина (2008). Судебно-медицинская экспертиза трупа: учебно-методическое пособие. Ижевск. 104 с.
- ВОЗ (1995). Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: МКБ-10. В 3-х томах. Т.1, Ч.2. М.: Медицина.
- Иванова А.Е., Т.П. Сабгайда, В.Г. Семенова, В.Г. Запороженко, Е.В. Землянова, С.Ю. Никитина (2013). Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России // *Социальные аспекты здоровья населения*. 4(32). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang,ru/> (дата обращения: 20.03.2016).
- Ким Дж.-О., Ч.У. Мюллер (1989). Факторный анализ, статистические методы и практические вопросы // *Факторный, дискриминантный и кластерный анализ*. Сборник статей. Пер. с англ. / Под ред. И.С. Енюков. М.: 5-78.
- Милле Ф., В. Школьников, В. Эртриш, Ж. Валлен (1996). Современные тенденции смертности по причинам смерти в России 1965–1994 [Meslé F., V.M. Shkolnikov, V.Hertrich, J. Vallin. (1996). Tendances récentes de la mortalité par cause en Russie 1965-1994] Paris: INED. (Двуязычное издание на русском и французском языках).
- Погорелова Э.И., Е.М. Секриеру, Д.Ш. Вайсман, В.В. Антонюк (2008). Руководство по кодированию причин смерти / Под ред. С.А. Леонова. М.: ЦНИИОИЗ. 74 с.
- РосБРиС (2015). Российская база данных по рождаемости и смертности Центра демографических исследований Российской экономической школы. URL: http://www.demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data (дата обращения: 29.09.2015).
- Andreev E.M., V.M. Shkolnikov, W.A. Pridemore, S.Yu. Nikitina (2015). A method for reclassifying cause of death in cases categorized as “event of undetermined intent” // *Population Health Metrics*. 13:23. DOI:10.1186/s12963-015-0048-y.
- Andreev E.M., W.A. Pridemore, V.M. Shkolnikov, O.I. Antonova (2008). An investigation of the growing number of deaths of unidentified people in Russia // *European Journal of Public Health*. 18(3): 252-257.
- Menard S. (2002). *Applied logistic regression analysis*. Second Edition. Sage. 111 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П-1. Используемые переменные

Анонимная запись свидетельства о смерти, используемая при годовой разработке данных о смертности содержит следующие сведения о каждом умершем

1. Пол.
2. Дата рождения (не использовалась, но были отмечены случаи с не полностью известной датой рождения).
3. Дата смерти.
4. Возраст, лет; при возрасте до 1 года – месяцев, при возрасте до 1 месяца – дней.
5. Субъект Федерации, где была зарегистрирована смерть.
6. Городская или сельская местность.
7. Место постоянного жительства умершего: данный субъект Федерации, другой субъект Федерации, страны-члены СНГ, другие страны, неизвестно. Отмечается, если личность умершего не установлена.
8. Гражданство
9. Род смерти. Смерть произошла от заболевания; несчастного случая, не связанного с производством; несчастного случая, связанного с производством; убийства; самоубийства; в ходе военных действий; в ходе террористических действий; род смерти не установлен.
10. Лицо, установившее причину смерти: врач, только установивший смерть; лечащий врач; фельдшер (акушерка); патологоанатом или судебно-медицинский эксперт.
11. Вид свидетельства о смерти: окончательное, предварительное, взамен окончательного, взамен предварительного.
12. Первоначальная причина смерти, код МКБ-10. Для умерших от внешних причин – внешняя причина смерти.
13. Для умерших от внешних причин – характер повреждения.
14. Состояние алкогольного опьянения в момент смерти.
15. Место смерти: на месте происшествия, в машине скорой помощи, в стационаре, дома, в другом известном месте, неизвестно.
16. Брачное состояние умершего: в зарегистрированном браке, вне брака, неизвестно.
17. Образование умершего. Профессиональное образование: высшее, неполное высшее, среднее, начальное. Общее образование: среднее (полное), основное, начальное; не имеет начального образования. Образование неизвестно.
18. Занятость. Был(а) занят(а) в экономике: руководители и специалисты высшего уровня квалификации, прочие специалисты, квалифицированные рабочие, неквалифицированные рабочие, занятые на военной службе; Не был(а) занят(а) в экономике: пенсионеры, студенты и учащиеся, работавшие в личном подсобном хозяйстве, безработные, прочие.

Таблица П-2. Отношения шансов, полученные в результате мультиномиальной логистической регрессии (в скобках – 95%-ный доверительный интервал). Все, не выделенные курсивом показатели, значимы при уровне 0,001

Переменная	Значение переменной (категория)	Мужчины	Женщины
Причина смерти не установлена			
Личность умершего и место постоянного жительства	Личность не установлена или дата рождения неизвестна	3,48 (3,36; 3,60)	2,61 (2,50; 2,72)
	За пределами данного региона или неизвестно	1,61 (1,58; 1,63)	1,64 (1,61; 1,68)
	В данном регионе	Референтная категория	
Смерть в состоянии опьянения	Нет	12,13 (11,90; 12,37)	8,76 (8,53; 8,99)
	Да	Референтная категория	
Место смерти	Неизвестно	0,39 (0,39; 0,40)	0,37 (0,36; 0,38)
	На месте происшествия	0,46 (0,45; 0,47)	0,48 (0,47; 0,50)
	В стационаре или в машине скорой помощи	0,32 (0,31; 0,32)	0,20 (0,20; 0,20)
	Дома	1,70 (1,68; 1,71)	1,64 (1,62; 1,66)
	В другом установленном месте	Референтная категория	
Тип свидетельства о смерти	Предварительное	6,48 (6,42; 6,55)	7,91 (7,80; 8,02)
	Взамен окончательного	1,07 (1,04; 1,09)	0,71 (0,69; 0,74)
	Взамен предварительного	0,83 (0,78; 0,88)	0,63 (0,58; 0,69)
	Не указано	1,61 (1,56; 1,66)	1,70 (1,63; 1,76)
	Окончательное	Референтная категория	
Своевременность регистрации	Зарегистрирован во втором и более месяце	5,37 (5,23; 5,51)	4,89 (4,71; 5,08)
	Зарегистрирован в месяц смерти или в следующем	Референтная категория	
Брачный статус	Брачный статус неизвестен	1,02 (1,01; 1,03) ¹	0,98 (0,97; 1,00) ²
	В браке не состоит	1,12 (1,11; 1,13)	1,23 (1,22; 1,24)
	В браке состоит	Референтная категория	
Образование	Образование неизвестно	0,54 (0,53; 0,55)	0,47 (0,46; 0,48)
	Высшее	0,58 (0,57; 0,59)	0,48 (0,47; 0,49)
	Среднее	0,55 (0,54; 0,56)	0,47 (0,47; 0,48)
	Ниже среднего	Референтная категория	
Возрастная группа	Возраст неизвестен	0,83 (0,79; 0,87)	1,22 (1,14; 1,31)
	0-24 лет	1,73 (1,70; 1,75)	1,13 (1,11; 1,15)
	25-39 лет	0,67 (0,66; 0,68)	0,63 (0,62; 0,64)
	40-59 лет	0,61 (0,60; 0,61)	0,54 (0,54; 0,55)
	60 и более лет	Референтная категория	
Категория поселений	Сельская местность	1,08 (1,07; 1,09)	1,48 (1,46; 1,49)
	Городские поселения	Референтная категория	
Род смерти	Не определен	0,98 (0,97; 0,98)	1,00 (0,99; 1,01) ²
	Известен	Референтная категория	
Смерть от повреждений с неустановленными намерениями			
Личность умершего и место постоянного жительства	Личность не установлена или дата рождения неизвестна	1,78 (1,72; 1,85)	1,21 (1,15; 1,27)

Переменная	Значение переменной (категория)	Мужчины	Женщины
	За пределами данного региона или неизвестно	1,23 (1,22; 1,25)	1,08 (1,07; 1,10)
	В данном регионе	Референтная категория	
Смерть в состоянии опьянения	Нет	1,76 (1,74; 1,78)	1,54 (1,52; 1,56)
	Да	Референтная категория	
Место смерти	Неизвестно	0,75 (0,73; 0,76)	0,83 (0,81; 0,84)
	На месте происшествия	1,06 (1,05; 1,08)	1,80 (1,76; 1,84)
	В стационаре или в машине скорой помощи	0,81 (0,81; 0,82)	0,67 (0,66; 0,68)
	Дома	0,72 (0,71; 0,72)	0,69 (0,68; 0,70)
	В другом установленном месте	Референтная категория	
Тип свидетельства о смерти	Предварительное	1,37 (1,35; 1,38)	2,19 (2,16; 2,22)
	Взамен окончательного	2,14 (2,10; 2,17)	3,15 (3,08; 3,22)
	Взамен предварительного	1,22 (1,17; 1,27)	2,18 (2,07; 2,31)
	Не указано	0,81 (0,78; 0,83)	0,87 (0,83; 0,90)
Своевременность регистрации	Окончательное	Референтная категория	
	Зарегистрирован во втором и более месяце	1,06 (1,03; 1,09)	1,06 (1,01; 1,10) ²
Брачный статус	Зарегистрирован в месяц смерти или в следующем	Референтная категория	
	Брачный статус неизвестен	0,80 (0,79; 0,80)	0,75 (0,74; 0,76)
	В браке не состоит	1,29 (1,28; 1,30)	1,39 (1,38; 1,41)
Образование	В браке состоит	Референтная категория	
	Образование неизвестно	0,90 (0,89; 0,91)	0,94 (0,92; 0,95)
	Высшее	0,95 (0,94; 0,97)	0,93 (0,91; 0,95)
	Среднее	1,04 (1,03; 1,06)	1,05 (1,04; 1,07)
Возрастная группа	Ниже среднего	Референтная категория	
	Возраст неизвестен	2,42 (2,31; 2,54)	3,66 (3,42; 3,92)
	0-24 лет	2,83 (2,79; 2,87)	2,79 (2,74; 2,84)
	25-39 лет	3,28 (3,25; 3,31)	3,50 (3,46; 3,55)
	40-59 лет	1,98 (1,96; 1,99)	2,05 (2,03; 2,07)
Категория поселений	60 и более лет	Референтная категория	
	Сельская местность	0,81 (0,81; 0,82)	0,90 (0,89; 0,91)
Род смерти	Городские поселения	Референтная категория	
	Не определен	0,93 (0,92; 0,94)	0,86 (0,85; 0,86)
Причина смерти полностью определена	Известен	Референтная категория	
		Референтная группа	

Примечания: ¹ - Значим при уровне 0,01; ² - незначим.

Таблица П-3. Отношения шансов, полученные в результате мультиномиальной логистической регрессии в подгруппах с известным и неопределенным родом смерти. Все, не выделенные курсивом, показатели значимы при уровне 0,001

	Мужчины				Женщины			
	причина смерти не установлена		смерть от повреждений с неустановленными намерениями		причина смерти не установлена		смерть от повреждений с неустановленными намерениями	
	род смерти не определен	род смерти известен	род смерти не определен	род смерти известен	род смерти не определен	род смерти известен	род смерти не определен	род смерти известен
Личность умершего и место постоянного жительства								
Личность не установлена или дата рождения неизвестна	3,58	2,53	2,01	1,43	3,04	1,66	1,29	1,17
За пределами данного региона или неизвестно	2,14	1,00 ²	1,58	0,94	2,29	0,97 ²	1,47	0,79
В данном регионе					Референтная категория			
Смерть в состоянии опьянения								
Нет	19,25	6,56	2,96	0,95	15,36	3,17	2,78	0,67
Да					Референтная категория			
Место смерти								
Неизвестно	0,25	1,76	0,82	0,77	0,26	2,00	0,91	0,82
На месте происшествия	0,55	0,38	1,07	1,04	0,77	0,16	1,74	1,85
В стационаре или в машине скорой помощи	0,20	0,49	0,99 ²	0,66	0,22	0,19	0,80	0,53
Дома	1,40	1,97	0,79	0,63	1,64	1,58	0,81	0,53
В другом установленном месте					Референтная категория			
Тип свидетельства о смерти								
Предварительное	9,41	3,98	1,47	1,25	13,61	1,82	2,24	2,12
Взамен окончательного	1,83	0,64	1,81	2,08	1,84	0,26	2,81	3,22
Взамен предварительного	1,87	0,64	2,27	0,85	2,08	0,31	4,01	1,40
Не указано	1,31	1,95	0,88	0,62	1,70	1,60	0,89	0,80
Окончательное					Референтная категория			
Своевременность регистрации								
Зарегистрирован во втором и более месяце	7,10	2,94	0,98 ²	1,33	7,00	1,28	0,97 ²	1,60
Зарегистрирован в месяц смерти или в следующем					Референтная категория			
Брачный статус								
Брачный статус неизвестен	1,07	1,01 ²	0,61	1,02 ²	1,03 ²	0,87	0,64	0,88
В браке не состоит	1,86	0,86	1,28	1,30	2,09	0,89	1,62	1,34
В браке состоит					Референтная категория			
Образование								
Образование неизвестно	1,09	0,40	1,05	0,86	1,25	0,34	1,12	0,91
Высшее	1,11	0,49	1,10	0,89	1,16	0,37	1,06	0,87
Среднее	1,02 ²	0,47	1,13	1,02 ¹	1,23	0,35	1,16	1,04
Ниже среднего					Референтная категория			

	Мужчины				Женщины			
	причина смерти не установлена		смерть от повреждений с неустановленными намерениями		причина смерти не установлена		смерть от повреждений с неустановленными намерениями	
	род смерти не определен	род смерти известен	род смерти не определен	род смерти известен	род смерти не определен	род смерти известен	род смерти не определен	род смерти известен
Возрастная группа								
Возраст неизвестен	1,15	0,55	1,80	3,48	1,54	0,23	2,81	5,32
0-24 лет	0,54	3,78	1,95	4,00	0,65	2,88	1,87	4,15
25-39 лет	0,92	0,49	2,27	4,62	0,92	0,17	2,31	5,60
40-59 лет	1,01 ²	0,39	1,55	2,39	0,92	0,14	1,53	2,74
60 и более лет								
Категория поселений								
Сельская местность	0,66	1,57	0,67	0,97	0,80	2,27	0,72	1,09
Городские поселения								

Примечания: ¹ - Значим при уровне 0,01; ² - незначим.

ILL-DEFINED AND UNSPECIFIED CAUSES OF DEATH IN RUSSIA

EVGENY ANDREEV¹, *

More than half of all deaths in Russia in 2011-2014 were subjected to pathologic or forensic autopsy, as a result of which the cause of death was not identified for 3.8 percent of the cases. More than 147,000 unproductive autopsies which left the cause of death unknown were carried out. Such a large number of cases cannot be explained by the state of the cadavers at the moment of the autopsy. Another 161,000 deaths (4.1% of autopsies) were classified as events of undetermined intent. This paper attempts to find a rational explanation for such a high proportion of uncertain autopsy conclusions concerning the cause of death.

The methods applied include an analysis at the macro-level (regions), with the help of factor analysis and clustering techniques, and multinomial logistic regression at the micro-level, using anonymous individual records. The study is based entirely on Russian state statistics data.

There are large interregional differences in the practices of determining the cause of death based on autopsy. Practices of diagnosing external causes also vary greatly by region. In regions where the proportion of unspecified causes is higher, the share of events of undetermined intent is also higher. These differences are not connected with the peculiarities of mortality in each region.

The analysis suggests that the large number of cases in which the cause of death remains unknown after an autopsy is due to the lack of incentives to clarify the cause of death after the issuance of the preliminary medical death certificate.

Moreover, the existing system of relations between forensic bureaus and law-enforcement agencies makes no provision for apprising forensics experts of the final conclusions concerning the external causes of death.

From 2011 to 2014 the number of forensic autopsies of persons who had died from disease increased by 20 percent, but there are doubts that the information obtained as a result of the autopsies is effectively used by the health care system.

Key words: *cause of death, ill-defined and unknown causes, events of undetermined intent, pathologic autopsy, forensic autopsy, medical death certificate.*

¹ NEW ECONOMIC SCHOOL (RUSSIA).

* CORRESPONDENCE: evand2009@yandex.ru.

DATE RECEIVED: JANUARY 2016.

REFERENCES

- Andreev E.M., A.G. Gamburcev (2012). Dinamika demograficheskikh dannyykh v Rossii (1956–2005) [Dynamics of demographic data in Russia (1956-2005)] // *Prostranstvo i vremya*. 4: 100-107.
- Andreev E.M., A.G. Gamburcev (2013). Dinamika demograficheskikh pokazatelej v Rossii, Francii, Germanii i Finlyandii vo vtoroj polovine XX veka [Dynamics of demographic indicators in Russia, France, Germany and Finland in the second half of the twentieth century] // *Atlas vremennykh variacij prirodnykh, antropogennykh i social'nykh processov* [Atlas of temporal variations of natural, human and social processes]. T.5. Moscow: "Yanus-K": 553-577.

- Andreev E.M., V.M. Shkolnikov, W.A. Pridemore, S.Yu. Nikitina (2015). A method for reclassifying cause of death in cases categorized as “event of undetermined intent” // Population Health Metrics. 13:23. DOI:10.1186/s12963-015-0048-y
- Andreev E.M., W.A. Pridemore, V.M. Shkolnikov, O.I. Antonova (2008). An investigation of the growing number of deaths of unidentified people in Russia // European Journal of Public Health 18 (3): 252-257.
- Ivanova A.E., T.P. Sabgajda, V.G. Semenova, V.G. Zaporozhenko, E.V. Zemlyanova, S.Yu. Nikitina (2013). Faktory iskazheniya struktury prichin smerti trudospobnogo naseleniya Rossii [Factors distorting structure of causes of death in working-age population in Russia] // Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya [Social aspects of public health]. 4(32). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang.ru/> (accessed: 20.03.2016).
- Kim Dzh.-O., Ch.U. Myuller (1989). Faktornyj analiz, statisticheskie metody i prakticheskie voprosy [Factor analysis, statistical methods and practical issues] // I.S. Enyukov, eds. Faktornyj, diskriminantnyj i klasternyj analiz. Sbornik statej. Per. s angl. [Factor, discriminant and cluster analysis. Collection of articles. Translated from English.] Moscow: 5-78.
- Menard S. (2002). Applied logistic regression analysis. Second Edition. Sage. 111 p.
- Meslé F., V.M. Shkolnikov, V.Hertrich, J. Vallin. (1996). Tendances récentes de la mortalité par cause en Russie 1965-1994. Paris: INED. (Bilingual edition – in Russian and in French).
- Pogorelova E.I., E.M. Sekrieru, D.Sh. Vajsman, V.V. Antonyuk (2008). Rukovodstvo po kodirovaniyu prichin smerti [Manual for coding causes of death] / S.A. Leonov, eds. Moscow: CNIIOIZ. 74 p.
- RosBRiS (2015). Rossijskaya baza dannykh po rozhdaemosti i smernosti Centra demograficheskikh issledovanij Rossijskoj Ekonomicheskoy Shkoly [The Russian Fertility and Mortality database (RusFMD) of the Centre of Demographic Research of the New Economic School]. URL: http://www.demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data (accessed: 29.09.2015).
- Vasin S.A. (2015). Smernost' ot povrezhdenij s neopredelennymi namereniyami v Rossii i v drugih stranakh [Mortality from undetermined causes of death in Russia and in a selected set of countries] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. 2(1): 89-124.
- Viter V.I., A.Yu. Vavilov, I.A. Ledyankina (2008). Sudebno-medicinskaya e'kspertiza trupa: uchebno-metodicheskoe posobie [A forensic examination of a corpse: a teaching aid]. Izhevsk. 104 p.
- VOZ (1995). Mezhdunarodnaya statisticheskaya klassifikaciya boleznej i problem, svyazannykh so zdorov'em: MKB-10. V 3 tomakh [WHO. International statistical classification of diseases and related health: ICD-10. In 3 volumes]. T.1, Ch.2. Moscow: Medicina.

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: 1939 – 1945 гг.*

Владимир Исупов^{1, **}, Надежда Коробейникова¹, Михаил Семенов¹

В статье рассматриваются особенности демографических процессов в Западной Сибири во время Великой Отечественной войны. К ним относятся резкие изменения численности и структуры населения, обусловленные мобилизацией в армию и развернувшимися в годы войны миграционными процессами, прежде всего эвакуацией. Основными детерминантами пространственных перемещений людей в этот период стали военно-политические факторы. Государственный контроль над территориальными перемещениями людей был резко усилен. За время войны резко сократилась численность сельского населения, но количество горожан за счет притока мигрантов возросло, в результате чего выросла доля городского населения региона, произошла его квазиурбанизация. Вследствие изменений структуры населения и общего ухудшения условий жизни значительно снизилась рождаемость, что стало главной причиной естественной убыли населения в 1942–1944 гг. Смертность же, после повышения в первые годы войны, с 1943 г. стала снижаться, общий коэффициент смертности в 1945 г. был более чем вдвое ниже, чем в 1941. Важнейшую роль в этом снижении сыграла система здравоохранения.

Ключевые слова: численность населения, половозрастной состав, смертность, рождаемость, брачность, Западная Сибирь, Вторая мировая война.

ВВЕДЕНИЕ

Совокупность демографических знаний о таком периоде российской истории, как годы Второй мировой войны, позволяет выявить основные тенденции развития общества в контексте социальной, ментальной, политической и экономической турбулентности, ставшей характерной чертой этого непростого этапа. Однако в масштабах огромной страны, которая в военные годы включала в себя и оккупированные территории, и регионы, ставшие театром военных действий, и тыловые районы, усреднение базовых показателей приводит к методологическим искажениям и заставляет исследователя углубляться в изучение региональной специфики, о чем свидетельствует выход в свет большого количества работ, посвященных развитию народонаселения в 1940-е годы. Западносибирский регион стал уникальным примером демографической динамики в тыловых районах в условиях острого кризиса общества, превратившись в импровизированную экспериментальную площадку выживания как для местных жителей, так и для многочисленных эвакуантов и беженцев. В контексте данной проблематики особую остроту приобретают такие вопросы, как общие показатели естественного движения населения, а также его ключевые факторы.

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Россия).

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ «Людской потенциал Сибири в условиях системной трансформации российского общества в XX веке», № 16-01-00412.

** E-mail: vladimir_2004_@mail.ru

К сожалению, в рамках одной статьи трудно осветить все проблемное поле развития населения в Западной Сибири в военные годы, поэтому нами были выделены основные вопросы, такие как воспроизводство населения, а также такие специфические процессы, во многом определявшие эти показатели, но в годы войны подвергшиеся значительным искажениям, как брачно-семейные отношения и развитие здравоохранения в контексте борьбы за нормализацию эпидемиологического фона.

В настоящей статье наше внимание сосредоточено на Западной Сибири, в динамике населения которой в концентрированном виде нашли отражение все основные тенденции демографической истории России в 1939–1945 гг. Это регион, который стал одной из главных строительных площадок первых пятилеток и в то же время служил местом заключения для многих тысяч людей. Перед началом Второй мировой войны в состав Западной Сибири включались Алтайский край, Новосибирская и Омская области (по административно-территориальному устройству 1939 г.). Таким образом, регион вбирал в себя типично сельскохозяйственные районы (Алтайский край, юг Новосибирской и Омской областей) в сочетании с индустриально развитым, высоко урбанизированным Кузбассом (территория современной Кемеровской области, выделившейся из состава Новосибирской области в 1943 г.).

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В 1939 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 Г.

Во Вторую мировую войну население Западной Сибири вступало с положительным приростом населения. Данные, представленные в таблице 1, показывают, что за период с 17 января 1939 г. по 1 января 1941 г. численность населения региона выросла в абсолютном выражении почти на 340 тыс. человек, превысив в конце 1939 – начале 1940 г. девятимиллионный рубеж. Темпы роста численности населения региона в 1939–1941 гг., по сравнению с предшествующим периодом, несколько увеличились. Если в 1926–1937 гг. среднегодовые темпы роста населения Западной Сибири составляли 1,8%, а в 1937–1939 гг. – около 1%, то в 1939–1941 гг. – 1,9%.

Таблица 1. Численность населения Западной Сибири в 1939–1941 гг. *

Дата	Тыс. человек			Соотношение городского и сельского населения, %	
	все население	городское население	сельское население	городское	сельское
17.01.1939 г. **	8927,3	2581,8	6345,5	28,9	71,1
01.01.1940 г. ***	9097,3	2730,3	6367,0	30,0	70,0
01.01.1941 г. ***	9266,6	2792,6	6474,0	30,1	69,9
1941 г. в % к 1939 г.	103,8	108,2	102,0	-	-

Источник: Расчеты авторов на основе: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 241: 30, 53; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед.хр. 226: Л. 3; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед.хр. 311: 3; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед.хр. 313: Л. 3.

*Примечания: * – В границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству 1941 г.; ** – перепись 1939 г.; *** – оценка ЦСУ Госплана СССР.*

Важной позитивной характеристикой трансформации людского потенциала Западной Сибири в 1939–1941 гг. стал перелом тренда численности сельского населения. После демографической «бури» начала – середины 1930-х годов, вызванной индустриализацией, коллективизацией и голодом, численность сельского населения вновь стала увеличиваться. В 1939–1941 гг. сельское население региона увеличилось на 2% (таблица 1), что в абсолютном выражении составило почти 129 тыс. человек.

В основе роста численности сельского населения региона лежали, главным образом, высокая рождаемость, обусловленная значительной инерционностью демографических процессов, и как следствие – очень высокие показатели естественного прироста. Миграционный прирост сельского населения Западной Сибири, как и прежде, характеризовался отрицательными величинами. Из деревни уезжало больше людей, чем приезжало. Но масштабы бегства жителей деревни в города сократились. Определенную роль в преодолении миграционного хаоса играла общая стабилизация социально-экономической ситуации. Большое значение имели мероприятия административного характера, сдерживающие отток жителей деревни в города. Ещё в декабре 1932 г. в СССР были введены паспортный режим и система прописки, которые были значительно ужесточены в 1940 г. Промышленные предприятия пытались внедрить систему организованного набора рабочей силы. Эти меры фактически означали прикрепление колхозников к колхозам, но объективно способствовали и некоторому упорядочению миграционных потоков. Соответственно повышенный естественный прирост компенсировал отрицательное сальдо миграции сельского населения. И если в годы первой и второй пятилеток отток жителей села в города полностью поглощал весь естественный прирост, то теперь кое-что оставалось для обеспечения численного роста жителей деревни.

Некоторую компенсирующую роль играло и плановое сельскохозяйственное переселение в Западную Сибирь из европейской части СССР, которое после длительного перерыва было возобновлено в мае 1939 г. В 1940 г. в Западную Сибирь прибыло 222 тыс. переселенцев [Платунов 1976: 238]. Кроме того, в регион продолжали прибывать десятки тысяч депортированных граждан. К 1 января 1940 г. число состоящих на учете западносибирских комендатур спецпоселенцев (в основном бывших кулаков) превысило 240 тыс. человек [Земсков 2005: 40–41]. В 1940 г. в СССР была проведена «зачистка» погранзоны, вследствие которой в Алтайский край было решено переселить 1743 немца, поляка, грека, китайца и корейца [Земсков 2005: 83]. В 1940–1941 гг. в Советском Союзе было осуществлено несколько крупных депортаций поляков. В Западную Сибирь к 1 апреля 1941 г. было депортировано почти 40 тыс. спецпоселенцев-поляков [Земсков 2005: 85]. В мае – июне 1941 г. власти организовали выселение «антисоветского элемента» из Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии, из которых 48 тыс. человек оказались в Западной Сибири [Земсков 2005: 90–91]. Таким образом, спецпоселенцы играли значительную роль в наращивании людского потенциала западносибирского региона. По крайней мере, они частично нейтрализовали отток местных сельских жителей в города. Вместе с тем подобную ситуацию можно уподобить «тришкиному кафтану». Западная Сибирь действительно приобретала население, но районы первоначального проживания депортированных его теряли.

На фоне повышения темпов роста численности сельского населения, темпы роста числа горожан Западной Сибири в 1939–1941 гг. несколько замедлились в сравнении с периодом первых пятилеток. Исходная масса горожан была уже достаточно велика. Это само по себе отражалось на скорости роста их численности. Но главная причина состояла в том, что теперь сельское население выделяло для города меньше мигрантов, чем раньше. Сталинская технология «индустриальной бури и натиска», характерная для первой и второй пятилеток, если и не исчерпала себя полностью, то применялась ограниченно. Освоение уже построенных фабрик и заводов требовало меньшего количества рабочих рук, чем их строительство.

Отметим, однако, незавершенность процессов урбанизации в Западной Сибири, что отражало незаконченность самого процесса индустриализации. Хотя уровень урбанизированности региона к началу 1941 г. по отношению к 1939 г. несколько повысился, большая часть сибиряков по-прежнему продолжали жить в сельской местности. Почти 70% сибиряков проживали в деревне и так или иначе были связаны с аграрным производством. Особенно низким уровень урбанизированности оставался в преимущественно аграрном Алтайском крае. Здесь в январе 1941 г. доля горожан составляла всего 18%. Несколько выше был уровень урбанизированности Омской области, где он достигал 21%. В Новосибирской области (главным образом за счет Кузбасса) перед началом Великой Отечественной войны доля городского населения повысилась до 43%¹. В самом Кузбассе удельный вес городского населения на начало 1941 г. приближался, по-видимому, к 60%. Самыми крупными городами Западной Сибири в январе 1941 г. по-прежнему оставались Новосибирск (451 тыс. жителей), Омск (301 тыс.), Сталинск (178 тыс.), Барнаул (165 тыс.), Томск (149 тыс.), Кемерово (143 тыс.), Прокопьевск (115 тыс.)².

В 1940 г. было отмечено резкое падение рождаемости, общий коэффициент рождаемости упал по отношению к 1939 г. более чем на 10% (таблица 2). Таким образом, демографическая подсистема Западной Сибири в 1940 г. вступила в качественно новую стадию развития. К этому времени полностью исчерпал себя такой резерв повышения рождаемости, как запрет абортов, который был введен в 1936 г. Но женщины быстро приспособились к запретительным мерам. Страну охватила эпидемия подпольных абортов. Но самым главным фактором, отрицательно воздействовавшим на динамику рождаемости, стали причины скорее военно-политического, чем демографического характера. Основную роль играла форсированная подготовка страны к войне. Численность Красной армии после принятия 1 сентября 1939 г. «Закона о всеобщей воинской обязанности» стремительно нарастала. Отток мужчин бракоспособного возраста в армию означал временный, а в случае их гибели (боевые действия на озере Хасан, реке Халхин-Гол, в Западных Украине и Белоруссии, в советско-финляндской войне) – окончательный разрыв брачно-семейных отношений, а также резкое снижение числа потенциальных женихов. Число зарегистрированных браков уменьшалось. Если в 1938 г. на 1000 жителей Западной Сибири было зарегистрировано 10,8 брака, то в 1940 г. – всего 4,4 брака³ – снижение за 1938–1940

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 241: 53.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 241: 50.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 124: 1, 25, 41, 64, 72, 138, 158.

гг. более чем в 2 раза. Снижение уровня брачности наблюдалось на всей территории региона, но в городских поселениях оно происходило не столь резко.

Таблица 2. Воспроизводство населения Западной Сибири в 1938–1940 гг.

Год	Рождаемость		Смертность	
	число родившихся, тыс. человек	общий коэффициент рождаемости, ‰	число умерших, тыс. человек	общий коэффициент смертности, ‰
1938 *	364,0	40,8	179,7	20,1
1939 *	374,7	42,0	179,1	20,1
1940 **	343,6	36,9	191,9	20,3
1940 г. в % к 1938 г.	94,4	90,4	106,8	101,0
1940 г. в % к 1939 г.	91,7	87,9	107,1	101,0

Источник: Расчеты авторов на основе: [Вестник статистики 1965: 88 – 89]; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Ед.хр. 332: 9 об., 19, 74 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 124: 1 – 160.

*Примечания: * – По административно-территориальному устройству соответствующих лет; ** – по административно-территориальному устройству послевоенных лет.*

Колебания брачности в условиях слитности брачного и репродуктивного поведения немедленно отражались на рождаемости. Исполняющий обязанности начальника Красноярского статистического управления Донской и начальник сектора населения и здравоохранения Каплун в докладной записке в Отдел демографии ЦСУ СССР 3 июня 1941 г. подчеркивали: «На снижение рождаемости оказало влияние и то обстоятельство, что во второй половине 1939 г. и в первой половине 1940 г. имели место события на МНР, в западных областях Украины и Белоруссии и в Финляндии. Вследствие чего значительная часть мужского населения нашего края длительное время отсутствовала, что, конечно, оказало некоторое действие на рождаемость в сторону её снижения»⁴.

Одновременно в 1940 г. в Сибири дала о себе знать тенденция к повышению смертности. Она была обусловлена заметным ухудшением условий материального обеспечения жителей как городов, так и сельской местности. В результате естественный прирост в 1940 г. по отношению к 1939 г. сократился. Это значит, что в так называемый «предвоенный» период Сибирь втянулась в демографический кризис, который перерос в демографическую катастрофу периода Второй мировой войны.

Численность населения, 1941–1945 гг.

Великая Отечественная война, кардинально изменившая условия развития населения Сибири, резко усилила воздействие факторов пертурбационного характера на демографическую подсистему общества. Военные годы также характеризовались рассогласованием социальных механизмов, регулирующих развитие народонаселения СССР. В итоге война исказила все без исключения демографические показатели. Прежде всего, это отразилось на динамике численности населения страны и её отдельных регионов.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед.хр. 1871: 173.

Для военных лет была характерна крайне неровная, а в определенном смысле хаотичная динамика численности населения Западной Сибири (таблица 3). Если в начале войны (с 1 июня 1941 г. по 1 января 1942 г.) численность населения Сибири росла, что было обусловлено притоком эвакуированных, то после 1942 г. и вплоть до мая 1945 г. она только сокращалась. Самое значительное снижение произошло в 1943 г., после чего темпы падения численности населения региона несколько замедлились, но преодолеть это падение не удалось до самого конца войны. Доминирующей тенденцией для всего периода было сокращение населения региона, с 1 июня 1941 г. по 1 мая 1945 г. его численность сократилась почти на 12%.

Влияние пертурбационных факторов в сельской местности ощущалось значительно сильнее, чем в городах. Из таблицы 3 видно, что за период с 1 января 1941 г. по 1 сентября 1945 г. численность сельского населения Западной Сибири сократилась в 1,3 раза, что в абсолютном выражении составило почти 1,5 млн человек. При этом в 1941–1942 гг. число жителей западносибирской деревни за счет притока эвакуированных выросло на 3% (на 216 тыс. человек), а в 1942–1945 гг. – сократилось сразу на 25% (на 1674 тыс. человек).

Таблица 3. Численность населения Западной Сибири в 1941–1945 гг.

Дата	Тыс. человек.			Соотношение городского и сельского населения, %	
	все население	городское население	сельское население	городское	сельское
1 января 1941 г.	9266,6	2792,6	6474,0	30,1	69,9
1 января 1942 г.	9921,4	3231,0	6690,4	32,6	67,4
1 января 1943 г.	9632,5	3423,4	6209,1	35,5	64,5
1 января 1944 г.	9069,3	3517,1	5552,2	38,8	61,2
1 мая 1945 г.	8541,9	3517,8	5024,1	41,2	58,8
1 сентября 1945 г.	8536,7	3520,3	5016,4	41,2	58,8
1 сентября 1945 г., % к 1 января 1941 г.	92,1	126,1	77,5	-	-

Источник: Расчеты авторов на основе: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 241: 53 – 54; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 403: 40 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 404: Л. 3; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 405: Л. 2; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 564: 2 об., 60 об.

Примечания: По административно-территориальному устройству текущих лет. Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей.

Основным фактором, предопределившим сокращение численности сельского населения, были масштабные призывы и мобилизации мужского контингента в армию (в сельской местности в отличие от городов почти отсутствовала система брони для специалистов). Заметную роль играл отток населения, мобилизованного на работу в промышленность, на транспорт и стройки, а также молодежи, привлеченной к учебе в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах. Существенное значение имело стихийное перемещение части жителей деревни в городские поселения. Отрицательно отражались на численности сельского населения региона административные преобразования сельских населенных пунктов в городские. Нельзя не учитывать и сокращение показателей естественного прироста (смертность в 1942 – 1944 гг. превышала рождаемость), а также активные реэвакуационные процессы.

Сокращение численности сельского населения раскрывает «секрет» бурного, на первый взгляд, роста уровня урбанизации Западной Сибири в 1941–1945 гг. Удельный вес горожан в регионе повысился с 30,1% на начало 1941 г. до 41,2% на середину 1945 г. (таблица 3). Такое положение, однако, было обусловлено не столько увеличением численности горожан, сколько сокращением количества сельских жителей. Подобного рода «квазиурбанизация», несомненно, предопределялась аномальным влиянием факторов военного времени.

Соотношение темпов роста и сокращения численности городского и сельского населения, в конечном итоге, обусловила и эволюцию численности всего населения Западной Сибири. Для СССР первой половины XX века сокращение сельского населения явление достаточно обыденное, поскольку промышленный рост стимулировал миграции из деревни в город. Но в период «нормального», мирного развития количественное уменьшение сельского населения сопровождалось более быстрым ростом числа горожан и в то же время тормозилось высоким естественным приростом. В результате общая численность населения, как правило, возрастала. В годы войны ситуация была принципиально иной. Число жителей деревни очень резко сократилось. Естественный прирост характеризовался в основном отрицательными величинами. В результате факторы, в мирные годы способствующие компенсации падения численности сельского населения, не действовали. К тому же большинство выбывающих жителей деревни перемещались не в города, а в армию, т.е. за пределы региона. В итоге общая численность населения Западной Сибири с 1 января 1941 г. и до завершения Второй мировой войны (до 1 сентября 1945 г.) сократилась на 7,9%. В абсолютном выражении это составило 729,9 тыс. человек (таблица 3).

Негативное влияние войны отразилось не только на численности, но и на составе населения. Ещё в довоенные годы в СССР, в том числе и в Сибири, сформировался дисбаланс полов, который в годы Великой Отечественной войны достиг наибольшего напряжения. Число и удельный вес женщин значительно превышали число и удельный вес мужчин. Так, в сельской местности Западной Сибири на 1 января 1943 г., согласно данным сельсоветского учета, доля мужчин в возрастной группе 18–24 года составляла менее 19%, на 1 января 1945 г. – 21%, в возрастной группе 25–49 лет – соответственно 20,4 и 20,2% [Исупов 2008: 102].

Основным источником формирования глубоких диспропорций в составе населения Сибири по полу, как и по всей стране, была массовая мобилизация мужчин в армию, флот, пограничные и внутренние войска, а также гибель военнослужащих в ходе боевых действий. Как известно, призыв военнообязанных в Сибирском военном округе был развернут по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г [Великая Отечественная... 1985: 452]. Фронтовые соединения Красной армии из-за огромных боевых потерь убитыми, ранеными и пленными требовали все новых пополнений. В этой связи Государственный комитет обороны 10 августа 1941 г. принял постановление о проведении дополнительной массовой мобилизации военнообязанных [Великая Отечественная... 1985: 452]. К 1 декабря 1941 г. в Сибири было призвано в армию свыше 1843 тыс. человек, что составило 66% от числа мужчин призывного возраста 18–45 лет. Западная Сибирь до конца

1941 г. отдала вооруженным силам страны 1057 тыс. человек⁵. Поскольку в сельской местности система бронирования практически отсутствовала, удельный вес мобилизованных в деревне был значительно выше, чем в городе. Если в городе удельный вес призванных в армию к декабрю 1941 г. составлял 52% мужчин призывного возраста, то в деревне – свыше 75%⁶.

Отметим еще одну характерную для Сибири особенность мобилизации призывного контингента в армию. Поскольку в регионе уровень урбанизированности (за исключением Кузбасса) был ниже, чем по России в целом, Сибирь отдала в Вооруженные силы страны (в относительном выражении) особенно много людей. Всего за 4 года войны (1941 – 1945 гг.) в Сибирском военном округе было мобилизовано свыше 2621 тыс. человек [Население России... 2001: 33].

Глубокие негативные изменения, происшедшие в структуре и численности населения Сибири, послужили серьезными факторами мощных демографических девиаций, отчетливо фиксируемых статистикой в 1941–1945 гг. Обратимся прежде всего к анализу воспроизводственных процессов.

Как видно из таблицы 4, в динамике смертности населения Сибири четко выделяются два периода: подъема смертности в 1941–1942 гг. и ее резкого спада ниже показателей довоенных лет в 1943–1945 гг.

Таблица 4. Рождаемость и смертность населения Сибири в годы Великой Отечественной войны, на 1000 человек *

Год	Рождений	Смертей	Естественный прирост (убыль)
1941	33,2	21,2	+12,0
1942	22,0	26,0	-4,0
1943	12,5	18,4	-5,9
1944	12,1	12,9	-0,8
1945	15,6	9,0	+6,6

Источник: Расчеты авторов на основе: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 251: 75–76, 87–88, 126–127, 153–154, 156–157, 192–193, 204–205; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 418: 28–29, 35–36, 63–64, 96–97, 99–100, 135–136, 149–150, 187–188; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 501: 49–50, 55–56, 98–99, 107–108, 144–148, 183–184, 189–190, 199–200, 211–212, 244–245; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 577: 52–53, 58–59, 104–105, 119–120, 156–158, 160–161, 195–196, 201–202, 211–212, 223–224; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 21: 7 об – 8; ИсаОО. Ф. 2122. Оп. 1. Ед.хр. 1136: 92 об.; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 4. Ед.хр. 157: 7, 53, 77; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 4. Ед.хр. 197: 24.

*Примечание: * – По территории Западной и Восточной Сибири.*

СМЕРТНОСТЬ , 1941–1945 гг.

Если повышение смертности при резком ухудшении условий жизни населения, активизации миграционных процессов выглядит вполне ожидаемым, то такое парадоксальное явление, как сокращение смертности населения тыловых районов страны,

⁵ РГАЭ. Ф. 4372: 55.

⁶ РГАЭ. Ф. 4372: 55.

ведущей самую тяжелую в своей истории войну, заставляет уделить этому парадоксу самое пристальное внимание.

В основе повышенной смертности населения Сибири в 1942 г. лежали причины экзогенного происхождения, обусловленные ухудшением условий жизни, питания, санитарного обеспечения и медицинского обслуживания. Ведущее место среди них занимали туберкулез, воспаление легких и совокупность желудочно-кишечных заболеваний (гемоколит, гастроэнтероколит, токсическая диспепсия, дизентерия). Огромный вклад в повышение смертности вносили детские инфекционные заболевания: скарлатина, корь, дифтерия. Большую опасность для населения Сибири представляли сыпной и брюшной тиф, а также паратиф.

В период 1943–1945 гг. наблюдается принципиально иная структура смертности населения. Так, по Алтайскому краю к 1945 г. доля смертности от желудочно-кишечных заболеваний сократилась в сравнении с 1942 г. с 13, до 3,6%; тогда как доля туберкулеза выросла с 14,1 до 20%⁷; доля болезней сердца возросла соответственно с 12,3 до 16,7% [Исупов 2008: 139].

Схожие изменения произошли и в структуре детской смертности. В Новосибирской области в 1941 г. от желудочно-кишечных заболеваний умирало 33% младенцев, от воспаления легких – 28,2%, от острых детских инфекций – 10,8%, от врожденной слабости и пороков развития – 4,6%. В 1945 г. умирало от желудочно-кишечных болезней 20,6 %, от болезней органов дыхания (в том числе туберкулеза) 33,1%, от острых детских инфекций 5,9%, от врожденной слабости и пороков развития 10%⁸.

Таким образом, в 1943–1945 гг. структура смертности населения качественно изменилась. Значение желудочно-кишечных и других инфекционных заболеваний в формировании смертности сокращается в несколько раз. Из основных причин смертности населения они превращаются во второстепенные.

Опираясь на вышеизложенные замечания, попытаемся реконструировать процессы, обуславливавшие динамику смертности в военные годы. Показатели смертности обрели тенденцию к повышению с первых же недель войны. Если в июне 1941 г. в городах Сибири уровень смертности составлял 20,4‰, то в июле – 24,6‰, в сельской местности – соответственно 17,0 и 21,3‰. В значительной степени рост уровня смертности летом 1941 г. можно отнести за счет её сезонных колебаний, которые были типичны для СССР в первой половине XX века вследствие неизбежных в то время летних подъемов желудочно-кишечной заболеваемости. С приходом холодов желудочно-кишечные болезни отступали и смертность, как правило, снижалась. Об этом свидетельствует, в частности, общее снижение смертности в регионах Западной Сибири в сентябре 1941 г. Так, в Алтайском крае смертность в сентябре снизилась по сравнению с августом на 4,2 ‰, в Новосибирской области – на 2,2‰, в Омской области – на 2,4‰ [Исупов 2008: 112]. Однако этот едва наметившейся тренд был вскоре перекрыт воздействием негативных факторов военной поры (резким ухудшением условий жизни, увеличением социально незащищенных групп

⁷ ГААК Ф. Р-762: 9.

⁸ ГАНО Ф. Р-29. Оп. 1. Ед.хр. 244: 8; ГАНО Ф. Р-1682. Л.13.

населения, неблагоприятным для эпидемической обстановки воздействием эвакуации и др.), и обычного снижения смертности в осенне-зимний период не произошло.

Определяющей причиной подъема смертности в этот период был взрывной рост заболеваемости населения, причиной которой послужили усилившиеся миграционные процессы и прежде всего – эвакуация. Повышенная контактность в пути, антисанитария, слабая организация медицинского обслуживания в дороге создали благоприятные возможности для распространения различного рода инфекций. Мощность протекания эпидемического процесса во время транспортировки граждан была колоссальной.

Государство пыталось нейтрализовать действие этой угрозы. В ведение специально созданных для обслуживания эвакуации учреждений – эвакуопунктов, входило и медико-санитарное обслуживание: выявление и изолирование всех больных и подозрительных с острозаразными заболеваниями; осуществление санитарно-профилактических мероприятий (дезинфекция); прививки против желудочно-кишечных и инфекционных заболеваний [Во имя Победы... 2005: 288]. К сожалению, в силу ряда причин, прежде всего новизны поставленных задач, недостаточного материально-технического обеспечения, а также нехватки приспособленных помещений они не смогли организовать в достаточной мере санитарное обслуживание эвакуированных, прежде всего санитарную обработку. Так, даже в январе 1942 г. такой крупный эвакуопункт, как новосибирский, из поступивших 21 353 эвакуированных смог провести санитарную обработку лишь 6026, то есть 28% [Во имя Победы... 2005: 210–211].

О ситуации с заболеваемостью можно судить по таблице 5.

Таблица 5. Заболеваемость населения Западной Сибири в 1940 – 1945 гг., количество случаев

Вид инфекции	Год						Итого
	1940	1941	1942	1943	1944	1945	
Сыпной тиф	2 442	4 637	16 598	14 657	24 019	14 147	74 058
Брюшной тиф	4 788	4 783	15 215	13 510	7 048	8 299	48 855
Дизентерия	20 760	20 025	27 157	17 886	6 845	4 937	76 830
Дифтерия	5 737	6 105	11 469	9 433	5 778	4 469	37 254
Скарлатина	7 839	11 879	18 464	5 642	4 323	13 130	53 438
Корь	59 547	62 791	42 501	8 077	17 584	44 654	175 607

Источник: [Семенов 2015: 235].

Как видим, в 1941–1942 гг. происходит увеличение распространения большинства инфекций в несколько раз, следствием чего и явилось увеличение общего коэффициента смертности населения Сибири в 1941–1942 гг. на 21,5%.

На фоне увеличения общих коэффициентов смертности обращает внимание особенно резкий рост показателей младенческой смертности. Только в Западной Сибири в июне 1941 г. на 1000 родившихся умерло 209 детей в возрасте до 1 года, в июле – 326, в августе – 379 детей [Исупов 2008: 115]. Особенно внушительных величин показатели младенческой смертности достигли летом 1942 г., когда трагически совпало влияние двух негативных факторов: климатического (константного) и военно-политического (ситуационного). С одной стороны, очевидна полная зависимость младенческой смертности от обычных для того времени сезонных колебаний желудочно-кишечной

заболеваемости (типичное летнее повышение). С другой, - на динамику младенческой смертности мощное повышающее воздействие оказали пертурбационные факторы войны. В итоге младенческая смертность достигла катастрофических величин. В июне 1942 г. коэффициент младенческой смертности повысился до 522‰, в июле – до 612‰ [Исупов 2008: 115]. Это значит, что погибало свыше 60 младенцев из каждых 100 родившихся. Никогда ранее Сибирь не знала столь высоких показателей младенческой смертности.

В конце 1942 – начале 1943 г. демографическая подсистема Сибири вступила в качественно новую стадию развития. С этого времени уровень смертности населения тыловых районов СССР стал быстро сокращаться. В 1945 г. общий коэффициент смертности гражданского населения Сибири понизился по отношению к 1942 г. почти в 3 раза (таблица 4). Уже в 1943 г. показатели смертности были заметно ниже, чем в 1940 г. Если в 1940 г. общий коэффициент смертности в Сибири составлял 20,1‰ [Исупов 1992: 188], то в 1943 г. – 18,4‰ (таблица 5). Столь бурный процесс сокращения показателей смертности был во многом обусловлен снижением младенческой смертности. Так, в Западной Сибири в течение 1942–1945 гг. коэффициент детской смертности сократился более чем в 4 раза, в том числе в городах – почти в 4 раза, в сельской местности – почти в 5 раз [Исупов 2010: 76].

Причины такого явления многообразны. Позитивную роль сыграл целый комплекс факторов социокультурного, политического и демографического характера. Сложившаяся в 1941–1942 гг. эпидемическая ситуация в тылу вызывала серьезную обеспокоенность властей. Рост инфекций, перераставших по некоторым видам заболеваний в эпидемии, являли собой угрозу как укомплектованию армии личным составом, так и военному производству. Число людей, не подлежавших воинским и трудовым мобилизациям из-за состояния здоровья, а также потери рабочего времени в связи с утратой трудоспособности стремительно нарастали. Так, по заводу №166 (Омск) в 1942 г. временная нетрудоспособность на 100 работающих составляла по гриппу 180 дней, по гнойничковым заболеваниям кожи 67 дней, по туберкулезу легких 34 дня, по острым желудочно-кишечным болезням 117 дней⁹.

Выстраивая социально-демографическую политику, властные органы исходили из того неоспоримого факта, что кардинально изменить в лучшую сторону условия труда и быта людей в военные годы невозможно. Война, таким образом, вынудила власти реализовать целый комплекс мероприятий, направленных на предотвращение распространения инфекций и излечение уже заболевших граждан.

В 1943–1945 гг. произошел резкий рост финансирования здравоохранения. Так, в Алтайском крае за годы войны финансирование здравоохранения выросло с 49,8 млн рублей в 1941 г. до 77,6 млн рублей в 1945 г.¹⁰ Расширилась сеть медицинских учреждений, в частности противэпидемических. Если в 1941 г. на территории современных Новосибирской, Кемеровской, Томской областей насчитывалось 14 санэпидстанций, то в

⁹ ИсАОО. Ф. 1143: 55.

¹⁰ ГААК. Ф. Р-726: 10.

1945 г. – 71 санэпидстанция¹¹. Большое значение имело внедрение прогрессивных методов лечения, использование новых лекарственных средств, в том числе таких мощных, как сульфаниламид.

Несмотря на неблагоприятную эпидемическую обстановку, в годы войны резко снизилась заболеваемость по болезням желудочно-кишечного тракта (брюшной тиф, дизентерия, острые гастроэнтероколиты, токсическая диспепсия и др.). Для того чтобы понять их динамику в целом, рассмотрим их движение в двух регионах, значительно отличающихся по социально-экономическим условиям: в Кемеровской области и Алтайском крае (таблица 6).

Из таблицы 6 видно, что общим направлением было ежегодное снижение. Следует отметить, что процесс этот начался еще в довоенные годы и во многом нивелировал возникшие в связи с войной негативные факторы. Рост числа заболеваний наблюдался лишь по дизентерии в 1942 г. За 1942–1944 гг. снизилась в 3–4 раза заболеваемость болезнями желудочно-кишечного тракта. Отмечаемое исследователями снижение числа детей (наиболее восприимчивых к болезням желудочно-кишечного тракта), а как следствие – снижение их контактности¹², по всей видимости, может рассматриваться лишь как второстепенный фактор, так как снижение числа болезней желудочно-кишечного тракта началось еще до войны и, следовательно, до уменьшения количества детей.

Таблица 6. Динамика заболеваемости болезнями желудочно-кишечного тракта населения в Алтайском крае и Кемеровской области, 1940–1945, число случаев

Вид болезни	Край, область	Год					
		1940	1941	1942	1943	1944	1945
Дизентерия	Алтайский	5 059	3 063	3 660	2 350	982	712
	Кемеровская	5 187	3 591	6 117	4 894	2 611	1 966
Токсическая диспепсия	Алтайский	3 700	2 737	1 761	706	316	287
	Кемеровская	–	–	1 595	603	473	636
Острый гастроэнтероколит у детей до 2-х лет	Алтайский	45 737	26 821	24 630	12 834	7 499	7 467
	Кемеровская	–	–	16 286	7 694	4 711	4 568

Источник: [Семенов 2015: 251].

Учитывая общий перелом, наступивший в эпидемических процессах болезней этой группы, можно предположить наличие единой действующей силы на тот или иной элемент эпидемического процесса. Следует отвергнуть возможность уменьшения слоя восприимчивого населения в результате вакцинации, так как дизентерия, давшая наиболее показательное снижение, имела крайне неэффективную вакцину, не способную его обеспечить. Не произошло в годы войны и кардинального улучшения санитарного благоустройства и санитарного контроля, способного нарушить механизм передачи возбудителей инфекций в масштабах, соответствующих подобному спаду.

¹¹ ГАНО Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 611: 4; ГАНО Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 1179: 9-13 об.; ГАКО Ф. Р-304. Оп. 1. Ед.хр. 162: 30-34 об.; ГАТО Ф. Р-1005: 5-9 об.

¹² Прямая зависимость между снижением числа детей и числа болезней не находит подтверждения, так как изменяются (снижаются) и относительные показатели заболеваемости на 10 тыс. человек, в том числе на 10 тыс. у детей до 2-х лет, что простым снижением числа детей объяснено быть не может.

По всей видимости, хорошо распознаваемые симптомы (понос, температура), которые служили достаточным основанием для госпитализации, привели к серьезному удару по резервуару этой группы инфекций. Косвенные признаки этого мы находим в изменении эпидемиологии этих болезней. Основной возбудитель дизентерии в 30-е годы (бактерия Григорьева-Шига) в годы войны фактически исчезает, уступая место бактерии Флесперса. Бактерия Флесперса вызывала дизентерию с более мягким течением и имела большие шансы быть перенесенной человеком без обращения к медикам, что позволило ей сохранить свою популяцию. Таким образом, меры, предпринимаемые советским здравоохранением, привели к значительному сокращению мощности эпидемического процесса. Сокращение заболеваемости естественно привело к снижению смертности населения от желудочно-кишечных болезней, что составляло одну из главных основ советского демографического чуда – снижения смертности тылового населения в годы войны в несколько раз.

Увеличение сети лечебных учреждений, приближение ее к населению, улучшение качества медицинского обслуживания, медикаментозного снабжения, внедрение передовых методов лечения привели также и к снижению летальности.

Таблица 7. Летальность в больницах Новосибирской области, в границах 1945 г., в процентах к общему количеству больных

	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Больницы в городах и рабочих поселках	5,5	3,3	2,2
Сельские больницы	3,0	2,4	1,6

Источник: ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Ед.хр. 183: 6 об.

Снижение происходило за счет инфекционных, терапевтических и общих отделений больниц, т.е. также имело в своей основе снижение летальности у больных острыми инфекционными и желудочно-кишечными заболеваниями¹³.

Благодаря сочетанию этих факторов, в течение 1943–1945 гг. показатели смертности от брюшного тифа, дифтерии, гемоколита, кори и коклюша снизились в 2 раза, от туберкулеза легких – в 1,9 раза, от воспаления легких – в 3,3 раза, от токсической диспепсии – в 3,7 раза, а от дизентерии – в 6 раз [Алексеев, Исунов 1986: 138].

В тоже время восприимчивость сибиряков к инфекциям, обусловленная низким уровнем жизни, оставалась крайне высокой. Поэтому, несмотря на огромные усилия медиков, заболеваемость рядом болезней продолжала оставаться высокой в течении всей войны. Бедствием военных лет оставался туберкулез – заболевание ярко выраженной социальной окраски. Смертность от туберкулеза, сосредоточившись в молодых и средних возрастных группах, в основном от 20 до 49 лет, уносила жизни самых работоспособных людей.

Таким образом, социально-демографическая политика государства принесла результаты. Она позволила на фоне нищенского уровня материального обеспечения тыловики, истощенности защитных сил человеческих организмов, неблагоприятной

¹³ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Ед.хр. 183: 6 об.

эпидемической обстановки снизить заболеваемость по ряду важнейших болезней путем повышения эффективности здравоохранения и максимального ужесточения санитарного контроля. Это наряду с понижением летальности привело к уменьшению показателей общей смертности более чем в 2 раза по сравнению с мирными, довоенными годами.

РОЖДАЕМОСТЬ В 1941–1945 ГГ.

Узловым элементом воспроизводства населения является рождаемость, которая в военные годы сократилась до предельно низких величин. Общий коэффициент рождаемости в Сибири (см. таблицу 4) в целом за годы войны (1941–1945 гг.) уменьшился более чем в 2 раза, в том числе в 1941–1942 гг. индекс рождаемости в регионе понизился в 1,5 раза, в 1942–1943 гг. – в 1,7 раза. В 1943–1944 гг., достигнув низшей точки, уровень рождаемости стабилизировался. Перелом тренда произошел только в 1945 г. С этого времени показатели рождаемости стали медленно увеличиваться. Но в целом за все годы Великой Отечественной войны, по прикидочным расчетам с использованием методики, предложенной известным советским демографом Б.Ц. Урланисом [1960], в Сибири родилось примерно на 1 млн детей меньше, чем это можно было ожидать гипотетически [Алексеев, Исупов 1986: 95].

Таблица 8. Рождаемость городского и сельского населения Западной и Восточной Сибири, число родившихся на 1000 человек населения

Год	Городские поселения	Сельские местности
1941	34,6	32,5
1942	23,8	19,8
1943	14,9	11,2
1944	16,2	10,1
1945	20,1	12,8
1945 в % к 1941	58,1	39,4

Источник: [Алексеев, Исупов 1986: 88].

В мирные годы, как правило, уровень рождаемости в сельской местности выше, чем в городах. Сельская семья в большей степени, чем городская, ориентирована на многодетность. Но война значительно деформировала процесс воспроизводства населения (см. таблицу 8) и, являясь мощным пертурбационным фактором, искажила естественный ход событий. Обычное для мирного периода соотношение рождаемости в городах и селах было грубо нарушено. В городах уровень рождаемости был выше, чем в деревне.

В сельской местности особенно резкими были и темпы падения рождаемости. В городах этот процесс протекал относительно плавно. В 1941–1945 гг. общий коэффициент рождаемости сократился в городских поселениях Сибири на 42%, тогда как в деревне почти – на 61% (таблица 8). Рождаемость в сельской местности снижалась так быстро, что уже в 1942 г. уровень рождаемости в городских поселениях заметно превышал аналогичные показатели по сельской местности. К тому же в городах перелом тренда рождаемости в сторону повышения произошел уже в 1944 г., тогда как в сельской местности – на год позднее. Помимо этого, в крупных городах рождаемость была выше, чем в целом по городским поселениям Сибири. И если в городах Сибири в целом в 1943 г. общий коэффициент рождаемости составлял 14,9‰, то в Сталинске – 17,2‰, в Прокопьевске –

18,0‰¹⁴. В Новосибирске в годы войны уровень рождаемости вообще не опускался ниже 19‰¹⁵.

Особенности динамики рождаемости в 1941–1945 гг., различия в рождаемости в городах и сельской местности, в крупных и небольших по численности населения городских поселениях определялись главным образом мощным воздействием внешних по отношению к демографической подсистеме факторов, обусловивших кардинальные девиации половозрастного состава населения. Уход женатых мужчин в армию означал временный, а в случае гибели бойца окончательный разрыв уже установившихся брачно-семейных отношений. Кроме того, война вызвала масштабный процесс овдовения женщин. Призыв в Красную армию молодых людей стал причиной снижения числа потенциальных женихов, что в свою очередь привело к резкому сокращению количества заключаемых браков.

В Сибири в 1942 г. по отношению к 1941 г. общий коэффициент брачности сократился в 2,2 раза (таблица 9). В 1943 г. общий коэффициент брачности понизился до минимальных за всю войну величин, что совпало с самой низкой точкой падения рождаемости. Это говорит о том, что структурные факторы, в частности дисбаланс полов, были одной из основных причин формирования демографической ямы военных лет. Медленное нарастание брачности началось только в 1944 г., когда в тыловых районах страны скопилось некоторое количество фронтовиков-инвалидов, комиссованных по состоянию здоровья из армии. Довоенный уровень брачности в Сибири был превышен только в конце 1945 г., когда развернулись процессы демобилизации.

Таблица 9. Брачность населения Сибири, 1941–1945, на 1000 человек населения*

Год	Браки			Разводы		
	городские поселения	сельская местность	всего	городские поселения	сельская местность	всего
1941	7,6	3,3	4,7	0,6	0,2	0,3
1942	3,4	1,8	2,7	0,6	0,2	0,3
1943	3,2	1,8	2,3	0,5	0,2	0,3
1944	4,9	2,6	3,6	0,4	0,2	0,3
1945	9,6	5,7	6,4	0,0**	0,0**	0,0**

Источники: [Алексеев, Исупов 1986: 101; Исупов 1991: 165].

Примечания: * – По административно-территориальному устройству соответствующих лет; ** – величина менее 0,1‰.

Отметим еще одну явно нетипичную для мирных лет характеристику брачности в военные годы. Уровень брачности в городах был выше, чем в сельской местности, поскольку города обладали некоторым «запасом» женихов. Здесь сосредотачивались тяжелые и добывающие отрасли экономики с трудившимися здесь забронированными мужчинами. В городах также располагались эвакогоспитали. Выздоровливавшие бойцы и офицеры Красной армии считались «завидными» женихами.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 4. Ед.хр. 157: 7.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 871: 3.

Изменения количественных параметров брачности сопровождались заметными структурными сдвигами. В условиях острого дефицита женихов процесс формирования семей существенно изменился, причем в сторону развития аномальных тенденций, не характерных для периода мирных лет. Рассмотрим эти процессы на материалах Западной Сибири (таблица 10).

Таблица 10. Возрастная структура женихов и невест в Западной Сибири, 1941–1943, %

Возраст женихов и невест, лет	1941 г.		1943 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Моложе 18	0,1	0,7	0,4	0,9
18 – 19	11,6	20,2	5,6	20,2
20 – 24	28,0	38,7	38,1	46,7
25 – 29	34,8	21,1	27,1	16,7
30 – 34	14,8	9,3	13,6	8,1
35 – 39	6,5	4,5	6,2	3,4
40 лет и старше	4,1	5,3	8,8	3,6
Возраст неизвестен	0,1	0,2	0,2	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Расчеты авторов на основе: ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 607: 63 – 63 об.; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 871: 22 – 22 об., 33 – 33 об.; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 4. Ед.хр. 157: 27 – 27 об.; ИсаОО. Ф. 2122. Оп. 1. Ед.хр. 1134: 95 – 95 об.; ИсаОО. Ф. 2122. Оп. 1. Ед.хр. 1137: 70 – 70 об.; ТА ГКС АК.

Прежде всего, укажем на сокращение доли женщин, выходивших замуж в возрасте старше 24 лет. Женская брачность переместилась в младшие возрастные группы до 24 лет. Девушки спешили оформить брак, пока «капризный» из-за своей дефицитности жених был согласен идти в загс. Вместе с тем женщины чаще, чем в мирное время, выходили замуж за ровесников. Увеличилось количество браков девушек с мужчинами значительно старше и младше себя.

Таблица 11. Число разводов в городах Западной Сибири в 1939-1945 гг., на 1000 человек населения

Год	Алтайский край	Омская область	Новосибирская область	Кемеровская область	Томская область	Тюменская область	Итого
1939	0,64	0,86	0,55	-	-	-	0,68
1940	0,71	1,25	0,83	-	-	-	0,93
1941	0,53	0,92	0,51	-	-	-	0,65
1942	0,51	0,89	0,49	-	-	-	0,63
1943	0,72	0,87	0,76	0,46	-	-	0,70
1944	0,52	0,86	0,55	0,35	0,65	0,79	0,62
1945	0,03	0,05	0,06	0,03	0,15	0,10	0,07

Источник: Расчеты авторов на основе: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Ед.хр. 455: 1, 24.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Ед.хр. 39: 3, 5.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Ед.хр. 40: 3.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Ед.хр. 77: 3, 69, 73.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Ед.хр. 176: 2, 62.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Ед.хр. 225: 3, 36, 82.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Ед.хр. 293: 3, 81.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Ед.хр. 294: 11, 69, 76.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Ед.хр. 380: 2, 75, 127, 178, 182.; ГАНО Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 607: 18, 51.; ГАНО Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 736: 2, 4, 21.; ГАНО Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 871: 26, 27.; ГАНО Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 992: 19, 20.

Изменилось и брачное поведение мужчин. Переизбыток невест привел к заметному увеличению доли сверххранних браков мужчин. Брачность юношей в возрасте моложе 18 лет повысилась сразу в 4 раза. Вместе с тем более чем удвоился удельный вес «женихов» в

возрасте старше 40 лет. Тыловики старших возрастов получили возможность брать в жены молодых девушек. Девиации в брачном поведении мужчин и женщин свидетельствуют, что институт семьи в военные годы переживал кризис.

Общий коэффициент разводимости в военные годы вплоть до конца 1944 г. сохранялся без каких-либо существенных изменений. Но это не значит, что семьи были крепкими. Подавляющее большинство мужчин находились в армии. Это делало оформление развода невозможным. Все разводы приходились на немногочисленную когорту мужчин, оставшихся в тылу. Исходя из этого, вполне реально предположение, что количество распавшихся семей в 1941–1944 гг. увеличилось. Но фактический развод не регистрировался и, следовательно, не попадал в статистическую отчетность. Аномально крутое падение индекса разводимости статистически фиксируется только в 1945 г. Он понизился сразу до величины менее 0,1‰ (таблица 11). Снижение показателя разводимости было очевидным результатом административных решений советского правительства, не учитывавших сложную ситуацию на брачном рынке. Президиум Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [Сборник законов... 1968: 409–417]. Процедура развода была резко усложнена. Отныне развод производился только через суд, публично, с привлечением свидетелей. Эти требования были обязательными даже при обоюдном согласии супругов, отсутствии у них детей и имущественных споров. Число официально оформленных разводов в 1944–1945 гг. действительно сократилось. Но количество распавшихся семей от этого не уменьшилось. Как правило, муж и жена де-факто жили раздельно, но не оформляли развод де-юре.

Президиум Верховного Совета СССР, издав указ от 8 июля 1944 г., в сущности, поощрял внебрачное сожитие. Указ отменил право женщины на обращение в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. Отныне советское брачно-семейное законодательство признавало только официально зарегистрированный брак. Установление отцовства в отношении ребенка, родившегося вне зарегистрированного брака, не допускалось даже в случае, если мужчина добровольно признавал себя отцом. Детям, родившимся вне брака, в свидетельстве о рождении в графе «отец» ставился прочерк. Мужчины, освобожденные от алиментных обязательств, могли вступать во внебрачные отношения без каких-либо последствий. В условиях острого «дефицита женихов» внебрачное сожитие не могло не получить широкого распространения.

Число внебрачных рождений во втором полугодии 1944 г. резко увеличилось. Так, в Кемеровской области во втором полугодии 1944 г. по отношению к первому полугодью этого года количество внебрачных детей выросло более чем в 8 раз¹⁶. В Томской области в 1945 г. число детей, в метрических свидетельствах которых отсутствовала запись об отце,

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 4. Ед.хр. 157: 33 об. – 34 об.

достигло 2,3 тыс.¹⁷, а в Новосибирской области (без Новосибирска) – 7,6 тыс.¹⁸. В Алтайском крае в 1945 г. прочерк в графе «отец» поставлен в свидетельствах о рождении 8,4 тыс. младенцев¹⁹. Однако компенсировать огромные военные потери, прибегая к административным и фактически аморальным технологиям, было невозможно.

Итак, в годы Великой Отечественной войны на передний план в детерминации демографических процессов выступили структурные факторы. Однако было бы ошибочно связывать падение рождаемости в военные годы исключительно с деформациями половозрастного состава населения. Анализ архивных документов подтверждает, что в тех семьях, где брачные связи не прерывались, количество родившихся детей сократилось. Репродуктивные установки, направленные на многодетность, блокировались ухудшением условий жизни. Сохранившиеся брачные пары откладывали рождение детей до завершения войны. В период войны уровень брачной рождаемости в сибирском регионе уменьшился почти в 3 раза [Алексеев, Исупов 1986: 104].

Главным способом контроля над рождаемостью в условиях почти полного отсутствия средств контрацепции не могло не стать искусственное прерывание беременности. В годы войны была продолжена линия репродуктивного поведения, зародившаяся еще в конце 1920-х – в 1930-е годы. Распространение аборт в Западной Сибири, особенно в крупных городах, несмотря на категорический запрет и уголовное преследование, было достаточно широким. В январе 1942 г. начальник УНКВД по Алтайскому краю Волошенко и заместитель начальника Управления НКВД по Алтайскому краю Осипов в докладной записке «О работе органов милиции», направленной в Алтайский крайком ВКП(б), писали: «С начала войны и до 30. XI. 41 г. по краю было зарегистрировано и раскрыто 50 случаев криминальных абортов, за которые привлечен 51 человек»²⁰. Уполномоченный Госплана СССР по Новосибирской области, руководитель областного статистического управления И.В. Жатов в конце 1944 г. докладывал в Новосибирский обком ВКП(б): «Снижение рождаемости в 1943 и 1944 военных годах есть результат резкого сокращения численности трудоспособного мужского населения. Кроме того, на снижение рождаемости повлияло значительное количество произведенных в городах области абортов»²¹.

Из-за недостатка и дефектности статистических материалов военных лет невозможно определить собственно коэффициенты воспроизводства населения. Поэтому мы вынуждены использовать показатель, имеющий ограниченные аналитические возможности, а именно материалы по естественному приросту населения. Таблица 4 демонстрирует главную тенденцию динамики демографической сферы региона: естественный прирост в 1942–1944 гг. характеризовался отрицательными величинами. В эти годы смертность превышала рождаемость, что является основным свидетельством обрушившейся на страну и её отдельные территории депопуляции. Поскольку коэффициент

¹⁷ ГАТО. Ф. 1085...: 9 об.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Ед.хр. 992: 13, 41.

¹⁹ ТА ГКС АК.

²⁰ ГААК. Ф. П-1: 261.

²¹ ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4а: 3.

рождаемости в годы Великой Отечественной войны снижался быстрее, чем нарастал коэффициент смертности (в 1943–1945 гг. он понижался), то собственно падение рождаемости и явилось фундаментальной основой формирования отрицательных величин естественного прироста.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, 1941–1945 ГГ.

Специфической формой территориальных перемещений населения в военные годы стала эвакуация населения из прифронтовых районов, оказавшихся под угрозой оккупации, а также с Дальнего Востока. К 1 декабря 1941 г. в Сибири было сосредоточено свыше 500 тыс. эвакуированных²². Перемещение в Сибирь эвакуированного населения способствовало резкой интенсификации миграций. Таблица 12 показывает, что количество населения, вселившегося в города Сибири во втором полугодии 1941 г. по отношению к довоенному полугодью 1941 г. резко выросло. В Омской области число вселившихся в города мигрантов увеличилось в 5 раз, в Алтайском и Красноярском краях – в 2,6 раза, в Новосибирской области более чем удвоилось²³.

В 1942 г. эвакуация населения в восточные районы СССР была продолжена. К декабрю этого года число эвакуированных, сосредоточенных в Сибири, увеличилось до 908 тыс. человек²⁴. Учитывая смертность и погрешности регистрации, можно утверждать, что в 1941–1942 гг. в Сибирь в порядке эвакуации прибыло свыше 1 млн человек. Из них примерно 600 тыс. человек прибыли в Сибирь во втором полугодии 1941 г. и около 400 тыс. человек – летом и осенью 1942 г.

Таблица 12. Миграционное движение городского населения Сибири в начале Великой Отечественной войны, тыс. человек*

Дата	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграций
Первое полугодие 1941 г.	374,5	277,1	97,4
Второе полугодие 1941 г.	928,2	416,2	511,9
Второе полугодие в % к первому полугодью	247,8	150,2	525,6

Источник: [Исупов 1991: 199].

Примечание: * – По территории Западной и Восточной Сибири.

В конце 1943 – начале 1944 г. в стране развернулись процессы реэвакуации, означавшие отток населения в западном направлении. До 1 июля 1944 г. численность эвакуированного населения в Сибири уменьшилась до 591,1 тыс. человек [Алексеев, Исупов 1986: 150]. К концу 1945 г. значительная часть проживавших в регионе эвакуированных вернулись на постоянное место жительства.

Основная масса населения, эвакуированного в Сибирь, на время эвакуации осела в Западной Сибири. Здесь на 1 января 1943 г., когда эвакуация была в основном завершена, было сосредоточено 88% эвакуированных, что в абсолютном выражении составляло более

²² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 306: 39 об; 45 об; 47 об.

²³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 306: 1 – 1 об.; 5 – 5 об.; 51 – 51 об.; 53 – 53 об.

²⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 241: 192; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед.хр. 405: 2.

789 тыс. человек. В городских поселениях Омской области к 1 января 1943 г. разместилось 101 тыс. эвакуированных, Алтайского края – 76 тыс., в Новосибирской области – свыше 263 тыс. человек [Алексеев, Исупов 1986: 150]. В одном только Новосибирске на 1 декабря 1943 г. насчитывалось 141 тыс. эвакуированных [Алексеев, Исупов 1986: 150].

Характерной исключительно для периода войны формой организованного территориального перемещения населения был призыв людских ресурсов в рабочие колонны. Сюда направлялись лица, по тем или иным причинам непригодные к службе в Красной армии (по состоянию здоровья или по политическим мотивам: бывшие кулаки, белогвардейцы, торговцы, священнослужители, репрессированные и их близкие родственники, лица с уголовным прошлым). Учитывалась также и этническая составляющая. В рабочие колонны направлялись немцы, болгары, финны, корейцы и представители других «подозрительных» национальностей. Бойцы рабочих колонн использовались для выполнения самых тяжелых и неквалифицированных работ оборонного строительства. К марту 1942 г. в СССР было сформировано 1116 рабочих колонн. Дополнительно к этому в начале весны 1942 г. в стадии формирования пребывали 166 колонн, а бойцы 120 рабочих колонн находились в эшелонах на пути к месту постоянной дислокации. Совокупная численность личного состава рабочих колонн к 15 марта 1942 г. достигла 1264,5 тыс. бойцов [Исупов 2008: 304]. В Сибири первые рабочие колонны были сформированы в октябре 1941 г. за счет переброски трудовых ресурсов из Казахстана, а также из Новосибирской и Омской областей. К концу декабря 1941 г. в Сибирском военном округе имелись 72 рабочих колонны, в каждой из которых насчитывалось до 1000 бойцов²⁵.

Своеобразной формой миграции была также депортация в восточные районы СССР, в том числе и в Сибирь, некоторых этнических групп. Первый крупный поток спецпереселенцев на восток страны в годы Великой Отечественной войны был организован по указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. По данным А. А. Германа, в сентябре-октябре 1941 г. в Сибирь (в границах Красноярского и Алтайского краев, Омской и Новосибирской областей) было депортировано почти 294 тыс. немцев [Герман 1994: 358]. В 1943–1944 гг. депортации подверглись чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, калмыки, болгары, греки и некоторые другие народы. Особенно большой поток спецпереселенцев, прибывших в Сибирь, составили калмыки. В январе 1944 г. В Омской области было расселено 21,2 тыс. калмыков, в Алтайском крае – 20,8 тыс., в Новосибирской области – 18,3 тыс. [Полян 2001: 121]. Больше половины калмыцкого контингента, прибывшего в Омскую область, были направлены в Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский национальные округа, а также в Тобольский округ [Полян 2001: 121].

В военные годы продолжались высылки так называемого «антисоветского элемента». Так, к 1 апреля 1943 г. в Новосибирской области было расселено 13,2 тыс. ссыльнопоселенцев, высланных ещё в 1941 г. из Молдавии, Прибалтики, западных областей УССР и БССР [Земсков 2005: 105]. При этом необходимо учитывать, что в Сибири уже

²⁵ ГАНО. Ф. П-4: 537.

было расселено очень большое количество трудпоселенцев, депортированных на восток в ходе «кулацкой ссылки». По данным В.Н. Земскова, по состоянию на 1 января 1943 г. в Сибири насчитывалось 267,4 тыс. трудпоселенцев. Из них большинство было расселено в Новосибирской области (150,7 тыс. человек) и Красноярском крае (41,1 тыс. человек) [Земсков 2005: 106]. С весны 1944 г. из Западной Украины на спецпоселение стали поступать так называемые «оуновцы» – бандеровцы, мельниковцы и др. Они направлялись в отдаленные районы Красноярского края, Иркутской и Омской областей [Земсков 2005: 115]. Всего к 1 апреля 1945 г. на учете Отдела спецпоселений НКВД СССР числилось 2212,1 тыс. спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев, из которых в Сибири было сосредоточено 629,2 тыс. человек [Земсков 2005: 115–116].

Но главным по численности и воздействию на экономические, социокультурные и демографические процессы миграционным потоком в военные годы было перемещение сельских жителей в города. Этот поток являл собой продолжение тенденций мирных лет, когда сотни тысяч жителей деревни перемещались в города для работы в промышленности, на стройках и транспорте. В 1941–1945 гг. этот миграционный поток имел некоторые особенности.

Таблица 13. Миграционное движение гражданского населения Сибири, 1942–1945, тыс. человек

Дата	Прибыло в города	Выбыло из городов	Сальдо миграции
1942	847,6	596,5	251,1
1943	455,1	321,4	133,7
1944	366,5	377,9	-11,4
1945	391,0	282,4	108,6

Источник: [Исупов 1991: 200].

Примечание: Без воинских контингентов и депортированных.

Перемещения населения между сельскими населенными пунктами не фиксировались статистикой. Сведения о миграциях имеются только по городам, в которых информация собиралась паспортными столами милиции на основе системы прописки-выписки. Таблица 13 показывает, что после завершения эвакуации миграционная активность населения заметно понизилась. Главную роль снова стало играть миграционное направление деревня – город, но индивидуальные переселения крестьян в города были сведены к минимальным размерам. Между тем промышленные предприятия Сибири, превратившиеся в мощный арсенал Красной армии, а также транспорт и стройки требовали очень большого количества рабочей силы. Необходимо было организовать массовый приток трудовых ресурсов на предприятия тяжелой и оборонной промышленности. 13 февраля 1942 г. было принято радикальное решение о переходе к фактически принудительному принципу набора рабочей силы. В этот день увидел свет указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [Законодательные... 1942: 57–58]. Отныне на производство стали призывать так же, как в армию. В СССР, помимо военной, проводилась и трудовая мобилизация, причем не только городского, но и сельского населения. В ходе этих мобилизационных перемещений людей (включая сюда

призыв мужчин в армию и рабочие колонны) сибирская деревня отдала все без остатка людские ресурсы на нужды обороны страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы Второй мировой войны население Западной Сибири испытало на себе воздействие мощных процессов, обусловивших радикальную трансформацию демографической системы.

Резкие изменения численности населения были вызваны мобилизацией населения в армию и активно развернувшимися в годы войны миграционными процессами, прежде всего эвакуацией. В результате этих воздействий резко сократилась численность сельского населения, но количество горожан за счет притока мигрантов возросло. В результате сочетания этих факторов резко вырос удельный вес городского населения региона, произошла его квазиурбанизация. Кардинально изменился половозрастной состав населения, что вместе с социально-экономическими факторами привело к изменению характера воспроизводственных процессов.

Направление изменений основных воспроизводственных процессов обозначилось еще до войны – в 1939 - первой половине 1941 г. С началом Великой Отечественной войны развитие этих тенденций значительно ускорилось – сокращение рождаемости и рост смертности всегда были естественными спутниками войн.

Рождаемость в годы войны значительно снизилась. Основными факторами, обусловившими снижение рождаемости, являлись суровые жизненные условия военных лет, а также возникший дефицит мужчин. Снижение рождаемости привело к отрицательным значениям естественного прироста в 1942–1944 гг. Тем не менее с ослаблением действия внешних факторов ситуация с рождаемостью и брачностью начала возвращаться к прежнему виду, что свидетельствует о стойкости традиционного типа воспроизводственных отношений в обществе этого периода.

Смертность же, после естественного в военных условиях повышения, с 1943 г. резко падает, снизившись к концу войны более чем в 2 раза относительно предвоенного периода. Причиной снижения смертности служил переход от экзогенного к эндогенному типу смертности. Инфекционные (острозаразные, желудочно-кишечные) болезни утратили свою главенствующую роль как причина гибели людей. Основным фактором, обусловившим такое развитие событий, являлась деятельность советского здравоохранения, что, несомненно, является его крупным достижением.

Миграции в годы Великой Отечественной войны приняли весьма специфический характер. В мирные годы преобладали миграции, вызванные главным образом экономическими причинами. В военный период основными детерминантами пространственных перемещений людей стали военно-политические факторы. Они не только придавали миграциям аномальный характер, но изменили саму суть территориальных перемещений населения, их внутреннее содержание. Эти миграции было

бы правильно обозначить как экстраординарные. Государственный контроль над территориальными перемещениями людей был резко усилен.

Список использованных сокращений:

ГААК – Государственный архив Алтайского края.

ГАКО – Государственный архив Кемеровской области.

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

ИсАОО – Исторический архив Омской области.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

ТА ГКС АК – Текущий архив государственного комитета по статистике Алтайского края.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.В., В.А. Исупов (1986). Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск. 231 с.

Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия (1985). М.: Советская энциклопедия. 832 с.

Вестник статистики (1965). № 1.

Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах (2005). Т.1. «Исход». Томск: Изд-во ТГПУ. 360 с.

Герман А.А. (1994). Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941. Часть II. Автономная республика. 1924—1941. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 416 с.

Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня по 22 марта 1942 г. (1942). М. 144 с.

Земсков В.Н. (2005). Спецпереселенцы в СССР, 1930 – 1960. М.: Наука. 306 с.

Исупов В.А. (1991). Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск. 291 с.

Исупов В.А. (1992). На изломе: смертность населения Сибири в начале Великой Отечественной войны // Историческая демография Сибири. Сб. научн. трудов. Новосибирск: 186-200.

Исупов В.А. (2008). Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск. 378 с.

Исупов В.А. (2010). Население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: численность, состав, воспроизводство // Российская история. №4: 69-83.

Население России в XX веке: исторические очерки (2001). Т.2. 1940–1959. М.: РОССПЭН. 416 с.

- Платунов Н.И. (1976). Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та. 283 с.
- Полян П. (2001). Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Изд-во «ОГИ-Мемориал». 328 с.
- Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – 1967 (1968). Т.2. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 896 с.
- Семенов М.А. (2015). Развитие острозаразных инфекций в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы исторической демографии Сибири. Сб. науч. тр. Вып. 4 / Отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН: 234 – 253.
- Урланис Б.Ц. (1960). Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII – XX вв. (Историко-статистическое исследование). М.: Соцэкгиз. 568 с.

POPULATION OF WESTERN SIBERIA DURING SECOND WORLD WAR (1939-1945) *

VLADIMIR ISUPOV^{1, **}, NADEZHDA KOROBAYNIKOVA¹, MIHAIL SEMONOV¹

The article discusses the features of demographic processes in Western Siberia during the Great Patriotic War. These features consist in drastic changes in population size and structure due to the mobilization and migration typical of the war period, especially evacuation. The main determinants of the spatial movements of people during this period were military-political factors. State control over the territorial displacement of people was greatly strengthened. During the war the rural population shrank dramatically, while the number of city dwellers, due to the influx of migrants, increased. The proportion of the urban population rose, but it was a quasi-urbanization of the region. Due to changes in population structure and the general deterioration of living conditions, fertility was significantly reduced, which became the main cause of the natural decrease of the population in 1942-1944. Mortality, after increasing in the first years of the war, in 1943 began to decline, with the mortality rate in 1945 being more than twice as low as in 1941. The most important role in this reduction was played by the health care system.

Key words: population, mortality, fertility, nuptiality, Second World War, Western Siberia.

¹INSTITUTE OF HISTORY OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RAS (RUSSIA).

* THE ARTICLE IS PUBLISHED IN THE FRAMEWORK OF THE PROJECT RHSF "HUMAN POTENTIAL OF SIBERIA IN THE CONDITIONS OF SYSTEMIC TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE TWENTIETH CENTURY", № 16-01-00412.

** CORRESPONDENCE: vladimir_2004_@mail.ru

DATE RECEIVED: FEBRUARY 2016.

REFERENCES

- Alekseev V.V., V.A. Isupov (1986). Naselenie Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk. 231 p.
- German A.A. (1994). Nemeckaya avtonomiya na Volge. 1918 – 1941. Chast' II. Avtonomnaya respublika. 1924—1941 [German autonomy at Volga. 1918-1941. Vol. II. Autonomous Republic. 1924-1941]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. 416 p.
- Isupov V.A. (1991). Gorodskoe naselenie Sibiri: ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konec 30-x – konec 50-x gg.) [Urban population of the Siberia: from catastrophe to revival (from late 1930th to late 1950th)]. Novosibirsk. 291 p.
- Isupov V.A. (1992). Na izlome: smertnost' naseleniya Sibiri v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny [On the fracture: mortality of population of Siberia at the beginning of the Great Patriotic War] // Istoricheskaya demografiya Sibiri. Sb. nauchn. trudov [Historical demography of Siberia. Collection of scientific papers]. Novosibirsk: 186-200.
- Isupov V.A. (2008). Glavnyj resurs Pobedy. Lyudskoy potentsial Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy vojny (1939–1945 gg.) [The main source of a Victory. The human potential of Western Siberia during the Second World War (1939-1945 gg.)]. Novosibirsk. 378 p.
- Isupov V.A. (2010). Naselenie Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: chislennost', sostav, vosproizvodstvo [Population of Western Siberia during Great Patriotic war: size, structure, reproduction] // Rossijskaya istoriya [Russian history]. №4: 69-83.
- Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. T.2. 1940–1959 [Population of Russia in the twentieth century. Vol.2. 1940 – 1959] (2001). Moscow: ROSSPEN. 416 p.

- Platunov N.I. (1976). *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i ee osushhestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.)* [Resettlement policy in the Soviet Union and its realization (1917 – June 1941)]. Tomsk: Izd-vo Tosk. un-ta. 283 p.
- Polyan P. (2001). *Ne po svoej vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR* [Against their will: The history and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: Izd-vo "OGI-Memorial". 328 p.
- Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938 – 1967 [Collection of laws of the USSR and decrees of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – 1967] (1968). T.2 [Vol.2]. Moscow: Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchikhsya SSSR. 896 p.
- Semenov M.A. (2015). *Razvitie ostrozarnykh infekcij v Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Extension of highly contagious infections in Western Siberia during the Great Patriotic War] // V.A. Isupov, eds. *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri. Sb. nauch. tr. Vyp.4* [Issues of historical demography of Siberia. Collection of scientific papers. Vol.4]. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN: 234 – 253.
- Urlanis B.Ts. (1960). *Vojny i narodonaselenie Evropy. Lyudskie poteri vooruzhennykh sil evropejskikh stran v vojnah XVII – XX vv. (Istoriko-statisticheskoe issledovanie)* [Wars and European population. Casualties of the armed forces of the European countries in the wars of XVII - XX centuries]. Moscow: Sotsekgiz. 568 p.
- Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945: enciklopediya [Great Patriotic War 1941-1945: encyclopedia] (1985). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 832 p.
- Vestnik statistiki [Bulletin of statistics] (1965). № 1.
- Vo imya Pobedy: evakuaciya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibiri v dokumentax i materialax [For the sake of Victory: evacuation of the civil population into Western Siberia through the documents] (2005). T.1 "Isxod" [Vol. 1 "Exodus"]. Tomsk: Izd-vo TGPU. 360 p.
- Zakonodatel'nye i administrativno-pravovye akty voennogo vremeni. S 22 iyunya po 22 marta 1942 g. [Legislative and administrative-legal acts during the war. From 22th June 1941 till 25 march 1942.] (1942). Moscow. 144 p.
- Zemskov V.N. (2005). *Specpereseleny v SSSR, 1930 – 1960* [Forced settlements in the Soviet Union]. Moscow: Nauka. 306 p.

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ДЕТИ: ТРУДНОСТИ ВЫЖИВАНИЯ В ТЫЛУ

НАТАЛИЯ БЕЛЬСКАЯ^{1,*}

В статье рассматривается тема эвакуации детей во время Великой отечественной войны и проблемы их выживания в тылу. Описание основывается на базе архивных документов и воспоминаний самих эвакуированных. Обсуждаются постановления советского государства, связанные с эвакуацией детей, и трудности, с которыми дети столкнулись в тылу. Также рассматривается, как эвакуация отразилась на жизни, менталитете и взглядах этих детей и подростков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Советский Союз, эвакуация детей, тыл.

Один из «детей войны» начал свои воспоминания о годах Великой отечественной войны такими словами: *«Прошло более 70 лет с тех пор, как началась война. Написаны тонны книг – воспоминаний, научных исследований, художественных произведений. Но эта тема продолжает занимать людей. Почти не осталось тех, кто пережил войну, будучи взрослыми. Уходят и те, кто были тогда детьми. Их воспоминания не менее важны. И не только потому, что они добавляют новые и порой яркие штрихи к общей картине военного времени, – они помогают понять многое из того, как сложилась дальнейшая жизнь этого поколения»¹.*

Автору этих слов было в 1941 г. только 4 года. Ребенком он с семьей эвакуировался из Москвы в Омск и потом в Алма-Ату, где они провели самые тяжелые годы войны. Несмотря на детский возраст, в памяти автора отложились некоторые яркие эпизоды жизни в эвакуации. Были тяжелые моменты: автор, как многие эвакуированные дети, переболел желтухой, корью и дизентерией в годы войны. Были также и приятные воспоминания: автору запомнилась поездка с матерью в совхоз, где его «пустили пастись в кусты винограда»² и он в первый и единственный раз в жизни ел виноград прямо с лозы.

Наша статья посвящена теме эвакуации советских детей в годы войны и их быту на местах перемещения. На базе архивных материалов исследование ознакомит читателей с трудностями и проблемами, с которыми советские власти столкнулись при эвакуации мирного населения, особенно детей. Более того, цель исследования – рассмотреть, как дети реагировали на эвакуацию и военную остановку и как они приспособились к быту на местах переселения.

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия).

*E-mail: nbelskaya@hse.ru

Статья поступила в редакцию в феврале 2016 г.

¹ Личный архив Павла Ильина.

² Там же.

Период Великой отечественной войны отразился на биографии почти каждого советского гражданина, живущего в те годы. Эти годы связаны с воспоминаниями о трагедиях, кровопролитии и славе. Почти каждая семья прошла через жестокие испытания – гибель родных и близких на фронте и под немецкой оккупацией, разрушение домов и потеря имущества, ущерб для здоровья из-за тяжелой обстановки жизни в военные годы. Также одним из важнейших последствий войны является массовое перемещение мирного населения. Вторжение немецких сил на советскую территорию в июне 1941 г. заставило миллионы людей бежать из своих городов и деревень на восток страны. Железнодорожные пути были перегружены эшелонами с военными, которые двигались на запад, и эшелонами с эвакуированными, которые двигались на восток.

Эвакуация миллионов граждан в военные годы отразилась на жизни самих эвакуированных, а также и на народном хозяйстве регионов выезда и въезда. Эвакуация проходила в экстремальной обстановке, многие эвакуированные имели всего несколько часов, чтобы покинуть свои дома. Большинство ожидали, что они будут перемещены недалеко от дома и будут отсутствовать несколько недель, не больше месяца, поэтому люди брали с собой минимальное количество вещей. Так как большинство эвакуированных покинули свои дома летом и ранней осенью 1941 г., многие взяли с собой только летнюю одежду – это обстоятельство создало большие проблемы зимой 1941-1942 гг., когда эвакуированные не могли выходить на работу и в школу из-за отсутствия теплой одежды и обуви.

Обстоятельства переселения были тяжелые. Люди передвигались в переполненных теплушках, поезда двигались медленно, так что путь до места назначения часто длился несколько недель или даже дольше месяца. Поезда двигались вне расписания и часто останавливались. На остановках эвакуированные выбегали, чтобы добыть кипятка и купить еду. Так как расписания отсутствовали, в воспоминаниях детей ярко отражается страх, что поезд внезапно тронется и родители не успеют вернуться в эшелон. Эшелоны подвергались вражеским бомбежкам, о чем упоминается во многих мемуарах и заметках. Вот как описывает Абрам Цейтлин, которому в 1941 г. было 9 лет, свои воспоминания о поездке из украинского местечка Иллины в Кермине, Узбекистан: «Проехали полустанок с развороченными рельсами, на которых тлели обугленные шпалы, воронки от авиабомб и лежащие на боку паровоз и вагоны. Эта картина, впервые увиденная, потрясла мое детское воображение, и хотя впоследствии на нашем пути было немало разрушенных бомбами зданий, вагонов и паровозов, привыкнуть к зрелищам такого рода я так и не смог»³. Население из Украинской ССР, Белорусской ССР и западных регионов РСФСР было эвакуировано в районы Урала, Волги, Сибири и Средней Азии (особенно в Казахскую и Узбекскую ССР). Эвакуированные проживали на местах переселения до реэвакуации в 1944 и 1945 гг.

Тема жизни детей в эвакуации заслуживает особого внимания, так как дети составили существенную часть эвакуированного населения. Более того, жизнь детей в некоторых аспектах отличалась от жизни взрослых. В той или иной степени дети имели

³ Архив Мемориального музея холокоста в Соединённых Штатах. RG 31.053. «Memoirs of Abram Tseitlin, 1990». Материал прислан из Института Иудаики в Киеве.

больше возможностей ознакомиться с местным населением и с местными обычаями, так как они были освобождены от многих забот, которые волновали их родителей. В школах и дворах эвакуированные ребята знакомились с местными детьми и общались с ними ежедневно. С другой стороны, надо иметь в виду, что для детей война и эвакуация составляли ключевой период их жизни – это был момент созревания и развития, который отразился на их будущей жизни.

Таблица 1. Сведения о количестве эвакуированных детских учреждений и контингентах детей, прибывших в тыловые районы РСФСР, по оперативным данным на май-июнь 1942 г.

Наименования областей, краев, АССР	Всего детских учреждений	Всего детей
Алтайский край	14	1968
Краснодарский край	22	2619
Красноярский край	4	621
Орджоникидзевский край	36	4679
Архангельская обл.	12	1321
Вологодская обл.	24	1421
Горьковская обл.	47	10371
Ивановская обл.	15	1290
Кировская обл.	222	21492
Куйбышевская обл.	7	936
Молотовская обл.	239	21540
Новосибирская обл.	7	795
Омская обл.	138	14925
Ростовская обл.	6	639
Саратовская обл.	55	8360
Свердловская обл.	54	7938
Сталинградская обл.	49	8171
Тамбовская обл.	29	2320
Челябинская обл.	231	30363
Чкаловская обл.	79	7386
Ярославская обл.	133	16446
Башкирская АССР	33	3135
Кабардинско-Балкарская АССР	4	800
Марийская АССР	46	3012
Мордовская АССР	19	2651
Татарская АССР	99	10843
Удмуртская АССР	14	1653
Чувашская АССР	10	669
Всего	1648	188364

Источник: ГАРФ Ф.А-2306. Оп.70. Д.2760. Л.32.

Летом и осенью 1941 г. советское государство через Совет по эвакуации, созданный в первые дни после начала войны только, приняло меры, чтобы эвакуировать детей и матерей из прифронтовых районов и областей. Многие были эвакуированы вместе с родителями и с предприятиями и учреждениями, где работали родители. Но существенное число детей эвакуировано с детскими учреждениями – детдомами, детсадами и детскими интернатами. 19 августа 1941 г. Совет по эвакуации распорядился эвакуировать 10550 детей из детских учреждений города Москвы в Челябинскую и Молотовскую области, Татарскую АССР и АССР Немцев Поволжья⁴. Через месяц (13 сентября) было решено осуществить

⁴ ГАРФ. Ф.6822. Оп.1. Д.541. Л.173-4.

дополнительную эвакуацию школьников из столицы, в тыл были перемещены несколько сот школ-интернатов с 60000 учеников и сотрудников⁵. В начале октября, когда немецкие войска стояли под Москвой, советские власти усилили мероприятия, направленные на то, чтобы вывести молодое поколение из города. 9 октября было приказано эвакуировать 300000 женщин и детей из Москвы в Горьковскую, Молотовскую, Челябинскую и Новосибирскую области, Татарскую, Мордовскую, Чувашскую и Мари АССР и даже в Казахскую ССР⁶.

Хотя Москва была одним из самых важных пунктов выезда, столица была, конечно, не единственным таким пунктом. В первые месяцы войны серией постановлений Совет по эвакуации распорядился эвакуировать членов семей рабочих и служащих из прифронтовых городов и регионов УССР и РСФСР⁷. В октябре было принято постановление, приказывающее эвакуировать 2600 детей из детских учреждений и 10000 матерей с детьми из Воронежа и Воронежской области в Казахскую ССР и в Саратовскую область⁸. В конце августа Молотов, Маленков, Косыгин и Жданов доложили Сталину, что они приняли решение эвакуировать 250000 женщин и детей из Ленинграда⁹. Дополнительная эвакуация детей из Ленинграда осуществлялась весной 1942 г., когда появился способ вывести людей из осажденного города. 27 мая 1942 г. Совет народных комиссаров СССР принял решение до 15 августа эвакуировать из Ленинграда 25000 детей-сирот¹⁰.

Таблица 2. Данные по эвакуированным детским учреждениям, размещенным в Татарской АССР на 28 апреля 1942 г.

Учреждения	Количество учреждений	Контингент детей
Дошкольные детские дома из Москвы	21	2546
Школьные и дошкольные интернаты г. Москвы	6	494
Ведомственные учреждения г. Москвы	13	854
Интернаты г. Москвы	11	1328
Школьные интернаты г. Ленинграда	24	2706
Смешанный интернат детей работников Академии наук из Ленинграда	1	194
Минский детский дом	1	204
Детские дома из г. Углича	2	165
Детский дом из г. Херсона	1	223
Пионерлагерь из г. Орши, БССР	1	160
Зубцовский интернат (спецшкола) Калининской области	1	76
Детские дома Калининской области		1684
Детский сад Мурманской области	1	62
Всего	99	10883

Источники: [Дети в условиях эвакуации...2013: 157-58]; ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.446. Л.104.

⁵ ГАРФ. Ф.6822. Оп.1. Д.541. Л.240-1.

⁶ ГАРФ. Ф.6822. Оп.1. Д.541. Л.54-55.

⁷ ГАРФ. Ф.6822. Оп.1. Д.541. Л.119, 137, 142-144, 176, 178; ГАРФ. Ф.6822. Оп.1. Д.542. Л.51, 56.

⁸ ГАРФ. Ф.6822. Оп.1. Д.542. Л.43.

⁹ Из истории Великой отечественной войны (1990) // Известия ЦК КПСС, сентябрь 1990: 211-212.

¹⁰ ГАРФ. Ф.А-2306. Оп.70. Д.2782. Л.1.

По существующим данным, к концу весны 1942 г. в тыловых районах РСФСР было размещено 1648 эвакуированных детских учреждений с контингентом 188364 детей (табл. 1)¹¹.

Эвакуированные дети были размещены и в других республиках СССР. Например, Казахская ССР приняла 104 детдома с контингентом 12859 детей (включая 385 детей, прибывших из разных детдомов индивидуально) и 16 интернатов из Москвы с 2304 детьми (табл. 2).

Все эти цифры не учитывают миллионы детей, которые прибыли в тыл со своими семьями.

Таблица 3. Сведения о количестве эвакуированных детских учреждений, прибывших в Казахскую ССР на 28 апреля 1942 г.

Регион выезда	Количество учреждений	Контингент детей
Московская обл.	3 детских дома	780
Курская обл.	22 детских дома	2170
Одесская обл.	6 детских домов	581
Сталинская обл.	5 детских домов	630
Сумская обл.	1 детский дом	21
Черниговская обл.	1 детский дом	120
Киевская обл.	5 детских домов	471
Ворошиловоградская обл.	3 детских дома	863
Смоленская обл.	1 детский дом	35
Харьковская обл.	21 детский дом	3285
Тульская обл.	2 детских дома	195
Крымская АССР	2 детских дома	81
Воронежская обл.	18 детских домов	1838
Житомирская обл.	1 детский дом	133
Могилевская обл.	2 детских дома	202
Полтавская обл.	2 детских дома	181
Рязанская обл.	1 детский дом	93
Гомельская обл.	3 детских дома	355
Ростовская обл.	4 детских дома	320
Запорожская	1 детский дом	120
Из разных детдомов прибыли индивидуально		385
Интернаты г. Москвы	16 интернатов	2304
Всего	125	15136

Источник: ГАРФ. Ф. 5446. Оп.43. Д.1054. Л.97.

Эвакуация миллионов детей из прифронтовых районов безусловно спасла жизнь многих, особенно еврейских, детей, для которых немецкая оккупация означала бы смертной приговор. Но прибытие тысяч детей, многих в тяжелом физическом и моральном состоянии, в тыловые районы осложнило обстановку в советском тылу. В тыловых районах был критический недостаток материальных средств для обслуживания эвакуированных. Проверки выявили множество серьезных проблем от недостатка топлива, оборудования, пищи, одежды и обуви до нехватки квалифицированных медицинских и педагогических кадров. Например, в Татарстане один Московский детдом с 200 детьми располагал «лишь только четырьмя пригодными комнатами» [Дети в условиях эвакуации...2013:112]. Описывая состояние эвакуированных детей в Татарстане, секретарь Татарского обкома

¹¹ ГАРФ. Ф.А-2306. Оп.70. Д.2760. Л.32.

ВЛКСМ по школам Абдуллин писал: «особенно критически плохое состояние обнаружено в пионер[ском] лагере для латвийских детей в дер. Б. Менгер, Атнинского района, где 100% вшивость среди детей. По два месяца дети не были в бане, в течение 1-1,5 месяца не менялось белье. 30% лагерников заражены чесоткой. Тяжелобольные дети помещаются в одном помещении со здоровыми и нет изолятора» [Дети в условиях эвакуации...2013:144-145].

Посещаемость школ среди эвакуированных детей снизилась из-за отсутствия обуви и одежды, высокой заболеваемости и плохих жилищных условий. Детям трудно было привыкнуть к новой обстановке, они страдали из-за разлуки с родителями. В письме к матери из интерната в г. Буинске, Татарской АССР, Нина Горинова писала: «мамуля, у нас белья почти нет, простыней и наволочек тоже, скучаем о вас. Мамуля, у меня плохо с сердцем. Я не могу дышать, потому что плачу. Мамуля, приезжай, а то валенок нет и ничего нет» [Дети в условиях эвакуации...2013:53]. Я привожу примеры по Татарской Автономной республике, но подобные проблемы, жалобы и недостатки были типичны и для других регионов.

Местные и центральные власти понимали, что тяжелые условия, в которых оказались дети в эвакуации и эвакуированные учреждения, могут привести к росту детской безнадзорности и беспризорности, и пытались принимать меры для улучшения бытового и материального состояния детей. Об этом свидетельствует серия решений и постановлений конца 1941 и начала 1942 гг. 23 января 1942 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в котором предписал «совнаркомам союзных и автономных республик, исполнительным комитетам краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся под личную ответственность председателей обеспечить устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность, не допуская оставления детей безнадзорными»¹². Это постановление также предусматривало образование комиссий по устройству детей при местных исполкомах.

В постановлении Совета народных комиссаров Казахской ССР от марта 1942 г. правительство Казахской ССР отметило тяжелое бытовое состояние эвакуированных детских домов и интернатов в республике. В этом документе руководители Казахской республики привели несколько примеров проблем и недостатков в эвакуированных детских учреждениях: *«В Каскеленском интернате, Алмаатинской области, в детдоме No.3 гор. Джамбул, а также в ряде других детских домов дети спят по 2-3 человека на одной кровати, помещения отапливаются плохо и совершенно не освещаются... Многие детдома продолжают оставаться в антисанитарном состоянии, дети по месяцу не моются в бане, при детдомах и интернатах нет прачечных, медицинское обслуживание детей проводится от случая к случаю, больные дети госпитализируются несвоевременно, а в ряде детдомов отсутствуют изоляторы»*¹³.

¹² ГАРФ.Ф.5446. Оп.43. Д.1054. Л.59.

¹³ ГАРФ. Ф.5446. Оп.43. Д.1054. Л.87.

Чтобы справиться с этой ситуацией, Совнарком Казахской ССР обязал местные власти и Наркоматы республики немедленно принять нужные меры.

Документы, на которые я ссылаюсь, это только примеры множества постановлений, распоряжений, приказов и т.д., об улучшении материально-бытовых условий в эвакуированных детских учреждениях в годы войны, которые можно найти в архивах. Этими вопросами занимались в первую очередь Народные комиссариаты просвещения и их местные органы (областные отделы народного образования). Но ими интересовались также советские и партийные органы (республиканские Совнаркомы и Центральные Комитеты партии), а также и местные власти регионов, откуда дети были эвакуированы. Однако проблемы обустройства эвакуированных детей оказалось трудноразрешимыми. Нужные ресурсы (человеческие и материальные) просто отсутствовали в тылу. В военные годы большинство материальных и людских ресурсов направлялось Красной Армии, так что власти в тылу должны были действовать в обстановке дефицита ресурсов. В письме отделу школ Центрального комитета ВЛКСМ начальник Управления детских домов в РСФСР Коняхин отметил, что в годы войны в большой степени увеличилось количество и контингент детских домов во многих регионах. По данным на 1 ноября 1941 г. в Челябинской области количество детдомов увеличилось с 49 до 59, в Свердловской – с 22 до 25, в Мордовской АССР – с 4 до 22, в Башкирской АССР – с 25 до 50, в Татарской АССР – с 19 до 51. Коняхин отмечал, что «сектора указанных обл/край ОНО и НКП АССР, призванные непосредственно осуществлять руководство работой детских домов, чрезвычайно малочисленны по своему составу. По ряду указанных облОНО они состоят из 1-2 чел., которые конечно не в состоянии поднять всю сумму вопросов, поставленных перед ними в условиях военного времени»¹⁴. Очевидно, что, при всем желании, такие малочисленные кадры, действуя в условиях дефицита ресурсов, не могли кардинально улучшить обстановку в детских учреждениях и обеспечить нужды эвакуированных детей.

В этой сложной обстановке власти призывали на помощь советскую общественность, особенно комсомол и местные активы женщин-общественниц. Женщин призывали помогать детдомам и интернатам и проявлять внимание к детям, которые потеряли связь с родителями из-за войны. Власти также поощряли через прессу патронат и усыновление осиротевших детей. С почином движения в помощь эвакуированным детям выступили участницы областного совещания женского актива, состоявшегося в ноябре 1941 г. в городе Кирове, куда был эвакуирован из Москвы Народный комиссариат просвещения. На совещании было принято обращение ко всем женщинам области с призывом «окружить детские учреждения и детей, эвакуированных из прифронтовых районов, теплой сталинской заботой»¹⁵. В обращении говорилось, что «детям, временно оторванным от своей семьи, нужны ласка, любовь и теплая повседневная забота» и что местные женщины должны взять эту обязанность на себя¹⁶. Помогая эвакуированным детям, женщины вносили свой вклад в советскую победу над фашистским врагом и выполняли «свой долг перед родиной и народом»¹⁷. Женщины Кировской области

¹⁴ ГАРФ. Ф.А-2306. Оп.70. Д.5512. Л.10об.

¹⁵ ГАРФ. Ф.А-2306. Оп.70. Д.2675. Л.31-32.

¹⁶ ГАРФ. Ф.А-2306. Оп.70. Д.2675. Л.31.

¹⁷ ГАРФ. Ф.А-2306. Оп.70. Д.2675. Л.31-32.

подготавливали помещения для приема детей, шили им белье, готовили пищу для вновь приезжающих. Общественницы должны были посещать детские учреждения, следить за благополучием детей и помогать педагогической работе этих учреждений.

Почин кировских женщин стимулировал рост женского движения в помощь эвакуированным детям в других областях и регионах тыла страны. Встречи женского актива происходили во многих городах, советские газеты активно публиковали статьи об активистках и их заслугах. Статьи с заглавиями «Забота о детях» и «Ты не сирота, малыш» описывали тяжелые испытания эвакуированных детей и то, как им помогали местные активисты¹⁸. 28 января 1942 г. в газете «Красная Татария» появилась статья об активистках Лаишевского района автономной республики и их работе с эвакуированными детьми. В обращении, принятом на совещании женского актива этого района, они писали: «Мы, женщины-колхозницы, служащие, интеллигенты Лаишевского района, решили окружить материнской заботой и любовью всех эвакуированных ребят. Мы организуем при каждом сельсовете, при каждом детском учреждении женский актив, который поможет в создании подсобного хозяйства, в подвозке топлива, в починке и пошивке теплых вещей, в стирке белья для детворы» [Дети в условиях эвакуации...2013:103-104]. В тяжелой военной обстановке общественная помощь сыграла важную роль в выживании детей в эвакуации, особенно оказавшихся в детских учреждениях и находившимся далеко от родителей и родственников. Опекая детей, женщины в тылу понимали, что помогают военнослужащим и жертвам войны. Эвакуация и движение в помощь эвакуированным детям демонстрировали сплоченность фронта и тыла.

Как же дети сами воспринимали свои годы в эвакуации? Если судить по воспоминаниям, для многих это был трудный, но интересный период жизни. Для эвакуированных, так же как и для остальных, путь их жизни кардинально изменился 22 июня 1941 г., и годы войны в каком-то смысле отразились на всей оставшейся жизни. Для многих детей начало войны. Выезд из дома, поездка в эшелоне – все это казалось интересным приключением. Они, конечно, сначала не понимали, что такое настоящая война, все это казалось интересной игрой. По приезду на места переселения дети часто были потрясены новой обстановкой и окружением. Всё было чуждо и необычно – местный климат и природа, местное население, местная культура и обычаи. Взрослые, конечно, тоже обращали на это внимание, но они были поглощены работой и озабочены бытовыми вопросами.

А вот в ярком воображении детей все это приобрело большое значение. В своих воспоминаниях один бывший эвакуированный писал о своем изумлении по прибытию в Узбекистан: «Здесь, в Кермине, все было необычно: язык, на котором местные жители общались между собой, палящее солнце, глинобитные дома и заборы, колоритный рынок, фрукты, ранее не виденные мною, тенистые платаны, ишаки почти в каждом дворе...»¹⁹. В эвакуации дети, многие из которых до войны не покидали свои места жительства, увидели много нового, познакомились с другими народами и культурами Советского Союза. В своей

¹⁸ Забота о детях // Правда, 31.01.1942; Ты не сирота, малыш // Правда, 04.02.1942.

¹⁹ Архив Мемориального музея холокоста в Соединенных Штатах. RG 31.053. «Memoirs of Abram Tseitlin, 1990».

статье «Село Бизяки – второй дом для эвакуированных» местная жительница из Татарстана Р.Мухутдинова писала, что «в татарском селе эвакуированным вначале все было и ново, и чуждо, и интересно. Они с удивлением наблюдали, как наши бабушки и дедушки во двор ходят с кумганом даже зимой, потом садятся на пол и читают намаз» [Дети в условиях эвакуации...2013:344-348]. Несмотря на свое изначальное изумление, дети быстро привыкали к новым обстоятельствам – они знакомились с местными ребятами и осваивали новый образ жизни. Многие дети вернулись домой из эвакуации с новыми навыками и даже иногда со знанием языков народов, среди которых они жили. Конечно, были и конфликты, и ссоры между эвакуированными и местными детьми. Но дети часто поддерживали друг друга. Иногда дружба и знакомство с военных лет оставались на всю жизнь²⁰.

С другой стороны, в обстоятельствах войны и эвакуации детям и подросткам пришлось очень быстро взрослеть. Во многих семьях отсутствовали отцы, мужья и братья, и из-за этого изменились семейные взаимоотношения и обязанности. Дети активно помогали взрослым в быту – ходили за водой и топливом, стояли часами в очередях за хлебом, и даже подрабатывали, как могли. Во многих воспоминаниях эвакуированных в Среднюю Азию, они рассказывают, как ходили в поисках кизяка. Это были дети, большинство из которых приехали из городов и до войны даже не знали, что такое кизяк. В колхозах и совхозах дети часто выходили в поля на работу. В детских учреждениях детям было еще труднее, им приходилось справляться со многими задачами самим. Рассказывая про военные годы, прошедшая через эвакуацию Вера Бельская, говорила: «в день, когда началась война, кончилось мое детство» [Voices of Resilience 2010: 292]. В 1941 г. ей было 12 лет, она эвакуировалась с семьей из Киева на Кавказ, а потом в Киргизскую ССР. Мать ее была больна, и Бельская, несмотря на свой возраст, стала главой семьи, когда отца взяли в армию [Voices of Resilience 2010: 287-296]. Она занималась домашним хозяйством, училась в школе, а после школы работала в красильном цехе. Вот ее слова: «ведь кто-то должен был нести ответственность за семью – и я считаю, что те годы сделали из меня борца. Я, девчонка лет двенадцати – тринадцати, должна была приспособиться» [Voices of Resilience 2010: 294]. Бельская назвала свой рассказ «Военные годы сделали из меня борца» – так, по ее мнению, период эвакуации отразился на ее жизни, менталитете и характере.

Много лет история войны концентрировалась на истории фронта, армии, солдат, партизан, оккупации и т.д. История эвакуации стояла в стороне, считалось, что эвакуированные были далеко от военных действий, они жили в тылу, их-то спасли. Как видим, несмотря на то, что эвакуированные находились в тылу, они сталкивались со многими трудностями военного времени. Эвакуированные дети часто находились в очень тяжелой обстановке. Хотя они не были на линии фронта, они и те, кто им помогал, тоже вложили свой вклад в победу. Война и эвакуация оставили большой след в их жизни.

²⁰ См. Воспоминания Н.А. Буко, эвакуированной из Ленинграда, которая пишет о том, что она пошла в первый класс в эвакуации в Казани в 1942 г. и там познакомилась с девочкой, которая стала ее близкой подругой на всю жизнь [Дети в условиях эвакуации...2013: 355-363].

Список использованных сокращений:

ГАРФ - Государственный Архив Российской Федерации

ЦГА ИПД РТ - Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан

ЛИТЕРАТУРА

Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941–1945 (2013) / Сост. И.И Ханипова, Е.Г. Кривоножкина. Сб. док. и мат. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан. 416 с.

Voices of Resilience (2010) / Shklarov S., ed. Calgary: Jewish Family Service Calgary.

EVACUATED CHILDREN: THE DIFFICULTIES OF SURVIVAL ON THE HOME FRONT

NATALIE BELSKY^{1, *}

The article is devoted to the history of the evacuation of Soviet children during the Second World War and to the challenges they faced. It is based on archival sources as well as testimonies and memoirs. The article examines the policies of the Soviet authorities regarding the evacuation of children and the difficulties the evacuees encountered on the home front. It also considers how the evacuation influenced the children's life trajectories, mentalities and views.

Key words: Great Patriotic War, Soviet Union, children in evacuation, home front.

¹ NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA).

* CORRESPONDENCE: nbelskaya@hse.ru

DATE RECEIVED: FEBRUARY 2016.

REFERENCES

- Deti v usloviyakh evakuatsii. Tatarskaya ASSR. 1941–1945 [Children in evacuation. Tatar ASSR. 1941-1945] (2013) / I.I Khanipova, EG Krivonozhkina, eds. Collection of documents. Kazan: Glavnoye arkhivnoye upravleniye pri Kabinete Ministrov Respubliki Tatarstan. 416 p.
- Voices of Resilience (2010) / Shklarov S., ed. Calgary: Jewish Family Service Calgary.

СТРАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ

ВЛАДИМИР ЛИТВИНЕНКО¹, *

Статья представляет собой ответ на критические замечания Сергея Максудова «Больше или меньше?», опубликованные в Демографическом обозрении в 2015 году в адрес моей книги «Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте», изданной в 2013 году.

Ключевые слова: Красная армия, вермахт, советско-германский фронт, оценки демографических и безвозвратных людских потерь.

Статья сотрудника Центра Российских и Евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского Университета (США) Сергея Максудова "Больше или меньше?" [Максудов 2015] - это вроде бы рецензия на мою книгу "Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте" [Литвиненко 2013]. Но рецензия какая-то очень странная.

УДИВИТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО И ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ВЫВОД

Удивляет, прежде всего, представление Максудова о задачах моей книги. Перечислив спекуляции, обозначенные в названиях параграфов пятой главы моей книги, Максудов пишет: *“Для опровержения этих ошибочных утверждений Владимир Литвиненко тщательно рассматривает несколько десятков оценок военных потерь, сделанных разными авторами, сопоставляя их с результатами статистического исследования коллектива военных ученых во главе с Г.Ф. Кривошеевым «Гриф секретности снят»”* [Максудов 2015: 148]. Но на самом деле задачами моей книги (они перечислены в предисловии [Литвиненко 2013:4]) являются: 1) анализ и обобщение результатов оценок людских потерь на советско-германском фронте; 2) выявление реальных пределов соотношения потерь Красной армии и вермахта; 3) критика спекуляций на тему людских потерь Красной армии в Великой Отечественной войне. Ни одна из этих задач в рецензии Максудова не обсуждается.

Рецензированию подвергается, главным образом, материал лишь одного параграфа второй главы книги, в котором обсуждаются оценки людских потерь Красной армии коллектива под руководством Г.Ф. Кривошеева. Такой подход Максудова к рецензированию моей книги не вызвал бы возражений (рецензент волен выбирать любую часть или любой фрагмент книги для обсуждения), если бы не «глобальный» вывод его статьи: *«Попытка В.В. Литвиненко разоблачить исследователей, результаты которых не совпадают с материалами [Гриф секретности...1993], не удалась»* [Максудов 2015:163].

¹ АО «РОСОБОРОНЭКСПОРТ» (Россия).

* E-mail: vvlitv@yandex.ru

Этот вывод совершенно не соответствует содержанию статьи Максудова. Во-первых, в ней результаты исследований оппонентов Г.Ф. Кривошеева – их суммарные оценки людских потерь Красной армии в Великой Отечественной войне – вообще не рассматриваются и не упоминаются. И о моей критике этих результатов в рецензии нет ни слова¹. Во-вторых, вывод рецензии противоречит собственным утверждениям Максудова. Обсуждая число погибших в плену советских воинов (а это важная составляющая суммарных потерь Красной армии), он пишет: *«Представляется справедливой критика Литвиненко сверхбольших потерь военнопленных (4 млн) по оценке В.Н. Земскова»* [Максудов 2015:156]. Но ведь у двух из трех критикуемых мною наиболее агрессивных оппонентов Г.Ф. Кривошеева оценки погибших военнопленных не меньше, чем у В.Н. Земскова, т.е. *«сверхбольшие»*: у Б.В. Соколова - 4 млн человек, а у И.И. Ивлева – 5,364 млн. [Литвиненко 2013: 63,73]. Если мою критику оценки В.Н. Земсковым потерь военнопленных Максудов называет справедливой, то и критику аналогичных оценок Б.В. Соколова и И.И. Ивлева тоже нужно признать справедливой, но об этом Максудов умалчивает.

НЕВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

Что же касается критики Максудовым выбранных им фрагментов рецензируемых книг [Гриф секретности...1993; Литвиненко 2013], то она не удалась. Большинство критических замечаний Максудова - результат недостаточно внимательного изучения им содержания рецензируемых книг². Несколько тому примеров.

Начнем с терминологии. Максудов не различает содержание термина "безвозвратные потери" с демографической и с военно-оперативной точек зрения. Это различие подробно описано еще Б.Ц. Урланисом в книге, изданной в 1960 г. [Урланис 1960: 14-15]. Оно объяснено и в книге [Гриф секретности... 1993: 5, 129, 130], и в моей книге [Литвиненко 2013: 6-7]. С демографической точки зрения в безвозвратные потери включаются погибшие и умершие воины (в моей книге во избежание путаницы эти потери обозначены термином **«демографические потери»**). А с военно-оперативной точки зрения к безвозвратным потерям относятся не только погибшие и умершие воины, но и попавшие в плен и пропавшие без вести (в моей книге эти потери обозначены термином **«безвозвратные потери»**)³. Результатом непонимания Максудовым указанного различия стал его ошибочный упрек Г.Ф. Кривошееву в занижении соотношения **безвозвратных**

¹ Загадочно избирательность критики Максудова: вся она касается оценок демографических потерь Красной армии Г.Ф. Кривошеевым, максимальная из которых (9,2 млн человек [Кривошеев 1995:76]) отличается от собственной оценки Максудова (9,8 млн [Максудов 2015:158]) на 0,6 млн человек. Оценки же оппонентов Г.Ф. Кривошеева интереса у Максудова не вызвали, хотя их отличия от оценки Максудова значительно больше: оценка Л.Н. Лопуховского и Б.К. Кавалерчика (11,8 млн) – на 2 млн человек, И.И. Ивлева (20-21 млн) – на 10-11 млн человек, а Б.В. Соколова (26,9 млн) – на 17 млн человек [Литвиненко 2013: 73,114,128].

² Серьезного внимания заслуживает лишь замечание о некорректности подсчета численности эмигрантов из СССР в военное и послевоенное время.

³ В моей книге в 14 таблицах, касающихся общих людских потерь и их соотношения, указываются значения и **демографических**, и **безвозвратных** потерь в военно-оперативном смысле [Литвиненко 2013: 71, 137 141, 149, 150, 156, 168, 180, 184, 192, 201-203, 207, 217], но Максудов почему-то это не заметил.

потерь. Максудов делит **демографические** потери Красной армии (8668 тыс. человек) на **демографические** потери фашистского блока (4918,3 тыс. человек) и получает соотношение 1,8:1 [Максудов 2015: 162], а у Г.Ф. Кривошеева соотношение потерь составляет 1,3:1. Но Г.Ф. Кривошеев оценивает соотношение не **демографических**, а **безвозвратных** потерь [Гриф секретности 1993: 392], поэтому делит **безвозвратные** потери Красной армии (11444 тыс. человек) на **безвозвратные**⁴ потери фашистского блока (8649,5 тыс. человек) и получает соотношение 1,3:1.

Максудов оперирует странными цифрами потерь вермахта убитыми. Приведенной в книге [Гриф секретности 1993] численности погибших немецких военнослужащих на советско-германском фронте (2,8693 млн [Максудов 2015:161]) он, ссылаясь на книгу Б. Мюллера-Гиллебранда, противопоставляет цифру потерь вермахта убитыми на всех фронтах (2-2,3 млн), а в сноске утверждает, что Рюдигер Оверманс *«относит к потерям на Восточном фронте убитыми всего 1135 тыс. плюс 465 тыс. (две трети от нерасчлененных потерь на Востоке и Западе)»* [Максудов 2015:162]. Но эти сведения неверны: Б. Мюллер-Гиллебранд по поводу потерь вермахта писал следующее: *«...можно оценить общие потери личного состава германских вооруженных сил числом, равным 4 млн. убитыми...»* [Мюллер-Гиллебранд 1976: 340], а Р. Оверманс оценивает потери вермахта на советско-германском фронте убитыми и умершими почти в 4 млн человек [Оверманс 1999: 265]. Эта оценка Р.Оверманса тоже есть в моей книге [Литвиненко 2013:164: таблица 3.4].

Максудов приписывает мне утверждение, которое мне не принадлежит. Он с сарказмом пишет: *“По ходу расчета Литвиненко сделал следующее удивительное заявление: «Для корректного сравнения с оценками зарубежных исследователей к этой цифре надо добавить 500 тысяч погибших из числа призванных, но захваченных немцами до прибытия в войска военнообязанных»* [Литвиненко 2013]. Речь идет все о тех же злополучных несостоявшихся красноармейцах, которые мало того, что практически в каждом расчете играют важную роль, мало того, что все до единого, не дойдя до воинской части, оказались в плену, но оказывается им и там не повезло, все без исключения в плену и погибли” [Максудов 2015: 156]. На самом деле утверждение о *«500 тысяч погибших из числа призванных, но захваченных немцами до прибытия в войска военнообязанных»* принадлежит Г.Ф. Кривошееву, и приведено оно в цитируемой Максудовым работе, опубликованной в сборнике «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне» [Кривошеев 1995]. Вот что по этому поводу сообщил Г.Ф. Кривошеев: *«11944100 чел. составили безвозвратные потери, в том числе 11444100 чел. списочного состава, 500 тыс. чел. военнообязанных, не дошедших до частей и не попавших в списки»*. Далее он определяет демографические потери: *«....Таким образом фактическое число демографических потерь составляет 11944100-2775700 (939,7 тыс. + 1836 тыс.) =*

⁴ Г.Ф. Кривошеев специально оговаривает [Гриф секретности... 1993: 385] содержание термина «безвозвратные потери вермахта»: *«Безвозвратные потери включают убитых, умерших от ран и болезней в лечебных учреждениях и на дому по причинам, связанным с применением боевых средств, пропавших без вести, а также небоевые потери (погибшие при несчастных случаях, происшествиях, расстрелянные и т.п.). В отчетных документах вермахта нет такой категории, как пленные. Они учитываются по разделу "без вести пропавшие»*.

9168400 чел. Из них: списочного состава – 8 млн. 668 тыс. 400 чел.; не попавших в список – 500 тыс. чел.» [Кривошеев 1995: 76]. Впрочем, авторство обсуждаемой фразы не столь уж важно, важно другое: Максудов не сумел разобраться в причинах ее появления. Дело в том, что число погибших в плену Г.Ф. Кривошеев определял балансовым методом, особенностью которого является то, что изменение одной составляющей баланса автоматически вызывает изменение других составляющих и (или) их суммы. Включение Г.Ф. Кривошеевым в безвозвратные потери 500 тыс. призванных, но не попавших в списки войск, автоматически увеличило на эту цифру число погибших в плену (с 1,773 до 2,273 млн человек), потому что число выживших пленных и пропавших без вести осталась неизменным – 2775700 человек. Это увеличение числа погибших в плену затронуло две составляющие баланса, относящиеся к категории пропавших без вести: 500 тыс. призванных, но не попавших в списки войск, и 500 тыс. пропавших без вести, но не оказавшихся в плену. В реальности в плену погибли не все призванные, но не попавшие в списки войск, а какая-то часть, а недостающая до 500 тыс. часть приходится на пропавших без вести, но не оказавшихся в плену. Если, например, погибло в плену 300 тыс. призванных, но не попавших в списки войск, то 500 тыс. погибших в плену получается, если число пропавших без вести, но не оказавшихся в плену, будет не 500 тыс., а 300 тыс. человек. Проблема в том, что неизвестно число погибших в плену из 500 тыс. призванных, но не попавших в списки войск (их, может быть, было 200 тыс., 300 тыс., а может, больше или меньше). Соответственно неизвестно, на сколько нужно сократить число пропавших без вести, но не оказавшихся в плену. Поэтому Г.Ф. Кривошеев, чтобы не запутывать и без того не простое положение с числом погибших из числа пропавших без вести и попавших в плен, упростил ситуацию, засчитав погибшими в плену все 500 тыс. призванных, но не попавших в списки войск.

Невнимательным прочтением моей книги объясняется утверждение Максудова о постоянно приводимых мною аргументах: «...Критикуя множество оппонентов Кривошеева, Литвиненко пользуется постоянно одним и тем же набором аргументов: 1) в численность армий и фронтов, приводимых Кривошеевым, включены не все части, некоторые (меньше дивизии) пропущены; 2) не все мобилизованные попадали на фронт, некоторые отправлялись на работу в промышленность или в войска НКВД; 3) не все воевавшие были красноармейцами списочного состава; 4) маршевые пополнения не всегда добирались до боевых частей» [Максудов 2015: 151]. В действительности перечисленные аргументы использовались при обсуждении оценок потерь Г.Ф. Кривошеевым, а критика оценок его оппонентов производилось с помощью совсем других аргументов. Оценки Б.В. Соколова, подсчитавшего потери Красной армии путем экстраполяции потерь в ноябре 1942 г. на 46 месяцев войны, основаны на принципиально непригодном применении линейной экстраполяции к сугубо нелинейным явлениям, какими являются людские потери в войне, а также на умышленной подтасовке исходных данных, ошибках подсчетов потерь по потерям офицерского состава, по балансу всего населения, по балансу мужского населения страны и по данным ОБД "Мемориал" [Литвиненко 2013:71-105]. В оценках И.И. Ивлева обнаружен двойной счет потерь, неучет "естественной" смертности в оценках потерь по балансу населения, ошибки при подсчетах потерь по данным ОБД "Мемориал" и по балансу вооруженных сил [Ивлев 2012: 335-341; Литвиненко 2013:105-127]. Л.Н. Лопуховский и Б.К. Кавалерчик недостаточно четко понимают границы исследования

Кривошеева Г.Ф., а их оценки ошибочны из-за двойного счета потерь [Литвиненко 2013: 128-130].

НЕУДАЧНАЯ КРИТИКА

Замечания Максудова, касающиеся обсуждения мною претензий оппонентов к оценкам Г.Ф. Кривошеева, относятся к Московской оборонительной операции и числу советских военнопленных. Эти замечания - тоже плоды невнимательного отношения Максудова к содержанию рецензируемых книг. Максудов неверно трактует мои аргументы. В книге претензии оппонентов к Г.Ф. Кривошееву обсуждаются в рамках решения задачи анализа и обобщения результатов оценок людских потерь на советско-германском фронте, т.е. рассматриваются с позиции их влияния на итоговую оценку потерь Красной армии в войне – нуждается ли она в корректировке? Обсуждение заканчивается таблицей 2.7, содержащей обобщенные по результатам обсуждения интервальные оценки людских потерь Красной армии на советско-германском фронте по данным списочного учета [Литвиненко 2013: 70-71]. Максудов же рассматривает претензии к Г.Ф. Кривошееву по поводу потерь в Московской оборонительной операции изолированно, без привязки к итоговой оценке потерь Красной армии. Поэтому Максудов не обратил внимания на фразу в моей книге: *«Поскольку общие безвозвратные потери Красной армии по состоянию на 1 марта 1942 г. подсчитаны Кривошеевым Г.Ф. в целом правильно (цифры согласуются со сведениями справки организационно-учетного отдела Оперативного управления Генерального штаба от 1 марта 1942 г. – В.Л.), то даже если потери фронтов на московском направлении несколько занижены, то это компенсировано некоторым завышением потерь на других фронтах»* [Литвиненко 2013: 43]. Именно соответствие цифры общих безвозвратных потерь Красной армии, подсчитанной Г.Ф. Кривошеевым, сведениям официального документа Генерального штаба РККА на 1 марта 1942 г. не позволяет без дополнительных исследований потерь на всех фронтах в октябре 1941 г. скорректировать итоговую цифру потерь Красной армии за счет увеличения потерь в Московской оборонительной операции⁵.

Не понял Максудов, что переход к относительным величинам, над которым он иронизирует [Максудов 2015: 154-155], мною был сделан не ради математических игр, а с целью противодействия попыткам оппонентов Г.Ф. Кривошеева «гиперболизировать» неточности и некорректности его подсчетов. А такие попытки были предприняты сразу же

⁵ Кстати, если пользоваться сведениями, приводимыми Максудовым, то с точки зрения войны в целом, занижение потерь Г.Ф. Кривошеевым было значительно меньше, чем определено в моей книге. Максудов, соглашаясь с оценкой занижения Г.Ф. Кривошеевым безвозвратных потерь Красной армии в Московской оборонительной операции в 340 тыс. человек [Максудов 2015: 155], к числу безвозвратных потерь причисляет 175 тыс. ушедших в партизаны, пробившихся из окружения, но не возвращенных в свои части, дезертировавших [Максудов 2015: 153]. Перечисленные категории военнослужащих для Московской битвы, безусловно, были безвозвратными потерями. Но для войны в целом – это возвратные потери: они были вновь призваны в армию после освобождения оккупированных территорий. Если к этим категориям военнослужащих добавить вышедших из Вяземского и Брянского котлов в ноябре-декабре 1941 г., а также отошедших в полосу соседнего Юго-Западного фронта, то суммарное число дополнительно вернувшихся в строй из Вяземского и Брянского котлов советских солдат составит более 200 тыс. "Занижение" потерь Г.Ф. Кривошеевым при этом будет не 200 тыс. человек, как прогнозировалось в моей книге, а в 2 раза меньше - чуть более 100 тыс.

после выхода книги [Гриф секретности...1993] и продолжают до сих пор. Так, в моей книге [Литвиненко 2013:36] показано, что «вывод» о якобы «занижении» Г.Ф. Кривошеевым в **3 раза** суммарных потерь Красной армии в войне сделан Б.В. Соколовым на основе примеров, абсолютные цифры "недоучета" потерь (причем подсчет сделан с ошибками [Литвиненко 2013:27-35]) составляли менее 0,5% от официального числа безвозвратных потерь Красной армии.

Неудачным получилось возражение Максудова на мнение историка К. Рейнгардта о том, что «...*Бои в Брянском котле не принесли немцам желаемого успеха*» [Литвиненко 2013:40]. Максудов на это мнениеотреагировал так: «*Желаемый успех принесли немцам танки 2-й армии генерала Гудериана, которые, действуя на южном крыле наступающей немецкой армии, 3 октября захватили город Орел, 6 октября ударом с востока - Брянск, 10 октября подошли к Туле...*» [Максудов 2015:152]. Но мнение генерал-полковника вермахта Гейнца Гудериана о боях в октябре 1941 г. не столь благостно. В своих мемуарах Г. Гудериан писал: «...Тяжесть боев постепенно оказывала свое влияние на наших офицеров и солдат. ...На поле боя командир дивизии (4-й танковой - В.Л.) показал мне результаты боев 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи. Подбитые с обеих сторон танки еще оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь...Возвратившись в Орел, я встретил там полковника Эбербаха ...Впервые со времени начала этой напряженной кампании у Эбербаха был усталый вид, причем чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение. Приводил в смущение тот факт, что последние бои подействовали на наших лучших офицеров. Но зато в главном командовании сухопутных войск и в штабе группы армий царило приподнятое настроение! Именно в этом проявилась пропасть между взглядами высшего командования и нашими, хотя в тот период 2-я танковая армия ничего не знала о том, что высшее командование так сильно опьянено нашими победами...» [Гудериан 2001: 317-318].

Теперь о советских военнопленных. О них Максудов тоже рассуждает в общем плане, без привязки к итоговой цифре потерь Красной армии в войне. Он пишет, что до эмиграции из СССР он считал, что численность советских военнопленных была 4,3 млн, но попав на Запад, изменил свои взгляды, согласившись с цифрой западных историков – 5,7 млн попавших в плен советских воинов [Максудов 2015: 157]⁶. На мой взгляд, Максудов поторопился со сменой мнения. Цифра плененных немцами военнослужащих - именно военнослужащих, а не всех, кого немцы брали в плен, - значительно меньше 5,7 млн. Здесь следует отметить четыре обстоятельства. **Во-первых**, расхождения в оценках относятся, главным образом, к числу плененных в 1941 г. советских воинов. Объясняется это тем, что в 1941 г. учет советских военнопленных в вермахте не был налажен. Представление донесений о числе военнопленных в штабы вермахта было не обязательным

⁶ И здесь какие-то странности. Максудов сообщает, что его новые цифры советских военнопленных и погибших среди них (5,7 и 3 млн соответственно) были опубликованы в книге, датированной 1989 г. [Максудов 2015: 157]. Но 4 года спустя в статье "О фронтовых потерях Советской армии во Второй мировой войне" [Максудов 1993: 118-119] он помещает прежние цифры (4,3 и 1,2 млн соответственно). Выходит, что в 1993 г. Максудов вернулся к первоначальным оценкам потерь Красной Армии пленными, а сейчас снова изменил свое мнение.

(соответствующее распоряжение было отдано войскам лишь в январе 1942 г.). С июля 1941 г. учет советских военнопленных велся отделом по учету военнопленных генерального штаба вермахта (ОКВ), но это касалось лишь военнопленных, находившихся на территории рейха [Великая Отечественная... 2009: 320-321]. Число советских военнопленных, находившихся в 1941 г. на оккупированных территориях, оценивается западными исследователями по донесениям немецких войск. Эти данные не могут считаться достоверными, так как имеется много свидетельств о стойкой практике завышения в донесениях немецких войск потерь противника, о чем, кстати, сообщает сам Максудов [2015: 156]. **Во-вторых**, западные исследователи и Максудов вместе с ними не учитывают, что среди советских военнопленных было много гражданских лиц, о чем сообщали немецкие чиновники во время войны и пишет немецкий историк Кристиан Шрайт (эти сведения приведены в моей книге [Литвиненко 2013: 49,54]). **В-третьих**, сведения Г.Ф. Кривошеева о попавших в плен и пропавших без вести советских военнослужащих в 1941 г. соответствуют балансу численности действующей армии с 22.06.1941 по 01.01.1942 г. [Литвиненко 2013: 50-51], а сведения Г.Ф. Кривошеева о безвозвратных потерях Красной армии за первый год войны хорошо согласуются с данными справки организационно-учетного отдела Оперативного управления Генерального штаба и доклада начальника Главного управления по формированию и укомплектованию войск Красной армии генерал-полковника Е.А. Щаденко о мобилизационных ресурсах и их использовании за год войны [Михалев 2000: 98-107]. Наконец, **в-четвертых**, современные немецкие историки ревизионистского направления считают, что и численность, и число погибших советских военнопленных на территории рейха, указанные после войны в различных источниках, были завышены [Ерин 2005: 132-134]. Пока не будут прояснены перечисленные обстоятельства, нет оснований для пересмотра в сторону повышения цифр Г.Ф. Кривошеева, относящихся к числу советских военнопленных из списочного состава Красной армии. Отмечу, что приведенная выше аргументация имеется в книге [Литвиненко 2013: 49-55], но Максудов ее, видимо, не заметил.

Если Максудов принимает цифру Г.Ф. Кривошеева о попавших в плен и пропавших без вести в 5,059 млн человек [Максудов 2015: 157], то цифра погибших в плену получается совсем не похожей на ту, которую он обсуждает (1,103 млн.) [Максудов 2015: 155, 157].⁷ Число погибших в плену при 5,059 млн человек попавших в плен и пропавших без вести рассчитывается следующим образом.

Общее число погибших в плену и пропавших без вести советских военнослужащих - 5,059 млн (в том числе 0,5 млн мобилизованных, но пропавших без вести, не дойдя до войск) [Великая Отечественная... 2009: 323-324]. Из них:

- пропавшие без вести, но не оказавшиеся в немецком плену – 0,5 млн,
- находились в плену – 4,559 млн,
- вернулись из плена по репатриации -1,836 млн,

⁷ Справедливости ради нужно сказать, что разноречивость в оценках числа погибших в плену явился следствием нечеткости и противоречивости оценок Г.Ф. Кривошеева этой категории потерь, в том числе из-за распыленности и запутанности статуса злополучных 500 тыс. человек, отнесенных к потерям гражданского населения.

- повторно призванные после освобождения оккупированных территорий – 0,9397 млн,
- эмигрировавшие в другие страны – 0,2 млн.

Множества репатриированных и вновь призванных являются пересекающимися: они имеют общую часть – 0,2281 млн человек, которые, по данным В.Н. Земскова [1995:11], входили как в число репатриированных военнопленных, так и в число вновь призванных в армию с освобожденных оккупированных территорий. Это значит, что общее число репатриированных и вновь призванных равно:

$$1,836 + 0,9397 - 0,2281 = 2,5556 \text{ млн.}$$

Тогда число погибших советских военнопленных равно:

$$4,559 - 2,555 - 0,2 = 1,8034 \text{ млн.}^8$$

Именно эта цифра (1,8 млн) погибших в плену учтена в итоговой таблице 2.7 моей книги [Литвиненко 2013:70-71].

А подмеченная Максудовым якобы «противоречивая» цифра в 1,1033 млн погибших в плену солдат списочного состава [Максудов 2015: 156] появилась в тексте моей книги лишь при обсуждении подсчетов погибших в плену Л.Н. Лопуховским и Б.К. Кавалерчиком, поскольку в своем балансе они разделили пленных и пропавших без вести: пропавшие без вести были выделены в отдельную строку баланса [Литвиненко 2013:128]. Но, как было показано выше, 500 тыс. из пропавших без вести также погибли в плену.

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ И СОФИЗМЫ

Максудов, видимо, понимая неубедительность своих критических замечаний, пытается их «усилить». Это «усиление» вольно или невольно приняло формы пресловутых «двойных стандартов» и софизмов.

Примером «двойных стандартов» служит странное для научного работника выделение Максудовым в качестве *«серьезного недостатка»* исследования Г.Ф. Кривошеева и моей книги [Гриф секретности...1993; Литвиненко 2013] *«желание ограничиться только списочным составом армии»* [Максудов 2015:149]. Между тем неперменной частью любого исследования является определение его границ. И такие границы в книгах [Гриф секретности...1993; Литвиненко 2013] четко обозначены: оцениваются лишь потери списочного состава Красной армии и вермахта. В подобных границах, например, провел исследования бывший начальник организационного отдела генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-майор Б. Миллер-Гиллебранд, которого Максудов относит к числу *«серьезных западных ученых»*. В своем труде Б. Мюллер-Гиллебранд подсчитал лишь потери вермахта, а потери «фольксштурма»,

⁸ Доля погибших военнопленных в 1941 г. тоже получается не той, что подсчитал Максудов [2015: 157]. Если принять долю погибших в 1941 г. равной двум третям от общего числа погибших военнопленных (так считает Максудов), то это составит 1,2 млн. Поскольку в 1941 г., по данным Г.Ф. Кривошеева, попали в плен и пропали без вести 2,335 млн человек [Кривошеев 1993: 146-147], то смертность советских военнопленных в 1941 г. составляла более 51%, а не 25%, как определил Максудов [2015: 157].

«вервольфа», «гитлерюгенда» и других вооруженных формирований, не входивших в вермахт, он не оценивал [Мюллер-Гиллебранд 1976]. Но к Б. Мюллеру-Гиллебранду у Максудова претензий нет.

Для усиления эффекта Максудов сопровождает упомянутую претензию еще и эмоциональным упреком: «...Столкнувшись с более высокими оценками убитых или военнопленных, Кривошеев и Литвиненко тут же объявляют, что в них, вероятно, учтены не только зарегистрированные красноармейцы, но и ополченцы, сотрудники милиции, партизаны, железнодорожники, строители оборонительных сооружений и прочие гражданские лица. **Сколько было их «званных, но не призванных», авторы не знают, и главное, это их совершенно не интересует** (выделено мной - В.Л.). Такой подход представляется неверным. Все, кто взял в руки оружие и боролся с врагом, были защитниками родины, борцами с фашизмом, героями, память о каждом из них необходимо сохранить, их участие в сражениях должно быть зафиксировано. Исключение этих людей из тех или иных рядов, отсутствие интереса к ним будет нарушением правды о Великой Отечественной войне, о реальных потерях нашего народа в этой битве» [Максудов 2015: 149]. Подобные упреки в логике квалифицируются как умышленные уловки (софизмы), называемые «аргументом к публике» [Ивлев 1992: 214] (в данном случае – воздействие на чувства читателей).

К двойным же стандартам относится и замечание Максудова: «Оценка потерь Германии не нуждается в “помощи” советских историков» [Максудов 2015: 161]⁹. Но при оценке потерь СССР, в частности военнопленными, Максудов не только обращается к “помощи” западных историков, но и считает достоверными лишь их данные.

Раздел «Сравнение немецких и советских военных потерь» статьи Максудов начинает фразой: «Завершив разоблачение разнообразных критиков Кривошеева и Андреева с соавторами, Литвиненко переходит к рассмотрению потерь Вермахта и соотношения потерь на советско-германском фронте» [Максудов 2015: 160]. Но в дальнейшем тексте статьи вообще ничего (ни слова!) из моего «рассмотрения потерь Вермахта и соотношения потерь на советско-германском фронте» не упоминается, а критикуются (причем, неверно) подсчеты книги [Гриф секретности...1993]. Такое изменение предмета обсуждения в логике называется “логической диверсией” [Ивлев 1992: 210].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рецензия Сергея Максудова на мою книгу не получилась. Не поняв целевых установок книги, Максудов, не замечая «бревен» ошибок других исследователей, заиклился на

⁹ Этот тезис Максудов мотивирует тем, что после войны для ученых были открыты немецкие военные архивы. Но, видимо, Максудов не знает, что немецкие архивные документы о потерях вермахта характеризуются неполнотой и недостаточной достоверностью. Неполнота объясняется тем, что значительная часть архивных документов вермахта находится в других странах, в том числе в России (кроме того, большое число документов было уничтожено и утеряно в конце войны). А недостоверность архивных документов о потерях вермахта подробно обсуждается в книге Р. Оверманса [Overmans 1999].

«соломинках» недостатков как исследования Г.Ф. Кривошеева, так и моих доводов в его пользу. Но и в этом он не преуспел в силу невнимательного отношения к содержанию рецензируемых книг и неверной интерпретации приводимых в них аргументов.

Разумеется, книга [Гриф секретности...1993] не лишена недостатков. В ней (и в ее последующих изданиях) есть и нестыковки в цифрах, и в их интерпретации, и некорректности, и неточности, и противоречия, и другие ошибки¹⁰. В работах подобного масштаба погрешности неизбежны. Здесь важен уровень этих погрешностей. Анализ результатов статистического исследования и их проверка балансовыми методами показывает, что погрешность подсчетов потерь Красной армии на советско-германском фронте авторским коллективом под руководством Г.Ф. Кривошеева не превышает несколько сотен тысяч человек. Погрешности же альтернативных подсчетов потерь Красной армии на порядок выше: у Л.Н. Лопуховского и Б.К. Кавалерчика погрешность в несколько миллионов человек, у И.И. Ивлева она достигает 8 млн человек, а у Б.В. Соколова ошибка превышает 2 десятка миллионов человек. Кроме того, беспристрастный исторический опыт войн доказывает правоту расчетов авторского коллектива Г.Ф. Кривошеева. Результаты войн последних двух столетий показывают, что о многократном превышении потерь Красной армии над потерями вермахта на советско-германском фронте и речи не может быть: Красная армия была бы не в состоянии победить вермахт даже, если бы ее безвозвратные потери превышали безвозвратные потери немецких войск более чем в 1,5 раза. Утверждения о том, что *«Великая Победа была одержана ценой невероятно высоких и неоправданных потерь»* [Соколов 2005], что *«людские потери, которые понесла Красная армия в Великой Отечественной войне, многократно превысили потери вермахта»* [Надеждин 2005], относятся к области ненаучной фантастики.

ЛИТЕРАТУРА

- Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь (2010) / Под ред. Г.Ф. Кривошеева, В.М. Андронникова, П.Д. Бурикова, В.В. Гуркина. М.: Вече. 384 с.
- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (1993) // Под. ред. Г.Ф. Кривошеева. М: Воениздат. 370 с.
- Гудериан Г. (1999). Воспоминания солдата. Пер. с немец. Смоленск: Русич. 654 с.
- Ерин М.Е. (2005). Советские военнопленные в нацистской Германии 1941-1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ. 178 с.
- Земсков В.Н. (1995). Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба // Социологические исследования. 5: 3-13.
- Ивлев И.И. (2012). «... А в ответ тишина – он вчера не вернулся из боя!» // сб. Умылись кровью? М.: Яуза. Эксмо: 260-509.
- Ивлев Ю.В. (1992). Логика. М.: Изд-во Моск. ун-та.

¹⁰ Часть неточностей, ошибок и противоречий книги Г.Ф. Кривошеева [Гриф секретности...1993] рассмотрены в моей книге [Литвиненко 2013: 61, 69, 70, 168].

- Кривошеев Г.Ф. (1995). Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне // *Людские потери СССР в Великой Отечественной войне*. Санкт-Петербург.
- Литвиненко В.В. (2013). Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече. 288 с.
- Максудов С. (1993). О фронтовых потерях Советской армии в годы Второй мировой войны // *Свободная мысль*. 10: 117-119.
- Максудов С. (2015). Больше или меньше? // *Демографическое обозрение*. 2 (1): 148-165. URL: <https://demreview.hse.ru/2015--1/163584304.html> (дата обращения: 10.01.2016).
- Михалев С.Н. (2000). Людские потери в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистическое исследование. Красноярск: РИО КГПУ.
- Мюллер-Гиллебранд Б. (1976). Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. Т.3. Война на два фронта. Пер. с немец. М.: Воениздат. 416 с.
- Надеждин И. (2005). Потерянные миллионы // *Итоги*. 19.
- Соколов Б.В. (2005). Цена победы и мифы Великой Отечественной // *Великая война: трудный путь к правде. Интервью, воспоминания, статьи. Серия «АИРО» – научные доклады и дискуссии*. Вып. 17: 53-71.
- Урланис Б.Ц. (1960). Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII – XX вв. (Историко-статистическое исследование). М.: Соцэкгиз. 568 с.
- Overmans R. (1999). *Deutsche Militarische Verluste im Zweiten Weltkrieg*. Munchen: R. Oldenbourg Verlag.

STRANGE REVIEW

VLADIMIR LITVINENKO^{1, *}

The article is a response to S. Maksudov's criticism "More or less?", which was published in "Demographic Review" in 2015 with regards to my book "The price of war. Casualties on the Soviet-German front" (2013).

Key words: Red Army, vermach, Soviet-German front, estimates of demographic and irrevocable human losses.

¹ ROSOBORONEXPORT (RUSSIA).

* CORRESPONDENCE: vvlitv@yandex.ru.

DATE RECEIVED: MARCH 2016.

REFERENCES

- Erin M.E. (2005). Sovetskie voennoplennyye v natsistsoj Germanii 1941-1945 gg. Problemy issledovaniya [Soviet prisoners of war in Nazi Germany 1941-1945. Research problems]. Yaroslavl: YarGU. 178 p.
- Grif sekretnosti snyat. Poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boyevykh deystviyakh i voyennykh konfliktakh [Secrecy label removed. Casualties of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts] (1993). G.F.Krivosheev, ed. Moscow: Voenizdat. 370 p.
- Guderian G. (2001). Vospominaniya soldata [Memories of a soldier]. Smolensk: Rusich.
- Ivlev I.I. (2012). «... A v otvet tishina – on vchera ne vernulsya iz boya!» [... Silence as a response - yesterday he did not return from the battle!] // sb. Umylis' krov'yu? [Bloody war] Moscow: Yauza. Eksmo: 260-509.
- Ivlev Yu.V. (1992). Logika. Uchebnik [Logic. Textbook]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 270 p.
- Krivosheev G.F. (1995). Ob itogah statisticheskikh issledovaniy poter' Vooruzhennykh Sil SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne [On the results of statistical researches concerning the losses of the Soviet armed forces in the Great Patriotic War] // Lyudskie poteri SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne [Casualties of the USSR in the Great Patriotic War]. Saint Petersburg.
- Litvinenko V.V. (2013). Cena vojny. Lyudskie poteri na sovetsko-germanskoy fronte [The price of the war. Casualties on the Soviet-German front]. Moscow: Veche. 288 p.
- Maksudov S. (1993). O frontovykh poteryakh Sovetskoj armii v gody Vtoroy mirovoj vojny [The Soviet army front losses in the World War II] // Svobodnaya mysl' [Free thought]. 10: 117-119.
- Maksudov S. (2015). Bol'she ili men'she? [More or less?] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 2 (1): 148-165. URL: <https://demreview.hse.ru/2015--1/163584304.html> (accessed: 10.01.2016).
- Mikhalev S.N. (2000). Lyudskie poteri v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg. Statisticheskoe issledovanie [Casualties in the Great Patriotic War 1941-1945. Statistical research]. Krasnoyarsk: RIO KGPU.
- Mueller-Gillebrand B. (1976). Suhoputnaya armiya Germanii 1933-1945 gg. T.3. Vojna na dva fronta [German land force 1933-1945. Vol.3. Two-front war]. Moscow: Voenizdat. 416 p.

- Nadezhdin I. (2005). Poteryannye milliony [Lost millions] // Itogi [The outcome]. 19.
- Overmans R. (1999). Deutsche Militarische Verluste im Zweiten Weltkrieg. Munchen: R. Oldenbourg Verlag.
- Sokolov B.V. (2005). Cena pobedy i mify Velikoj Otechestvennoj [The price of the victory and myths of the Great Patriotic War] // Velikaya vojna: trudnyj put' k pravde. Interv'yu, vospominaniya, stat'i [The Great War: a difficult way to truth. Interviews, memories, articles]. Seriya "AIRO" – nauchnye doklady i diskussii [AIRO – scientific reports and discussions]. Vyp. [Issue] 17: 53-71.
- Urlanis B.Ts. (1960). Vojny i narodonaselenie Evropy. Lyudskie poteri vooruzhennyh sil evropejskih stran v vojnah XVII – XX vv. (Istoriko-statisticheskoe issledovanie) [Wars and European population. Casualties of the armed forces of the European countries in wars of XVII - XX centuries]. Moscow: Sotsekgiz. 568 p.
- Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter' [The Great Patriotic War without secrecy label. The book of losses] (2010) / G.F. Krivosheev, V.M. Andronnikov, P.D. Burikov, V.V. Gurkin, eds. Moscow: Veche. 384 p.
- Zemskov V.N. (1995). Repatriaciya sovetskih grazhdan i ih dal'nejshaya sud'ba [Repatriation of Soviet citizens and their further destiny] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 5: 3-13.

РЕМАРКА НА РЕМАРКУ

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ^{1, *}

Ответ на критические замечания В.В. Литвиненко «Странная рецензия» (см. настоящий номер журнала) по поводу опубликованной в «Демографическом обозрении» рецензии С. Максудова «Больше или меньше?» на книгу В.В. Литвиненко «Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте».

Редакция журнала «Демографическое обозрение» любезно познакомила меня с поступившими в редакцию критическими замечаниями В.В. Литвиненко, относящимися к моей опубликованной в журнале в прошлом году рецензии [Максудов 2015] на его книгу [Литвиненко 2013].

Литвиненко прав, я не рассматривал подробно его оценки потерь и его критику работ различных исследователей. Это не входило в мои задачи. Книга Литвиненко заинтересовала меня как пример апологетической апелляции к работе коллектива военных историков под руководством Г.Ф. Кривошеева. Эта необычайно важное исследование, выполненное четверть века назад, сегодня, к сожалению, является в ряде случаев тормозом, препятствующим дальнейшему изучению важнейшей проблемы советской военной истории. Я не буду рассматривать полемику Литвиненко с Б.В. Соколовым и непонятного назначения цитаты из Гудериана и Мюллера-Гиллебранта, не буду обсуждать критические замечания и обвинения Литвиненко, его претензии в мой адрес. Читатель при желании сам познакомится с моей рецензией и сам разберется в сути дела. Остановлюсь лишь на нескольких принципиальных исторических вопросах.

1. Кривошеев сравнивает безвозвратные потери СССР и Германии, в которые включает для СССР «бойцов и командиров Красной армии, убитых и умерших от ран, умерших от болезней, погибших в результате происшествий и несчастных случаев, осужденных к расстрелу, пропавших без вести, и неучтенные потери первых месяцев войны (погибшие, пропавшие без вести в боевых операциях)». Итого насчитывается 11,4 млн человек. В потери Германии Кривошеев засчитывает «солдат Вермахта (убитых, умерших от ран, пропавших без вести, попавших в плен), в том числе австрийцев, эльзасцев, люксембуржцев, судетских немцев, иностранные формирования (словацкие, французские, бельгийские), добровольческие части (власовцев, прибалтов, мусульман). Кроме того, к немецким потерям приплюсовываются аналогичные потери всех союзников Германии, солдат Венгрии, Румынии, Италии, Финляндии» [Гриф секретности... 1993: 130, 392].

¹Центр Российских и Евразийских исследований имени Девиса Гарвардского Университета (США).

*E-mail: babyonys@fas.harvard.edu.

Я считаю, что после войны включать в потери людей, побывавших в плену и вернувшихся, в конце концов, домой, неверно. Вычитая соответствующие цифры из данных Кривошеева, получаем соотношение потерь не 1:1,3, а заметно больше (1,6-1,8). Но даже если мы примем в дополнение все потери союзников СССР, то получим соотношение 1:2, что несколько не умаляет героического подвига солдат Красной армии в Великой Отечественной войне. Заметим, однако, что власовцы включены в потери обеих сторон и в таком же положении находятся часть прибалтов и мусульман, что неверно. Также не следовало, по моему мнению, включать в потери умерших от болезней.

2. В своих замечаниях Литвиненко рассказывает, что существует военный документ, в котором указаны потери Красной армии. Он пишет: *«Поскольку общие безвозвратные потери Красной армии по состоянию на 1 марта 1942 г. подсчитаны Кривошеевым Г.Ф. в целом правильно (цифры согласуются со сведениями справки организационно учетного отдела Оперативного управления Генерального штаба от 1 марта 1942 года), то даже если потери фронтов на московском направлении несколько занижены, то это компенсировано некоторым повышением потерь на других фронтах».*

То есть существует хорошо известная советскому военному командованию истина о размерах военных потерь, и Кривошееву и другим исследователям надо лишь этому замечательному документу соответствовать.

3. Литвиненко бесхитростно разъяснил, почему 500 тыс. военнообязанных из Прибалтики, Украины и Белоруссии, призванных военкоматами, оказались не в воинских частях, а погибли в немецких лагерях: *«Кривошеев Г.Ф., чтобы не запутывать и без того не простое положение с численностью погибших из числа пропавших без вести и попавших в плен, упростил ситуацию, засчитав погибшими в плену все 500 тысяч призванных, но не попавших в списки войск».*

Главное, чтобы общий баланс сходился, а военнопленные сами разберутся, кому в лагере умереть, а кому к немцам на службу определиться. Проблема, однако, в том, что из расчетов Кривошеева и Литвиненко исключена такая важная категория военнообязанных, как дезертиры. Не явившиеся в свои части, конечно, не военнопленные, а сознательные или вынужденные обстоятельствами дезертиры. Немцам в 1941 г. было не до того, чтобы отлавливать этих штатских безоружных людей и сажать их в лагеря, и без того переполненные людьми в солдатских шинелях. Ими займется лишь в 1943 г., когда перестанут брезговать сотрудничеством с местными оппонентами советской власти на оккупированных территориях. Например, молодым латышам в 1943 г. предоставлялся выбор: служба в дивизиях СС или отправка на работу в Германию.

4. Литвиненко обвиняет меня в двойных стандартах, поскольку, по его словам, я считаю, что *«оценка потерь Германии не нуждается в помощи советских историков. Но при оценке потерь СССР, в частности военнопленными, Максудов не только обращается к помощи западных историков, но и считает достоверными лишь их данные».*

Я не называл бы это двойными стандартами. Дело в том, что в Германии вплоть до осени 1944 г. был очень хорошо поставлен воинский учет, а сразу после войны была проведена перепись населения, позволившая достаточно точно оценить потери страны.

Изучением же потерь населения СССР стали заниматься лишь через 45 лет после окончания войны (если не считать нескольких диссидентских работ).

Что касается судьбы советских военнопленных, то западные ученые занимались их изучением много лет, в их полном распоряжении были немецкие военные архивы с множеством материалов на эту тему. Так что стандарт, как всегда в научных исследованиях, один: серьезный подход, знание необходимых материалов и умение с ними обращаться.

5. Наконец, наиболее трудный вопрос о числе погибших военнопленных. Литвиненко объяснил, что из двух приведенных им в книге цифр ему больше нравится 1803 тыс., а цифра 1103 тыс. *«появилась в книге лишь при обсуждении подсчетов Лопуховского ...»* [Литвиненко 2013]. Вторая цифра следует из расчета Кривошеева (1283 тыс. не вернувшихся из плена минус 180 тыс. оставшихся на западе). При этом обе цифры существенно преуменьшены. Оценка погибших военнопленных, безусловно, нуждается в дальнейшем исследовании. Необходимо в оценку включить не только солдат, прошедших через военкоматы, а всех сражавшихся с фашистами с оружием в руках. Частично Кривошеев так и поступает, включая в баланс военнопленных 500 тыс. не дошедших до воинских частей. Он даже удваивает эту цифру, объясняя: «Если учесть еще 5% граждан, освобожденных по различным причинам от призыва в западных республиках и областях, которые также оказались на оккупированной врагом территории и частично пленными, то общее число попавших в плен составит около одного миллиона человек» [Гриф секретности... 1993: 339]. Как я уже писал раньше, необходимо от манипуляций огромными гипотетическими цифрами переходить к рассмотрению судеб отдельных людей. Широкие возможности для этого предоставляют уже существующие базы данных. И знание множества этих судеб позволит нам более точно оценить характер и размеры потерь советского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (1993) // Под. ред. Г.Ф. Кривошеева. М: Воениздат. 415 с.
- Литвиненко В.В. (2013). Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече. 288 с.
- Максудов С. (2015). Больше или меньше? // Демографическое обозрение. 2 (1): 148-165. URL: <https://demreview.hse.ru/2015--1/163584304.html> (дата обращения: 10.03.2016).

REMARK ON REMARK

SERGEI MAKSUDOV^{1, *}

Response to the critical notes "Strange review" by V.V. Litvinenko (published in this issue) on the previously published review "More or less?" by S. Maksudov concerning the book "The price of war. Casualties on the Soviet-German front" by V.V. Litvinenko.

¹ DAVIS CENTER FOR RUSSIAN AND EAST EUROPEAN STUDIES, HARVARD UNIVERSITY (USA).

* CORRESPONDENCE: babyonys@fas.harvard.edu.

DATE RECEIVED: APRIL 2016.

REFERENCES

- Grif sekretnosti snyat. Poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boyevykh deystviyakh i voyennykh konfliktakh [Secrecy label removed. Casualties of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts] (1993). G.F.Krivosheev, ed. Moscow: Voenizdat. 415 p.
- Litvinenko V.V. (2013). Cena vojny. Lyudskie poteri na sovetsko-germanskoy fronte [The price of the war. Casualties on the Soviet-German front]. Moscow: Veche. 288 p.
- Maksudov S. (2015). Bol'she ili men'she? [More or less?] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 2 (1): 148-165. URL: <https://demreview.hse.ru/2015--1/163584304.html> (accessed: 10.03.2016).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья КАШНИЦКИЙ^{1,2,*}

- *Rallu J.-L. Projections of older immigrants in France, 2008-2028*
- *Tolts M.S. Demographic transformations among ex-Soviet migrants in Israel*
- *Dion P., É. Caron-Malenfant, C. Grondin, D. Grenier. Long-term contribution of immigration to population renewal in Canada: A simulation*
- *Sasson I. Trends in life expectancy and lifespan variation by educational attainment: United States, 1990-2010*
- *Cámara A.D. A biosocial approach to living conditions: inter-generational changes of stature dimorphism in 20th-century Spain*
- *Sohn K. Sexual stature dimorphism as an indicator of living standards?*
- *Kang S. Inequality and crime revisited: effects of local inequality and economic segregation on crime*
- *Sohn K. Men's revealed preferences regarding women's ages: evidence from prostitution*

[Rallu J.-L. (2016). Projections of older immigrants in France, 2008-2028 // Population, Space and Place (предварительная электронная публикация).doi.org/10.1002/psp.2012]

Жан-Луи Раллу изучил влияние миграции на численность и этнический состав пожилого населения Франции по данным переписи населения 2008 г. с учетом прогнозных оценок еще на два десятилетия вперед. Автор с удивлением отмечает, что этот вопрос на протяжении десятилетий не вызывал должного интереса среди исследователей, несмотря на то, что многочисленные когорты переселенцев 1960-х и 1970-х годов уже достигают возраста выхода на пенсию, усиливая и без того тревожные перспективы старения населения в развитых странах Западной Европы. Проблема требует детального изучения для формирования своевременных мер социальной политики. Иммигранты, как правило, относятся к низшим социально-экономическим слоям населения, за свою трудовую жизнь они не успели или не сумели накопить значительные сбережения либо заработать приличную пенсию.

В ближайшие годы во Франции доля пожилых людей среди иммигрантов будет прирастать быстрее, чем среди местного населения: прирост в 79% в возрасте 65+ к 2028 г. среди иммигрантов против 51% среди французов. При этом скорость прироста пожилого иммигрантского населения значительно варьируется в зависимости от страны происхождения (таблица 1), наибольший прирост ожидается в наименее социально благополучных этнических группах: среди выходцев из Турции и Марокко и, в особенности, из стран Африки южнее Сахары.

¹ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ), ² PhD кандидат УНИВЕРСИТЕТА ГРОНИНГЕНА (RUG) и НИДЕРЛАНДСКОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (NIDI).

*E-mail: ikashnitsky@hse.ru

Таблица 1. Динамика численности пожилого иммигрантского населения в зависимости от страны происхождения и пола, %

Страна	2018			2028		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
Италия	86	87	84	63	65	61
Португалия	180	174	186	227	210	243
Испания	89	87	91	79	79	79
Прочие, ЕС	145	163	133	206	251	176
Прочие, Европа	135	124	144	162	123	192
Алжир	132	112	169	147	102	227
Марокко	195	177	228	273	184	433
Прочие, Африка	249	250	248	588	497	715
Турция	231	216	248	353	291	424
Прочие страны	185	197	175	354	379	334

Примечание: 2008=100%.

Автор также отмечает, что радикальные решения в области иммиграционной политики во Франции (например, закрытие границ в 1975 г.) привели к тому, что число пожилых иммигрантов сильно варьируется в зависимости от миграционных когорт и стран происхождения. Эти факторы должны быть учтены при планировании социальной политики: необходим детальный прогноз численности пожилого населения по отдельным возрастным группам с учетом специфики миграционной истории, а не только в целом по возрастной структуре населения.

DEMOGRAPHIC TRANSFORMATIONS AMONG EX-SOVIET MIGRANTS IN ISRAEL

[Tolts M.S. (2015). *Demographic transformations among ex-Soviet migrants in Israel* // *Research in Jewish Demography and Identity*. Boston, MA: Academic Studies Press: 146-168. URL: https://www.academia.edu/11419692/Demographic_Transformations_among_Ex-Soviet_Migrants_in_Israel]

Демографические исследования, как правило, в силу специфичности объекта исследования не опираются на масштабные экспериментальные данные. К счастью, история знает лишь ограниченное число масштабных "экспериментов" над большими группами людей. Один из таких стихийных "демографических экспериментов" описал в своей недавней статье Марк Тольц. Речь о массовой репатриации евреев после распада СССР: с 1989 по 2009 г. из постсоветских стран эмигрировали около 1,6 млн евреев, большая часть из которых (998 тыс.) направились в Израиль. Это уникальный случай, когда для довольно большой человеческой популяции, совершившей миграцию в довольно короткий отрезок времени, имеются детальные демографические данные до и после миграции. Автор сравнивает демографические характеристики одних и тех же людей в СССР и спустя некоторое время в Израиле.

Исследование демонстрирует исключительное значение социальной среды. В СССР евреи были в среднем высокообразованными городскими жителями, что, разумеется, отражалось в агрегированных демографических характеристиках: и рождаемость, и

смертность у евреев была ниже, чем у прочего городского населения. После эмиграции эти же люди удивительно быстро перестроились на демографический режим израильтян. Пик интенсивности рождаемости стремительно сместился к более зрелым возрастам (рисунок 1). Применительно к одним и тем же когортам женщин подобная трансформация профиля рождаемости означает дополнительные рождения в зрелых возрастах. В итоге коэффициент суммарной рождаемости евреев с постсоветского пространства в Израиле достиг значений 1,7-1,8, значительно превысив исходные значения в районе 1,5, наблюдавшиеся в СССР в конце 1980-х годов.

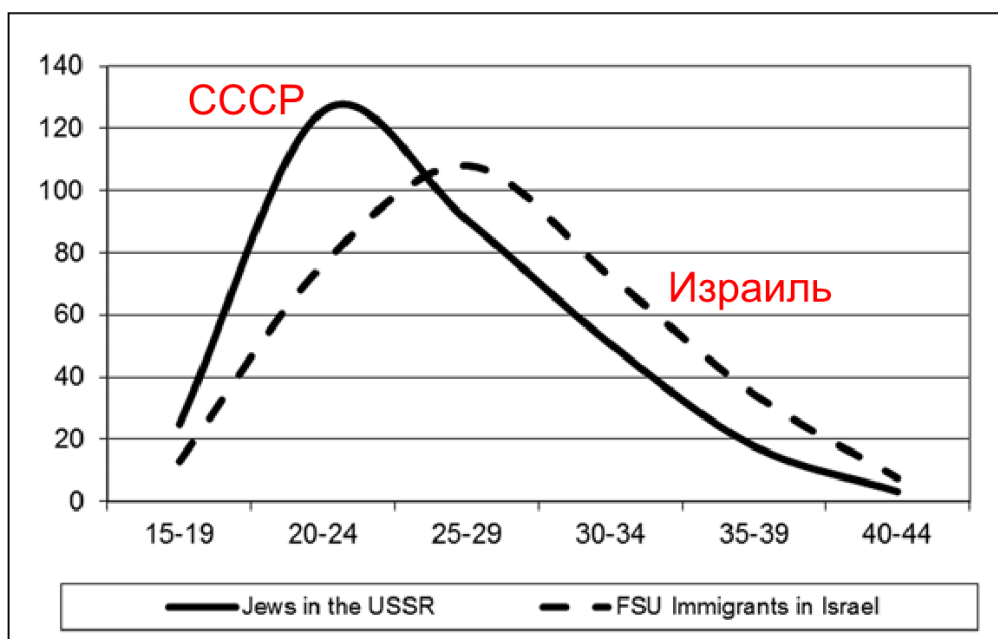

Рисунок 1. Возрастные коэффициенты рождаемости евреев в СССР в 1988-1989 гг. и иммигрантов из постсоветских стран в Израиле в 2001 г., на 1000 женщин

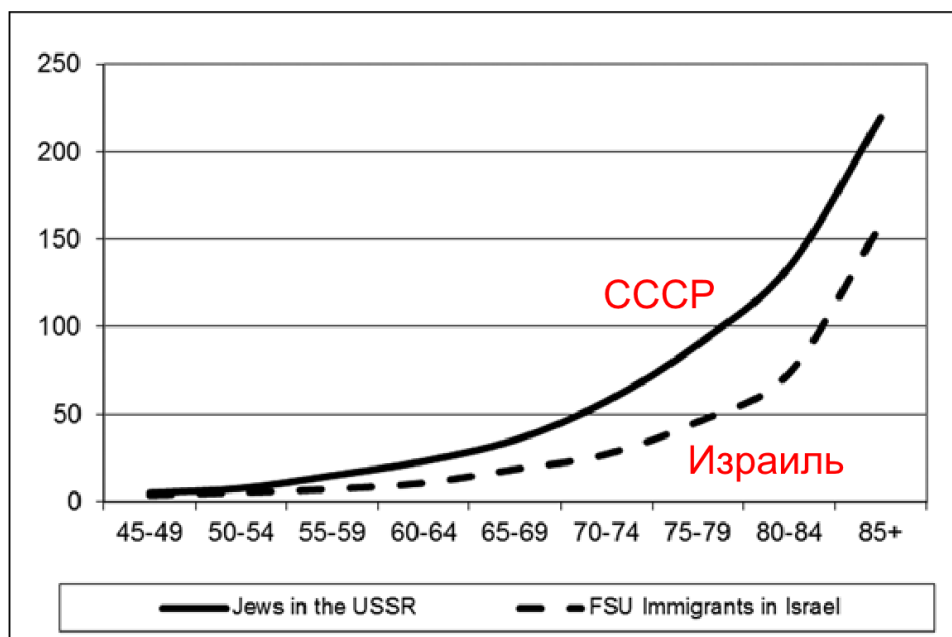

Рисунок 2. Возрастные коэффициенты смертности евреев в СССР в 1988-1989 гг. и иммигрантов из постсоветских стран в Израиле в 2007-2009 гг., на 1000 мужчин

Возрастные коэффициенты смертности значительно снизились (рисунок 2), обеспечив увеличение ожидаемой продолжительности жизни переселенцев. В конце 1980-х годов ожидаемая продолжительность жизни советских евреев в возрасте 15 лет была на 3,5 года ниже, чем у израильских евреев. Уже в начале 2000-х годов в Израиле, после переселения советских евреев, это различие практически нивелировалось для женщин, а у мужчин сократилось до 2,5 лет.

Если посмотреть на изучаемый миллион постсоветских евреев как на отдельную человеческую популяцию, изменение демографических характеристик, произошедшее после репатриации, обусловило увеличение популяции на 53 тыс. человек за два десятилетия. Если бы демографический режим этого населения остался прежним, его бы ждала депопуляция.

Исследование косвенным образом дополняет обильную литературу, посвященную анализу современной неблагополучной демографической ситуации на постсоветском пространстве. Одна и та же группа людей, совершая переезд из бывшего СССР, в пределах одного поколения радикальным образом корректирует свои показатели воспроизводства в сторону большей демографической устойчивости.

LONG-TERM CONTRIBUTION OF IMMIGRATION TO POPULATION RENEWAL IN CANADA: A SIMULATION

[Dion P., É. Caron-Malenfant, C. Grondin, D. Grenier (2015). Long-term contribution of immigration to population renewal in Canada: A Simulation // Population and Development Review. 41(1): 109–126. doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00028.x]

Парис Дион, Эрик Карон-Маленфан, Шанталь Гроден и Доминик Гринир методом имитации смоделировали процесс замещения населения Канады вновь пребывающими мигрантами. Это упражнение призвано проиллюстрировать, как может идти процесс, названный Дэвидом Коулменом Третьим демографическим переходом, при реально наблюдаемой сегодня в Канаде интенсивности иммиграции.

Исследователи взяли данные интенсивности миграционного притока в Канаду в 2006 г. и рассчитали структуру населения в ближайшие 100 лет в соответствии с четырьмя сценариями. В рамках поставленного вопроса интересовавшая их структура населения выглядела достаточно просто и состояла лишь из трех групп: 1) население, проживавшее в Канаде в 2006 г.; 2) иммигранты, приехавшие после 2006 г.; 3) потомки иммигрантов (рисунок 3). Четыре прогнозных сценария подразумевали сочетания двух параметров: 1) приток мигрантов: фиксированная интенсивность на уровне 2006 г. (7,5 на 1000 населения) или фиксированное абсолютное число иммигрантов (252,5 тыс. чел.); 2) союзы иммигрантов и «местных»: да или нет. Разумеется, сценарии маловероятные и призваны проиллюстрировать спектр возможных вариантов замещения населения.

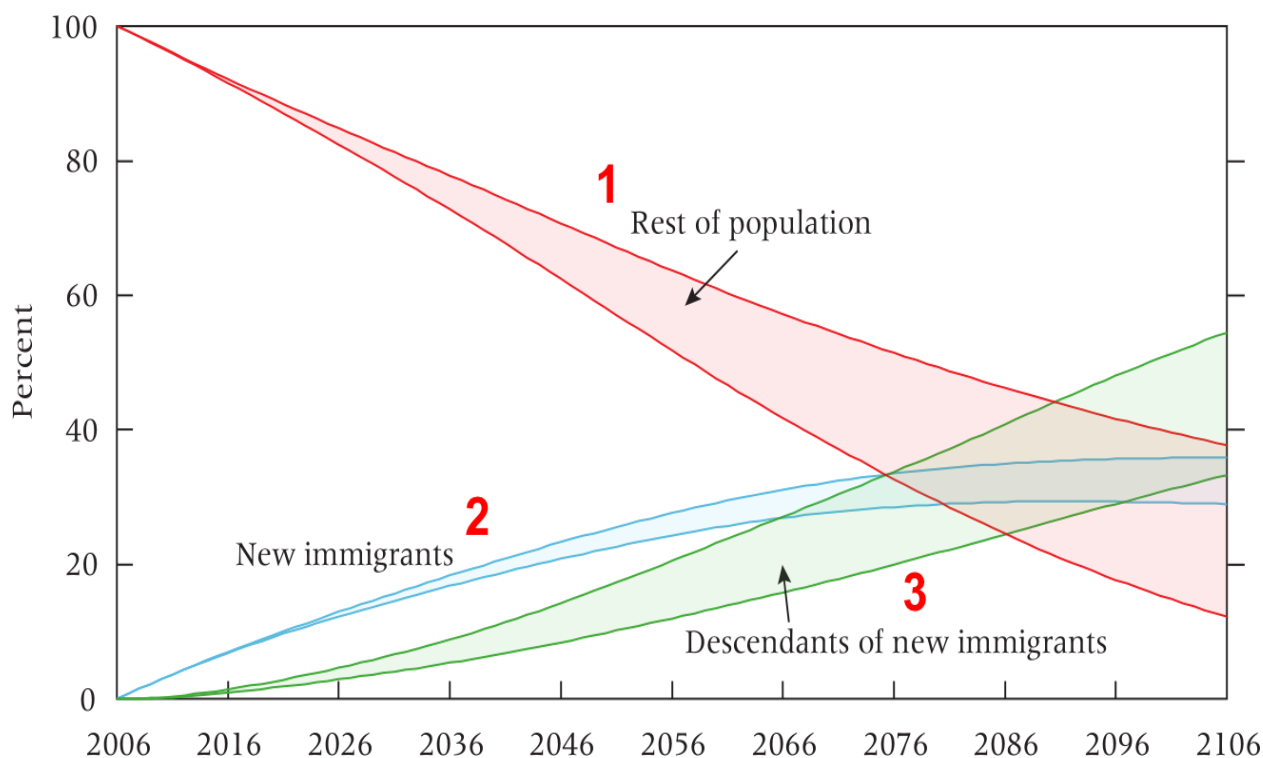

Рисунок 3. Прогнозная структура населения Канады при разных сценариях. 1 – население 2006 г. и их потомки; 2 – новые иммигранты; 3 – люди, хотя бы один предок которых прибыл в Канаду после 2006 г.

Результаты анализа показывают, что замещение населения Канады может происходить довольно быстро: в зависимости от выбранного сценария население 2006 г. составит меньшинство самое раннее к 2058 г., самое позднее к 2079 г. Через 100 лет от 62 до 88% населения Канады будет представлено лицами, прибывшими после 2006 г. и/или их потомками.

Исследователи отмечают, что об очень высоких темпах замещения населения иммигрантами (при современных масштабах/уровнях) можно судить, сравнивая данные с историческими. По состоянию на 2006 г. в Канаде проживало 37% населения, состоявшего из иммигрантов и рожденных в Канаде детей, хотя бы один из родителей которых был иммигрантом. По данным моделирования такая же доля новых иммигрантов и их потомков была бы достигнута, в зависимости от выбранного сценария, всего за 41-55 лет. Авторы заключают, что диверсификация населения вследствие миграции представляет особую проблему для общества, если она не растягивается на несколько поколений, а происходит слишком быстро. В этом случае обществу приходится адаптироваться к новым реалиям в условиях, когда люди наблюдают значительные изменения в течение одной жизни. Именно это и происходит сейчас, подтверждая обоснованность характеристики происходящих изменений как Третьего демографического перехода и актуальность такой характеристики как концептуального обобщения.

TRENDS IN LIFE EXPECTANCY AND LIFESPAN VARIATION BY EDUCATIONAL ATTAINMENT: UNITED STATES, 1990-2010

[Sasson I. (2016). *Trends in life expectancy and lifespan variation by educational attainment: United States, 1990-2010* // *Demography*. 53(2): 269-293. doi.org/10.1007/s13524-015-0453-7]

В развитых странах образовательный градиент отчетливо проявляется в показателях продолжительности жизни (или различиях возрастных уровней смертности). Образованные люди живут дольше. Это давно задокументированный, много раз проверенный и подтвержденный демографический факт. Однако картина существенно упрощается, когда анализ проводится только на уровне средних значений показателей. Средние значения показателей могут скрывать значительные внутренние различия. Исаак Сассон впервые исследовал образовательные различия в ожидаемой продолжительности жизни с учетом вариации показателя (неравенство в дожитии, *lifespan variation*).

Используя данные о смертности американцев за 1990-2010 гг., исследователь изучил динамику ожидаемой продолжительности взрослой жизни (e_{25}^0) и стандартное отклонение в распределении возраста смерти для населения старше 25 лет (S_{25}). Смертность в возрасте до 25 лет отсекается, поскольку она оказывает большое влияние на результаты, маскируя наиболее интересные различия в смертности взрослого и пожилого населения.

Даже визуальный анализ показывает, что есть существенные различия в возрасте смерти в зависимости от образования (рисунок 4). Доля людей, умирающих в пожилом и преклонном возрасте, значительно выше у людей с высшим образованием (16+ лет обучения) по сравнению с обладателями полного (12 лет обучения) и неполного (0-11 лет обучения) школьного образования. Но сам факт различий не так удивляет. Значительно интереснее то, что со временем различия нарастают, а кроме того, динамика изменения функции плотности распределения различается по группам. За 20 лет средний возраст смерти людей с высшим образованием существенно увеличился, а пик в модальном значении при этом вырос, указывая на то, что дисперсия распределения сократилась. В менее образованных группах населения противоположная тенденция: распределение становится более размазанным. То есть нарастают не только различия в продолжительности жизни по уровню, но и увеличивается дисперсия распределения возраста смерти для менее образованных групп населения.

Одновременное сравнение изменения ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 25 лет (e_{25}^0) и вариации продолжительности жизни (S_{25}) с 1990 по 2010 г. в зависимости от уровня образования, пола и расы (рисунок 5) выявляет любопытные закономерности. Неравенство в дожитии у белого населения сокращается только среди высокообразованной его части. У наименее образованного белого населения США ожидаемая продолжительность взрослой жизни сокращается. Чернокожее население США сокращает исходное отставание от белого населения по обоим показателям, при этом особенно ярко динамика выражена у мужчин.

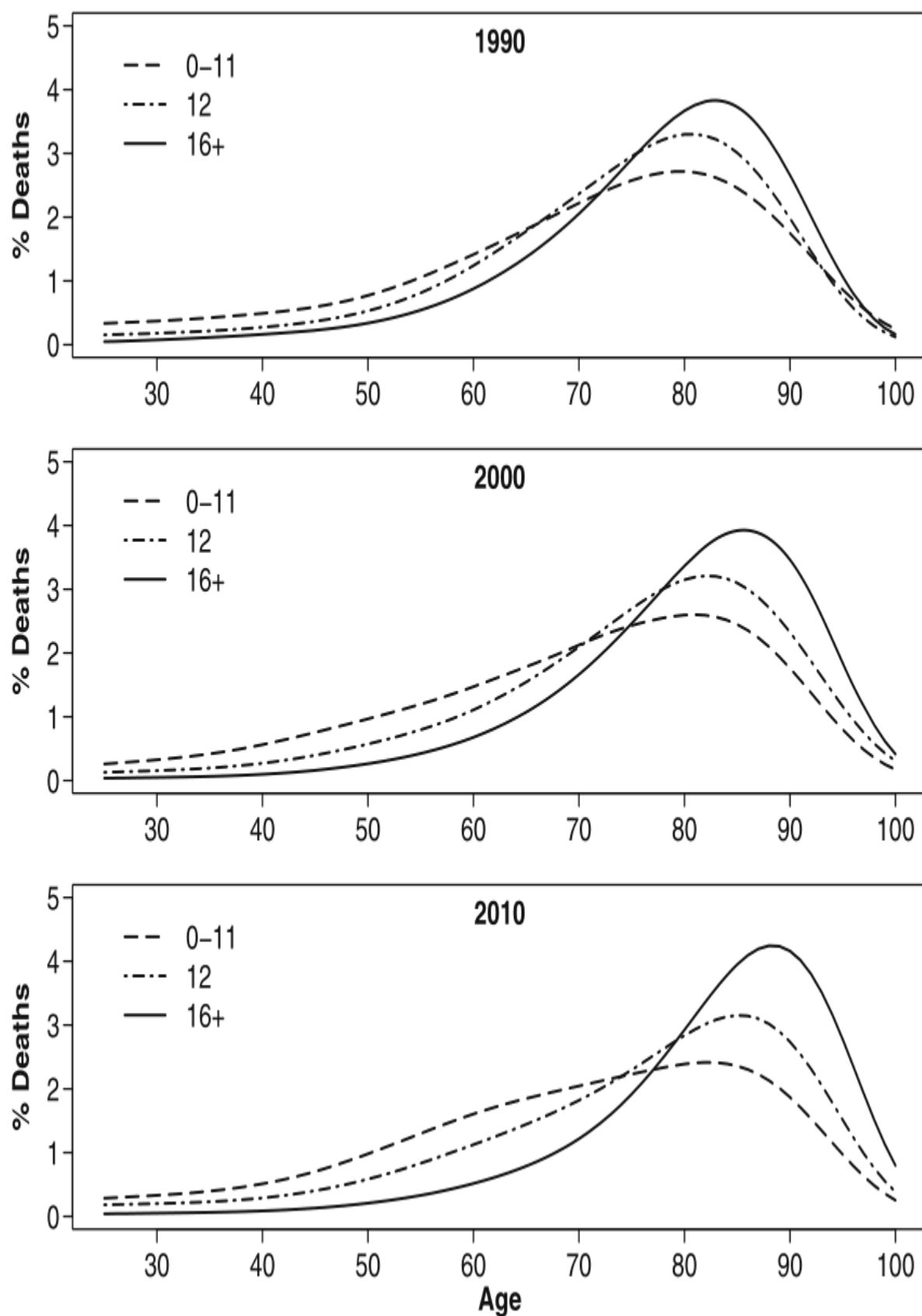

Рисунок 4. Распределение табличных чисел умерших мужского белого неиспаноязычного населения США в зависимости от уровня образования (количество лет обучения)

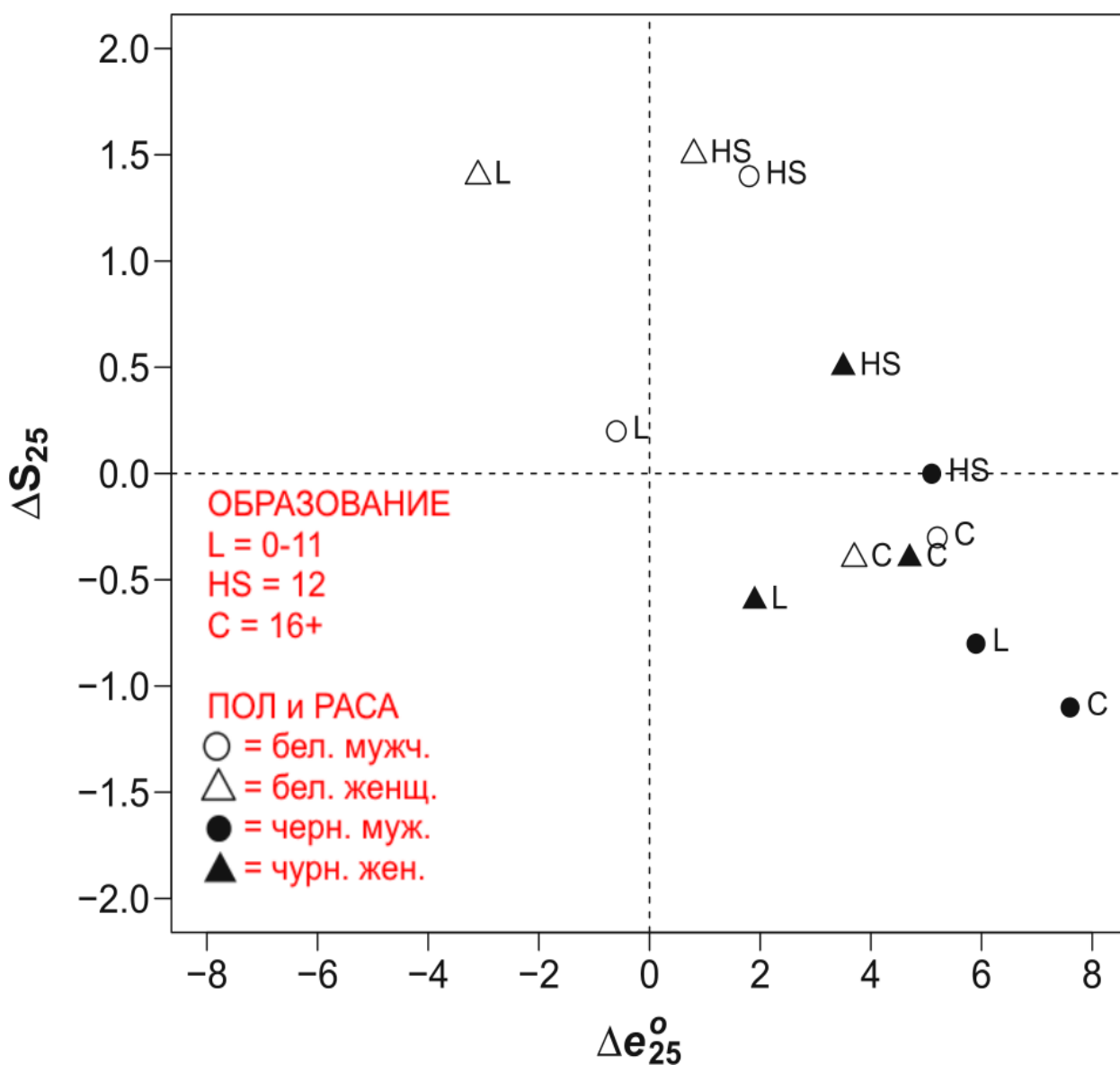

Рисунок 5. Изменение в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 25 лет и вариации продолжительности жизни (e_{25}^0) с 1990 по 2010 г. в зависимости от уровня образования, пола и расы

В целом исследование показывает, что образовательный градиент в смертности американцев только усиливается в последние десятилетия. Выводы, основывающиеся лишь на анализе ожидаемой продолжительности жизни, как правило, утверждают, что люди со школьным образованием лишь отстают от обладателей высшего образования. То есть подразумевается, что изменения происходят в целом в одном направлении, но с некоторым отставанием менее образованной части населения. Комплексный анализ Сассона показывает, что ситуация гораздо сложнее и не столь оптимистична: менее образованное население становится все более неоднородным по показателям смертности.

A BIOSOCIAL APPROACH TO LIVING CONDITIONS: INTER-GENERATIONAL CHANGES OF STATURE DIMORPHISM IN 20th-CENTURY SPAIN

[Cámara A.D. (2015). *A biosocial approach to living conditions: inter-generational changes of stature dimorphism in 20th-century Spain* // *Annals of Human Biology*. 42(2): 168–178. doi.org/10.3109/03014460.2014.911349]

Соотношение роста мужчин и женщин (антропологи используют очень внушительный термин для его обозначения - половой диморфизм роста, sexual stature dimorphism, SSD) отличается завидным постоянством и составляет примерно 1,07-1,08. Однако в отдельных поколениях это соотношение может ощутимо колебаться. Основная причина заключается в том, что мужской организм хуже переносит негативные воздействия среды во время взросления, нежели женский. Поэтому в поколениях, выросших в неблагоприятных обстоятельствах (как правило, это недостаточное питание), наблюдается пониженное значение показателя SSD. Антонио Камара проверил, как нелегкие периоды в истории Испании XX века (рисунок 6) отражались на соотношении роста мужчин и женщин (SSD) в соответствующих поколениях.

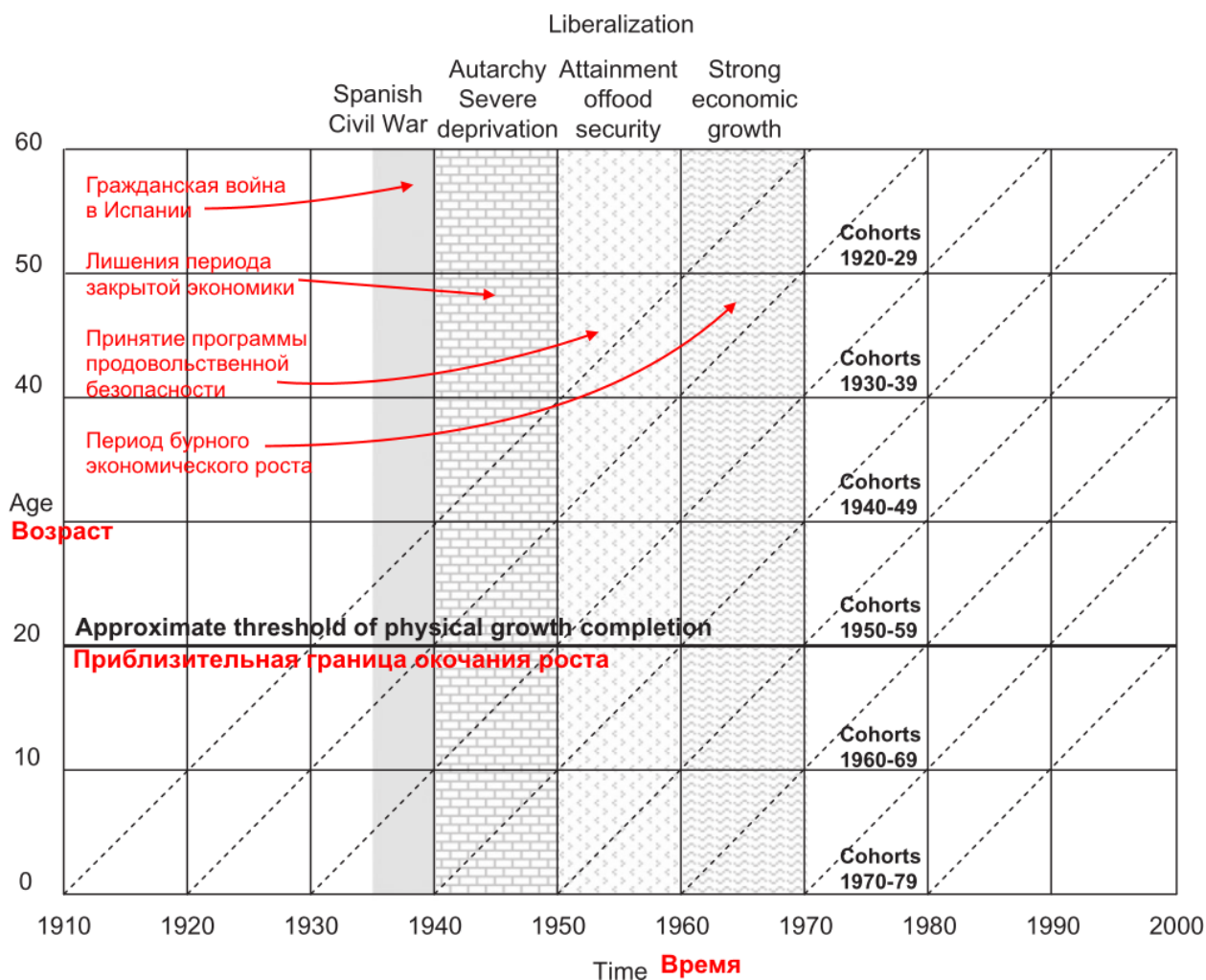

Рисунок 6. Исторический контекст исследования

Исследования показывают, что влияние на итоговый рост оказывают внешние условия не только в младенческий период, но и в значительной степени в период полового созревания, период наиболее бурного роста и трансформации организма. В своем исследовании Камара принимает в качестве усредненного возраста полового созревания границу в 13 лет.

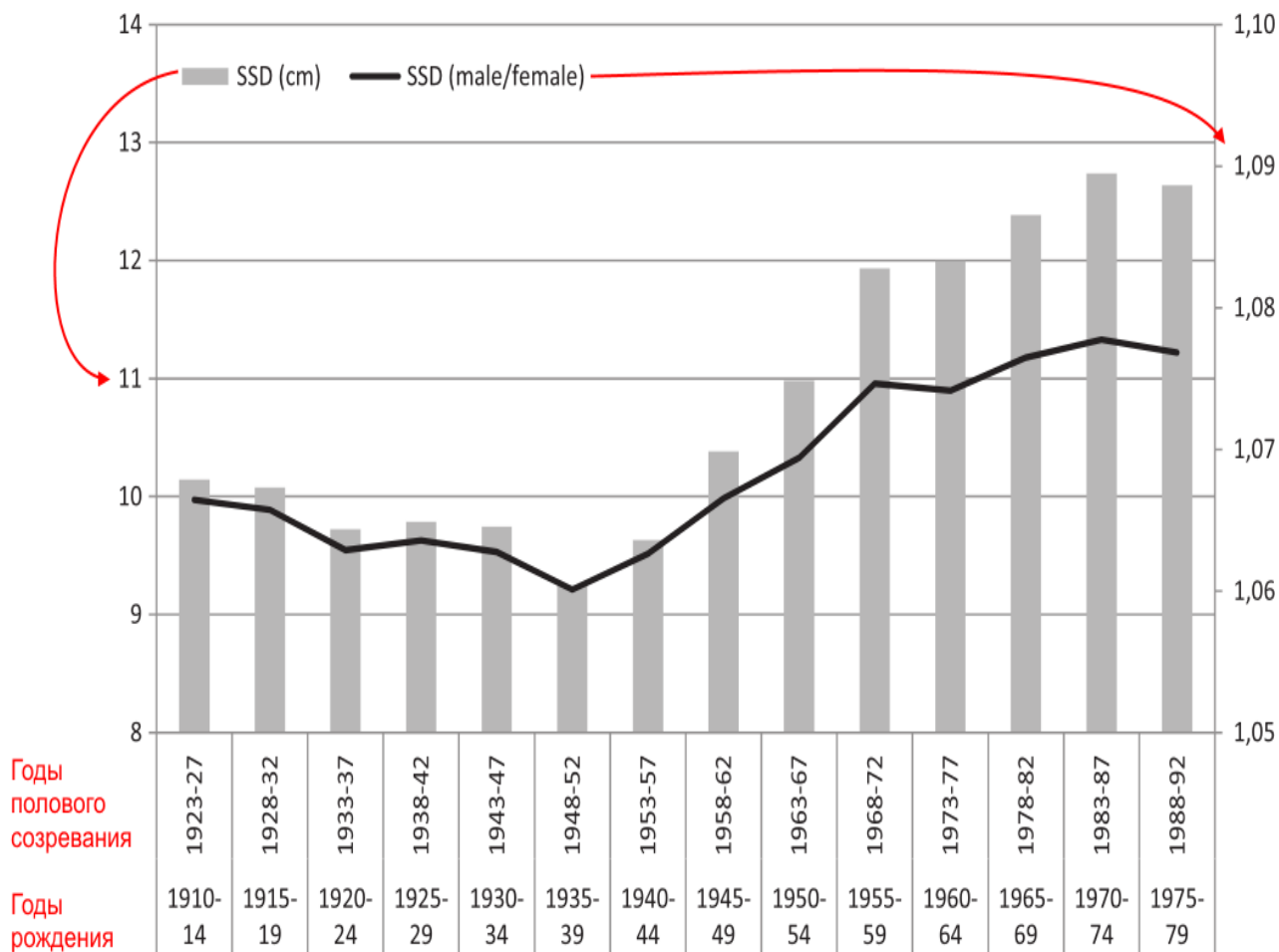

Рисунок 7. Различия (столбики, левая шкала) и соотношения (линия, правая шкала) роста мужчин и женщин для разных когорт населения Испании

Результаты анализа (рисунок 7) подтверждают базовые предпосылки. Наименьшие значения SSD наблюдаются в когортах, рожденных во время гражданской войны, наиболее активный период становления которых пришелся на голодный период времен закрытой экономики. В более поздних когортах значения показателя вернулись к стандартным для человеческих популяций.

Примечательно также, что наибольший эффект снижения SSD наблюдался среди наименее обеспеченного населения (рисунок 8). Кроме того, крайне низкие значения SSD продержались в этой группе на протяжении всего периода экономического неблагополучия. Этот вывод еще больше подкрепляет свидетельство того, что рост людей, и в особенности мужчин, сильно зависит от внешних факторов.

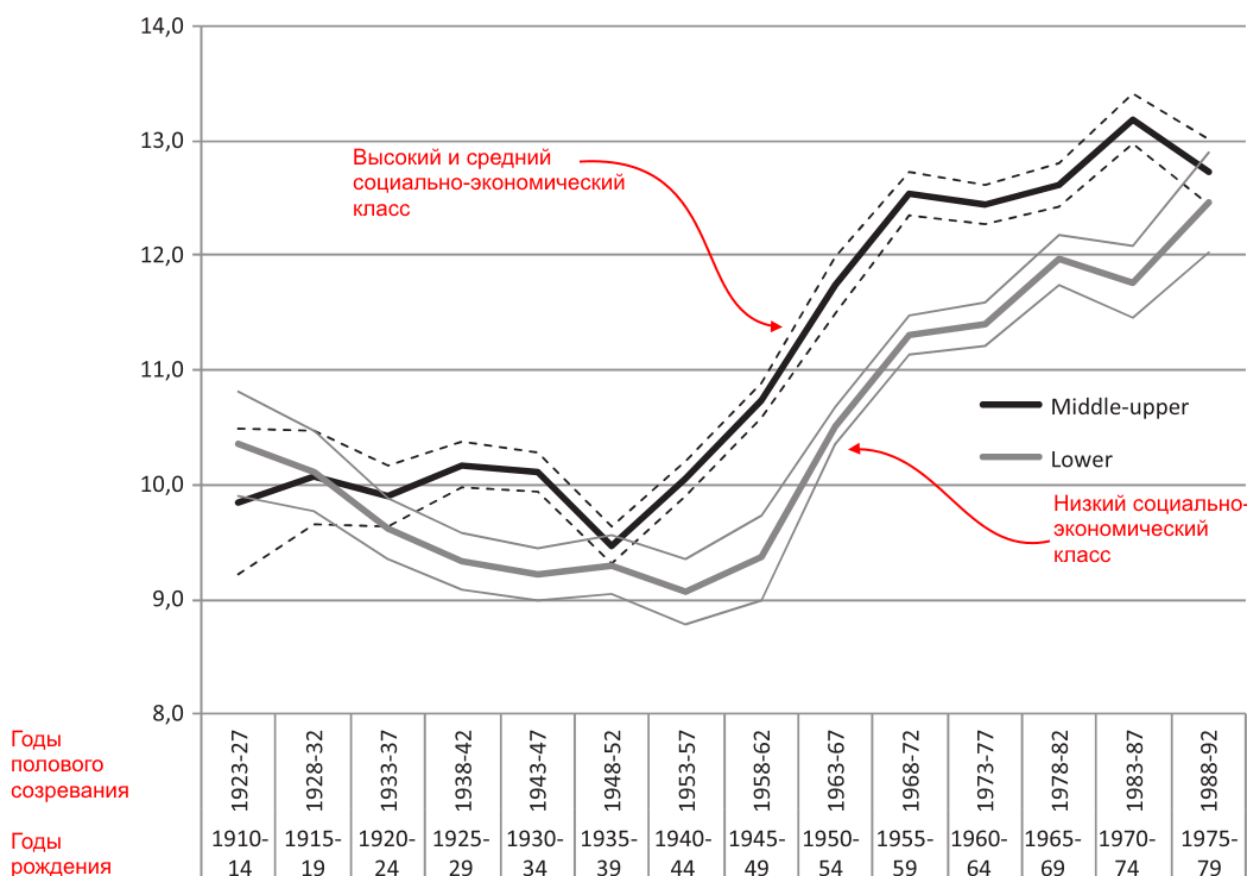

Рисунок 8. Различия в росте мужчин и женщин для разных когорт населения Испании в зависимости от социально-экономического класса

В дискуссии результатов автор отмечает, что, по его мнению, доминирующее в литературе суждение о том, что мужчины в большей степени подвержены негативному воздействию окружающей среды, в целом трактуется неверно. Мужчины, наоборот, имеют физиологическое преимущество перед женщинами в росте, они лучше адаптируются к благоприятной внешней среде. Недавние исследования показывают, что при благоприятных условиях мужчины могут продолжать расти после 20 лет, в то время как женщины даже в самых благоприятных условиях останавливаются в росте уже к 15 годам.

SEXUAL STATURE DIMORPHISM AS AN INDICATOR OF LIVING STANDARDS?

[Sohn K. (2015). *Sexual stature dimorphism as an indicator of living standards?* // *Annals of Human Biology* (предварительная электронная публикация). doi.org/10.3109/03014460.2015.1115125]

Несколько месяцев спустя в ответ на рассмотренную выше статью Антонио Камара в том же журнале вышла критическая заметка корейского исследователя Китэ Сона. Он подверг сомнению повсеместную применимость популярного у антропологов показателя соотношения роста мужчин и женщин (половой диморфизм роста, sexual stature dimorphism, SSD) для объяснения различий в уровне жизни исторических населений. Исследователь

усомнился в том, что описанный Камара тренд для испанских когорт не является всего лишь частным случаем или даже случайным статистическим возмущением, ошибочно принятым за закономерность. Несмотря на колоссальные изменения условий взросления когорт, SSD изменялся в пределах 1,06-1,08, что едва ли можно трактовать как значительные отклонения от стандартных для человеческих популяций значений.

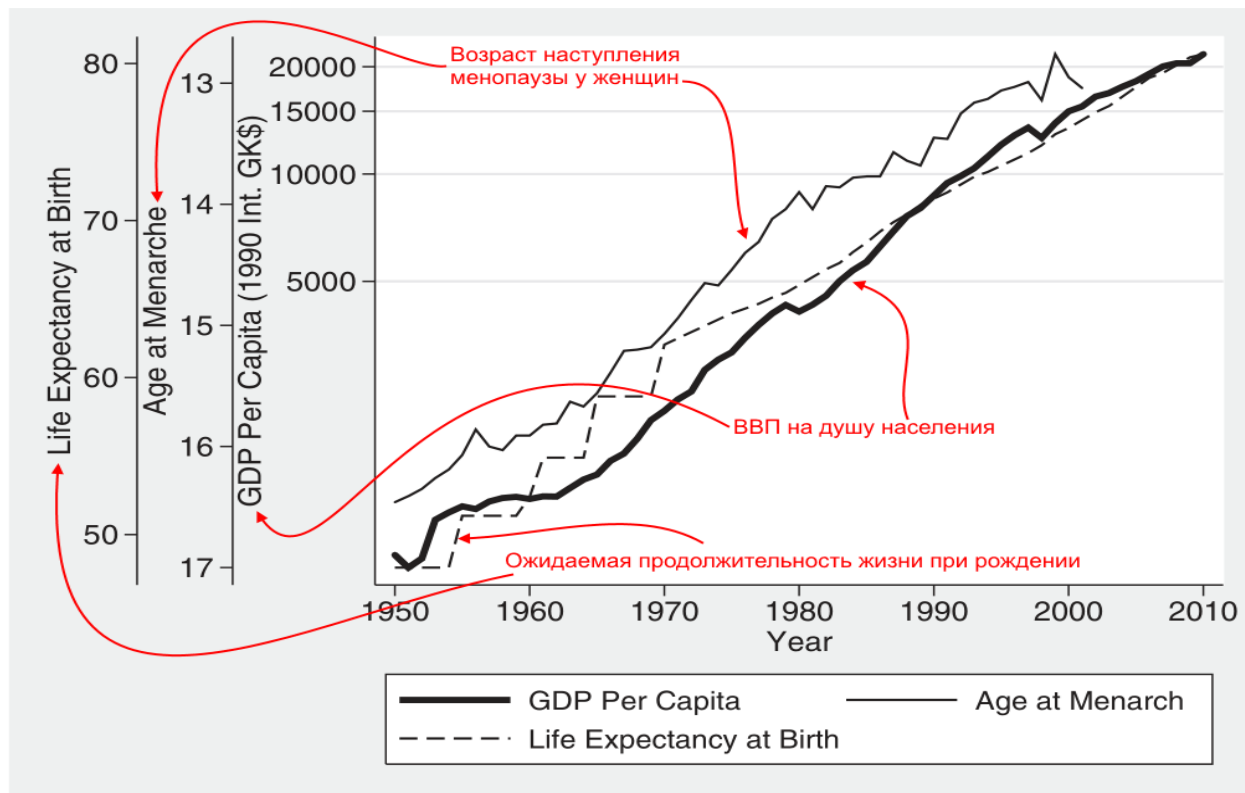

Рисунок 9. Исторический контекст Южной Кореи во второй половине XX века

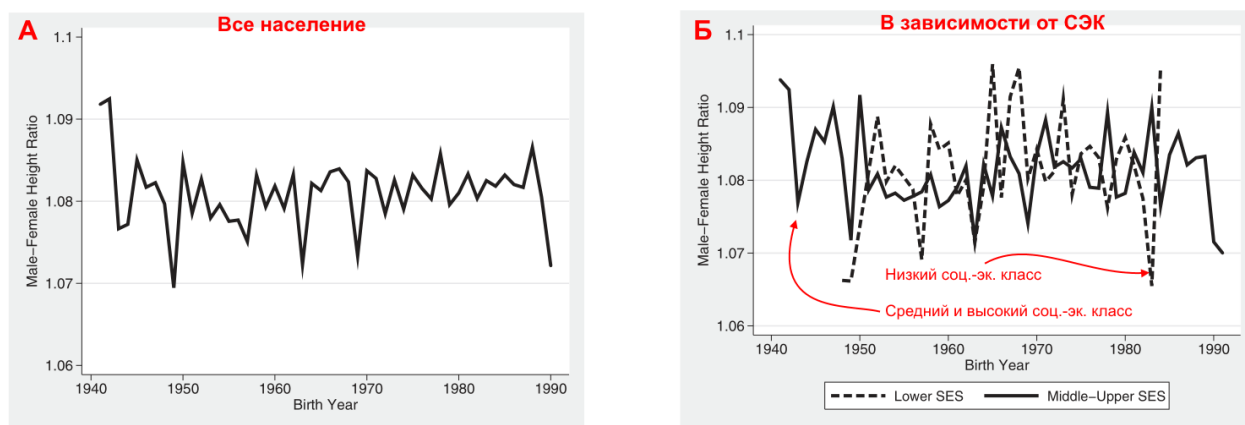

Рисунок 10. Соотношение роста мужчин и женщин в Корее: А - все население; Б - отдельно для представителей низкого и среднего/высокого социально-экономических классов (СЭК)

Согласно логике применения динамики SSD, широко используемой в антропологических работах, чрезвычайно бурный экономический рост в Южной Корее во второй половине XX века (рисунок 9; ВВП на душу населения в Корее вырос в 14,9 раз с

1953 по 2000 г.) должен был бы проявиться в увеличении соотношения роста мужчин и женщин.

Проверив гипотезу на обширном наборе данных о росте корейцев, рожденных во второй половине XX века, исследователь не нашел ей подтверждения (рисунок 10-А). Примечательно, что устойчивых различий нет даже между более и менее благополучными слоями населения (рисунок 10-Б).

В завершении статьи автор отмечает, что частный пример Кореи не может служить доказательством ошибочности использования показателя SSD. Однако этот аргумент требует внимания: необходимы дополнительные исследования, а также осторожность в трактовке частных случаев и выведении на их основании общих закономерностей.

INEQUALITY AND CRIME REVISITED: EFFECTS OF LOCAL INEQUALITY AND ECONOMIC SEGREGATION ON CRIME

[Kang S. (2015). Inequality and crime revisited: effects of local inequality and economic segregation on crime // Journal of Population Economics. 29(2): 593-626. doi.org/10.1007/s00148-015-0579-3]

Многочисленные работы устанавливали взаимосвязь между неравенством в доходах и преступностью. Теоретически ее, как правило, обосновывают с помощью рациональной модели криминального поведения, согласно которой человек склонен совершить преступление в случае, когда с учетом возможных рисков ожидаемые доходы от преступления превышают возможности легитимного заработка. Логично ожидать, что при увеличении экономического неравенства в нижнем хвосте распределения доходов наблюдается рост склонности к совершению преступлений. Параллельно экономическое расслоение способствует увеличению ожидаемых выгод от совершения преступлений. Сонгман Канг утверждает, что существующие работы, подтверждающие на эмпирических данных описанную модель, чрезмерно упрощают действительность. Как правило, единицей анализа в подобных работах становится страна, регион или штат. Характер данных позволяет усомниться в том, что настолько высокий уровень агрегирования данных позволяет подтвердить или опровергнуть теоретические построения. Так, исследования в некоторых крупных городах США показали, что до половины ограблений происходит в пределах 1 мили от места проживания преступника и до 70% – в пределах переписного участка его проживания. Очевидно, что пространственное распределение тяжких преступлений сильно структурировано, и агрегирование данных на высоком уровне может маскировать наиболее интересные различия.

Канг впервые проверил взаимосвязь экономического расслоения и распространенности тяжких преступлений на уровне переписных трактов США (которых в 2010 г. насчитывалось более 73 тыс.) и графств (более 3 тыс.). Интересующие индексы автор рассчитывал на уровне переписных трактов и объединял полученные данные самостоятельно на уровне графств для регрессионного анализа. Автор применил технику декомпозиции индекса неравенства Тайля на две составляющие: внутри переписных

трактов и между ними. Затем методом мультиномиальной линейной регрессии отдельно проверялась взаимосвязь обеих составляющих с уровнем преступности при учете ряда контрольных переменных.

Положительная взаимосвязь между уровнем экономического неравенства и преступностью, многократно отмеченная в научной литературе, появляется в результате экономической сегрегации (различий в доходах между переписными трактами), а не в результате локального неравенства (внутри переписных трактов). Вторым наиболее интересным результатом исследования оказывается то, что изучаемая взаимосвязь становится слабовыраженной и статистически незначимой при введении в спецификацию регрессионной модели в качестве контрольных переменных время и графства. Это означает, что ненаблюдаемые различия между графствами и временная динамика преступности в большей степени отвечают за формирование корреляции между экономическим неравенством и преступностью, ослабляя объяснительную силу теоретических построений.

Свой вклад в научную литературу автор видит в следующем. Во-первых, исследование углубляет понимание взаимосвязи экономического неравенства и преступности и демонстрирует проблемные места предыдущих исследований по теме. Оказалось, что ранее публиковавшиеся результаты о сильной положительной корреляции между неравенством и преступностью в большей степени объясняются социально-экономической сегрегацией, а не просто уровнем неравенства как такового. Во-вторых, расширена теория экономической модели преступности. При условии низких выгод и рисков от преступлений против бедняков малообеспеченные люди оказываются более склонными как совершить преступления, так и оказаться жертвой. Таким образом, повышенная преступность концентрируется в бедных районах. В-третьих, работа подчеркивает необходимость выбора подходящего географического уровня агрегирования данных. Этому вопросу при анализе криминальных данных ранее уделялось незаслуженно малое внимание.

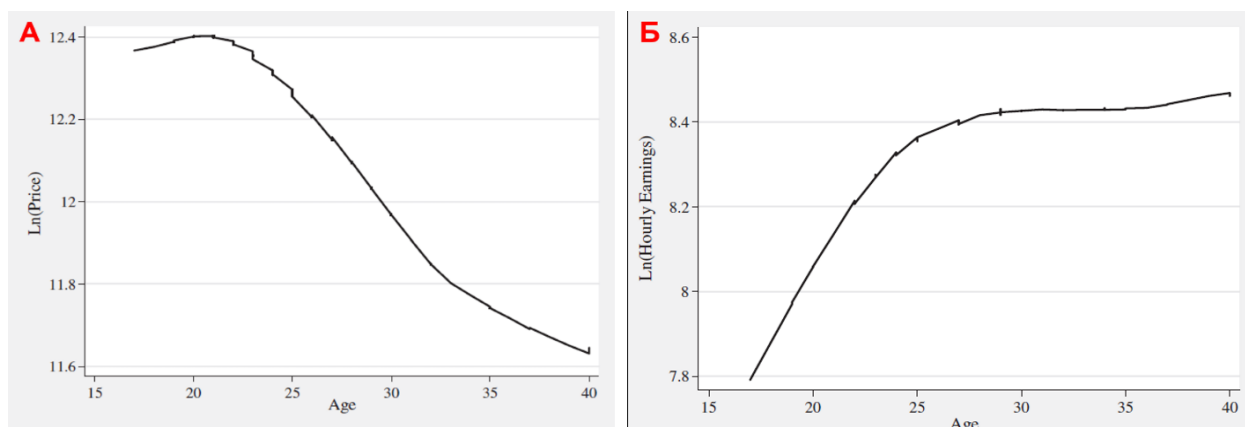
MEN'S REVEALED PREFERENCES REGARDING WOMEN'S AGES: EVIDENCE FROM PROSTITUTION

[Sohn K. (2016). Men's revealed preferences regarding women's ages: evidence from prostitution // Evolution and Human Behavior. 37(4): 272-280. doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2016.01.002]

Китэ Сон любопытным образом изучил возрастные предпочтения мужчин при выборе партнерши в условиях, когда все прочие причины выбора сведены к минимуму, используя статистику услуг проституток. Для этого исследователь изучил данные о стоимости услуг 8,5 тыс. индонезийских проституток, логично предположив, что стоимость услуг отражает ценность женщины в глазах клиента.

Сравнение возрастных профилей стоимости проституток (рисунок 11А) и женщин других профессий (рисунок 11Б) демонстрирует уникальность взаимосвязи возраста и

доходов для проституток. Это служит косвенным индикатором справедливости допущения о том, что стоимость услуг проститутки отражает ее привлекательность для клиентов.

**Рисунок 11. Доход женщин Индонезии в зависимости от возраста:
А - проститутки; Б - женщины прочих профессий**

После учета всевозможных контрольных переменных возрастной профиль доходов проституток выглядит следующим образом (рисунок 12). Отчетливо выражена нелинейность негативной взаимосвязи стоимости услуг и возраста: наблюдается плато в поздних тинейджерских возрастах и самом начале третьего десятка, затем резкое падение и, наконец, снова плато в районе 35 лет.

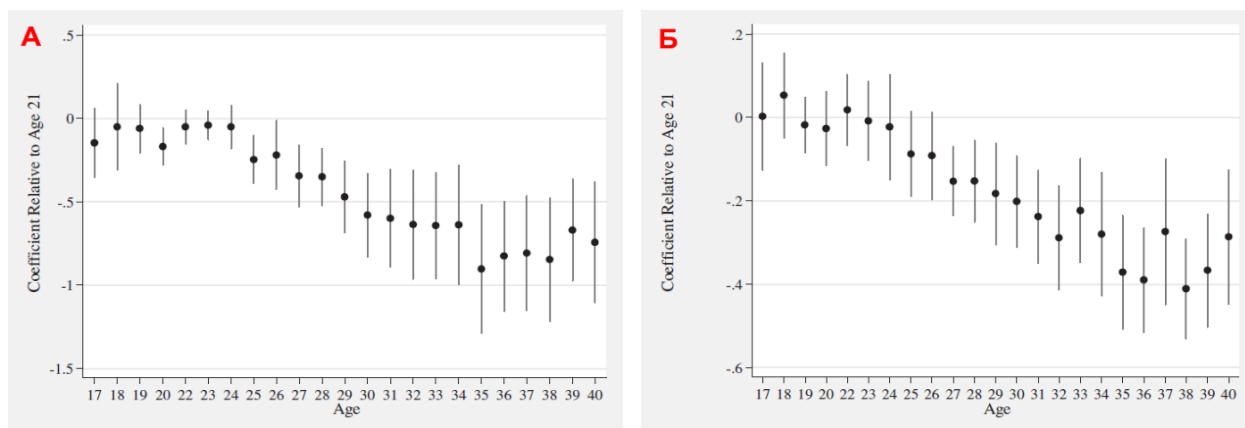

Рисунок 12. Регрессионные коэффициенты при возрастных дамми-переменных в сравнении с возрастом 21 год: А - без контрольных переменных; Б - с контрольными переменными

По мнению автора, приведенные результаты согласуются с ранее публиковавшимися выводами о негативной взаимосвязи возраста женщины и ее привлекательности в качестве партнера. Природа этой негативной корреляции, как правило, объясняется биологическими механизмами - снижением фертильности женщины с возрастом. Достоинством своего исследования автор считает идею изучения проституток. Подобный дизайн исследования характерен тем, что изучаемые предпочтения мужчин в выборе партнерши максимально очищены от социальных факторов, а у ценности женщины есть прямое количественное измерение.

DEMOGRAPHIC DIGEST

ILYA KASHNITSKY ^{1, 2, *}

- *Rallu J.-L. Projections of older immigrants in France, 2008-2028*
- *Tolts M.S. Demographic transformations among ex-Soviet migrants in Israel*
- *Dion P., É. Caron-Malenfant, C. Grondin, D. Grenier. Long-term contribution of immigration to population renewal in Canada: A simulation*
- *Sasson I. Trends in life expectancy and lifespan variation by educational attainment: United States, 1990-2010*
- *Cámara A.D. A biosocial approach to living conditions: inter-generational changes of stature dimorphism in 20th-century Spain*
- *Sohn K. Sexual stature dimorphism as an indicator of living standards?*
- *Kang S. Inequality and crime revisited: effects of local inequality and economic segregation on crime*
- *Sohn K. Men's revealed preferences regarding women's ages: evidence from prostitution*

¹ NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA); ² UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

* CORRESPONDENCE: ikashnitsky@hse.ru.

DATE RECEIVED: MAY 2016.